

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

CARPE JUGULUM

Хватай за горло!

Annotation

Они – вампиры, и это многое объясняет. Да, они спят в гробах, да, они питаются кровью, однако, все не так просто. Долой заскорузлые предания и предрассудки! Новый мир – новые повадки! Закаляйся святой водой! Религиозные символы – всего лишь картинки и предметы нательного украшения! Чеснок? Обычная приправа! Смело гляди в глаза наступающему дню!

Они – новые вампиры. Они будут жить по-новому. И вы тоже будете жить по-новому. Вас заставят не бояться. Вас заставят снять с окон решетки. Вам будет хорошо. Люди и вампиры – дружба вовек!

А тех, кто не согласен, – «Карпе Югулум»!

- [Терри Праггетт](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Терри Пратчетт

Carpe Jugulum. Хватай за горло!

Сквозь рваные черные тучи, подобно умирающей звезде, летел огонек, он падал вниз, на землю...

...На землю, то есть, собственно, на Плоский мир...

...Но, в отличие от любой другой падающей звезды, этот огонек каким-то странным образом управлял своим падением, иногда чуть взмывая, порой сворачивая в сторону и все же... неминуемо приближаясь к земле.

На мгновение блеснул снег на склонах гор, когда необычная звездочка, потрескивая, пронеслась над ними.

Затем в горах наступил промежуток, и земля резко ушла куда-то вниз. Огонек влетел в глубокий каньон и с грохотом помчался по его изгибам, рассыпая яркий свет по закованным в синий лед стенам.

Но вдруг свет погас, как будто его отключили, хотя потухшая звездочка продолжала свой путь по озаренной луной ленте, что прорезала горные пики.

А потом каньон закончился и звездочка вылетела на широкий склон, по которому талая вода из ледника начинала свое движение в далекое озеро.

Вопреки всякому здравому смыслу, внизу находилась долина, вернее, целая цепочка долин, прижимавшихся к высоким острым пикам, и уже за долинами следовал еще один крутой обрыв, а потом начиналась бескрайняя равнина. Небольшое озерцо, затянутое туманом, маняще поблескивало впереди. Тут был даже лес. И поля, похожие на лоскутное одеяло, которое кто-то набросил на горные склоны.

Ветер стих, воздух потеплел.

Звездочка-тень описала большой круг.

Однако не она одна проникла незамеченной в мирные горные долины. Было кое-что еще, практически не видимое глазу. Трава волновалась, и вереск шуршал, как будто двигалась маршем некая армия из очень мелких существ, настроенных весьма и весьма решительно.

Наконец звездочка-тень добралась до большой плоской скалы, с которой открывался прекрасный вид на леса и поля, и одновременно с этим из-под древесных корней выступила армия. Самая настоящая армия из

крошечных синих человечков – синих и рыжеволосых. Кое-где море рыжих волос разбавлялось маленькими остроконечными шапочками (тоже синими, кстати). И все до единого человечки были вооружены мечами. И все были не больше шести дюймов ростом.

Человечки быстренько построились и воззрились на землю, которой суждено было стать их домом, после чего, вскинув в воздух мечи, издали боевой клич. Возможно, этот клич прозвучал бы более впечатляюще, если бы войско договорилось заранее и сошлось на каком-нибудь одном варианте, но, похоже, у каждого человечка был собственный боевой клич и каждый крохотный воин готов был на месте прирезать любого, кто посмеет воспользоваться его изобретением.

- Нак-мак-Фигли!
- Траккансы нале-напра!
- Ща мы ва рва-порва!
- Верзуны!
- Всем кирдыкс, один оста!
- Нак-мак-Фигли, нах!
- Нах себя, синяя сво!

Горстка долин, купающаяся в остатках вечернего солнечного света, именовалась королевством Ланкр. Поговаривали, будто бы с окрестных пиков можно увидеть Край света.

А еще поговаривали (правда, не те, кто жил в самом Ланкре), будто бы за Краем творится такое... Якобы там, куда беспрестанно изливается море, стоят четверо гигантских слонов, и стоят они на панцире у громадной, как мир, черепахи, а сама черепаха плывет по бескрайнему космосу.

Жители Ланкра слышали об этой гипотезе и считали ее более-менее соответствующей действительности. То, что мир плоский, совершенно очевидно (хотя в самом Ланкре единственными плоскими поверхностями были столы и головы некоторых жителей). И даже маленькая черепашка может тащить на своем панцире весьма значительный груз. А слоны, что ни говори, обладают достаточной силой. В общем, явных провалов в логике не наблюдалось, следовательно, данную теорию вполне можно было принять на веру.

Нельзя сказать, что ланкрцы не интересовались окружающим миром. Напротив, они чувствовали глубокий, личный и жгучий интерес к происходящим вокруг событиям и постоянно задавались вопросами типа: «Не помешает ли дождь сенокосу?», хотя, наверное, прежде всего следовало бы спросить: «Что мы вообще здесь делаем?»

Философы с презрением относятся к подобному недостатку духовных амбиций – именно поэтому философы частенько ночуют на улице и с пустым брюхом.

Благодаря своему местоположению и климату Ланкр вывел особую породу людей: практичных, открытых и твердолобых, породу, которая весьма преуспевала в равнинном мире. Кроме того, Ланкр являлся известным поставщиком волшебников и ведьм – лучшие представители данных профессий вышли именно отсюда. Те же философы не раз задавались вопросом: ну как, спрашивается, сей ограниченный народец мог подарить миру столько известных практиков волшебных искусств? А ответ достаточно прост: только твердо стоящий на земле человек способен строить прочные воздушные замки.

Так все и шло. Дочери и сыновья Ланкра покидали родимый край, делали карьеру, карабкались по всевозможным служебным лестницам и никогда-никогда не забывали посылать какую-то денежку домой.

Ну а те, кто оставался в Ланкре, не слишком-то часто сталкивались с внешним миром. Ну, разве что изредка получали письма с заковыристыми обратными адресами.

Зато окружающий мир о них не забывал.

Огромная плоская скала уже опустела, но по вересковым зарослям в сторону долины мчался решительный клин.

– Навар варить!

– Нак-мак-Фигли!

Вампиры бывают самые разные. На самом деле считается, что разновидностей вампиров ничуть не меньше, чем всяких болезней^[1].

И вампиры – это не только люди (если, конечно, вампиров вообще можно назвать людьми). Среди жителей Овцепикских гор существует поверье, что любой безвредный инструмент, будь то молоток или пила, возжаждет крови, если им не пользоваться больше трех лет. В Гате свято верят в существование арбузов-кросососов, хотя тамошние предания весьма туманны насчет того, чем именно эти арбузы-кросососы занимаются. Вполне возможно, их корки являются к вам по ночам.

Исследователей вампиров традиционно озадачивали два вопроса. Во-первых, почему вампиры обладают такой *властью*? Их ведь так просто убить. Существует масса способов отправить вампира на тот свет, помимо традиционного осинового кола в сердце, – кстати говоря, данное средство не менее эффективно действует и на обычных людей, так что оставшиеся без надобности колы никогда не пропадут. Классический вампир проводит

светлое время суток в гробу под охраной какого-нибудь престарелого, не отличающегося проворством горбуна, который вряд ли сможет противостоять даже самой небольшой толпе. И тем не менее единственный вампир способен удерживать в повиновении целую деревню, а то и городок...

И вторая загадка: почему все вампиры так глупы? Мало того что они постоянно носят смокинги (вот уж примета, которая выдает тебя, так сказать, вместе с твоим гробом), так они еще, словно бы нарочно, выбирают в качестве своего жилья всякие старые замки, где так легко победить вампира, сорвав с окна тяжелые шторы или составив из настенных украшений какой-нибудь религиозный символ. И неужели вампиры действительно верят, что если написать свое имя задом наперед, то тебя никто не узнает?

В многих милях от Ланкра по ухабистой дороге, вьющейся через болота, тряслась некая карета. Судя по тому, как она подпрыгивала, путники путешествовали налегке. Но как будто сама тьма сопровождала их.

Кони были черными, под стать экипажу (из общей цветовой гаммы выпадал только нарисованный на дверцах герб), и голову каждого коня украшал черный плюмаж. Такие же черные плюмажи торчали и по углам кареты, создавая впечатление громадной зловещей тени, катящейся по дороге. Карета словно бы притягивала к себе ночь.

Достигнув холма посреди болот, карета, заскрипев, остановилась. Неподалеку виднелись развалины какого-то особняка; сквозь груды камней и дерева уже успели пробиться чахлые деревца.

Кони стояли смиренно, лишь изредка переступая с копыта на копыто и встряхивая гривами. Кучер, сгорбившись, сидел на козлах и чего-то ждал.

Четыре фигуры, окутанные серебристым лунным светом, летели над облаками. Разговор велся на повышенных тонах, один из говоривших был чем-то весьма обеспокоен или даже раздражен – настолько резким и неприятным был голос.

– Ты позволил ему уйти! – обвинил голос с характерными визгливыми нотками, которые сразу выдавали личность, вечно недовольную всем и вся.

– Он был ранен, Лакки. – Второй голос звучал по-отцовски успокаивающе и содержал лишь едва уловимый намек на то, что говоривший сдерживается из последних сил.

– О, как я их ненавижу! Они такие... мерзостные!

– Разумеется, малыш. Наследие сомнительного прошлого.

– Вот если б я так красиво горела, я бы не хоронилась по углам. Ну почему они так поступают?

– Полагаю, когда-то это имело для них практическое значение.

– И они... как там ты их называешь?

– Эволюционным тупиком, Лакки. Одинокими мореплавателями в морях прогресса.

– Значит, убивая их, я делаю им одолжение?

– Да, малыш, именно так. А теперь, может, мы...

– А вот курицы не горят, – перебила Лакки. – Нет, конечно, горят, но плохо.

– Мы *наслышаны* о твоих экспериментах. Ты бы хоть убивала их сначала... – устало посоветовал третий голос, явно принадлежавший юноше. В каждом слоге звучали нотки «старшего брата».

– Но зачем?

– Ну, во-первых, малыш, твои опыты стали бы куда тише...

– Милая, слушай папу, – раздался четвертый голос, который, судя по всему, принадлежал матери семейства и который любил остальные голоса искренней, безусловной любовью.

– Вы... вы... нечестные!

– Малыш, мы же позволили тебе побросаться камнями в пикси. Жизнь не может состоять сплошь из развлечений.

Услышав приближавшиеся сквозь облака голоса, кучер встrepенулcя – и как раз вовремя, поскольку внезапно чуть поодаль возникли четыре фигуры. Кучер неуклюже спустился на землю и услужливо распахнул дверь кареты.

– Хотя кое-кому из этих мелких негодников удалось ускользнуть, – заметила мать.

– Ничего страшного, дорогуша, – успокоил отец.

– Я их так ненавижу, – протянула дочка. – Они тоже эволюционный тупик, а, пап?

– Пока еще нет, малыш, несмотря на все твои героические усилия. Игорь! В Ланкр!

Кучер обернулся.

– Флушайт, герр мафтер.

– Гм, Игорь, я тебя, конечно, уже спрашивал, но неужели нельзя говорить правильно?

– Я умеют только так, герр мафтер.

– И я, кажется, приказывал тебе снять с кареты эти дурацкие перья! Кучер виновато шаркнул ногами.

– Мы должны иметь черный перья, герр мафтер. Такой *традиция*.

– Немедленно убрать, – велела мать. – Что о нас люди-то подумают?

– Флушайт, фрау мафтер.

Существо, которое называли Игорем, захлопнуло дверь кареты и похромало к лошадям. Почтительно сняв плюмажи, Игорь спрятал их под свое сиденье.

– А Игорь тоже эволюционный тупик? – донесся из кареты визгливый голосок.

– Очень на это надеюсь, малыш.

– От тупиков фльшайт, – буркнул себе под нос Игорь, взмахивая поводьями.

Послание начиналось следующим образом:

«Вы сердечно приглашаетесь...»

...И было унижено множеством великолепных завитушек, сквозь которые так трудно продираться, но выглядят которые официальнее некуда.

Довольно улыбнувшись, нянюшка Ягг поставила открытку обратно на каминную полку. Особенно ей нравилось слово «сердечно». Богатое, мощное словечко. И многообещающе горячительное.

В данный момент нянюшка утюжила свою лучшую нижнюю юбку. То есть сидела в кресле у камина, пока одна из невесток, имя которой в очередной раз вылетело у нее из головы, работала утюгом. А нянюшка ей помогала – указывая на пропущенные места.

Приглашение было роскошным, особенно позолоченная кромка фигуристая, словно облитая золотым сиропом. Скорее всего, золото было ненастоящим, но блестело на все сто.

– Вот это место неплохо бы прогладить еще раз, – сказала нянюшка, доливая в кружку пива.

– Конечно, нянюшка.

Еще одна невестка, чье имя нянюшка наверняка вспомнила бы, если бы постаралась, начищала красные нянюшкины башмаки. Невестка номер три с превеликой осторожностью снимала пушинки с лучшей нянюшкиной остроконечной шляпы, водруженной на специальную подставку.

Поднявшись, нянюшка неторопливо направилась к заднему крыльцу. Небо почти полностью потемнело, и лишь редкие рваные облака неслись по нему, время от времени закрывая собой ранние звездочки. Нянюшка понюхала воздух. Зима, как правило, надолго задерживалась в горах, но в этом ветре определенно чувствовался запах приближающейся весны.

«Хорошее время, – подумала она. – Честно говоря, самое лучшее». Как

было принято считать, всякий новый год начинался в страждество, когда поворачивали вспять зимние приливы, но на самом деле *настоящий* новый год начинался именно сейчас, когда из-под слоя застарелого снега проглядывала первая зеленая травка. В воздухе витали перемены, нянюшка чувствовала это всеми своими косточками.

«Костям верить нельзя», – всегда говорила ее давняя подруга, матушка Ветровоск. Но она постоянно твердила что-нибудь подобное.

Нянюшка Ягг закрыла дверь. В дальнем конце сада, на лишенных листы деревьях, прорезающих небо уродливыми загогулинами, кто-то захлопал крыльями и что-то прострекотал, приветствуя нисходящую на мир тьму.

Тем временем Агнесса Нитт, стоя посреди *своего* домика, с сомнением разглядывала *свою* остроконечную шляпу. Впрочем, Агнесса всегда и ко всему относилась с сомнением.

Затем, подобрав волосы, она принялась критически рассматривать себя в зеркале, тихонько напевая незатейливый мотивчик. Пела она просто так, ни к кому в особенности не обращаясь. Пение – дело такое: только начни петь своему отражению в зеркале, потом запоешь дуэтом с какой-нибудь синичкой, затем подтянутся прочие лесные обитатели, ну а дальше остановить тебя можно будет только огнеметом.

О нет, Агнесса просто пела – в гармонии с самой собой. Последнее время это случалось все чаще, особенно когда она отвлекалась на что-нибудь. У Пердиты был довольно противный голосок, но она всегда настаивала на своем участии.

Как гласит житейская мудрость (люди вообще склонны к очень жестоким житейским наблюдениям), внутри всякой толстушки живет тощая девица и много-много шоколадных конфет. Пердита и была той самой тощей девицей, что жила внутри Агнессы.

Агнесса сама не знала, когда в ее тело подсел этот невидимый пассажир, хотя мама частенько рассказывала, что в детстве, когда, например, пропадала миска со сливками или разбивалась какая-нибудь ваза, Агнесса всегда винила в этих странных и таинственных происшествиях какую-то «другую маленькую девочку».

Лишь теперь Агнесса понимала, что, выдумывая себе всякие оправдания, поступала не слишком мудро, ведь в ее жилах с самого рождения текла ведьмовская кровь. С возрастом воображаемая подружка никуда не делась – наоборот, она тоже выросла, превратившись в настоящую занозу.

Агнесса недолюбливала Пердиту, считая ее самовлюбленной, эгоистичной и порочной особой, а Пердита, в свою очередь, от всей души ненавидела Агнессу, которую считала жирной, жалкой и слабовольной пустышкой, через которую люди просто переступали бы, если бы не надо было карабкаться на такую кручу.

Имя Пердита Агнесса придумала себе в качестве удобного ярлыка для поступков, которые не должна была совершать, и желаний, которые не должна была испытывать, – этокое прозвище для язвительного комментатора, что постоянно выглядывает из-за плеча и ехидно посмеивается. Во всяком случае, так она себя успокаивала. Но иногда ей казалось, что это Пердита создала Агнессу в качестве девочки для битья.

Агнесса старалась следовать правилам. Пердита их презирала и считала, что неподчинение правилам – это круто. Агнесса считала, что такие правила, как «Не падай в утыканную острыми кольями яму», были придуманы не зря. Пердита считала, что, к примеру, те же правила поведения за столом глупые и репрессивные. Агнессе, напротив, совсем не нравилось, когда в нее попадают кусочки капусты, вылетающие изо рта соседа по столу.

Пердита считала остроконечную шляпу ведьмы весьма убедительным символом власти. Агнесса считала, что низенькой, плотной девушке не стоит носить высокую шляпу, особенно с черными платьями, поскольку в такой шляпе больше походишь на большую трубочку лакричного мороженого, уроненную кем-то с небес.

Беда заключалась в том, что правы были обе: и Агнесса, и Пердита. В Овцепиках остроконечная шляпа пользовалась большим влиянием. Люди обычно разговаривали со шляпой, а не с человеком, ее носившим. И, попав в беду, люди шли за помощью к ведьме^[2].

Да, и всякие черные одежды. Тоже непременный атрибут. Пердите нравился черный цвет. Она считала, что это *круто*. Тогда как Агнесса считала, что черный цвет не слишком-то идет девушкам, испытывающим некоторые проблемы с окружностью тела... и вообще, что это за словечко – «круто»?! Подобным образом разговаривают только те, чьих мозгов даже на чайную ложку не хватает.

Вот Маграт Чесногк, к примеру, никогда не носит черный цвет, а словечко «круто» если и использует, то лишь по отношению к горным склонам.

Слегка подустав от собственной остроконечности, Агнесса отвернулась от зеркала, окинула взглядом домик, который раньше принадлежал Маграт, а потом стал принадлежать ей, и вздохнула. Затем ее

взгляд упал на шикарную, отделанную золотом открытку, лежавшую на каминной полке.

Похоже, Маграт раз и навсегда отошла от дел. Ушла в отставку, чтобы стать королевой, – теперь в этом не было никаких сомнений, даже если они когда-то у кого-то и были. И нельзя сказать, что нянюшка Ягг и матушка Ветровоск одобряли это ее решение, хотя на людях они ничего подобного не говорили. Наоборот, отчасти они даже гордились тем, что Маграт вышла замуж за короля, и соглашались с тем, что именно такой образ жизни был для нее самым подходящим – правда, при этом над их головами, переливаясь всеми ментальными цветами, висела невысказанная фраза: «В своей жизни Маграт удовлетворялась вторым местом».

Помнится, поняв это, Агнесса едва не расхохоталась. *Вторым* местом? И ведь не поспоришь... С ведьмами насчет первых-вторых мест спорить бесполезно. Они просто не понимают, в чем состоит предмет спора.

Матушка Ветровоск жила в хижине с соломенной крышей, настолько древней, что там успело прорасти молоденькое деревце, и мылась дождевой водой из бочки. Большую часть своей жизни она провела в полном одиночестве, не нуждаясь ни в чьей компании. Ну а нянюшка Ягг... Другого такого *укорененного* человека надо было еще поискать. Да, разумеется, нянюшка не раз посещала другие страны, но, как говорится, Ланкр всегда был в сердце ее – и в печенках, и в селезенке, и во всем остальном тоже. А еще матушка Ветровоск и нянюшка Ягг были искренне убеждены, что «уж они-то лучше знают» и «за всем остальным миром нужен глаз да глаз».

Пердита считала, что девушке, ставшей королевой, больше нечего желать.

Агнесса считала пределом желаний оказаться от Ланкра как можно дальше. Это первое. И второе: чтобы ее голова принадлежала ей одной и никому больше.

Она в который раз поправила шляпу – да, вроде так лучше – и вышла из домика.

Ведьмы никогда не запирали двери. В этом не было необходимости.

Когда она пересекла озаренную лунным светом лужайку, две сороки опустились на соломенную крышу покинутого домика.

Тем временем матушка Ветровоск... В общем, окажись рядом случайный наблюдатель, он был бы немало озадачен ее действиями.

Матушка бросила внимательный взгляд на плитки, которыми был вымощен порог у черного хода, и приподняла ногой лежавший там старей

лоскутный коврик.

Потом прошла к передней двери, которой никогда не пользовалась, и проделала то же самое. Кроме того, она тщательно исследовала трещинки в дверном косяке.

Затем матушка вышла на улицу. Ночью случились заморозки – умирающая зима еще пыталась показывать зубы, – и прошлогодние листочки, забившиеся под дом, были покрыты инеем. Поежившись от холода, матушка принялась ковыряться в расставленных возле двери цветочных горшках.

Обыскала растущие у крыльца кусты. Снова вернулась в дом.

Поглядела на часы. Часы в Ланкре были неизменным атрибутом, хотя сами ланкрцы редко когда интересовались всякими там минутами. Хочешь сварить яйцо? Пропой про себя пятнадцать куплетов песни «Ах, куда подевалась перчица?». Но долгими зимними вечерами тиканье часов так успокаивает...

Опустившись в кресло-качалку, матушка устала на дверь.

Вдруг в лесу заухали совы. Чьи-то быстрые шаги простучали по дорожке, ведущей к хижине матушки, и чьи-то кулаки с грохотом заколотили в дверь.

Сторонний наблюдатель, никогда не слышавший о железном самообладании матушки Ветровоск, которым можно было гнуть подковы, мог бы подумать, что в этот момент матушка с облегчением, едва слышно вздохнула.

– Что ж, почти вовремя, – пробормотала она.

Тут, рядом с конюшнями, шума царившей в замке суматохи почти не было слышно. Ястребы и соколы спокойно сидели на жердочках, пребывая в собственных внутренних мирках, состоявших сплошь из стремительных падений и восходящих потоков. Периодически птицы бряцали цепями и хлопали крыльями.

Сокольниковый Ходжесааргх готовился к сегодняшнему празднеству в своей крошечной камере, когда вдруг понял, что в птичьем питомнике воцарилась полная, абсолютная тишина. Удивившись, он выглянул проверить, что происходит. Все птицы замерли в клетках, как будто чего-то ждали. Даже орел Король Генри, с которым можно было иметь дело, лишь облачившись в полный доспех, настороженно косил глазом.

Может, крыса забежала? На этих гнусных тварей подопечные Ходжесааргха реагировали примерно таким вот образом. Сокольниковый пошарил взглядом по углам. Нет, никаких крыс, хотя, возможно, гадина

успела улизнуть.

Для участия в предстоящих сегодня событиях Ходжесааргх выбрал канюка Вильяма, на которого мог всецело положиться. Разумеется, Ходжесааргх мог положиться на всех своих птиц, но лишь в одном: при первой же возможности они непременно постараются нанести телесные повреждения максимальному числу оказавшихся рядом людей (и прежде всего самому Ходжесааргху). Вильям, напротив, считал себя курицей и, как правило, не представлял ни малейшей опасности.

Однако сейчас даже Вильям уделял некое внимание окружающему миру, что случалось с ним нечасто. Разве что во время кормежки.

«Странно», – подумал Ходжесааргх. Пожав плечами, он удалился обратно в каморку.

Птицы, задрвав головы, продолжали смотреть вверх, словно крыша вдруг куда-то подевалась.

Матушка Ветровоск опустила взгляд на круглое, покрасневшее и чем-то обеспокоенное лицо.

– Постой-постой, ты ведь... – Она собралась с мыслями. – Юный Чотли из Ломтя, правильно?

– Ты... – Судорожно переводя дыхание, мальчик прислонился к косяку. – Ты... б'стреЙ...

– Просто сделай несколько глубоких вдохов. Водички принести?

– Ты... т'бя...

– Да-да, конечно. Просто дыши.

Чотли принялся послушно хватать ртом воздух.

– Госпоже-Плющ-и-ее-дочке-нужна-помощь! – наконец выпалил он, почти не делая промежутков между словами.

Матушка сорвала шляпу с вешалки у двери и, протянув руку вверх, достала из-под крыши помело.

– А мне казалось, за ней присматривает госпожа Господиеси, – сказала она, прищипывая к волосам остроконечную шляпу ловкими движениями воина, готовящегося к внезапной битве.

– У нее там какая-то беда!

Не тратя времени на дальнейшие расспросы, матушка ринулась прочь по дорожке.

Лужайка перед домом завершалась невысоким обрывом – в том самом месте, где тропинка делала резкий изгиб и уходила в леса. Перекинув ногу через судорожно дергающееся помело, матушка решительно прыгнула вниз.

До земли оставались считанные футы, когда в помеле наконец проскочила магическая искра, и матушка, чиркнув башмаками о папоротники, взмыла в ночное небо.

Дорога петляла по горам, будто оброненная кем-то лента. Свист ветра не смолкал ни на миг.

Разбойник с большой дороги сидел на мощном вороном жеребце. Возможно, это был единственный жеребец в мире, к седлу которого была привязана лестница.

Объяснялось все очень просто. Лихого человека звали Казанундой, и он был гномом. Принято считать, что гномы весьма законопослушные существа, они стараются держаться особняком и в делах сердечных (и прочих делах, связанных с некоторыми другими органами) действуют крайне осмотрительно. И гномы действительно таковы. Но порой генетика выбрасывает на зеленом сукне жизни весьма странное сочетание костей, и тогда гномья среда рождает Казанунду, который предпочитает плотские удовольствия деньгам и питает к женскому полу страсть, которую все прочие гномы питают лишь к золоту.

Признавая полезность законов, Казанунда следовал им лишь в тех случаях, когда это ему было выгодно. Грабителей и разбойников он от всей души презирал, но в то же время не мог не согласиться, что занятие сие не лишено приятности, поскольку целыми днями ты находишься в сельской местности и дышишь свежим воздухом, что весьма полезно для здоровья, в отличие от всяких городов, битком набитых ревнивыми мужьями, которым только дай повод дубиной помахать.

Беда была лишь в том, что никто из путников не принимал Казанунду всерьез. О нет, с каретами проблем не было, кареты останавливались, но почему-то путешествующие в них люди сразу начинали глупо шутить: «И это разбойник с большой дороги? Поискал бы ты себе дорогу поменьше! Вырасти сначала! Гы-гы-гы...» Стрела, всаженная в коленную чашечку, сразу отбивала охоту к дурацким шуткам, но это было немножко неприятно.

Он задумчиво дул на окоченевшие руки, когда его внимание привлек стук копыт. По дороге приближалась карета.

Казанунда уже было собирался покинуть свое скромное укрытие, как вдруг заметил *второго* грабителя, появившегося из леса, что тянулся вдоль противоположной стороны дороги.

Карета послушно остановилась. Конкурент объехал ее, склонился к двери и начал было произносить традиционную речь (Казанунда находился слишком далеко, чтобы слышать его слова), но тут...

...Из окошка внезапно высунулась чья-то рука и стремительно утянула грабителя внутрь.

Некоторое время карета ходила ходуном, потом дверь распахнулась и на дорогу вывалился грабитель.

Карета, скрипнув колесами, покатила дальше.

Немного выждав, Казанунда приблизился к телу. Пока хозяин отвязывал лестницу и спускался на землю, конь терпеливо ждал.

Казанунда сразу понял, что грабитель мертв. Живые люди, как правило, отличаются некоторым наличием крови в жилах.

Проехав еще несколько миль, экипаж остановился на вершине перевала, с которого начинался длинный извилистый путь вниз, к Ланкру и равнинам.

Четыре фигуры вышли из кареты и приблизились к краю склона.

За их спинами в небе собирались облака, но здесь воздух был морозным и кристально чистым. На самом горизонте поблескивал в лунном свете Край Диска, а далеко внизу отчетливо виднелось прижавшееся к склонам гор маленькое королевство.

– Ворота в мир, – сказал граф Сорокула.

– Причем неохраняемые, – добавил его сын.

– Напротив. Обладающие крайне *эффективной* защитой, – сказал граф и улыбнулся. – Вернее, обладавшие... до сегодняшнего дня.

– Ведьмы встанут на нашу сторону, – заметила графиня.

– Во всяком случае, одна из них, – согласился граф. – Исключительно... занятная женщина. Из исключительно занятой *семьи*. Дядя рассказывал мне о ее бабушке. Женщины из рода Ветровосков всегда стояли одной ногой в темном мире. Это у них в крови. Причем силу свою они черпают именно в отрицании этого непреложного факта. – Его зубы ярко сверкнули в темноте. – Но скоро, очень скоро она поймет, какая сторона хлеба намазана маслом.

– И с какой стороны позолочен пряник, – добавила графиня.

– О да. Отлично сказано. Это расплата за то, что она принадлежит к клану Ветровосков. Таковы все их женщины. Чем ближе к старости, тем отчетливее слышится им лязг печной заслонки.

– Однако, насколько мне известно, она крайне несговорчива, – заметил сын. – И хитра.

– А давайте ее уьем! – воскликнула дочь графа.

– Лакки, малыш, нельзя убить *всех*.

– Почему?

– Потому. О нет, будет куда интереснее... использовать ее. Окружающий мир она видит исключительно в черно-белых цветах. В эту ловушку попадают почти все, кто обладает силой. О да! И такой вот разум... очень легко направить в нужном направлении. Нужно лишь чуток подтолкнуть.

Послышался шум крыльев, и нечто двухцветное опустилось на плечо графа.

– И вот это... – задумчиво пробормотал граф, глядя сороку по крылу. Из внутреннего кармана камзола он достал белую картонку. Края карточки, освещенные лунным светом, ярко блеснули. – Кто бы мог предположить? Раньше ничего подобного не случалось. И это еще раз доказывает, что грядет новый мировой порядок.

– Милый, дай-ка мне свой носовой платок, – перебила графиня. – Ты немножко испачкался.

Она промокнула подбородок графа и убрала заляпанный кровью платок обратно в мужнин карман.

– Вот теперь все в порядке.

– Но другие ведьмы... – напомнил сын, поморщившись так, словно при одном упоминании ведьм во рту у него все сводило.

– Да, конечно. Надеюсь, мы с ними повстречаемся. Будет очень забавно.

И они вернулись в карету.

Сознание постепенно возвращалось. Покачнувшись, незадачливый грабитель наконец поднялся на ноги, которые как будто что-то держало. Впрочем, это неприятное чувство возникло лишь на мгновение. Он раздраженно потер шею и поискал взглядом коня, который обнаружился совсем неподалеку, у ближайшей скалы.

Однако, когда разбойник попытался взять коня под уздцы, рука прошла сквозь кожаные ремешки и лошадиную шею так, словно те были абсолютно бесплотны. Громко заржав, конь вскинулся на дыбы и умчался прочь бешеным галопом.

Не слишком-то удачная ночка выдалась, устало подумал разбойник. Сначала добыча ускользнула, не хватало еще и коня лишиться... Но кем были эти люди? В карете что-то произошло – что-то весьма неприятное.

Разбойник принадлежал к тому типу людей, которые, получив трепку от более сильного соперника, тут же начинают искать жертву послабее, чтобы сполна на ней отыгаться. «Ну, кому-то сегодня ночью очень не поздоровится, – поклялся про себя разбойник. – Кроме того, мне

потребуется новый конь...»

И тут, словно бы откликнувшись на его мысли, ветер донес топот копыт. Достав из ножен клинок, разбойник шагнул на дорогу.

– Кошелек или жизнь!

Лошадь послушно остановилась в нескольких футах от него. Разбойник едва слышно присвистнул: похоже, госпожа Удача наконец повернулась к нему лицом. Лошадь была просто превосходной, поджарой, выносливой – настоящий скакун, а не какая-нибудь деревенская кляча. И какой красивый цвет шкуры... Лошадь как будто светила в тусклом свете звезд, а упряжь ее, судя по всему, была украшена серебром.

Всадник был с головы до ног укутан в плащ, что неудивительно – ночь выдалась холодной.

– Кошелек или жизнь! – еще раз крикнул грабитель.

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

– Твой кошелек, – повторил грабитель, – или твоя жизнь. Дальше сам догадаешься или как?

– А, ДА, КОНЕЧНО. ПАРОЧКА МОНЕТ У МЕНЯ НАЙДЕТСЯ.

Две монетки, звякнув, покатались по покрытой инеем дороге. Разбойник было наклонился за кругляшками, но пальцы упорно проходили сквозь металл. Грабитель рассерженно выпрямился.

– Что ж, стало быть, твоя жизнь!

Всадник покачал головой.

– ЭТО УЖ НАВРЯД ЛИ. ИЗВИНИ.

Рука незнакомца скользнула к ножнам, и оттуда появилось нечто длинное. Разбойник сначала решил, что это копье, но потом от палки вдруг отделилось изогнутое лезвие, острая кромка которого отливала холодным синим светом.

– ДОЛЖЕН ЗАМЕТИТЬ, – промолвил всадник, – ТВОИ ЖИЗНЕННЫЕ СИЛЫ ДОСТОЙНЫ ВОСХИЩЕНИЯ. – Это был даже не голос, а скорее эхо. – ЧЕГО, К СОЖАЛЕНИЮ, НЕ СКАЖЕШЬ О ТВОЕМ РАЗУМЕ.

– Да кто ты вообще такой?

– Я – СМЕРТЬ, – сказал Смерть, – И ЯВИЛСЯ Я ВОВСЕ НЕ ЗА ТВОИМ КОШЕЛЬКОМ. ДАЛЬШЕ САМ ДОГАДАЕШЬСЯ ИЛИ КАК?

Какое-то существо из последних сил билось в забранное деревянной решеткой окошко птичьего питомника.

Еще некоторое время доносились царапающие звуки, слабые удары клювом, но наконец все стихло.

Хищные птицы внимательно смотрели на окно.

А потом на улице что-то сделало «в-вуф». Лучи ярчайшего света скользнули по противоположной от окна стене, и деревянная решетка стала медленно обугливаться.

Нянюшка Ягг прекрасно понимала: официальная церемония случится в Главном зале, но настоящее веселье будет царить на улице, рядом с огромным костром. Там, в замке, подадут перепелиные яйца, это ихнее варенье из гусяной печени и маленькие бутербродики, которые нужно засовывать в рот по четыре штуки зараз, чтобы хоть что-то распробовать. А снаружи выставят жареную картошку с топленным сливочным маслом в огромных чанах и зажарят на вертеле целого оленя. А потом специально приглашенный циркач, дабы развлечь собравшихся, будет запускать себе в штаны дурностаев. Подобные зрелища нянюшка Ягг ценила превыше всякой оперы.

И как ведьма, она везде была желанной гостьей, о чем, кстати, никогда не мешает напомнить забывчивым вельможам... Таким образом, как следует поразмыслив, нянюшка решила остаться на улице и сытно поужинать олениной, тем более что, когда речь шла о бесплатном угощении, госпожа Ягг, подобно многим пожилым дамам, обладала практически бездонным желудком. Затем она проследует в королевский замок и заполнит оставшиеся в животе пустоты уже более изысканными блюдами. Кроме того, гостей в замке наверняка будут угощать этим дорогим шипучим вином, которое нянюшка очень любила, – главное, чтоб кружки были побольше. Однако опять-таки, прежде чем переходить на всякие экзотические напитки, желудок следовало хорошенько заправить пивом...

Обернувшись, она увидела неподалеку косолапый силуэт Агнессы. Девушка неловко поправляла остроконечную шляпу, видимо еще стесняясь появляться в своем новом головном уборе на публике.

– Расслабься, девочка, – приближаясь, посоветовала нянюшка. – Отведай оленинки. Такая вкуснятина...

Агнесса с сомнением оглядела жарящееся мясо. «Витамины – ничто, калории – все» – таков был один из негласных девизов Ланкра.

– Как думаешь, тут где-нибудь есть салат? – поинтересовалась Агнесса.

– Надеюсь, что нет, – с довольным видом ответила нянюшка.

– А народу собралось немало, – заметила Агнесса.

– О да, пригласили всех до единого, никого не забыли, – кивнула

нянюшка. – Маграт, хвала богам, позаботилась об этом.

Агнесса, вытянув шею, окинула взглядом толпу.

– Что-то матушки нигде нет.

– Наверное, в замке, раздает указания...

– Честно говоря, последнее время я ее почти не вижу, – призналась Агнесса. – По-моему, она чем-то обеспокоена. Как-то странно ведет себя.

Нянюшка задумчиво прищурилась.

– Ты так считаешь? – спросила она, добавив в уме: «Похоже, девчушка, ты начинаешь кое в чем разбираться».

– Ну да. И ведет она себя так с тех самых пор, как мы узнали, ну, о рождении, – продолжала Агнесса, обводя пухлой ручкой буйство холестерина вокруг. – Она стала вся какая-то напряженная. Натянутая, будто струна.

Нянюшка Ягг набила табаком трубку и чиркнула спичкой о подошву башмака.

– А ты, что называется, подметчатая, – промолвила она, попыхивая трубкой. – Все подмечаешь, подмечаешь... Внимательная ты наша.

– Ага. А еще я заметила, что ты, когда думаешь о чем-то неприятном, сразу хватаешься за свою трубку, – сказала Агнесса. – Это называется «перемещать свое внимание».

«А ты слишком много читаешь», – огрызнулась про себя нянюшка, скрываясь в клубах ароматного дыма. Впрочем, все ведьмы, жившие в том домике до Агнессы, были любительницами книжек. Они считали, будто в книжках отражается жизнь, – но что вообще можно разглядеть за всеми этими словами?

– Согласна, последнее время матушка какая-то замкнутая, – кивнула нянюшка Ягг. – Однако лучше к ней не лезть. Сама разберется.

– Я подумала, быть может, она недовольна священнослужителем, который будет совершать обряд Наречения?

– О, с братом Пердоре не будет никаких проблем, – возразила нянюшка. – Быстро пробормочет что-то на тарабарском наречии, получит за труды шесть пенсов, нальется бренди под завязку и уберется на своем ослике восвояси.

– Что? Разве ты не слышала? – удивилась Агнесса. – Брат Пердоре сейчас лежит в Скунде. Свалился с осла и сломал себе запястье и обе ноги.

Нянюшка Ягг даже вытащила трубку изо рта.

– А почему я ничего не знаю?

– Понятия не имею. Мне только вчера рассказала об этом госпожа Ткач.

– Вот гнусная баба! Я же встречалась с ней сегодня на улице. Уж могла бы и со мной поделиться!

Нянюшка сунула трубку в рот так, словно протыкала языки всем сплетницам мира.

– И вообще, как он умудрился переломать себе ноги? Он же с осла падал!

– Брат Пердоре ехал по тропке вдоль Скундского провала. Но ему повезло, летел он всего футов шестьдесят.

– И правда повезло. Осел мог быть и повыше.

– Поэтому король отправил гонца в омнианскую миссию в Охулане с просьбой прислать нам священнослужителя.

– Король... *что?* – изумленно переспросила нянюшка.

На поле, рядом с городком, стоял неумело натянутый серый шатер. Поднявшийся ветер радостно хлопал холстиной и раскачивал торчавший рядом шест с плакатом.

Надпись на плакате гласила: «АТЛИЧНЫЕ НОВАСТИ! ОМ ЗДРАСТВУЕТ ТЕБЯ!»

На самом деле на ознакомительное богослужение, объявленное всемогучим отцом Овсом, никто не явился, но поскольку о службе уже объявили во всеуслышание, пути назад не было. В положенное время всемогучий отец вышел в чистое поле, пропел несколько жизнерадостных гимнов под собственный аккомпанемент на переносной фисгармонии и вознес пару молитв во славу ветра и небес.

А в данный момент довольно-таки преподобный Овес критически рассматривал себя в зеркале. Честно говоря, к зеркалам он испытывал двойственные чувства. Зеркала привели к расколу омнианской церкви и возникновению многочисленных сект: сторонники одних заявляли, что зеркала поощряют суетность, а следовательно, порочны; другая сторона, наоборот, считала зеркала священными, поскольку те отражают праведность Ома. Сам Овес так и не вынес для себя окончательного суждения, поскольку по природе своей являлся человеком, привыкшим рассматривать любой возникший вопрос с обеих сторон. Кроме того, эти святотатственные зеркала помогали справляться с невероятно сложной задачей – правильно застегивать священнослужительский воротничок.

Воротничок все еще выглядел новым. Проводивший пасторские занятия зело преподобный Мекль советовал воспринимать касавшиеся крахмала правила исключительно как рекомендации, но Овес, внимательно относящийся ко всем мелочам, так крахмалил свои воротнички, что ими

можно было бриться.

Он аккуратно повесил на грудь ярко блеснувший медальончик с изображением священной черепахи и взял в руки «Книгу Ома», которую получил на выпускной церемонии. Некоторые семинаристы прилежно шуршали страницами «Книги» по нескольку часов в день, дабы доказать свое рвение, но Овес никогда не прибегал к подобным методам. Кроме того, он знал священное писание практически наизусть.

Исподволь чувствуя за собой некоторую вину (в семинарии предупреждали о недопустимости использовать священное писание для предсказания судьбы), довольно-таки преподобный Овес отвернулся в сторону и наобум открыл книгу.

Потом повернул голову обратно и быстро прочел первый попавшийся на глаза абзац.

Отрывок относился к середине Второго Письма Бруты Омнианам, в котором Брута слегка журил их за то, что они не ответили на Первое Письмо.

«...Тишына – вот есмь ответ, ставит каковой исчо три вопроса. Исчите и обрячете, однаково прежде должны вы знать, што искать надобно...»

Понятно. Овес захлопнул книгу.

Что за страна! Что за дыра! После богослужения он немного прогулялся, и у него создалось впечатление, что любая тропка или дорога ведет либо к утесу, либо к глубокой пропасти. Никогда прежде ему не приходилось бывать в столь *вертикальной* стране. Какие-то твари зловеще шуршали в кустах, а еще он заляпал грязью башмаки. Что же касалось людей, с которыми ему удалось повстречаться, – они были простыми невежественными селянами, солью земли, но почему-то они опасливо наблюдали за ним издали, словно с ним вот-вот должно было что-то случиться и они не хотели оказаться рядом, когда это произойдет.

Тем не менее, размышлял Овес, в Письме Бруты Симонитам недвусмысленно говорится: хочешь увидеть свет – помести его источник в темное место. И он, Овес, находился сейчас как раз в таком темном месте.

Он быстро произнес молитву, вышел из шатра и скрылся в грязной, продуваемой всеми ветрами ночи.

Озаряемая светом полумесяца, матушка летела над раскачивающимися макушками деревьев.

К половинчатой луне она всегда испытывала некоторое недоверие. Полная луна способна лишь убывать, молодая луна, наоборот, – только прибывать, но полумесяц, опасно балансирующий на грани света и тьмы... от полумесяца можно ждать чего угодно.

Однако ведьмы привыкли жить на грани. Матушка чувствовала покалывание в руках, и холодный воздух был тут совсем ни при чем. Где-то возникла эта самая *грань*. Что-то назревало.

На другом краю неба разливалось центральное сияние, столь яркое, что на его фоне полумесяц выглядел жалкой загогулиной. Похожие на языки пламени зеленые и золотистые вспышки плясали над горами, высящимися в самом центре мира. Очень необычное зрелище для этого времени года – и наверняка оно что-то предвещает.

Деревушка по имени Ломоть робко жалась к скалам на самом краю широкой расщелины, которая так и не доросла до чести называться долиной. Матушка уже заходила на посадку, когда тусклый свет полумесяца выхватил из темноты сада бледное лицо поджидавшего ее человека.

– Вечер добрый, господин Плющ, – поздоровалась матушка, спрыгивая с помела. – Она наверху?

– В сарае, – вяло произнес Плющ. – Корова ее лягнула... Сильно.

Лицо матушки осталось бесстрастным.

– Ну, посмотрим, что можно сделать, – сказала она.

Одного взгляда на госпожу Господиеси было достаточно, чтобы понять: сделать можно было немного. Эта женщина не принадлежала к числу ведьм, но, прожив всю жизнь в далекой деревушке, изрядно поднаторела в практическом акушерстве, помогая рожать коровам, лошадям, козам и людям.

– Скверно дело, – шепнула она матушке, разглядывавшей стонавшую на соломе женщину. – Видать, потеряем обеих... ну, или одного.

В этой ее фразе содержался едва заметный, практически неслышный вопрос. Матушка сосредоточилась.

– Это – мальчик, – констатировала она.

Госпожа Господиеси не стала уточнять, каким образом матушка это узнала, но по изменившемуся выражению ее лица можно было ясно догадаться: бремя вероятной утраты стало еще более непосильным.

– Пойду-ка предупрежу Джона Плюща, – сказала повитуха.

Однако она и шагу сделать не успела. Железная рука матушки сомкнулась на ее запястье.

– Он тут ни при чем.

– Но ведь он...

– Он тут ни при чем.

Госпожа Господиеси заглянула в голубые матушкины глаза и осознала две вещи. Во-первых, господин Плющ действительно тут ни при чем, а во-вторых, то, что вот-вот произойдет в амбаре, не касается ни одной живой души на свете.

– Кажется, я их припоминаю, – пробормотала матушка, отпуская ее руку и закатывая рукава. – Приятная парочка. Он хороший муж. Во всех отношениях.

Повернувшись к стоящей на кормушке миске, она плеснула туда из кувшина теплой воды.

Госпожа Господиеси кивнула.

– И поля на этих склонах не дар божий. В одиночку, поди, с ними труднехонько справляться, – продолжала матушка, опуская в миску руки.

Госпожа Господиеси снова кивнула. Лицо у нее скорбно вытянулось.

– Думаю, госпожа Господиеси, лучше будет, если ты уведешь его в дом и нальешь ему чашечку чая, – приказала матушка. – Можешь передать, я сделаю все, что в моих силах.

И опять повитуха кивнула – на сей раз с благодарностью.

Когда она ушла, матушка положила ладонь на влажный лоб госпожи Плющ.

– Ну, Флоренс Плющ, – промолвила она, – посмотрим, что можно сделать. Но сначала... избавим тебя от боли.

Чуть повернув голову, она увидела полумесяц за незастекленным окном. Между светом и тьмой... Что поделать, иногда ты там, где ты есть, и выбора у тебя нет.

– БЕЗУСЛОВНО.

Матушка даже не обернулась.

– Так я и думала, что ждать тебя не придется, – сказала она, опускаясь на колени в солому.

– Я НИКОГДА НЕ ЗАСТАВЛЯЮ СЕБЯ ЖДАТЬ, – откликнулся Смерть.

– Ты знаешь, за кем пришел?

– ВЫБИРАЮ НЕ Я. НА САМОЙ ГРАНИ ВСЕГДА НАЛИЧЕСТВУЕТ НЕКОТОРАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ.

Матушка почувствовала, как в голове возникли слова, похожие на тающие кубики льда. Стало быть, на самой-самой грани есть место... выбору.

– Рана слишком серьезная, – произнесла она наконец. – Слишком.

Через несколько минут она почувствовала, как мимо проскользнула жизнь. Смерть тактично удалился, не сказав больше ни слова.

Когда госпожа Господиеси дрожащей рукой постучалась в дверь и вошла, то обнаружила матушку в коровьем стойле. Заслышав шаги, матушка Ветровоск выпрямилась – в руке она сжимала большой шип.

– Вот, торчал у нее в ноге, – промолвила матушка. – Неудивительно, что она взбесилась. Попробуй убедить его не забивать корову. Она им еще пригодится.

Госпожа Господиеси бросила взгляд на завернутое в одеяло маленькое тельце, лежавшее чуть в сторонке. Госпожа Плющ мирно спала.

– Я сама ему сообщу, – продолжала матушка, стряхивая с подола солому. – Что же касается ее... Ну, она молода, здорова, в общем, ты справишься. Приглядывай за ней, а через пару дней либо я загляну, либо нянюшка Ягг. Кстати, в замке вот-вот понадобится кормилица, предложи ей. Так будет лучше для всех.

Ни один из жителей Ломтя не посмел бы возражать матушке Ветровоск, и тем не менее по лицу повитухи скользнула тень неодобрения. Матушка, конечно, это заметила.

– Ты по-прежнему считаешь, что я должна была посоветоваться с господином Плющом? – спросила она.

– Я бы именно так и поступила... – пробормотала повитуха.

– Он тебе не нравится? Ты считаешь его плохим человеком? – поинтересовалась матушка, поправляя шляпные булавки.

– Да что ты!

– Вот и мне он ничем не насолил, чтобы я делала ему еще больше.

Агнесса вприпрыжку поспешала за нянюшкой Ягг. Доведенная до белого каления нянюшка могла двигаться с такой скоростью, словно где-то внутри ее начинали работать поршни.

– Но, нянюшка, к нам, в Овцепики, частенько заглядывают всякие жрецы! Самые разные!

– Омнианам тут не место! – отрезала нянюшка. – В прошлом году они тут появлялись! Парочка даже посмела *постучаться* в мою дверь!

– Но дверь именно для этого и предна...

– А еще они подсунули под нее листовку! С надписью «Раскайся!», – продолжала нянюшка. – Раскаяться? Мне? П-фу! В мои-то годочки уже поздно начинать каяться. Этак ни минутки свободной не останется. Кроме того, – добавила она, – я почти ни о чем не жалею.

– Ты сейчас слишком раздражена. Наверное...

– Они жгут людей заживо! – рявкнула нянюшка.

– Да, такое случалось, но я читала, что это все в прошлом, – возразила задыхающаяся Агнесса. – Это было очень давно! А те жрецы, что я видела в Анк-Морпорке, только раздавали листовки, молились в большом шатре и распевали довольно-таки заунывные песенки...

– Ха! Сколько леопарда ни крась, все равно в лес смотрит!

Они пробежали по длинному коридору и вылетели из-за ширмы в кишаций людьми Главный зал.

– Всяких важных шишек по самые колени, – вытянув шею, пробормотала нянюшка. – Ага, вот и наш Шончик...

Единственный солдат регулярной армии Ланкра стеснительно прятался за колонной. На голове у него красовался парадный парик на несколько размеров больше положенного.

В королевстве практически отсутствовала исполнительная ветвь власти, а поэтому большую часть должностей занимал младший сын нянюшки Ягг. Несмотря на отчаянные попытки достаточно прогрессивного, но слегка нервного короля Веренса навязать жителям Ланкра демократию, правительства в королевстве, как это ни прискорбно, так и не организовалось. Впрочем, некоторые функции – самые насущные – выполнял Шон. Он, к примеру, чистил уборные в замке, доставлял скудную почту, охранял крепостные стены, руководил королевским монетным двором, сводил бюджет с бюджетом, а в свободное время помогал садовнику.

Он же периодически брал границу под замок (по мнению короля Веренса, раскрашенные в желто-черную полосу столбики придавали стране весьма и весьма профессиональный вид) и штамповал паспорта, ну, или любой другой клочок бумаги, протянутый гостем, – например, старый конверт. Печать Шон старательно вырезал из половинки картофелины.

Да и вообще, к исполнению своих обязанностей Шон относился исключительно серьезно. Он дворцевал, когда дворецкий Прыжкинс по каким-то причинам не выходил на работу, или лакировал, когда требовались дополнительные лакеи.

– Добрый вечер, наш Шончик, – поздоровалась нянюшка Ягг. – Вижу, ты опять напялил на голову эту свою дохлую овцу.

– Ну, ма-ам... – протянул Шон, отчаянно пытаясь поправить парик.

– А где тот священнослужитель, что будет производить обряд Наречения? – спросила нянюшка.

– Кто, мам? А, мам, не знаю. Полчаса назад я закончил выкрикивать всякие имена и принялся разносить кусочки сыра на палочках^[3]. Ой, мам,

ты слишком много берешь!

Одним небрежным движением нянюшка Ягг загребла сразу четыре палочки, в момент проглотила нанизанные на них квадратики и окинула оценивающим взглядом толпу.

– Придется серьезно поговорить с юным Веренсом, – сказала она.

– Нянюшка, он же король, – напомнила Агнесса.

– Это еще не повод корчить из себя коронованную особу.

– А по-моему, именно что повод.

– Хватит дерзить. Лучше найди этого омнианина и не спускай с него глаз.

– И как я его найду? – раздраженно осведомилась Агнесса. – По столбу дыма?

– Они всегда одеваются в черное, – твердо заявила нянюшка. – Ха! Как это типично!

– Правда? Мы тоже.

– Разумеется! Но наш... Наш... – нянюшка гордо стукнула себя по груди, вызвав в той области некоторое волнение, – наш черный цвет – он правильный, понятно? Ступай и постарайся не привлекать к себе внимания, – добавила она так, словно на голове Агнессы не было двухфутовой остроконечной шляпы.

Затем нянюшка снова окинула взглядом толпу и толкнула в бок сына.

– Слушай, Шончик, а матушке Эсме Ветровоск ты ведь доставил приглашение, а?

– Конечно, доставил, мам, – ответил Шон, разом побледневший от ужаса.

– Подсунул под дверь?

– Нет, мам. В прошлом году она мне такую головомойку устроила, когда нашла открытку всю в слизняках. Поэтому я вставил приглашение в дверную петлю. Я проверил, мам, выпасть оно не могло.

– Молодец, – похвалила сына нянюшка.

Почтовые ящики в Ланкре как-то не прижились. Почта, в отличие от пронизывающего ветра, приходила сюда нечасто, а всякая лишняя щель в двери – это лишний сквозняк. Поэтому письма оставляли на крыльце, придавив булыжником, вставляли в цветочные горшки или подсовывали под дверь.

Да и вообще, письма ланкрцы не жаловали^[4].

Ланкр был довольно-таки враждебным государством, то есть все ланкрцы постоянно враждовали друг с другом. Некоторые распри длились уже много поколений и даже приобрели антикварную ценность. В Ланкре

считалось, что застарелая кровная вражда приравнивается к доброму выдержанному вину. Ее следует бережно хранить и передавать детям по наследству.

Никто никому ничего не писал. Нужно что-то сказать? Говори в лицо. Таким образом котел распри всегда поддерживается в бурлящем состоянии.

Чувствуя себя полной дурой, Агнесса пробиралась сквозь толпу. Честно говоря, в последнее время она частенько чувствовала себя дурой. Теперь-то она понимала, почему Маграт Чеснок всегда носила глупые платья в цветочек и никогда не надевала остроконечную шляпу. Стоит только надеть такую шляпу и облачиться в черное (а в Агнессином случае черной материи потребовалось немало), и отношение к тебе мгновенно меняется. Ты сразу становишься ведьмой. В этом, конечно, есть свои преимущества, но к недостаткам можно отнести тот факт, что люди, попав в беду, сразу бегут к тебе, ни секунды не сомневаясь, что ты им поможешь.

Зато Агнессу теперь уважали – даже те люди, которые помнили ее по прошлой жизни, когда ей еще не разрешалось носить шляпу. К примеру, ей уступали дорогу... впрочем, и раньше, если Агнесса куда-то спешила, прохожие старались побыстрее убраться с ее пути.

– Вечер добрый, госпожа...

Она повернулась и увидела облаченного в парадный мундир Ходжесааргха.

В такие моменты крайне важно сдерживать улыбку, поэтому лицо Агнессы осталось непроницаемым, хотя она с трудом справлялась с рвущимся наружу истерическим хохотом Пердиты.

Она иногда встречалась с Ходжесааргхом в лесу или на болотах. Как правило, королевский сокольничий был занят тем, что пытался отбиться от своих подопечных. У каждой птицы была собственная любимая пытка Ходжесааргха. К примеру, Король Генри любил поднять его в воздух, а потом отпустить – очевидно принимая сокольничего за гигантскую черепаху.

И не то чтобы Ходжесааргх был настолько плох в своем деле. Наоборот, некоторые ланкрцы, державшие дома хищных птиц, считали его одним из лучших дрессировщиков в горах – возможно, потому, что нужного результата Ходжесааргх добивался всегда. И результат этот был настолько хорош, что ни одна пернатая машина убийств, выдрессированная Ходжесааргхом, не в силах была противиться позыву попробовать своего учителя на вкус.

Разумеется, он этого не заслуживал. Как не заслуживал такого вот парадного мундира. Обычно, когда рядом не было Короля Генри,

Ходжесааргх был одет в рабочую кожаную форму и пару-тройку пластырей, но сейчас на нем красовался мундир, придуманный несколько веков назад человеком, который весьма лирически относился к сельской местности и которому ни разу не доводилось продирается сквозь заросли в попытке спастись от наступающего гиросокола. В мундире преобладали красные и золотые тона, и подобное одеяние смотрелось бы куда лучше на человеке парой футов выше и с ногами, более подходящими для красных чулок. Шляпа... о ней вообще лучше было промолчать. Правда, если бы вас все-таки вынудили что-нибудь сказать, вы бы описали ее как нечто огромное и красное, с обвисшими полями. Да еще и с пером.

– Госпожа Нитт? – произнес Ходжесааргх.

– Прошу прощения... Засмотрелась на твою шляпу.

– Хороша, верно? – добродушно откликнулся Ходжесааргх. – А это Вильям. Она канюк, хотя считает себя курицей. Летать она не умеет, и сейчас я учу ее охотиться.

Агнесса крутила головой в поисках каких-либо признаков религиозной деятельности, но это несуразное взъерошенное существо, сидевшее на запястье Ходжесааргха, не могло не привлечь ее внимания.

– Охотиться? И как же? – переспросила она.

– Она залезает в норы и затаптывает кроликов до смерти. Кстати, мне почти удалось отучить ее кудахтать. Верно, Вильям?

– Вильям? – переспросила Агнесса. – Ах да...

Она вспомнила, что для сокольников все хищные птицы – женского рода.

– Кстати, ты тут, случаем, омниан не встречал? – поинтересовалась она.

– А к какому виду птиц они относятся? – смущенно спросил сокольниковый.

Когда речь шла не о хищных птицах, Ходжесааргх чувствовал себя немного неловко, подобно человеку с очень большим словарем, в котором отсутствует именной указатель.

– О... Ладно, ничего, забудь. – Агнесса снова посмотрела на Вильяма. – Но как? То есть как так произошло, что он... она возомнила себя курицей?

– Обычное дело, – махнул рукой Ходжесааргх. – Томас Безрод из Дурного Зада нашел яйцо и подложил его под курицу-наседку. А птенца вовремя не забрал. Поэтому Вильям решила, что раз ее мама – курица, значит, и она курица.

– Ну, это...

– Такое частенько случается, госпожа. Вот лично я, когда выращиваю их из яиц, поступаю совсем иначе. У меня есть специальная перчатка...

– Все это крайне интересно, но я вынуждена тебя оставить, – быстро произнесла Агнесса.

– Конечно, госпожа.

Спустя несколько минут бесцельных блужданий по залу Агнесса наконец обнаружила того, кого искала.

Было в этом человеке что-то легко узнаваемое. Словно он сам был ведьмой. И дело было вовсе не в черной рясе, из-под которой торчали ноги в серых носках и сандалиях, и не в шляпе с крошечной тульей и полями настолько широкими, что на них можно было подавать обед. Просто куда бы священнослужитель ни направлялся, его, как и ведьм, сопровождало пустое пространство. Люди стараются не подходить к ведьмам слишком близко.

Она никак не могла разглядеть его лица. Омнианин повернулся и направился к буфету.

– Госпожа Нитт, прошу прощения...

Рядом с ней обнаружился Шон. Он старался двигаться как можно осторожнее, потому что при любом резком движении парик сразу начинал вращаться.

– Да, Шон?

– Королева желает поговорить с тобой, госпожа.

– Со мной?

– Да, госпожа. Сейчас ее величество находится в Кошмарно-Зеленой гостиной.

С этими словами Шон осторожно развернулся, намереваясь уходить. Парик остался смотреть в ту же сторону, что и прежде.

Некоторое время Агнесса стояла в раздумьях. Только что она получила приказ королевы – пусть даже исходящий от Маграт Чесногк, – который, надо полагать, отменял любые распоряжения нянюшки. Кроме того, омнианин был обнаружен – он спокойно себе закусывал и никого жечь не собирался, во всяком случае, пока. Значит, следовало поспешить к королеве.

За спиной угрюмо понурившегося Игоря распахнулась маленькая дверца.

– А сейчас почему мы остановились?

– Тролл на дороге, герр мафтер.

– Что?

Игорь закатил глаза.

– Тролл на дорога, – повторил он.

Дверца с треском захлопнулась. Из кареты донесся шепот, и дверца снова распахнулась.

– Ты хотел сказать «тролль»?

– Да, герр мафтер.

– Так переедь его!

Тролль приближался, держа над головой горящий факел. Кто-то где-то, очевидно, решил: «А вот было бы здорово одеть этого тролля в форму», но только потом понял, что в арсенале можно найти лишь одну часть формы, подходящую по размеру, а именно – шлем. И то держаться он будет, только если привязать его к троллей голове шнурком.

– Фтарый граф никогда бы не прикажйт мне переезжат тролл, – пробормотал Игорь, правда, недостаточно тихо. – Но граф ведь бывайт благородных кровей.

– Что ты там бормочешь? – раздался визгливый женский голос.

Тролль подошел к карете и почтительно стукнул по шлему костяшками пальцев.

– Добрый вечерок, – сказал он. – Очень неудобная ситуевина... Но ты знаешь, что такое кол?

– Кол? – мгновенно насторожился Игорь.

– Ну, длинная деревянная штуковина...

– Да? И что?

– Ага. А теперь представь себе, что эта дорога перегорожена таким вот колом с желтыми и черными полосками. Только его тутова нет, потому как у нас только один кол, и сейчас он перегораживает дорогу к Медной горе...

Дверца распахнулась.

– Ну, что ты застрял? Переедь его и гони дальше!

– Я, конечно, могу сбегать и принести его, – предложил тролль, переминаясь с одной лапищи на другую. – Только раньше следующего утра не обернись, понимаешь? Но ты можешь притвориться, будто он тутова, а я могу притвориться, будто поднимаю его. И все будет полный порядок.

– Ладно, – кивнул Игорь, не обращая внимания на недовольное ворчание за спиной.

Старый граф вежливо относился к троллям, пусть даже об их шеи можно было все зубы обломать. Вот что значит *истинный* вампир, высший класс.

– Но сначалова я должен штой-нибудь пропечатать, – сказал тролль, показывая половину картофелины и пропитанную краской тряпку.

– Зачем?

– Это будет значить, что вы мимо меня проехали.

– Понятно, но мы и так ехают мимо тебя, – заметил Игорь. – Все фтанут это знать, потому что мы по-нафтоящему проезжайт.

– Да, но если я вас пропечатаю, это будет значить, что вы проехали *официально*, – не сдавался тролль.

– А что будейт, если я профто ездайт дальше? – спросил Игорь.

– Э-э... Тогда я не подниму тебе кол, – сказал тролль.

Поставленные в тупик этой метафизической головоломкой, оба посмотрели туда, где виртуальный кол перегораживал дорогу.

В другой ситуации Игорь не стал бы терять времени даром, но семейка начинала действовать ему на нервы, и он отреагировал на это обычным для обиженного слуги способом, то есть вдруг стал тупым. Обернувшись, он обратился через дверцу к пассажирам кареты:

– Пункт перефекать границу, герр мафтер. Нам должны что-нибудь штамповайт.

Из кареты снова донесся возбужденный шепот, потом через дверное окошко просунулся белый конверт с золотой окантовкой. Игорь передал конверт троллю.

– И не жаль марасть-то? – поинтересовался тролль и неумело шлепнул на конверт печать.

– И что это такойт? – резко спросил Игорь.

– Не понял?

– Этот... глупый знак!

– Ну, картофелина попалась маленькая, а печать надо было сделать, да только я понятия не имел, как выглядит ента самая печать, но, по-моему, уточка получилась очень похоже, – сообщил тролль и радостно добавил: – Сам вырезал. Ну... ты готов? Потому что я поднимаю кол. Вот он поднимается, поднимается... Смотри, смотри, как торчит. Енто значит, вы можете ехать.

Стронувшись с места, карета прокатилась чуть-чуть, но перед самым мостом снова остановилась.

Тролль, твердо знающий, что долг его выполнен, нерешительно направился к экипажу. И когда подошел поближе, услышал совершенно непонятный, на его взгляд, разговор. Впрочем, с точки зрения Большого Биф-Джима, таковыми были все разговоры, если в них употреблялись слишком длинные слова.

– Итак, все вы, слушайте внимательно...

– Ну, пап, сколько можно твердить об одном и том же?..

– Истина не кол, чем глубже вобьешь, тем легче жить. Там, внизу, – река Ланкр. Проточная вода. И сейчас мы пересечем этот поток. Хочу напомнить, ваши предки, которые частенько переезжали с места на место и преодолевали весьма значительные расстояния, – так вот, все они твердо верили в собственную неспособность пересекать проточную воду. Есть необходимость объяснять наличествующее тут противоречие?

– Нет, папа.

– Отлично. Культурные условности – чистая смерть для нас, поэтому лишняя предосторожность не повредит. Игорь, трогай.

Троль долго смотрел вслед удаляющемуся экипажу. Словно бы волна холода перекатилась за каретой через мост.

Матушка Ветровоск снова парила в воздухе, наслаждаясь его свежестью и прозрачностью. Она летела высоко над деревьями, и, к счастью для всех, лица ее сейчас никто не видел.

Внизу мелькали отдельные домишки; кое-где горел свет, но большая часть окон была погружена в темноту. Все давным-давно отбыли на пиршество во дворец.

Под каждой крышей скрывается своя история, подумала матушка. Об историях она знала все. Но там, под крышами, в маленьких комнатках, развивались истории совсем другого сорта, незначительные и тайные, которые нигде никогда не будут рассказаны.

В них повествовалось о временах, когда медицина бессильна, а головология бесполезна, когда разум – это шквал боли в человеческом теле, которое стало врагом самому себе. О временах, когда люди попадают в плен собственной плоти и когда нет другого выхода, кроме как *отпустить* их. И даже не нужно прибегать к помощи той же подушки или как бы случайно путать лекарства. Нет необходимости выталкивать их из мира, нужно просто сделать так, чтобы мир перестал их удерживать. Протяни руку и... укажи путь.

И никакие слова тут не требуются. Порой на лицах родственников видишь просьбу, которая никогда не будет выражена вслух, а иногда люди говорят: «Ему можно хоть чем-то помочь?», и эта фраза является своего рода кодовой. Но если спросить напрямую, на лицах сразу возникает потрясенное выражение: мол, как такое возможно подумать, мы же совсем не то имели в виду, хотели, типа, подушечку под спину подложить.

Любая повитуха, которую хоть однажды вызывали в далекий домик в кровавую ночь, знавала все эти маленькие тайны...

Которые никогда нигде не будут поведаны...

Матушка всю жизнь была ведьмой, а ведьме частенько приходится принимать решения. Ведьмы живут на грани. Ты принимаешь решения, чтобы их не пришлось принимать другим, чтобы те, другие, могли притвориться: а и не было нужды принимать решения, не было никаких маленьких тайн, все просто *случилось*. А ты никому не рассказываешь о том, что знаешь, и ничего не требуешь взамен.

Наконец матушка увидела ярко освещенный замок. У костра виднелись маленькие людские фигурки.

Но вдруг нечто иное привлекло ее внимание, потому что сейчас матушка готова была смотреть куда угодно, только не на замок, и настроение мгновенно изменилось. Туман переливался через горы, заполняя далекие, озаренные лунным светом долины. И одна тонкая струйка тянулась напрямик к замку, медленно, очень медленно стекая в Ланкрский провал.

Разумеется, весной, когда меняется погода, туман не такое уж редкое явление, но эта струйка ползла со стороны Убервальда.

Дверь в покои Маграт открыла служанка Милли Хлода. Присев перед Агнессой, вернее, перед ее шляпой, в почтительном реверансе, Милли торопливо выскочила из комнаты, оставив молодую ведьму наедине со стоявшей у туалетного столика королевой.

В правилах протокола Агнесса не больно-то ориентировалась, но на всякий случай попыталась исполнить нечто вроде республиканского реверанса, что вызывало изрядное волнение в телесных регионах.

Королева ланкрская Маграт, громко высморкавшись, запихнула носовой платок в рукав халата.

– А, Агнесса, привет, – кивнула она. – Ты присаживайся, присаживайся. И перестань подпрыгивать. Милли тоже вот так прыгает, а меня от этого укачивает. И вообще, королевских особ ведьмы должны приветствовать поклоном.

– Э... – произнесла Агнесса и бросила взгляд на стоящую в углу колыбель, украшенную непозволительным количеством кисточек и кружевных оборочек.

– Она спит, – успокоила ее Маграт. – А, колыбель? Веренс заказал ее из самого Анк-Морпорка. Я сказала, меня вполне устраивает старая, но он такой... современный, понимаешь? Да сядь ты наконец!

– Вы вызвали меня, ваше вели... – нерешительно произнесла Агнесса.

Вечер обещал быть сложным. Кроме того, она никак не могла определиться в своих чувствах к Маграт. В домике, где сейчас жила

Агнесса, до сих пор бродило эхо Маграт – старый браслет под кроватью, небрежные пометки в каких-то древних блокнотах, вазы с давно увядшими цветами... Если судить по завалившимся за комод вещам, то о человеке можно составить весьма странное представление.

– Просто хотела поболтать с тобой, – сказала Маграт. – Все так... Понимаешь, на самом деле я довольна жизнью, однако... Милли очень милая девушка, но она во всем соглашается со мной, а нянюшка и матушка относятся ко мне так, словно я, гм, ну, не совсем королева... Не то чтобы я настаивала, нельзя ж все время относиться ко мне как к королеве, но, вообще-то, хотелось бы, чтобы они осознавали: я – королева, пусть даже им не обязательно так ко мне относиться... Если ты понимаешь, что я имею в виду.

– *Наверное*, понимаю, – осторожно откликнулась Агнесса.

Пытаясь объяснить необъяснимое, Маграт взмахнула руками. Из рукавов во все стороны полетели использованные носовые платки.

– То есть... У меня начинает кружиться голова, когда люди постоянно подпрыгивают, поэтому я хочу, чтобы они думали: «О, это Маграт, она теперь королева, но я буду относиться к ней как к нормальному человеку...»

– Ну, или чуточку почтительнее, потому что она все-таки королева, – добавила Агнесса.

– Гм... да, возможно. На самом деле нянюшка не так уж плоха, по крайней мере, она ко всем относится одинаково, но когда на меня смотрит матушка, сразу понятно, что она думает: «Ага, вот и Маграт. А ну-ка, Маграт, завари-ка чайку». Клянусь, когда-нибудь я не выдержу и нагрублю ей. Они как будто считают, что это всего лишь очередное мое увлечение. Вроде как хобби!

– Прекрасно тебя понимаю.

– словно бы я вот-вот все брошу и снова стану ведьмой. Конечно, вслух они об этом не говорят, но наверняка именно так и считают. Они просто не понимают, что может быть другая жизнь.

– Ага.

– Как там мой старый домик?

– Мышей много.

– Знаю. Я всегда их подкармливала. Только матушке не говори. Кстати, она здесь?

– Пока не видела, – ответила Агнесса.

– Понятно. Ждет подходящего момента. Хотя признаюсь честно: мы с матушкой во всяких передрягах бывали, но на *этом* я ее так и не поймала.

На том, чтобы она действительно *выбирала* момент. Ты или я просто болтались бы по залу или где-нибудь неподалеку, выжидая подходящее время, а она просто возьмет и войдет. И, как потом выяснится, в самый ответственный момент.

– Это время должно подходить к тебе, а не ты ко времени, – процитировала Агнесса. – Любимая матушкина присказка.

– Вот именно, – кивнула Маграт.

– Вот именно, – кивнула Агнесса.

– Стало быть, ты ее не видела? Но мы же ей первой открытку послали! – Маграт наклонилась чуть ближе. – Веренс приказал нанести на картонку побольше позолоты. Удивлюсь, если она не зазвенела, когда матушка бросила ее на стол. Кстати, ты хорошо завариваешь чай?

– Они постоянно жалуются.

– Даже не сомневалась. Нянюшке – три кусочка сахара, верно?

– И чай все время я покупаю. Они ни разу не скинулись, – ответила Агнесса и принялась: в воздухе витал едва заметный запах плесени.

– Ну, что тут скажешь... С печеньем тоже не стоит возиться, – заметила Маграт. – Я столько времени у печки проторчала, выпекала всякие полумесяцы и так далее. Проще покупать готовое в лавке.

Она тоже принялась.

– Это не ребенок, – решительно заявила Маграт. – Наверное, Шон Ягг был так занят подготовкой к празднику, что не чистил уборные уже недели две как. Поэтому, когда ветер задует, из Звонницы сразу тянет. Я пыталась развешивать ароматные травы, но они как будто растворяются.

Маграт выглядела несколько неуверенной, словно ее беспокоила куда более серьезная проблема, нежели плохие санитарные условия в замке.

– Э-э... Но она ведь должна была получить приглашение, верно?

– Шон уверяет, что доставил его, – пожала плечами Агнесса. – А она, скорее всего, сказала... – Голос ее вдруг изменился, стал четким и резким. – «Только этого не хватало в моем-то возрасте. Никогда я вперед не выставлялась, и никто не может меня в этом упрекнуть».

Маграт даже открыла рот от удивления.

– Так похоже, аж мурашки по коже.

– Один из немногих моих талантов, – откликнулась Агнесса уже нормальным голосом. – Роскошные волосы, чудесный характер, отличный слух.

«И две головы в одной», – добавила Пердита.

– Она обязательно появится, – продолжила Агнесса, пытаясь не обращать внимания на свое внутреннее «я».

– Но уже половина одиннадцатого... Ничего себе, а мне еще нужно одеться. Ты сможешь?

Она поспешила в гардеробную, а Агнесса поплелась следом.

– Я даже приписала внизу, что прошу ее стать крестной, – сообщила Маграт, сядя перед зеркалом и копаясь среди бесчисленных баночек с гримом. – Она ведь всегда хотела стать крестной, только никому не говорила.

– Тот еще подарочек новорожденному, – не подумав, лягнула Агнесса.

Окутанная облаком пудры рука Маграт замерла на полпути к лицу, и в зеркале на мгновение отразились глаза, в которых застыл ужас. Но буквально сразу челюсть Маграт напряглась, и выражение лица королевы стало таким, каким иногда бывало у матушки.

– Будь у меня выбор, чего пожелать ребенку: здоровья, счастья и богатства или того, чтобы рядом с ним всегда была матушка Ветровоск, я бы не колебалась ни секунды, – сказала Маграт. – Ты же видела ее в действии.

– Пару раз, – призналась Агнесса.

– Ее никто не сможет победить, – продолжала Маграт. – А уж если ее загнать в угол... В общем, она умеет... ну, как будто переместить часть себя в безопасное место. Словно передает себя кому-то другому, чтобы спрятаться на время. Ты же наверняка знаешь про эти ее Заимствования?

Агнесса кивнула. Нянюшка, разумеется, предупреждала ее, но все равно неприятно это как-то – зайти в домик матушки и наткнуться там на Эсме Ветровоск, вытянувшуюся на полу, будто палка, и с табличкой «Я НИ УМИРЛА» в посиневших руках. Хотя это всего-навсего означало, что сейчас матушка пребывает где-то еще и смотрит на жизнь глазами барсука или, допустим, голубя, путешествуя в чужом разуме в качестве тайком подсевшего пассажира^[5].

– Это как с теми колдунами из Очудноземья, – продолжала Маграт. – Чтобы их нельзя было убить, они прячут свои сердца в кувшинах в потайном месте. У меня в домике где-то есть книжка про них.

– Тут вряд ли потребуется особо большой кувшин, – заметила Агнесса.

– Это было нечестно, – сказала Маграт и вдруг замолчала. – Ну... По большей части нечестно. Зачастую. По крайней мере иногда. Слушай, не сможешь застегнуть этот треклятый воротничок, а?

Со стороны колыбели донеслось какое-то бульканье.

– И как ты ее назовешь? – спросила Агнесса.

– Всеу свое время, – ответила Маграт. – Скоро ты все узнаешь.

«Отчасти это даже правильно, что она мне ничего не сказала», –

думала Агнесса, следуя за Маграт и фрейлинами в сторону Главного зала. В Ланкре детей нарекали ровно в полночь, чтобы новый день они начинали с новым именем. Хотя почему это правильно, Агнесса и сама не знала. Просто... кто-то когда-то решил, что это работает. А ланкрцы никогда не разбрасывались тем, что работает. Основная беда заключалась в другом: они наотрез отказывались *менять* то, что и так работает.

И, насколько она слышала, данное положение дел крайне тяготило короля Веренса, который учился царствовать исключительно по книжкам. Его планы по усовершенствованию ирригации и сельского хозяйства в Ланкре были встречены дружными аплодисментами подданных, но потом эти самые подданные пальцем о палец не ударили ради воплощения королевских проектов в жизнь. Точно так же был проигнорирован план по усовершенствованию ассенизации, главная мысль которого заключалась в том, что такая система просто обязана существовать. Но, по мнению подданных короля Веренса, всякая система шикарна, если к уборной ведет утоптанная тропинка, а на веревочке всегда висит каталог «товары почтой» с действительно мягкими страницами.

Примерно с той же радостью ланкрцы восприняли идею основания Королевского общества по улучшению жизни человечества, но в связи с тем, что процветание общества зависело исключительно от того, сколько свободного времени будет у Шона Ягга по четвергам, улучшение жизни человечества немножко откладывалось. Зато Шон изобрел уничтожители сквозняков для некоторых самых продуваемых частей замка, за что король Веренс наградил его небольшой медалью.

Народ Ланкра и не помышлял о другом общественном строе, кроме монархии. Они жили так на протяжении многих тысяч лет и твердо знали: этот строй работает. Вместе с тем ланкрцы заучили еще одну простую истину: желание короля не имеет большого значения, потому что лет через сорок обязательно появится новый король, который захочет совсем другого, а значит, все усилия пропадут даром. Главное, что требовалось от короля, – это чтобы большую часть времени он проводил в замке, оттачивая искусство помахивания рукой, смотрел на монетах в правильную сторону и не мешал своим подданным пахать, сеять, растить и убирать урожаи. Это был своего рода общественный договор. Ланкрцы занимались тем, чем и всегда, а король милостиво позволял им этим заниматься.

Но иногда королевская кровь давала о себе знать...

В Ланкрском замке король Веренс критически осмотрел себя в зеркале и вздохнул.

– Госпожа Ягг, – сказал он, поправляя корону, – к ланкрским ведьмам

я, как ты знаешь, испытываю лишь уважение, но данный вопрос, со всем к вам уважением, относится к общегосударственной политике, которая, опять-таки со всем возможным уважением, относится к компетенции короля. – Он снова поправил корону, пока дворецкий Прыжкинс отряхивал его мантию. – Мы должны быть терпимыми. Право, госпожа Ягг, я никогда не видел тебя в таком состоянии...

– Они шляются повсюду и поджигают людей! – возопила нянюшка, весьма раздраженная множественным королевским уважением.

– *Поджигали*, насколько мне известно, – возразил Веренс.

– Но они жгли именно ведьм!

Веренс снял корону и принялся полировать ее рукавом нарочито спокойными движениями, способными привести в бешенство кого угодно.

– Насколько я знаю, они жгли всех подряд, – сказал он, – но это было довольно давно, не так ли?

– Наш Джейсончик слышал их проповеди в Охулане! Так вот, эти люди очень скверно отзывались о ведьмах!

– К превеликому сожалению, не все знают ведьм с той стороны, с которой знаем их мы, – промолвил Веренс с излишней дипломатичностью, как показалось доведенной до белого каления нянюшке.

– А наш Вейнчик говорит, что они настраивают людей против других вероисповеданий, – продолжала нянюшка. – Даже оффлиане предпочли упаковать свои вещички и тихонько смыться, когда эти негодники открыли рядышком свою миссию. Ну, то есть одно дело утверждать, мол, твой бог самый лучший, но заявлять, что он единственный настоящий, слишком уж нахально, как мне кажется! Таких вот настоящих я тебе в день по паре притаскивать могу! А еще они заявляют, будто бы каждый человек изначально грешен и становится добродетельным, лишь поверив в Ома. Вот уж чушь несусветная! Взять, к примеру, твою маленькую дочурку, она ведь... Кстати, как вы ее назовете?

– Нянюшка, все узнают об этом буквально через двадцать минут, – ловко парировал Веренс.

– Ха! – Тон нянюшки явно свидетельствовал о том, что «Радио Ягг» не одобряет подобный метод распространения новостей. – Ладно, так или иначе... Самое плохое, что она может совершить в своем возрасте, это испачкать лишнюю пару пеленок или проорать ночь кряду. Лично я не считаю это особенно большим грехом.

– Но ты ведь никогда не испытывала неприязни, допустим, к мрачным братьям или поклонникам девятого дня. Не говоря уже о балансирующих монахах, которые постоянно к нам заглядывают.

– Потому что никто из *них* не испытывает неприязни ко *мне!*

Веренс повернулся. Сейчас он чувствовал себя немного не в своей тарелке. Он отлично знал нянюшку Ягг, но привык видеть ее – точнее сказать, ее постоянную улыбочку – за спиной у матушки Ветровоск. Тогда как с рассерженным Яггом (а тем более с представительницей женской половины этого семейства) лучше было не иметь дела.

– По-моему, госпожа Ягг, ты принимаешь происходящее слишком близко к сердцу, – сказал он.

– Матушке Ветровоск это очень не понравится! – выложила нянюшка свой последний козырь. И тут же, к своему ужасу, поняла, что даже эта угроза не возымела должного воздействия.

– Король тут я, госпожа Ягг, а не матушка Ветровоск, – отрубил Веренс. – Мир меняется, грядут перемены. Возникает новый порядок. Когда-то тролли пожирали нас, а мы, в свою очередь, считали их чудовищами, но сейчас рождается новая генерация людей и, разумеется, троллей доброй воли, придерживающихся миролюбивых воззрений. Мы хорошо ладим и, надеюсь, понимаем друг друга. То время, когда маленькие королевства должны были заниматься исключительно своими маленькими проблемами, миновало. Мы – часть огромного мира. И должны играть соответствующую роль. Вот, к примеру, что ты думаешь про За-Лунь?

– Я про всякие неприличные штуки не думаю! – гневно рывкнула нянюшка.

– За-Лунь, госпожа Ягг, – это такая страна. Она располагается в нескольких тысячах миль отсюда, но лелеет пупсторонние амбиции, поэтому, если начнется война с Борогравией, мы просто вынуждены будем занять определенную позицию.

– Меня вполне устраивает позиция в нескольких тысячах миль от этого твоего Недо-Плюня, – огрызнулась нянюшка. – И я не понимаю...

– Именно что не понимаешь, – перебил ее Веренс. – Хотя этого от тебя никто и не ждет. Однако происходящие в дальних странах события могут вдруг оказаться не такими уж далекими. Когда в Клатче чихают, в Анк-Морпорке начинается эпидемия гриппа. И нельзя этого забывать. Неужели мы всегда будем терпеть гегемонию Анк-Морпорка? В конце нашего века, века Летучей Мыши, сложилась уникальная ситуация. Страны, расположенные против вращения от Овцепикских гор, начинают давать о себе знать. Страны с «оборотнической экономикой», как называет их анк-морпоркский патриций. Возникают новые державы. Старые государства щурятся в ярком свете восходящего тысячелетия. Конечно, мы должны поддерживать миролюбивые отношения со всеми блоками. Несмотря на

бурное прошлое, Омния – дружественная нам страна. По крайней мере, – добавил он торопливо, – может стать таковой, как только узнает о нашем существовании. Неприязненное отношение к государственной религии этой страны не принесет нам ничего хорошего. И я уверен, мы не пожалеем о содеянном.

– Надеюсь, – сказала нянюшка, меряя Веренса испепеляющим взором. – А я ведь помню тебя обычным юнцом в нелепой шляпе...

Но и это не сработало. Веренс лишь вздохнул и повернулся к двери.

– Я им и остался, нянюшка, – промолвил он. – Просто шляпа, которая на мне сейчас, куда тяжелее. И теперь мне пора, мы заставляем гостей ждать. А, Шон... – кивнул он, заметив маячившего в дверях Шона Ягга.

Тот отдал честь.

– Ну, как обстоят дела в армии?

– Почти закончил работу над ножом, ваше величество^[6]. Осталось доработать щипчики для вырывания волос из ноздрей и складную пилку. Но на самом деле, ваше величество, я прибыл в качестве глашатая.

– Ага, стало быть, время?

– Так точно, ваше величество.

– Кстати, Шон, большая просьба. Урежь немножко фанфары. Лично я высоко ценю твое искусство, но в данной ситуации уместным будет сыграть что-нибудь более простое и понятное, нежели вступление из «Рэгтайма розового ежика».

– Слушаюсь, ваше величество.

– Ну, выступаем.

В главный коридор они вышли как раз в тот момент, когда по нему проходила Маграт. Веренс ловко подхватил супругу под руку.

Нянюшка Ягг поплелась следом. Король был по-своему прав. Она чувствовала себя как-то... *странно*, была какой-то сварливой и раздражительной, словно бы надела слишком тесный корсет. Ладно, скоро появится матушка, а уж она-то умеет разговаривать с королями.

Ведь для разговоров с коронованными особами нужны особые способности. Например, ни в коем случае нельзя задавать вопросов типа «Так чьих королевских кровей ты будешь?». Короли очень трепетно относятся к вопросам крови в своем прошлом. Или вот еще один весьма неудачный вопрос: «Ты – и чья армия?» Правда, в случае Веренса вся государственная армия состояла из Шона и тролля и вряд ли могла представлять угрозу даже для Шоновой матушки (если, конечно, ее сын и впредь хотел пить чай в родном доме, а не на улице).

Когда процессия достигла верхней площадки главной лестницы и

вперед выдвинулся Шон, нянюшка тихонько оттащила Агнессу в сторонку.

– С галереи менестрелей видно куда лучше, – прошипела нянюшка и поволокла Агнессу за собой.

Как раз в этот самый момент раздались королевские фанфары. Толпа внимательно слушала, однако при звуках финальной части по залу прокатился некий удивленный гул.

– Молодец, сынок, – с гордостью заметила нянюшка.

– Да уж, – кивнула Агнесса. – Не часто услышишь в качестве фанфар «Постричь, побрить, брюхо вскрыть»^[7].

– Зато люди сразу расслабились, – возразила верная мать Шона.

Агнесса опустила взгляд на гостей и почти сразу заметила пробиравшегося сквозь толпу священнослужителя.

– Я нашла его, нянюшка, – сказала она. – Впрочем, это было нетрудно. И... он вряд ли попытается что-либо выкинуть. В такой-то толпе, а?

– Где он?

Агнесса показала. Нянюшка долго разглядывала священнослужителя, потом снова повернулась к ней.

– Иногда мне кажется, эта треклятая корона вскружила Веренсу голову, – буркнула она. – Пускает в королевство сам не знает кого. И куда запропастилась Эсме? Она бы раздавила этого попа как букашку!

Гости тем временем выстроились по обе стороны красного ковра, начинающегося у самой лестницы. Агнесса подняла взгляд на королевскую чету, с нерешительным видом выжидающую подходящий момент, дабы царственно появиться на лестнице. «Как говорит матушка Ветровоск, ты сам выбираешь свой подходящий момент, – подумала Агнесса. – Они – правящая чета королевства. Они могут появиться на лестнице, когда захотят, – этот момент и будет подходящим. Неужели они не понимают?»

Некоторые из гостей Ланкра искоса поглядывали на плотно закрытые огромные двойные двери. Они распахнутся чуть позже, когда начнется менее официальная и более веселая часть церемонии, но сейчас они выглядели... Как двери, которые с громким скрипом распахнутся, явив темную фигуру на фоне пламени.

Эта картина встала перед ее умственным взором так ярко, так отчетливо...

«Ага, – язвительно подумала Пердита. – Стало быть, уроки, которые с такой неохотой давала тебе матушка Ветровоск, не прошли даром».

Королевская чета о чем-то посоветовалась, после чего Милли вприпрыжку поскакала обратно вверх по лестнице, направляясь к двум ведьмам.

– Маг... королева интересуется, будет ли на торжестве матушка Ветровоск? – спросила она.

– Конечно, будет, – ответила нянюшка.

– Дело в том, что король немного беспокоится. Специально по такому случаю на приглашении было написано «Подтв. согл.» и...

– Ведьмы вам не какие-нибудь *подтвсоглы*, – надменно отрезала нянюшка. – Они просто приходят, и все.

Милли вскинула ладошку к губам, нервно откашлялась и с несчастным видом глянула в сторону отчаянно махавшей ей Маграт.

– Но... королева говорит, что церемонию задерживать нельзя. И поэтому, э-э, королевской крестной назначаешься ты, госпожа Ягг.

Нянюшка улыбнулась, и морщинок на ее лице стало вдвое больше.

– Знаешь что? Я просто постою рядышком, пока матушка не появится, хорошо?

Матушка Ветровоск нервно мерила шагами свою скромно обставленную кухоньку. Периодически она опускала взгляд на пол. Под дверью зияла достаточно широкая щель, туда могло вылететь все, что угодно... Но все возможные щели она проверила и перепроверила дюжину раз. Вероятно, сейчас у нее был самый чистый пол во всем королевстве. Так или иначе... все равно она уже опоздала.

И этот... *Убервальд*...^[8]

Матушка оглянулась по сторонам.

– Не дождетесь! – пробормотала она. – Такого удовольствия я вам не доставлю!

Матушка села в кресло-качалку, но вдруг снова вскочила, едва не опрокинув кресло, и опять заходила по кухне.

– Я никогда и ни перед кем не выставлялась, – сказала она, обращаясь в пространство. – Я не из таковских, кто заявляется в гости без приглашения.

Затем она решила заварить чай. Подхватила трясущимися руками чайник, потом уронила крышку сахарницы, разбив ее.

Неожиданно ее взгляд привлек тусклый свет. Над лужайкой висел полумесяц.

– И вообще, у меня столько дел! Еще по всяким вечеринкам шляться... Все равно я бы куда не пошла.

Она внезапно поймала себя на том, что снова обшаривает глазами темные уголки. «А вот если б я его нашла, – подумала матушка, – юный Чотли напрасно стучался бы в пустой домик. Я бы отбыла веселиться, а

Джон Плющ сидел бы сейчас в полном одиночестве...»

– Да чтоб вас всех!

Матушка в который раз опустилась в кресло-качалку и поплотнее закуталась в шаль. Огонь в камине давно потух – она никак не предполагала, что сегодня вечером останется дома.

Тени заполняли углы комнаты, но лампу она зажигать не стала. Хватит и свечи.

Уставившись в стену, матушка качалась в кресле, а тени становились все длиннее.

Агнесса шла за нянюшкой по залу. Наверное, она сейчас нарушала какие-то правила этикета, но перед авторитетом ведьмовской шляпы пасовали почти все правила, не говоря уж о каком-то там этикете.

Данную часть Овцепикских гор традиционно занимали крошечные государства. Каждая местная долина, отделенная от своих соседей провалом, преодолеть который можно было в лучшем случае ползком, а в худшем – при помощи лестницы, – каждая такая долинка в большей или меньшей степени правила сама собой. И количество королей в Овцепиках было абсолютно произвольным, тем более что некоторые из них правили своими королевствами только по вечерам, подоив коров. Сегодня в этом зале собрались практически все местные монархи: бесплатное угощение – не та вещь, которой можно пренебречь. Тут присутствовала даже парочка гномьих старейшин с Медной горы. А в углу зала Агнесса заметила группу троллей, которые старались держаться подальше от гномов. «Оружия ни у тех ни у других нет, значит, политики», – предположила Агнесса.

Строго говоря, тролли не являлись подданными короля Веренса, и своим присутствием здесь они словно бы заявляли на официальном языке жестов: с футболом человечьими головами давным-давно покончено. Ну, не давным-давно, но давно. Почти покончено. Во всяком случае, в данной местности. Соответствующим указом, который со дня на день будет.

Проводив ведьм к трону, Милли поспешила прочь.

Омнианский священнослужитель приветливо кивнул вновь прибывшим.

– Добрый, гм... вечер, – сказал он.

И даже не попытался кого-нибудь поджечь. Священнослужитель был не очень стар. Возле носа у него красовался большой созревший фурункул.

Пердита брезгливо поморщилась. Нянюшка Ягг хмыкнула. Агнесса рискнула едва заметно улыбнуться. Священнослужитель громко высморкался.

– Вы, должно быть, те самые, гм... ведьмы, о которых я столько слышал, – сказал он.

У него была поразительная улыбка. Она возникла на его лице так быстро, словно кто-то щелкнул створкой иконографа. Появилась буквально на мгновение и тут же исчезла.

– Гм... да, – ответила Агнесса.

– Ха! – воскликнула нянюшка Ягг, которая умела повернуться к человеку спиной, глядя ему прямо в глаза.

– А я... я... – промямлил священнослужитель и смущенно потер переносицу. – Прошу прощения, боюсь, я не привык к горному воздуху. Я – довольно-таки преподобный всемогучий Овес.

– Как-как? – переспросила Агнесса.

К ее удивлению, омнианин густо покраснел. И чем дольше Агнесса смотрела на него, тем отчетливее понимала, что он ничуть не старше ее самой.

– То есть всемогучий-достопадный-превозносящий-Ома-до-небес Овес, – пояснил священнослужитель. – На омнианском звучит гораздо короче. Кстати, вы знакомы со Словом Омьим?

– С каким именно? – уточнила нянюшка Ягг. – Мы знаем сразу несколько. «Огонь», «костер»... Ха!

Однако религиозная война была пресечена в самом зародыше громкими звуками фанфар. Завершились фанфары несколькими аккордами из «Танца ежика», и на лестнице показалась королевская чета.

– И заруби себе на носу: чтоб никакой этой вашей языческой ерунды! – прошипела стоявшая за пасторской спиной нянюшка Ягг. – Никаких обрызгиваний водой, маслом, песком, никаких отрезаний частей тела. А еще запомни: я прямо позади тебя, и в руке у меня очень острая палка. Если я услышу хоть одно известное мне слово...^[9]

– Нянюшка! – донеслось с другой стороны. – Он же не какой-нибудь злобный инквизитор!

– Знаешь, девочка, острая палка есть острая палка!

«И что такое на нее нашло? – подумала Агнесса, заметив, как побагровели уши священнослужителя. – На матушку это еще похоже, но нянюшка...»

«Наверное, решила подменить старую кошелку, пока та где-то шляется», – встряла Пердита.

Агнесса была потрясена до глубины души. Что за мысли лезут ей в голову?!

– Ну что? Сделаешь все как положено? – осведомилась нянюшка.

– Гм... Король мне все объяснил, – ответил пастор. – Э-э... А у вас, случаем, нет ничего от головной боли? Боюсь...

– В одну руку вложишь ключ, другой она должна сжать корону, – неумолимо продолжала нянюшка Ягг.

– Да... Гм...

– Сначала ее имя, потом – имя матери, потом – имя отца. Если насчет последнего мать не уверена, просто промямли что-нибудь неразборчивое...

– Нянюшка! Ты говоришь о *королевской* чете!

– Ха! Уж я бы тебе кой-чего порассказала, девочка! Значит, так, потом передашь дитя мне, я тоже назову ее имя и верну ее тебе, а *ты* назовешь ее имя людям и снова передашь ее мне, а я передам ее папочке, он выйдет через вон те двери и покажет ее людям, все начнут кидать в воздух шляпы и орать «ура!», потом все закончится, всем выпивка и закусоны, нажрут так, что не найдут собственные шляпы. Но начнешь инквизитировать по поводу грехов или еще чего, и все закончится очень скверно. Для тебя.

– А какова, гм, твоя роль, мадам?

– Я – крестная мать!

– Т-тут будет замешан крест? – Молодой священнослужитель заметно вздрогнул.

– Это старая ланкрская традиция, – поспешила объяснить Агнесса. – Означает что-то вроде «заместитель матери по некоторым вопросам». Все в порядке... Как ведьмы, мы терпимо относимся ко всем религиям и...

– Верно, – согласилась нянюшка Ягг. – Но только к правильным религиям, так что следи за языком, юноша!

Королевская чета наконец добралась до тронов. Маграт заняла свое место и, к удивлению Агнессы, незаметно подмигнула ей.

Веренс подмигивать не стал. Остановившись рядом с тронном, он громко откашлялся.

– Ахым!

– У меня где-то была пастилка от горла, – сказала нянюшка, торопливо запуская руку под юбки.

– *Ахым!* – повторил Веренс, показывая взглядом на свой трон.

То, что выглядело серой подушкой, вдруг перевернулось, зевнуло, наградило короля кратким взглядом и принялось неторопливо вылизываться.

– О Грибо! – воскликнула нянюшка. – А я-то думала, куда ты запропастился...

– Госпожа Ягг, ты не могла бы, э-э, убрать его? – спросил король.

Агнесса глянула на Маграт. Королева смотрела куда-то в сторону,

положив локоть на подлокотник трона и закрыв ладошкой рот. Ее плечи тряслись.

Нянюшка смахнула кота с трона.

– Кот *имеет право* смотреть на короля, – возвестила она.

– Но не с таким выражением, – парировал Веренс и благосклонно махнул рукой собравшейся толпе.

И как раз в этот момент часы замка начали отбивать полночь.

– Прошу вас, ваше преподобие.

– Я как раз приготовил приличествующее моменту пасторское наставление... гм, с надеждой, что... – начал довольно-таки преподобный Овес, но вдруг как-то судорожно дернулся вперед. Уставившись в пространство, он пару раз изумленно моргнул и, громко сглотнув, быстренько закончил: – Но, увы, у нас нет на это времени.

Наклонившись, Маграт прошептала что-то на ухо мужу. «Да, дорогая, она так и не пришла, но у нас нет выхода...» – донесся до Агнессы тихий ответ Веренса.

К тронам подбежал запыхавшийся Шон в сбившемся набок парике. В руках он нес подушечку, на которой лежал огромный железный ключ от замка.

Милли Хлода осторожно передала ребенка священнослужителю. Довольно-таки преподобный Овес нерешительно принял сверток и заговорил.

В общем и целом речь его звучала так, как будто отец Овес тщательно обдумывал каждое следующее слово. Стоящая за его спиной нянюшка внимательно слушала – судя по ее лицу, которое выражало искреннюю (не считая ста процентов искусственных добавок) заинтересованность. А еще со стороны могло показаться, что молодой священнослужитель страдает от частых приступов весьма болезненных судорог.

– ...И вот мы собрались здесь сегодня пред очами... ай... друг друга...

– Вы в порядке, ваше преподобие? – участливо осведомился король.

– В полном порядке, уверяю вас, ваше величество, – с жалким видом откликнулся Овес. – И нарекаю я тебя... нарекаю тебя... тебя нарекаю...

Возникла глубокая кошмарная пауза.

Священнослужитель с застывшим лицом передал девочку Милли, снял шляпу, достал из-под подкладки маленький клочок бумаги, пошевелил губами, как будто проговаривая про себя написанные там слова, водрузил шляпу обратно на вспотевший лоб и снова взял на руки ребенка.

– Я нарекаю тебя... Эсмеральдой Маргарет Внимание Орфография Ланкрской!

Напряженная тишина заполнила замок.

– *Внимание Орфография?* – одновременно воскликнули Маграт и Агнесса.

– *Эсмеральдой?* – изумилась нянюшка.

Девочка открыла глаза.

И одновременно с этим двери зала распахнулись.

Выбирать... Всегда приходится выбирать.

Она вспомнила того мужчину из Шпакли, который убивал детишек. Одного взгляда хватило, чтобы увидеть в его голове вину, извивающуюся алым червем. А потом она привела людей на его ферму, указала место, где нужно копать, а он упал на землю у ее ног и принялся молить ее о снисхождении, говорил: дескать, был пьян, всё эта проклятая выпивка...

Зато она поступила абсолютно трезво. «Ты закончишь свою жизнь в петле», – вот что она тогда сказала.

И его утащили и вздернули на пеньковой веревке, а она все это видела, потому что должна была смотреть, должна была ему, а он проклинал ее, что было несправедливо, ведь он ушел чисто, односельчане просто не посмели послушаться, иначе все было бы куда страшнее, и она глядела и видела, как над ним нависает тень Смерти, после чего за спиной Смерти возникли какие-то маленькие светящиеся фигурки, а *потом...*

Кресло, раскачиваясь взад-вперед, громко скрипело в темноте.

Крестьяне ликовали, ведь справедливость восторжествовала, и тогда она, потеряв терпение, велела всем разойтись по домам и молиться богам, в которых они верили, дабы подобное никогда не случилось с *ними*. Самодовольная рожа торжествующей добродетели почти так же ужасна, как лицо разоблаченного порока.

Вспомнив все это, матушка поежилась.

Почти... но не совсем.

Самым странным было то, что на похороны собралась практически вся деревушка. Кое-кто даже бормотал, что *в целом* он был не таким уж плохим парнем и, возможно, это все она, *она* заставила его очернить себя. Матушка помнила бросаемые искоса темные взгляды.

Допустим, справедливость действительно существует. Для всех и каждого. Для самого презренного нищего. За каждое грубое слово, за каждую невыполненную обязанность, за каждое принятое решение. Да, за каждое решение, в этом-то все и дело. Ведь выбирать приходится. Ты можешь ошибиться, можешь поступить правильно, но ты обязана выбирать, хотя сама понимаешь: правильность или неправильность

принятого решения не всегда очевидны, порой приходится выбирать между неправильным и неправильным, потому что правильного решения не существует. Но всегда, *всегда* выбор зависит только от тебя. Именно ты стоишь на краю, все видишь, все слышишь. И никаких тебе слез, никаких извинений, никаких сожалений... Ты оставляешь их на случай, когда они действительно потребуются.

Она никогда не обсуждала эти мысли ни с нянюшкой Ягг, ни с другими ведьмами. Ведь это значило раскрыть свой секрет. Но порой вечерами, когда разговор подкрадывался к данной теме ближе некуда, нянюшка могла обронить нечто вроде: «Что ж, в конце концов, старый Скривенс ушел с миром», и непонятно было, что именно она имела в виду. Вот нянюшка, судя по всему, никогда не переживала о подобных мелочах. Она считала, что некоторые вещи нужно делать, и точка. А всякие назойливые мыслишки она предпочитала прятать подальше – даже от себя самой. Магушка ей завидовала.

А вот кто придет на *твои* похороны, когда *ты* умрешь?

Ее даже не пригласили!

Воспоминаниям было тесно в голове. Какие-то фигуры шествовали во тьму мимо горящей свечи.

Она много всякого переделала, много где побывала и настолько хорошо научилась управлять своим гневом, что сама себе дивилась. Она противостояла людям, которые были гораздо могущественнее ее, – просто не позволяла им заподозрить обратное. Она стольким пожертвовала, но и многим овладела...

Это был знак. Она знала, рано или поздно будет знак... Они поняли это, и в ней теперь нет больше нужды...

И чего она добилась? Наградой за тяжкий труд стал труд куда более тяжкий. Если ты копаешь самые глубокие канавы, тебе дают самую большую лопату.

А в награду ты получаешь лишь голые стены, да голый пол, да холодную хижину.

Темнота лезла из углов, струилась по комнате, путалась в волосах.

Ее даже не пригласили!

Она никогда ничего не требовала. Но когда ты ничего не требуешь, ты, как правило, ничего и не получаешь.

Она всегда старалась стоять лицом к свету. Всегда. *Всегда*. Но чем пристальнее ты смотришь на свет, тем сильнее он палит и тем сильнее искушение оглянуться назад, посмотреть, насколько длинную, густую, сильную и темную тень ты оставила за собой...

Кто-то упомянул ее имя.

Свет, шум, ошеломление.

А потом она очнулась, и вгляделась в надвигающуюся тьму, и увидела все в черно-белом цвете.

– Прошу прощения... Задержался в пути, сами знаете, как бывает...

Вновь прибывшие присоединялись к толпе, которая не обращала на них ни малейшего внимания, так как была слишком поглощена представлением, что разворачивалось вокруг тронов.

– *Внимание Орфография?!*

– Немножко мудроно, – согласилась нянюшка. – Зато Эсмеральда – абсолютно правильный выбор. Можно было бы назвать ее Гитой, но с Эсмеральдой не поспоришь. Однако дети есть дети. Орфочка, Графинка – ее как-нибудь так будут звать.

– Это еще если повезет, – мрачно заметила Агнесса.

– Он не должен был это произносить! – прошипела Маграт. – Я лишь беспокоилась, чтобы ее случайно не назвали Маграт!

Всемогущий Овес стоял, подняв глаза к небу и сложив руки. Периодически он тихонько постанывал.

– А мы не можем поменять имя? – спросил король Веренс. – Где королевский историк?

Шон вежливо откашлялся.

– Ваше величество, но сегодня не вечер среды. Или мне придется сбегать за нужной шляпой и...

– Мы можем изменить имя или нет?

– Э-э... оно было произнесено, ваше величество. В предусмотренное ритуалом время. Думаю, это имя теперь принадлежит ей. Впрочем, я должен все проверить. Хотя оно было объявлено во всеуслышание.

– Имя менять нельзя, – твердо заявила нянюшка, которая, будучи матерью королевского историка, нисколечко не сомневалась в том, что знает куда больше этого самого королевского историка. – Взять, к примеру, старого Муму Голокура из Ломтя...

– А с ним что стряслось? – резко спросил король.

– Его полное имя – Джеймс Какого-Дьявола-Здесь-Делает-Эта-Корова Голокур, – пояснила Маграт.

– Ага, помню, помню, – закивала нянюшка. – Денек был весьма странным.

– А вот если бы *моя* мать проявила толику разумности и просто назвала мое имя брату Пердоре, вместо того чтобы стыдливо карябать его

на бумажке, быть может, моя жизнь сложилась бы совсем по-другому. – Маграт встревоженно бросила взгляд на Веренса. – Ну, в смысле не так замечательно.

– Значит, я теперь должен вынести Эсмеральду к ее подданным и объявить, что одно из ее имен – Внимание Орфография? – уточнил Веренс.

– Ну, когда-то у нас был король, которого звали О-Боги-Ну-И-Жирдяй Первый, – заметила нянюшка. – Кроме того, подданные уже пару часов как пьют пиво, поэтому они обрадуются любому имени.

«Кроме того, – подумала Агнесса, – я точно знаю, что среди них есть люди, которых зовут Сифилица Уилсон, Аналом Легче и Полный Бисквит»^[10].

Веренс улыбнулся.

– Ну... хорошо, тогда давай ее сюда...

– У-у-у, – простонал всемогучий Овес.

– ...Кстати, налейте парню что-нибудь выпить.

– Я очень, очень виноват, – прошептал священнослужитель вслед уходящему к гостям королю.

– А по-моему, он уже достаточно выпил, – сказала нянюшка.

– Да я вообще не притрагиваюсь к спиртному! – простонал священнослужитель, вытирая слезящиеся глаза носовым платком.

– Я вот с первого взгляда поняла: от тебя жди одних неприятностей, – буркнула нянюшка. – Но где же Эсме?

– Лично я понятия не имею! – огрызнулась Агнесса.

– Она-то наверняка знала, чтоб мне сквозь землю провалиться! Принцессу ведь в ее честь называли, экое перо в ее шляпу. Разговор будет на годы. Нет, нужно разобраться, что происходит...

Нянюшка решительно зашагала прочь.

Агнесса схватила священнослужителя за руку.

– Пойдем, нам тоже пора, – вздохнула она.

– Я действительно не могу выразить словами, насколько...

– Чудной выдался вечерок.

– Я никогда, никогда не слышал об этом обычае, и...

– Местные жители придают словам слишком большое значение.

– Боюсь, отзыв, направленный брату Мельхио, будет не слишком лестным...

– Это уж точно.

Некоторые люди способны разозлить даже самого благожелательного человека, и священнослужитель, несомненно, относился к их числу. Было в нем что-то... унылое, какая-то беспомощная безнадежность, заставляющая

людей скорее злиться, нежели сочувствовать, некая уверенность в том, что даже посреди всемирной пирушки этот человек будет искать кухню.

И похоже, забота об этом типе пала всецело на плечи Агнессы. Все высокопоставленные гости толпились у открытых дверей, и, судя по восторженным воплям, жители Ланкра сочли Внимание Орфография вполне приличным именем для будущей королевы.

– Может, ты просто посидишь здесь, попытаешься взять себя в руки? – предложила Агнесса. – Скоро начнутся танцы.

– Я не танцую, – откликнулся всемогучий Овес. – Танцы – это западня, в которую попадают все нищие духом.

– О... В таком случае, на улице жарят мясо и...

Всемогучий Овес снова вытер глаза.

– Гм... а рыба есть?

– Сомневаюсь.

– В этом месяце мы едим только рыбу.

– О.

Но даже равнодушный тон не помог. Судя по всему, всемогучему Овсу нужно было с кем-то поговорить.

– Понимаешь, пророк Брута, странствуя по пустыне, воздерживался от мяса.

– А в обычной местности у него сразу начиналось мясное недержание?

– Прошу прощения?

– Так, просто замечание. – Однако любопытство взяло свое. Эту битву с собой Агнесса всегда проигрывала. – Кстати, а откуда в пустыне возьмется мясо?

– Э-э, понятия не имею.

– Значит, он отказывался его есть не по собственной воле? – Агнесса окинула испытующим взглядом толпу, но не нашла никого, кто пожелал бы принять участие в этой небольшой дискуссии.

– Гм... Э-э, об этом, наверное, лучше спросить у брата Мельхио. Ой-ой, прошу прощения, кажется, начинается новый приступ мигрени...

«Ты ведь сам не веришь в то, что говоришь», – подумала Агнесса. Священнослужитель излучал нервозность и какой-то легкий ужас. «Ну что за унылый, жалкий червяк!» – добавила Пердита.

– Я должна идти... э... идти и... должна идти и... помочь, – сказала Агнесса, торопливо пятясь.

Священнослужитель кивнул. Когда она повернулась, он высморкался, достал из кармана небольшую черную книжицу и, вздохнув, открыл ее на закладке.

Пытаясь добавить весу своему алиби, Агнесса подхватила поднос, подошла к столу с закусками и было обернулась, чтобы бросить еще один взгляд на сгорбленную фигурку, столь же неуместную здесь, как потерявшаяся овца, – но вдруг наткнулась на что-то очень твердое.

– Что это за странный тип? – раздался чей-то голос рядом.

Пропустив мимо ушей коротенькую взбучку Пердиты («прыгаешь тут, будто корова!»), Агнесса взяла себя в руки и неловко улыбнулась заговорившему с ней человеку.

Это был молодой мужчина, причем – неожиданно осознала она – весьма и весьма привлекательный. Привлекательных молодых мужчин в Ланкре было не слишком много. Местные парни, перед тем как пригласить девушку пройтись, приглаживали волосы облизанной ладонью, и это считалось чуть ли не верхом шика.

«У него волосы стянуты в хвостик! – пропищала Пердита. – Вот круто!»

Агнесса почувствовала, как румянец, зародившийся где-то в области лодыжек, неумолимо пополз вверх по телу.

– Э... что-что? – переспросила она.

– Его трудно не заметить, – сказал красавец и едва заметно кивнул в сторону унылого священнослужителя. – Очень смахивает на взъерошенного вороненка, тебе не кажется?

– Э... да, – выдавила Агнесса.

Румянец обогнул выпуклости груди и стал обжигающе горячим. В Ланкре не было ни одного мужчины с подобной прической. Кроме того, покроей одежды недвусмысленно говорил о том, что незнакомец провел большую часть жизни там, где мода менялась чаще, чем раз в поколение. В Ланкре *никогда никто* не носил жилет, расшитый павлинами.

«Скажи хоть что-нибудь!» – завопила Пердита.

– Встфгл? – изрекла Агнесса.

За ее спиной всемогущий Овес поднялся и стал с подозрением рассматривать стоявшие на столе угощения.

– Прошу прощения?

Агнесса с трудом сглотнула – да и то лишь благодаря тому, что Пердита яростно трясла ее за горло.

– Ага, – сказала она. – Как будто вот-вот взлетит. Он.

«Только б не захихикать, только б не захихикать...»

Незнакомец щелкнул пальцами. Официант, спешивший куда-то с подносом напитков, мгновенно развернулся на девяносто градусов.

– Могу я что-нибудь предложить тебе, госпожа Нитт?

– Э... Белое вино? – неуверенно прошептала Агнесса.

– О нет, ты совершенно не хочешь белого вина, красное куда... насыщеннее, – промурлыкал незнакомец, передавая ей бокал. – Ну-ка, а чем там занимается наш подопечный? Ага, решил позволить себе съесть печенюшку с малюсенькой порцией паштета...

«Спроси, как его зовут!» – надрывалась Пердита. «Такой красавец? Для меня? Не слишком ли жирно?» – в ответ подумала Агнесса. «Если ты вдруг забыла, ты и так жирная! – не унималась Пердита. – Вот ведь тупая толстуха...»

– Но я должен представиться. Меня зовут Влад, – ласково произнес незнакомец. – О, а сейчас он собирается наброситься на... волованы с креветками. Креветки? Так далеко от моря? Король Веренс не поскупился, верно?

– Их везли, обложив льдом, из самой Орлеи, – пробормотала Агнесса.

– Насколько я помню, там разбираются в дарах моря.

– А я не помню, потому что никогда там не была, – пробормотала Агнесса.

Ее внутренняя Пердита уронила голову на руки и безутешно разрыдалась.

– Но, может, нам посчастливится посетить Орлею вместе? – сказал Влад.

Румянец наконец добрался до Агнессиной шеи.

– Тут очень жарко, не правда ли? – участливо осведомился Влад.

– Это все из-за огня, – с радостью сменила тему Агнесса. – Вон там.

Она кивнула на горевшее в огромном камине гигантское бревно. Конечно, это бревно можно было не заметить, но лишь в том случае, если бы у вас на голове было надето ведро.

– Моя сестра и я... – произнес Влад.

– Э-э, госпожа Нитт?

– В чем дело, Шон? – спросила Агнесса.

«Чтоб ты сдох, Шон Ягг!» – прорычала Пердита.

– Мама просила, чтобы ты немедленношла ее, госпожа. Она во дворе. Говорит, это очень важно.

– Как всегда, – пожалала плечами Агнесса и едва заметно улыбнулась Владу. – Прошу меня извинить, я вынуждена спешить на помощь одной старой женщине.

– Уверен, мы еще встретимся, Агнесса, – сказал Влад.

– О, э-э... Да, спасибо.

Быстро развернувшись, Агнесса покинула зал и только на середине

лестницы вдруг вспомнила, что своего имени она ему не называла.

«Он вполне мог спросить кого-нибудь, как меня зовут», – спустившись на пару ступенек, подумала она.

«Ха, – еще через две ступени откликнулась Пердита. – О тебе? Спрашивать?!»

Агнесса в очередной раз прокляла тот день, когда у нее появилась невидимая соперница.

– Нет, ты только посмотри! – прошипела нянюшка, хватая Агнессу, едва та успела появиться во дворе.

Подтащив Агнессу к стоявшим у конюшни каретам, нянюшка ткнула дрожащим пальцем в дверь ближайшей из них.

– Видишь?

– Довольно-таки впечатляюще, – оценила Агнесса.

– Ты герб видишь?

– Похоже на... на пару черно-белых птиц. Это сороки, если не ошибаюсь?

– Да, а теперь прочти надпись, – велела нянюшка Ягг с тем мрачным удовольствием, которое все старые женщины приберегают для особо дурных и непоправимых случаев.

– «Карпе Югулум», – вслух прочла Агнесса. – Это значит... так... «Карпе Дием» значит – «лови момент», тогда «Карпе Югулум» – это...

– «Хватай за горло»! – закончила за нее нянюшка. – Ты поняла, что натворил наш с тобой дражайший монарх ради того, чтобы мы могли сыграть свою роль в этом обмениваемся мире и поиметь соответствующую репутацию, ведь когда в Анк-Морпорке спотыкаются, в Клатче из носа течет кровь?! Он пригласил каких-то шишек из Убервальда, вот что он сделал! Черт возьми! Вампиры и вервольфы, вервольфы и вампиры! Нас всех убьют друг у друга в постелях!

Она подошла к карете и постучала по деревянной стенке рядом со сгорбленной, закутанной в огромный плащ фигурой кучера.

– Эй, Игорь, ты откудова будешь?

Тень повернулась.

– А почему ты решайт, будто б меня звайт... Игорь?

– Удачная догадка? – предположила нянюшка.

– Ты думайт, всех житель Убервальда звайт Игорь, йа? Я может имейт любой из тыфяч имен, женщина!

– Послушай, я – нянюшка Ягг, а этойт... прошу прощения, это Агнесса Нитт. А тебя как зовут?

– Я звайт... я и в фамомфком деле звайт Игорь, – ответил Игорь и

многозначительно вскинул палец. – Но меня могли бы звать фовфем как другой!

– Прохладный вечерок выдался. Тебе что-нибудь принести? – бодро спросила нянюшка.

– Допустим, полотенце? – предложила Агнесса.

Нянюшка грубо пихнула ее в ребра.

– Может, бокал вина?

– Я не пьювайт... вино, – высокомерно произнес Игорь.

– У меня и бренди найдется, – сказала нянюшка, задирая юбку.

– Это ефть гут. Бренди я пьювайт.

В темноте звонко щелкнула резинка панталон.

– Ну, Игорь, – продолжила нянюшка, передавая ему фляжку, – а что ты делаешь здесь, так далеко от дома?

– А что делают там... возле мофт тупой тролль? – в ответ спросил Игорь, перехватывая фляжку огромной лапищей, которая, как заметила Агнесса, была буквально испещрена шрамами и швами.

– А, вы, видимо, повстречали Большого Биф-Джима. Король разрешил ему жить под мостом, чтобы он официально встречал приезжающих в королевство гостей.

– Биф-Джим... Этойт как у бифштекф. Фтранный имя для тролль.

– Ну, ему нравится, – пожала плечами нянюшка. – Некоторые люди тоже берут себе странные имена. Железный Арни, к примеру. Кстати, знавала я одного Игоря из Убервальда. Он прихрамывал. Один глаз выше другого. Разговаривал так же, как ты. Но мозгами скрипел дай боги каждому.

– Фкорее вфегойт, это мой дядья Игорь, – откликнулся Игорь. – Быть работайт у фумафшедший доктор в Блинце. Ха, тот доктор бывайт вфамделишно чокнутый, таких фейчаф не вфтречайт. А какие фейчаф прислуги? Еще хужейт. Никакогошнего чувфтва фобфтвенных дофтоинфत्व. – Словно подчеркивая свои слова, он постучал пальцем по фляге. – Когда дядью Игоря пофылайт за мозгами нафтоящего гения, он был принофить мозг гения. Никаких фокуфов типа взайт мозги из банки ф надпифью «Тут Не Вфе Дома», мол, вфе равно никто не замечайт. О найн, вфе вфё замечайт!

Нянюшка невольно сделала шаг назад. Выдержать продолжительный разговор с Игорем можно было, только спрятавшись под зонтиком.

– Кажется, я слышала об этом парне, – сказала она. – Это не он сшивал людей из разных частей покойников?

– Правда? – потрясенно воскликнула Агнесса. – Какой ужас!

– Он фамый. Ефть проблема?

– Нет. Лично я называю это бережливым подходом к делу, – отозвалась нянюшка, убирая ступню с ноги Агнессы. – Вот моя матушка мастерски сшивала новые простыни из лоскутков старых, а люди – они ведь куда дороже тряпок. Стало быть, теперь этот доктор твой хозяин?

– Найдн, на него по-прежнему работайт дядья Игорь. Трифта ударов молнии, а он до фих пор арбайтн вфю ночь!

– Ты еще бренди-то глотни, – предложила нянюшка. – Здесь действительно холодно. Так кто ж твой хозяин, а, Игорь?

– Разве этойт мафтер?! – раздраженно воскликнул Игорь, в очередной раз забрызгав нянюшку слюной. – Ха! Вот фтарый граф бывайт гофподин из фтарая школа. Вфе понимайт. В любое время фрак – таковы бывайт правила!

– Фрак, стало быть? – переспросила нянюшка.

– Йа! А эти надевайт вечерний платья только по вечеру, ты предфтавляйт?! А вфе офтальное время ходят модный жилеты унд кружевной юбка! Ха! И знавайт, что они еще придумывайт?

– Выкладывай...

– Они фмазывают дверные петля! – Игорь снова от души приложился к нянюшкиной укипаловке. – А ведь я почти год добивайт нужный фкрип! А дальше еще хужейт: «Игорь, уберайт пауков подземелья. Игорь, закажи нормальный мафляный лампа, этот мерцающий факел хватайт вфего пятнадцать минут!» Замок должнайт выглядяйт древний! Нафтоящий вампир ест фоблюдение традиция! Ефли ты блуждайт в горах и видайт офвещенное окно в замок, ты имейт право на фкрип двери и фтаромодный вежливый прием, йа!

– Конечно-конечно. А еще на постель в комнате с балконом, – поддержала нянюшка.

– Точнайт!

– С качающимися темными шторами.

– Безуфловнайт!

– И на настоящие оплывшие свечи.

– Я фтолько время ухойдакивайт, чтобы ф них правильно фтекайт вофк! А вфем им плевайт!

– Лично я всегда говорила: боги – в мелочах, – сказала нянюшка. – Так-так-так... значит, наш король пригласил вампиров, а?

С глухим стуком Игорь откинулся на спину, фляжка со звоном упала на булыжники. Нянюшка подняла ее и спрятала под юбки.

– Думала, раньше свалится, – заметила она.

Не многим людям доводилось попробовать домашнюю укипаловку нянюшкиного производства, и прежде всего потому, что сделать это было практически невозможно. Нянюшкино бренди, стоило ему попасть в теплый человеческий рот, мгновенно превращалось в пары, то есть его нужно было не пить, а вдыхать.

– Ну и что будем делать? – спросила Агнесса.

– Мы? Это он их пригласил. Они – гости, – пояснила нянюшка. – Готова поспорить, спроси я об этом Веренса, мне велели бы не совать нос не в свое дело. Конечно, он выразился бы другими словами, – добавила она торопливо, поскольку знала, что король Ланкра не страдает манией самоубийства. – Раза три вспомнил бы об «уважении»... Но смысл остался бы прежним.

– Нянюшка, это ведь *вампиры*... Что скажет матушка?

– Девочка, послушай меня, завтра они уедут, вернее, уже сегодня. Нам остается только не спускать с них глаз, а потом помахать ручкой на прощание.

– Но мы даже не знаем, как они выглядят.

Нянюшка посмотрела на лишившегося чувств Игоря.

– М-да, пожалуй, мне стоило бы порасспросить его об этом, – сказала она и улыбнулась. – Впрочем, есть один безошибочный способ. Кое-что о вампирах известно всем и каждому...

На самом деле о вампирах известно многое, но люди не всегда учитывают то, что самим вампирам это тоже известно.

В дворцовом зале было шумно. Толпа стояла у буфетного столика. Нянюшка и Агнесса раздавали еду гостям.

– А кому воловьих ванек? – надрывалась нянюшка, толкая поднос в сторону каждого гостя, который, как ей казалось, походил на вампира.

– Прошу прощения? – не понял кто-то. – А... волованов...

Мужчина взял с подноса волован и положил его в рот, одновременно поворачиваясь обратно к своему собеседнику.

– ...Ну, я и говорю его светлости... *Это еще что такое?!*

В ярости обернувшись, он чуть не сбил с ног внимательно разглядывавшую его морщинистую старушку в остроконечной шляпе.

– А в чем дело? – осведомилась она.

– Но это... это... это же пюре из чеснока!

– Стало быть, тебе не нравится запах чеснока? – строго осведомилась нянюшка.

– Мне нравится чеснок, да только я ему не нравлюсь! Женщина, это

блюдо не просто пахнет чесноком, это *сплошной* чеснок!

Нянюшка, близоруко щурясь, посмотрела на поднос.

– Неправда, там еще есть... Впрочем, совсем немного. Да, думаю, ты прав, наверное, мы несколько перестарались... Сейчас пойду принесу чуточку... Вернее, просто пойду...

У входа в кухню она столкнулась с Агнессой. Оба подноса со звоном упали на пол, рассыпав чесночные волованы в чесночном соусе, чеснок, фаршированный чесноком, и крошечные канапе из зубчиков чеснока на палочках.

– Либо здесь слишком много вампиров, – сказала без всякого выражения Агнесса, – либо мы что-то делаем неправильно.

– А вот я всегда считала: чесноком кашу не испортишь! – отрезала нянюшка.

– По-моему, нянюшка, эта пословица звучит несколько по-другому.

– Ну и ладненько. Что у нас еще есть?.. Ага! Все вампиры по вечерам надевают вечерние платья!

– Но здесь все одеты в вечерние платья, нянюшка. Кроме нас с тобой.

Нянюшка придирчиво осмотрела себя.

– Я *всегда* надеваю по вечерам это платье!

– Кстати, вампиры вроде бы не отражаются в зеркалах, – вспомнила Агнесса.

Нянюшка щелкнула пальцами.

– Отличная мысль! В уборной есть зеркало. Пожалуй, пойду-ка я туда. Рано или поздно все там будут.

– А если войдет мужчина?

– И что? – осведомилась нянюшка. – Меня это не смутит.

– Зато у него могут возникнуть возражения, – сказала Агнесса, стараясь не обращать внимания на картинку, что невольно возникла в ее голове.

У нянюшки была приятная улыбка, но не всегда эта улыбка скрывала за собой приятные вещи.

– Надо что-то предпринять. Вот матушка... что бы она сделала на нашем месте?

– Ну, можно просто взять и спросить... – предложила Агнесса.

– Что именно? «Эй, в зале есть вампиры? А ну-ка, поднимите руки!»

– Дамы?

Они обернулись. К ним приближался молодой человек, представившийся Владом.

Агнесса мгновенно начала краснеть.

– Кажется, вы говорили о вампирах? – Он взял с подноса Агнессы чесночное печенье и с явным удовольствием откусил. – Могу я вам чем-то помочь?

Нянюшка придирчиво осмотрела его с головы до ног.

– А что ты знаешь о вампирах?

– Ну, кое-что... Ведь я – один из них. Рад познакомиться, госпожа Ягг.

Он склонился к ее руке.

– Нет, только не это! – воскликнула нянюшка, вырываясь. – Терпеть не могу всяких кровососов!

– Знаю. Но я уверен, со временем твое отношение изменится. Кстати, не желаете ли познакомиться с моей семьей?

– Проваливай знаешь куда вместе со своей семейкой! О чем только думал король?

– Нянюшка!

– Что?

– Не нужно так кричать. Это... невежливо. Вряд ли, гм...

– Влад де Сорокула, – представился Влад и поклонился.

– ...собирается укусить меня в шею! – заорала нянюшка.

– Ни в коем разе, – возразил Влад. – Мы, гм, уже поужинали каким-то разбойником на дороге. А госпожа Ягг, как я полагаю, заслуживает того, чтобы ее смаковали. У вас еще остались эти штучки с чесноком? Достаточно пикантный вкус.

– Вы... что сделали? – переспросила нянюшка.

– Вы кого-то... убили? – спросила Агнесса.

– Конечно. Мы ведь вампиры. Или упыри. Это более устаревшее название. Пойдемте, я познакомлю вас с отцом.

– Вы действительно кого-то убили? – спросила Агнесса.

– Ну все! С меня хватит! – прорычала нянюшка и решительно зашагала прочь. – Сейчас позову Шона, он принесет большой острый...

Влад едва слышно откашлялся. Нянюшка остановилась.

– Людям многое известно о вампирах, – сказал он. – А в частности то, что они умеют подчинять себе менее развитых существ. Так что... забудьте о вампирах, дорогие дамы. Это приказ. А сейчас я хочу, чтобы вы познакомились с моей семьей.

Агнесса часто заморгала. Она чувствовала... что-то. Чувствовала, как это что-то ускользает сквозь пальцы.

– Какой приятный молодой человек, – вдруг произнесла нянюшка несколько удивленным голосом.

– Я... Он... Да, – пробормотала Агнесса.

Что-то болталось в голове, словно письмо в бутылке, написанное неразборчивым почерком на незнакомом языке. Она пыталась, но не могла разобрать ни слова.

– Жаль, здесь нет матушки, – наконец сказала Агнесса. – Уж она бы точно знала, что делать.

– Перестань! – перебила ее нянюшка. – Такие вечеринки не для нее.

– Я чувствую себя как-то... странно, – призналась Агнесса.

– Наверное, выпила лишку, – заметила нянюшка.

– Да я ни капельки в рот не взяла!

– Правда? Так вот в чем проблема. Пошли.

Они поспешили в зал. Было уже далеко за полночь, но уровень шума неумолимо приближался к болевому порогу. Смех всегда становится громче, когда коктейль сдобрен полночным часом.

Влад одобрительно помахал им рукой и жестом пригласил присоединиться к толпившимся вокруг короля Веренса людям.

– А, Агнесса и нянюшка, – сказал король. – Граф, позволь представить...

– Гиту Ягг и Агнессу Нитт, как я понимаю, – закончил мужчина, с которым только что разговаривал король, и вежливо поклонился.

По какой-то непонятной причине Агнесса (по крайней мере какая-то ее часть) ожидала увидеть перед собой некоего мрачного типа с благородными клиновидными залысинами и в черном плаще.

Но этот мужчина больше походил на... зажиточного господина независимых воззрений и пытливого ума. По утрам он, вероятно, совершал длительные прогулки, а дни проводил за оттачиванием разума в личной библиотеке или за интереснейшими опытами над пастернаком... и никогда, буквально никогда не беспокоился о деньгах. А еще в нем присутствовали некий лоск и неутоленный энтузиазм, подобный тому, что испытывает человек, который только-только прочитал интересную книгу и которому не терпится поделиться своими впечатлениями с окружающими.

– А мне, в свою очередь, позвольте представить мою жену, графиню де Сорокула, – продолжил мужчина. – Дорогая, это ведьмы, о которых я тебе столько рассказывал. С моим сыном вы уже знакомы, насколько я понимаю? А это моя дочь Лакримоза.

Агнесса встретила взглядом с худенькой, одетой в белое платье девушкой с очень длинными волосами и чересчур подведенными глазами. «Все-таки ненависть с первого взгляда тоже бывает», – невольно подумала Агнесса.

– Граф как раз делился со мной своими планами. Он собирается

переселиться в наш замок и отсюда управлять государством, – сообщил Веренс. – А я ответил ему, что мы почтем за честь водить с ним знакомство.

– Отлично, – кивнула нянюшка, – но если ты не возражаешь, мне бы очень не хотелось пропустить выступление дурностаев...

– Вся беда в том, – заметил граф, провожая взглядом нянюшку, – что люди, как правило, рассматривают вампиров исключительно в свете их диеты. Это довольно-таки оскорбительно. Вы едите животных и овощи, но никто ведь не пытается классифицировать вас с данной точки зрения.

На лице Веренса появилась улыбка, однако выглядела она стеклянно и неубедительно.

– Но вы ведь... пьете человеческую кровь? – уточнил он.

– Конечно. А еще мы убиваем людей, правда, крайне редко, особенно в последнее время. Однако давайте посмотрим, что за вред мы наносим? Дичь и охотник, охотник и дичь. Овцы были созданы как обед для волков, а волки – для того, чтобы не допустить чрезмерного опустошения пастбищ овцами. Ваше величество, если вы внимательно изучите свои зубы, то сами увидите: они предназначены для пищи определенного рода. И все ваше тело создано, дабы в полной мере ее усваивать. Мы хотим, чтобы к нам относились так же. Ведь орехи или, допустим, капуста не проклинаят вас. Охотник и дичь являются лишь частью великого круговорота природы.

– Поразительно, – сказал Веренс. По его лицу катились крупные градины пота.

– Конечно, в Убервальде такое понимание существует, но лишь на инстинктивном уровне, – вступила графиня. – Для детей это слишком отсталая страна. Нам *так* не терпелось посетить Ланкр.

– Очень рад это слышать, – отозвался Веренс.

– Вы были столь любезны, что пригласили нас, – продолжила графиня. – В противном случае мы не смогли бы сюда приехать.

– Не совсем так, – возразил граф, широко улыбнувшись жене. – Но должен признать, запрет на посещение определенных стран без приглашения оказался необъяснимо... долговечным. Возможно, это объясняется древними территориальными инстинктами. Однако, – добавил он радостно, – я разработал методику обучения, которая – и я в этом несколько не сомневаюсь – всего через несколько лет...

– О, – со стоном перебила его Лакримоза. – Опять эта скукотища. Пап, только не начинай, а?

– Да-да, согласен, мои измышления могут быть несколько утомительными, – подтвердил граф, благосклонно улыбаясь дочери. – Этот чесночный соус просто восхитителен! Никто не желает?

Агнесса с удивлением посмотрела на короля, который, похоже, чувствовал себя неловко. И это показалось ей весьма странным, ведь граф и его семья были такими очаровательными людьми и говорили вполне разумные вещи... Все вокруг казалось ей просто восхитительным!

– Вот именно, – сказал стоявший рядом Влад. – Госпожа Нитт, ты танцуешь?

На другом конце зала Ланкрский слегка симфонический оркестр (дирижер – Ш. Ягг) извлекал из музыкальных инструментов нестройные звуки.

– Э-э... – Она едва сдержалась, чтобы не захихикать. – Честно говоря, нет. Вернее, очень плохо...

«Неужели ты не слышала, что они говорили? Они же вампиры!»

– Заткнись! – громко сказала Агнесса.

– Прошу прощения? – переспросил удивленный Влад.

– Кроме того... кроме того, оркестр у нас не самый лучший...

«Ты что, совсем не обращала внимания на их слова, никчемная тупица?»

– Оркестр играет очень *плохо*, – согласился Влад.

– Ну, честно говоря, король приобрел музыкальные инструменты всего месяц назад, и наши музыканты еще учатся...

«Отруби ему башку! Поставь чесночную клизму!»

– С тобой все в порядке? Тут нет никаких вампиров, все хорошо, все спокойно...

«Он контролирует тебя! – завопила Пердита. – Они... влияют на людей!»

– У меня немного... кружится голова от волнения, – пробормотала Агнесса. – Наверное, мне пора домой. – И какой-то инстинкт на уровне костного мозга заставил ее добавить: – Меня нянюшка проводит...

Влад смерил ее странным взглядом, словно она как-то не так реагировала на его слова, но потом широко улыбнулся. «Какие у него белоснежные зубы...» – подумала Агнесса.

– Мне еще никогда не приходилось встречать такую девушку, как ты, госпожа Нитт, – сказал он. – В тебе... есть какая-то *тайна*.

«Это я! Я! Меня-то подчинить он не может! А теперь нам обеим пора сматываться!» – заорала Пердита.

– Но это не последняя наша встреча.

Агнесса кивнула и нетвердым шагом направилась прочь, ощупывая свою голову. Голова была как будто набита ватой, в которую непостижимым образом затесалась длинная острая иголка.

Она приблизилась к всемогучему Овсу, который, выронив свою книжку и закрыв лицо руками, сидел, тихонько постанывая. Заслышав шаги, священнослужитель поднял голову.

– Э... госпожа, у тебя, случаем, ничего нет от головной боли? – спросил он. – Страшно мучаюсь...

– Королева делает пилюли от головной боли из ивовой коры, – задыхаясь, произнесла Агнесса и поспешила дальше.

Нянюшка стояла с мрачным видом и кружкой пива в руке – невиданная комбинация.

– Дурностаевый циркач так и не появился, – сообщила она. – Всем расскажу об этом обманщике. В нашей местности он может забыть о своей карьере, иначе мигом очутится в какой-нибудь карьере, ха-ха.

– Нянюшка, ты не могла бы проводить меня домой?

– Интересно, а если бы хорек укусил его прямо за... ну, ты понимаешь, что я имею в виду... Эй, с тобой все в порядке?

– Нянюшка, я ужасно себя чувствую.

– Тогда пошли. Все хорошее пиво уже кончилось, и раз веселья не предвидится, так чего нам здесь торчать?

Под яростный свист ветра они брели к домику Агнессы. На самом деле было больше свиста, чем ветра. Скрипели лишенные листьев деревья, слабый лунный свет наполнял лесные своды зловещими тенями. Тучи сгущались, и вот-вот должен был начаться дождь.

Агнесса заметила, как нянюшка на выходе из города подняла что-то с земли.

Это была палка. Агнесса глазам своим не поверила. Чтобы ведьма брала с собой палку, пусть даже ночью?

– Нянюшка, зачем она тебе понадобилась?

– Что? А... Сама не знаю. Сильный ветер, темень – хоть глаз коли...

– Но ты в Ланкре никогда ничего не боя...

Какие-то существа выскочили из кустов и застучали копытами по дороге. Агнессе показалось, что это лошади, но потом на них упал лунный свет, а буквально в следующее мгновение существа исчезли в темноте на другой стороне дороги. Слышался лишь быстро удаляющийся стук копыт среди деревьев.

– Давненько я их не встречала, – заметила нянюшка.

– А я видела кентавров только на картинках, – сказала Агнесса.

– Должно быть, из Убервальда пришли, – откликнулась нянюшка. – Что ж, приятно снова их увидеть.

Едва зайдя в домик, Агнесса бросилась зажигать свечи. Жаль только,

на дверях засовов нет...

– Сядь и успокойся, – велела нянюшка. – Сейчас принесу воды, не переживай, сама налью.

– Все в порядке, я...

У Агнессы вдруг задергалась левая рука. Согнувшись в локте, она принялась махать ладонью перед Агнессиным лицом, словно стремясь завладеть ее вниманием. Агнесса в ужасе уставилась на собственные пальцы.

– Что, жарко здесь, да? – участливо осведомилась нянюшка.

– Я принесу воды! – задыхаясь, выдавила Агнесса.

Схватив правой рукой взбесившуюся конечность за запястье, Агнесса выскочила на кухню, но мятежная рука тут же вырвалась, схватила с сушилки нож, воткнула его в стену и вывела на осыпающейся штукатурке неровными буквами:

ВАМПИР

Потом рука выронила нож, схватила Агнессу за волосы и сунула ее лицом прямо в надпись.

– Эй, девочка, ты там как? – крикнула нянюшка из соседней комнаты.

– Э... По-моему, я пытаюсь что-то себе сказать...

Какое-то движение заставило ее обернуться. Крошечный синий человечек в синей шапочке пристально смотрел на нее с полки над медным котлом для белья. Затем человечек высунул язык, продемонстрировал очень неприличный жест и спрятался за пакетом со стиральной содой.

– Нянюшка?

– Да, милая?

– А синие мышцы бывают?

– Нет, если ты трезвая, дорогуша.

– Значит... мне нужно выпить. У тебя еще осталась укипаловка?

Нянюшка вошла в кухню, вынимая пробку из фляжки.

– Немного долила на празднике. Конечно, это купленное в лавке пойло нельзя...

Агнессина левая рука вырвала у нянюшки фляжку и вылила ее содержимое в Агнессин рот. А потом Агнесса закашлялась так сильно, что бренди чуть не брызнуло у нее из носа.

– Ну-ну, не настолько уж оно и слабое, – покачала головой нянюшка.

Агнесса стукнула фляжкой по кухонному столу.

– Отлично, – сказала она голосом, который показался нянюшке каким-то иным. – Меня зовут Пердита, и *теперь* я – хозяйка этого тела.

Ходжесааргх почувствовал запах дыма задолго до того, как добрался до конюшни, но объяснил его горевшим во дворе замка костром. Он рано покинул праздничное пиршество. Никто не хотел разговаривать с ним о соколах.

Когда же он заглянул проверить птиц, то почувствовал тот же дымный запах, только куда *сильнее*, и сразу заметил крохотный огонек в самом центре пола. Некоторое время Ходжесааргх тупо пялился на него, после чего схватил ведро с водой и попытался залить пожар.

Однако язычки пламени и не подумали исчезнуть с залитого водой каменного пола.

Ходжесааргх взглянул на птиц. Они с интересом таращились на огонь, хотя, как правило, едва заметив пламя, сразу начинали паниковать.

Сам Ходжесааргх никогда не паниковал. Еще немного понаблюдав за происходящим, он поднял щепочку и поднес ее к пламени. Огонь мгновенно перескочил на дерево.

А щепка даже не обуглилась.

Тогда он отыскал сухую веточку и поднес ее к щепке; огонь плавно перешел на веточку. Он был единым целым и даже не думал делиться.

Половина решетки в окнах сгорела, а в углу конюшни, там, где валялись старые клетки, Ходжесааргх увидел головешки. Прямо над ними в крыше зияла обугленная дыра, сквозь которую виднелись клочья тумана и проступающие между ними звездочки.

В этом углу совсем недавно что-то горело, пришел к выводу Ходжесааргх. Причем горело сильно, но почему-то только в одном месте, как будто что-то не давало огню распространиться...

Ходжесааргх протянул руку к танцевавшему на конце веточки пламени. Огонек был теплым, но... не обжигающим, в отличие от обычного пламени.

Вдруг огонь перекинулся на палец, и стало щекотно. Ходжесааргх замахал рукой, и все птицы дружно закрутили головами, следя за пламенем.

Используя огонек как лампу, Ходжесааргх осмотрел оставшуюся от клеток грудку головешек. В пепле он нашел кусочки яичной скорлупы.

Аккуратно собрав их, Ходжесааргх отнес находку в тесную комнатку в конце конюшни, которая служила ему и мастерской, и спальней. Тихонько потрескивающее в тиши комнатки пламя он осторожно переложил на блюдце.

В тусклом свете он отыскал на висевшей над кроватью полке потрепанный толстый том, на обложке которого много веков назад кто-то написал «ПТЫЦЫ».

На самом деле эта книга представляла собой очень толстую папку. Несколько раз в прошлом корешок разрезался, чтобы туда можно было вклеить дополнительные страницы, после чего неумело сшивался.

Сокольничие Ланкра хорошо разбирались в птицах. Королевство находилось прямо на пути перелетных птиц, мигрировавших между Пупом и Краем. Соколы и ястребы на протяжении веков приносили своим хозяевам самых разных птах, и сокольничие кропотливо вносили в книгу их описания. Страницы были испещрены всяческими рисунками и описаниями; записи мелким аккуратным почерком добавлялись, копировались, а потом опять копировались в течение нескольких веков. Иногда к странице аккуратно приклеивалось перо, что лишь добавляло «птычьему» труду толщины.

Составить указатель никто так и не удосужился, но какой-то древний сокольничий постарался распределить многие описания по алфавиту.

Ходжесааргх посмотрел на ровно горевшее в блюдце пламя и, осторожно переворачивая страницы, отыскал букву «П».

Однако некоторое время спустя он обнаружил искомое под буквой «Ф».

В самом темном углу конюшни пряталось, съежившись от страха, какое-то существо.

В доме Агнессы книги занимали целых три полки. По ведьмовским стандартам это была гигантская библиотека.

Две крошечные фигурки лежали на книгах и с интересом наблюдали за происходящим.

Нянюшка Ягг пятилась от Агнессы, размахивая кочергой.

– Все в порядке, – сказала Агнесса. – Это снова я, Агнесса Нитт, однако... Она тоже здесь, но пока я с ней справляюсь. Да! Да! Хорошо, просто заткнись... Послушай, это *мое* тело, а ты – лишь часть моего воображе... Ладно! Ладно! Возможно, не все так очевидно... Позволь мне поговорить с нянюшкой, хорошо?

– И кто ты сейчас? – спросила нянюшка.

– Агнесса, кто ж еще? – Она закатила глаза. – Ну, хорошо! Я – Агнесса, которая в данный момент слушает советы Пердиты, которая – тоже я. В некотором смысле. *И я не слишком толстая, спасибо тебе большое!*

– Так сколько же вас всего? – уточнила нянюшка.

– Что значит «да тут места на десятерых хватит»? – рывкнула Агнесса. – Вот и заткнись! Послушай, Пердита говорит, что на празднике присутствовали вампиры. Семейство Сорокула помнишь? И Пердита не

понимает, почему мы себя так вели. Она утверждает, что вампиры каким-то образом... влияют на людей. Включая меня, и именно поэтому ей удалось вырваться наружу... Да, хорошо, я как раз это и говорю! Большое тебе спасибо!

– А на нее почему они не влияют? – спросила нянюшка.

– Потому что у нее отдельный ум! Нянюшка, ты можешь вспомнить, что именно они нам говорили?

– Гм, если уж об этом зашла речь... нет, не могу. Но мне они показались очень даже приятственными людьми.

– А ты помнишь, как мы разговаривали с Игорем?

– А это кто такой?

Крошечные синие человечки замороженно наблюдали за ведьмами еще с полчаса.

Наконец нянюшка устало опустилась на стул и долго-долго смотрела в потолок.

– И почему мы должны ей верить? – поинтересовалась она.

– Потому что она – это я.

– Говорят, внутри каждой толстушки живет стройная красавица и... – начала было нянюшка.

– Ага, – с горечью перебила ее Агнесса. – Я слышала. Вот именно. Она и есть худышка, а я – это очень много шоколадных конфет.

Нянюшка наклонилась к уху Агнессы и громко крикнула:

– Эй, как у тебя дела? Все в порядке? Она хорошо с тобой обращается?

– Ха-ха, нянюшка. Очень смешно.

– Значит, они все время говорили о том, как убивают людей и пьют их кровь, а все лишь кивали: «Ну и ну, надо ж, как интересно»?

– Да!

– И эти вампиры ели чеснок?

– Да!

– Этого не может быть.

– Я не знаю! Наверное, мы использовали не тот сорт чеснока!

Нянюшка задумчиво почесала подбородок. Сразу два откровения в один вечер: во-первых, вампиры, а во-вторых, Пердита. Нянюшка откровенно разрывалась между двумя этими заманчивыми темами.

– А чем занимается эта твоя Пердита?

Агнесса тяжело вздохнула.

– Послушай, в любом человеке живет частичка, которая хочет поступать так, как ты поступать не смеешь, и думать о том, о чем ты даже боишься задуматься.

Нянюшка ответила бессмысленным взглядом.

– Ну, например... – попыталась объяснить Агнесса. – Сорвать с себя одежду и голышом побегать под дождем?

– Ага, тут ты абсолютно права, – согласилась нянюшка.

– Думаю, Пердита – это такая частичка меня.

– Правда? А у меня такой частичкой была я сама, – пожала плечами нянюшка. – Главное – не забыть, где одежду оставила.

Агнесса слишком поздно вспомнила, что нянюшка Ягг во многих смыслах была очень *незамысловатой* личностью.

– Не волнуйся, я понимаю, что ты имеешь в виду, – продолжила нянюшка уже более серьезно. – Иногда мне очень хочется выкинуть что-нибудь этакое, и я с трудом себя останавливаю... – Она покачала головой. – Но... вампиры?.. Веренс ведь не настолько глуп, чтобы приглашать сюда вампиров? – Она задумалась. – Хотя нет, именно настолько. Типа рука дружбы и так далее.

Она встала.

– Значит, так. Уехать они еще не успели. Займемся делом. Ты позаботишься о чесноке и колах. Я соберу Шончика, Джейсончика и других ребяташек...

– Нянюшка, ничего не получится! Пердита видела, на что они способны. Стоит только приблизиться к ним, как обо всем забываешь. Они что-то вытворяют с нашими головами.

Нянюшка некоторое время медлила с ответом.

– Не могу сказать, что настолько хорошо разбираюсь в вампирах, – наконец призналась она.

– Пердита считает, что они умеют читать наши мысли.

– Значит, надо подключать Эсме. Это по ее части, копаться в мозгах. Как говорится, хлебом не корми, водой не пои.

– Нянюшка, они говорили, будто бы хотят *остаться*. Мы должны что-то *сделать*, чтобы им помешать!

– Куда ж она подевалась-то?! – почти взвыла нянюшка. – Только Эсме способна во всем этом разобраться!

– Может, они и до нее добрались? Первым делом?

– Надеюсь, ты это не всерьез? – Нянюшка явно запаниковала. – Чтобы какой-то там вампиришка вонзил зубы в Эсме?..

– Не волнуйся, ворон ворону глаз не выклюет.

Эти слова произнесла Пердита, а досталось Агнессе. Причем удар был не какой-то там женской пощечиной, символизирующей неодобрение. Нянюшка Ягг вырастила дюжих сыновей, кроме того, рука Яггов всегда

считалась тяжелой.

Когда лежащая на коврике у камина Агнесса наконец подняла глаза, нянюшка, потирая ушибленную руку, мрачно смотрела на нее.

– Больше мы этой теме не касаемся, договорились? – сказала она. – Обычно я избегаю физических методов воздействия, но они позволяют экономить время, которое тратится на всякие бесполезные споры. Итак, мы возвращаемся в замок. Попытаемся разобраться во всем *немедленно*.

Ходжесааргх захлопнул книгу и уставился на пламя. Значит, это правда. В книге даже был рисунок, тщательно выполненный королевским сокольничим двести лет назад. Он нашел *это* однажды весной на высокогорных лугах. Пламя горело целых три года, а потом куда-то подевалось.

Рисунок был настолько точным, что, присмотревшись, можно было различить мельчайшие детали. Не совсем пламя, а скорее яркое перо...

Ланкр действительно располагался на пути самых разных перелетных птиц. А значит, это был лишь вопрос времени.

И значит, где-то поблизости... вылупился птенец. В книге говорилось, что птенцы растут медленно. Интересно, откуда тут взялось яйцо, ведь книга утверждала, что птенцы появляются на свет только в знойных пустынях Клатча...

Ходжесааргх вышел из комнаты, чтобы снова проверить птиц. Они по-прежнему вели себя настороженно.

Ну да, все правильно, все логично. Он прилетел сюда, к другим птицам, отложил яйцо, как и было написано в книге, после чего сгорел, давая возможность вылупиться птенцу.

Если у Ходжесааргха и были недостатки, то заключались они в достаточно утилитарном взгляде на мир птиц. Для него существовали только птицы, на которых охотились, и птицы, при помощи которых охотились. Разумеется, были и еще какие-то птахи, чирикающие в кустах, но они не имели значения. Но если и есть на свете птица, *идеально* подходящая для охоты, так это феникс.

О да. Сейчас он слишком мал и слаб, поэтому не мог улететь далеко...

Гм-м... В конце концов, все птицы мыслят одинаково.

Вот если б еще в книге было только одно изображение... Но их было несколько, каждое – скрупулезно нарисовано, и каждый древний сокольничий утверждал, что, мол, только ему посчастливилось увидеть жар-птицу.

Однако все картинки были разными и походили друг на друга лишь

одним: у всех птиц наличествовали крылья и клювы. Но один феникс очень напоминал цаплю. Другой – гуся. Третий, что особенно озадачило Ходжесааргха, был похож на воробья. «Вот ведь загадка», – подумал Ходжесааргх и решил взять за основу картинку, на которой была изображена, по крайней мере, не совсем обычная птица.

Он внимательно оглядел развешанные по крючкам перчатки. Ходжесааргх славился своим умением приручать птенцов. Они ели у него прямо с руки. После чего принимались за саму руку.

Точно. Поймать еще птенцом, приучить сидеть на запястье. Это будет непревзойденная ловчая птица.

Ходжесааргх не мог представить феникса в роли *дичи*. Во-первых, как его приготовишь?

...А в самом темном углу конюшни существо взлетело на насест...

Агнессе уже в который раз пришлось бежать вприпрыжку, чтобы поспеть за энергично шагающей нянюшкой. Яростно работая локтями, старушка пробралась к толкавшейся у пивной бочки группе мужчин и схватила двоих из них за рукава, заставив расплескать пиво. Не будь это сама нянюшка Ягг, данный поступок мог бы быть расценен как вызов, равный брошенной перчатке или – в менее благородных кругах – разбиванию бутылки о край барной стойки.

Но мужчины лишь застенчиво улыбнулись, а кое-кто даже принялся шаркать ножкой, тщетно пытаясь спрятать кружки за спины.

– Джейсон? Даррен? Живо за мной! – приказала нянюшка. – Мы идем драться с вампирами, понятно? Колья поострее найдутся?

– Нет, мам, – ответил Джейсон, он же – единственный ланкрский кузнец. – Но минут десять назад из замка вышел повар и спросил, не хочет ли кто крошечных пирожков, которые какой-то плохой человек изгадил чесноком. Так вот, я их съел.

Нянюшка принюхалась, машинально отступила на шаг и замахала перед лицом ладонью.

– Да, судя по всему, этого вполне хватит, – признала она. – Когда подам тебе сигнал, рыгнешь что есть глотки, понял?

– Нянюшка, это вряд ли сработает, – возразила Агнесса настолько смело, насколько смогла.

– И почему это? Даже я едва с ног не валюсь.

– Я ж говорила, они не дадут тебе приблизиться. Пердита это чувствовала. Ты сразу становишься словно пьяной. Кроме того, чеснок, похоже, не действует.

– Ничего, теперь я буду готова, – огрызнулась нянюшка. – Кое-чему я у Эсме все-таки научилась.

– Да, но у нее... – «получалось все куда лучше», собиралась было сказать Агнесса, но передумала. – Но ее здесь нет.

– Пусть так, – кивнула нянюшка. – Однако я лучше прямо сейчас против них выступлю, чем потом буду объяснять Эсме, почему я ничего не предприняла. Идем.

Агнесса с тяжелым чувством на сердце последовала за Яггами. Конечно, Пердите нельзя доверять, но...

Некоторые гости уже отбыли, однако в замке закатили поистине невиданный пир, а жители Овцепикских гор, на каком бы социальном уровне ни находились, никогда добровольно не покинут уставленный яствами стол.

Нянюшка быстро обвела гостей взглядом и поймала за руку Шона, проходившего мимо с подносом.

– Где вампиры?

– Кто, мам?

– Этот сорочий граф... Сраку...

– Сорокула, – быстренько поправила Агнесса.

– Вот именно.

– Его здесь нет... Он поднялся в солярий, мамочка. Все туда ушли... От кого так воняет чесноком?

– От твоего братца. Ладно, пошли за ними.

Солярий находился на самом верху замка и представлял собой старую, холодную и продуваемую всеми сквозняками залу. По настоянию королевы Веренс застеклил огромные окна, но это привело лишь к тому, что теперь огромная комната продувалась только самыми коварными, внутренними сквозняками. Впрочем, данное помещение считалось сугубо королевским, не таким публичным, как Главный зал, но предназначенным для приемов исключительно в формально неформальной обстановке.

Экспедиционные силы нянюшки Ягг поднимались по винтовой лестнице. Она первой приблизилась по еще вполне добротному, но уже потертому ковру к сидевшей вокруг камина группе людей.

И сделала глубокий вдох.

– А, госпожа Ягг, – произнес Веренс каким-то безнадежным голосом. – Присоединяйся, присоединяйся.

Агнесса боковым взглядом заметила, как лицо нянюшки расплылось в странной улыбке.

Граф сидел в огромном кресле у самого огня, Влад стоял за его

спиной. Оба были просто красавцами. По сравнению с ними Веренс, на котором любая одежда, какую ни подбери, смотрелась просто ужасно, да еще это его вечно растерянное выражение на лице... В общем, король Ланкра выглядел тут на удивление неуместно.

– Граф как раз объяснял, что Ланкр войдет герцогством в его убервальдские владения, – сказал Веренс. – Но мы по-прежнему будем считаться королевством. Очень разумное предложение с его стороны, не находишь?

– И вправду. Весьма заманчиво, – подтвердила нянюшка.

– Налоги, конечно, будут, – вступил в разговор граф, – но не обременительные. Мы не хотим пить вашу кровь, фигурально выражаясь! – И он широко улыбнулся собственной шутке.

– Да-да, абсолютно согласна, – поддакнула нянюшка.

– Вот и договорились, – кивнул граф. – Я знал, что у нас все получится. Веренс, я так рад, что вы придерживаетесь столь современной точки зрения. У людей о вампирах сложилось довольно превратное мнение. Разве мы – жестокие убийцы? – Он снова улыбнулся. – Разумеется. Но только когда это необходимо. Ведь если вдуматься, ну что это за правитель, который убивает своих подданных налево-направо? Во-первых, очень скоро такому правителю станет нечем управлять!

Раздался общий вежливый смех, но громче всех смеялся сам граф.

Агнессе его слова тоже показались исключительно разумными. Граф, несомненно, справедливый человек. И любой, кто считал иначе, заслуживал смерти.

– Мы – самые обычные люди, – добавила графиня. – Ну, может, не самые обычные, но разве, если нас поранить, из нас не течет кровь? Текущая зазря кровь – такое расточительство...

«Они снова тебя достали», – раздался внутренний голос.

Влад вдруг резко вскинул голову, и Агнесса почувствовала на себе его взгляд.

– А кроме того, – сказал граф, – мы очень современные люди. И, должен признаться, нам нравится то, что вы сделали со своим замком.

– О, эти ужасные факелы у нас дома! – воскликнула, закатив глаза, графиня. – А подземелья? Увидев их, я едва не умерла от стыда. Веков этак... *пятнадцать* назад. Ты – вампир, – она неодобрительно хмыкнула, – и это многое объясняет. Гробы? Да, конечно, но зачем же постоянно в них прятаться, как будто ты стыдишься того, чем являешься? У каждого свои... потребности, свои нужды.

«Да вы перед ними как кролики перед удавами!» – бушевала Пердита в

дальних уголках Агнессино сознания.

– О! – вдруг захлопала в ладоши графиня. – У вас и пьанофорте тут есть!

Вот уже четыре месяца инструмент стоял в углу под покрывалом. Веренс заказал его, поскольку где-то услышал, что иметь дома такой вот инструмент – это очень модно, но единственным человеком в королевстве, освоившим, если можно так выразиться, игру на пьанофорте, была нянюшка Ягг. Иногда она заглядывала в замок, дабы, как она выражалась, «постучать по этим слоновьим костяшкам»^[11]. Однако затем по приказу Маграт инструмент закрыли, а по дворцу поползли слухи, якобы Веренс получил хорошую взбучку за то, что купил предмет, который фактически являлся невинно убиенным слоном.

– Лакримоза с удовольствием сыграет для вас, – велела графиня.

– Ну, ма-ам, – протянула Лакримоза.

– Не сомневаюсь, нам очень понравится, – сказал Веренс.

Сама Агнесса никогда бы не заметила катившийся по его лицу пот, если бы ей не подсказала Пердита: «Он пытается сопротивляться. Правда, здорово, что у тебя есть я?»

После некоторой возни, связанной с извлечением нотной книги из-под сиденья табурета, девушка села за инструмент. Однако, прежде чем начать, она смерила Агнессу свирепым взглядом. Их отношения можно было сравнить с химической реакцией, которая, как правило, заканчивается эвакуацией всего здания.

«Сплошной обман, – заявила Пердита после первых нескольких аккордов. – Все ведут себя так, будто слушают чудесную музыку, а на самом деле слышат жуткий грохот и бряцанье!»

Агнесса постаралась взять себя в руки. Музыка была прекрасной, но стоило немножко сосредоточиться (не без помощи Пердиты), как ты понимал, что никакой музыки нет. Был только шум, словно кто-то пытался играть гаммы – очень плохо и со злостью.

«Я могу сказать об этом в любой момент, – подумала она. – Могу очнуться, когда захочу».

Все остальные вежливо аплодировали. Агнесса тоже попыталась было хлопнуть, но вдруг поняла, что ее левая рука объявила бойкот. Власть Пердиты над левой рукой все усиливалась.

Влад оказался рядом настолько быстро, что она даже не заметила, как он двигался.

– Ты восхитительная девушка, госпожа Нитт, – сказал он. – У тебя чудесные волосы. Но кто такая эта Пердита?

– Да так, никто, – пробормотала Агнесса.

Она едва справлялась с желанием сжать левую руку в кулак. Пердита что-то сердито орала.

Влад погладил прядь ее волос. Волосы Агнессы действительно были хорошими. Не просто длинными и густыми, нет, они походили на огромную копну, словно бы должны были уравнивать тело. Еще они были блестящими, никогда не секлись и легко расчесывались – правда, иногда в них пропадали расчески.

– Пропадали расчески? – уточнил Влад, наматывая прядь на палец.

– Ну да, они...

«Он читает твои мысли!»

Влад озадаченно уставился на нее, как будто пытался расслышать некий неясный звук.

– Ты... можешь сопротивляться нам, да? – спросил он. – Я наблюдал за тобой, пока Лакки мучила пианино. В тебе что, есть вампирская кровь?

– Что? Нет!

– Ну, это легко можно исправить, ха-ха.

И он улыбнулся. Эта улыбочка была заразительна – как корь. Она заполонила все ближайшее будущее. Что-то похожее на розовый туман обволакивало Агнессу, постоянно повторяя: «Все в порядке, все будет хорошо...»

– Взгляни-ка на госпожу Ягг, – продолжил Влад. – Ухмыляется, как какая-нибудь тыква. А ведь она – одна из самых могущественных ведьм в этих горах. Даже неловко за нее становится, правда?

«Скажи, что ты знаешь о его умении читать мысли», – приказала Пердита.

И снова этот озадаченный, недоуменный взгляд.

– Ты можешь... – начала было Агнесса.

– Только у людей, – перебил ее Влад. – Но мы учимся. Учиться, учиться и еще раз учиться...

Он упал на диван, закинул ногу на подлокотник и задумчиво посмотрел на нее.

– Скоро многое изменится, Агнесса Нитт, – сказал он. – Мой отец прав. Зачем прятаться в темных замках? Чего стыдиться? Мы – вампиры, ну, или упыри, как будет угодно. Хотя отец настаивает именно на первом варианте. Говорит, что, приняв себе новое имя, мы тем самым рвем с нашим темным, полным суеверий прошлым. А с другой стороны, разве мы виноваты? Мы были рождены, чтобы сосать кровь.

– А я думала, вы превращаетесь...

– ...В вампиров лишь после того, как нас укусят? Конечно, нет. Да, мы способны *превращать* в вампиров людей, но зачем? Когда ты ешь... вот что ты любишь? Ага, шоколад... Так вот, когда ты ешь шоколад, ты же не хочешь, чтобы он превратился в еще одну Агнессу Нитт. Ведь тогда он тоже начнет есть шоколад. – Влад вздохнул. – Суеверия, сплошные суеверия, куда ни глянь. Мы разговариваем уже больше десяти минут, а на твоей шейке, заметь, ничего нет. Ну, кроме мыла, которое ты забыла смыть.

Агнесса машинально вскинула руку к горлу.

– Мы всё подмечаем, – сказал Влад. – И теперь мы пришли к вам. Отец по-своему очень могущественный человек, достаточно передовой мыслитель, но, мне кажется, даже он не понимает, какие *возможности* перед нами открываются. Не могу выразить словами, госпожа Нитт, насколько я рад был вырваться из того ужасного места. Вервольфы... о боги, эти вервольфы... Само собой, прекрасные, замечательные люди, у барона определенно есть свой, пусть и грубоватый стиль, но устрой им охоту на оленя, обеспечь теплое местечко у камина, кинь кость посочнее да побольше, и они забывают обо всем на свете. Мы делали все возможное, клянусь. Отец приложил все усилия, чтобы наша часть страны с достоинством вошла в век Летучей Мыши...

– Но он уже почти закончился... – вставила Агнесса.

– Возможно, возможно. Быть может, именно поэтому мой отец так рвется вперед? – кивнул Влад. – В тех краях слишком много... ископаемых. Взять, к примеру, кентавров. Просто караул! Вот уж кто не имеет права на существование. Они – лишние. Да и все прочие низшие расы ничуть не лучше. Тролли – тупые, гномы – коварные, пикси – злые, а цверги вообще в зубах навязли. Им пора уйти. Настало время их прогнать. И на Ланкр мы возлагаем большие надежды. – Он окинул зал презрительным взглядом. – После некоторой перестановочки, конечно.

Агнесса посмотрела на нянюшку и ее сыновей. Они с довольным видом слушали самую худшую на свете музыку. Нет, конечно, были еще волынки Шона Ягга, но их у него очень быстро отобрали.

– И вы... решили захватить нашу страну? – спросила она. – Так просто?

Влад улыбнулся, встал и направился прямо к ней.

– Ага. И никакого кровопролития. Ну... *метафорически выражаясь*. Ты замечательная женщина, госпожа Нитт. В Убервальде все девушки застенчивы и глуповаты. А ты... ты что-то от меня скрываешь. Все мои чувства буквально кричат о том, что сейчас вы в моей власти, и тем не менее... это не так. – Он хмыкнул. – Восхитительно, просто

восхитительно...

Агнесса чувствовала, как сознание ее разворачивается, раскрывается. Розовый туман струился сквозь ее голову...

...И из него громадным смертоносным айсбергом вставала Пердита.

Погружаясь в розовый туман, Агнесса почувствовала распространившееся по рукам и ногам покалывание. Ощущение было не из приятных. Словно какой-то человек стоит у тебя за спиной (и ты это чувствуешь!), а потом он вдруг берет и делает один шаг вперед.

Агнесса просто оттолкнула бы его. То есть сначала она бы разволновалась и попыталась решить все на словах, без рукоприкладства, но если бы потребовалось действительно толкнуть, она бы толкнула так толкнула. Однако Пердита предпочла нанести удар. Рука взлетела в воздух, на полпути развернулась, пальцы согнулись, чтобы удобнее было драть и царапать лицо...

Однако он оказался быстрее и перехватил ее руку.

– Молодец, – похвалил он, рассмеявшись.

А второй рукой он перехватил ее второе запястье.

– Мне нравятся женщины с характером!

Однако руки у него закончились, тогда как в резерве у Пердиты еще оставались колени. Глаза Влада закатились, и он издал едва слышный звук, больше похожий на «гхны...».

– Великолепно! – прохрипел он, складываясь пополам.

Пердита отскочила от него, подбежала к нянюшке Ягг и схватила ее за рукав.

– Нянюшка, мы уходим!

– Правда, милая? – спокойно спросила нянюшка, не двигаясь с места.

– Вместе с Джейсоном и Дарреном!

Пердита не отличалась начитанностью Агнессы. Она считала книги *ску-учными*. Но сейчас ей действительно необходимо было знать, как можно бороться с вампирами.

– *Священные символы!* – подсказала изнутри Агнесса.

Пердита в отчаянии огляделась, однако в комнате не было ничего особенно священного. Религия, помимо использования ее в качестве универсального бюро записей актов гражданского состояния, не привилась в Ланкре.

– Дневной свет никогда не подводил, моя дорогая, – сказала графиня, вероятно частично уловив ее мысли. – У твоего дяди всегда были большие окна и быстро сдвигаемые в сторону шторы, верно, граф?

– Именно так, – подтвердил граф.

– А для того, чтобы рядом была проточная вода, он содержал в идеальном состоянии крепостной ров.

– О, насколько помню, вода туда подавалась прямым из горного ручья, – откликнулся граф.

– А еще, если мне не изменяет память, замок был битком набит всяческими украшениями, которые, сломав или согнув, всегда можно было использовать в качестве религиозных символов.

– Определенно. Он был упырем старой школы.

– Да, – улыбнулась мужу графиня. – Глупой школы. – Повернувшись к Пердите, она внимательно осмотрела ее. – Думаю, ты скоро поймешь: мы пришли сюда, чтобы остаться. Впрочем, тебе удалось произвести впечатление на моего сына. Подойди ближе, девочка. Дай-ка посмотреть на тебя.

Даже спрятавшись глубоко в собственной голове, Агнесса не могла не почувствовать, как воля графини обрушилась на Пердиту. Это было подобно удару ломом. Агнессу, словно на качелях, мгновенно выбросило из подсознания.

– Где Маграт? Что вы с *ней* сделали?! – закричала она.

– Наверное, укладывает девочку, – ответила графиня, удивленно подняв брови. – Прелестное дитя.

– Вот погодите, узнает матушка Ветровоск, что здесь творится, и вы пожалеете о том, что родились... ну, или не родились, или переродились, или что еще вы там с собой сделали!

– Нам не терпится с ней познакомиться, – спокойно заявил граф. – Но мы здесь, а эта знаменитая дама до сих пор отсутствует. Может, ты пойдешь и позовешь ее? И своих друзей забирай. Кстати, госпожа Нитт, когда увидишь госпожу Ветровоск, передай ей: у ведьм и вампиров нет причин для вражды.

Нянюшка Ягг зашевелилась, как будто очнулась от глубокого сна. Джейсон заерзал на своем стуле. Агнесса подняла их на ноги и подтолкнула в сторону лестницы.

– Мы еще вернемся! – крикнула она.

Граф кивнул.

– Вот и отлично, – сказал он. – Мы славимся своим гостеприимством.

Когда Ходжесааргх отправился в путь, было еще темно. Рассуждал он примерно следующим образом: если уж охотиться на феникса, лучше делать это в темное время суток. В темноте свет проще заметить.

Внимательно изучив обуглившуюся оконную решетку, он достал из

кладовой переносную проволочную клетку и несколько усовершенствовал свою перчатку.

Теперь перчатка представляла собой куклу, сшитую из желтой ткани и украшенную лиловыми и синими лоскутками. Разумеется, она не больно-то походила на изображенного в книге феникса, но, с другой стороны, птицы никогда не отличались особой наблюдательностью.

Только что вылупившиеся птенцы готовы принять за родителей практически что угодно. Всякий человек, подкладывавший яйца других птиц под наседку, знал: любого птенца можно заставить считать себя цыпленком – и случай с беднягой Вильямом служил тому убедительным доказательством.

Разумеется, тот факт, что юный феникс никогда не видел своих родителей, а стало быть, понятия не имел, как они выглядели, мог послужить некоторой помехой – ведь птичье доверие нужно будет как-то завоевать, однако это было неизведанной территорией, а Ходжесааргх был готов использовать любой шанс. Например, приманку. Он взял мясо и даже зерно, хотя, судя по рисунку, птица была явным хищником. Кроме того, на тот случай, если феникс предпочитал питаться горючими материалами, Ходжесааргх прихватил пакетик нафталиновых шариков и пузырек рыбьего жира. Использовать силки и тем более птичий клей Ходжесааргху не позволяла гордость. Да и вряд ли они годились для ловли *такой* птицы.

Не зная, что еще может пригодиться, Ходжесааргх переделал утиный манок, пытаясь добиться звука, который давно умерший сокольниковый описал как «пахожий на канючий крик, тока боле низкий». Результат получился не вполне удовлетворительным, но, с другой стороны, быть может, юный феникс тоже не знает, как должен звучать его настоящий крик. Так или иначе, манок мог пригодиться, и правду говорят: не попробуешь – не узнаешь.

Наконец Ходжесааргх выступил.

И скоро темные, окутанные туманом холмы огласил звук, больше похожий на вопль вошедшей в глубокое пике утки.

Матушка Ветровоск вышла из домика еще до рассвета. Небо на горизонте только начинало сереть, а на листьях искрился мокрый иней.

Столько всего предстояло сделать...

Она захватила с собой лишь то, что уместилось в небольшую заспинную котомку. Помело осталось стоять в углу, возле печки.

Дверь матушка оставила открытой, подперев ее булыжником, а потом, так ни разу и не оглянувшись, матушка Ветровоск скрылась в лесу.

В деревнях, встречая прячущийся за облаками рассвет, начинали кукарекать петухи.

Примерно через час на лужайку мягко опустилось помело. Нянюшка Ягг спрыгнула с него и поспешила к задней двери домика.

Ее нога наткнулась на что-то твердое, державшее дверь открытой. Некоторое время нянюшка свирепо тарасилась на булыжник, как на какое-то опасное существо, потом аккуратно обогнула его и вошла в темный дом.

Но буквально через несколько минут снова появилась, явно чем-то обеспокоенная.

Нянюшка подошла к кадке для дождевой воды, разбила рукой тонкий ледок, достала один из осколков, внимательно рассмотрела его и отбросила в сторону.

О нянюшке Ягг могло сложиться весьма превратное впечатление, но, с другой стороны, именно этого она и добивалась. Наиболее распространенной ошибкой было мнение, что ее мысли не распространяются глубже дна стакана.

Со стоявшего рядом с домиком дерева заругалась сорока. Нянюшка швырнула в нее камнем.

Еще через полчаса появилась Агнесса. По возможности она предпочитала передвигаться на своих двоих. Не всякое помело допускало подобный перевес.

Нянюшка Ягг сидела в кресле прямо за дверью и курила любимую трубку. Завидев Агнессу, она приветливо кивнула.

– Все, ушла, – сообщила нянюшка.

– Ушла? Когда она нам так нужна? – изумилась Агнесса. – Что это значит?

– Это значит: нету ее, и дело с концом, – объяснила нянюшка.

– Может, она просто *вышла*? Ну, куда-нибудь отлучилась?

– Она *ушла*, – повторила нянюшка. – Часа два назад, насколько я могу судить.

– Но как ты это узнала?

Совсем недавно, возможно, еще вчера вечером, нянюшка сослалась бы на некие тайные ведьмовские чары. То, что она не стала делать загадочное лицо, лишний раз говорило о том, насколько она встревожена.

– Утром, в любую погоду, она первым делом умывается в кадке для дождевой воды, – пояснила нянюшка. – Кто-то разбил там лед примерно часа два назад. Можешь посмотреть, вода снова успела замерзнуть.

– И все? – вскинула брови Агнесса. – Но, может, у нее какое дело срочное возникло...

– Иди сюда, – велела нянюшка, вставая с кресла.

Кухня была безукоризненно чистой. Буквально каждая плоская поверхность была тщательно вытерта. Очаг был вычищен от углей, и там высилась аккуратная стопка свежих поленьев.

На кухонном столе стояли три чашки и три тарелки, рядом с которыми лежали три ножа, тесак, три вилки, три ложки, два черпака, ножницы и три свечи. Чуть сбоку пристроилась деревянная шкатулка с нитками, иголками и булавками...

Начищено было все, что только могло быть начищено. Даже старые оловянные подсвечники были надраены так, что блестели.

Агнесса почувствовала, как внутри ее все вдруг стало сжиматься. Сами ведьмы владели очень немногим. Владельцем вещей был, как правило, дом. Нельзя уносить то, что тебе не принадлежит.

Все вещи были разложены так, словно кто-то составлял их опись.

За ее спиной нянюшка Ягг грохотала ящиками древнего комода.

– Она навела порядок, – сказала нянюшка. – Даже чайник очистила от ржавчины. В буфете ничего нет, кроме высушенного сыра и печенья, которое можно есть, только если ты решил покончить жизнь самоубийством. В спальне тоже все прибрано. Табличка «Я НИ УМИРЛА» висит за дверью. Ночной горшок такой чистый, что из него чай можно пить. Я, конечно, никогда не буду этого делать, но мало ли кому что в голову придет... А еще она взяла шкатулку из комода.

– Какую шкатулку?

– В ней она хранит разные мелочи, – пояснила нянюшка. – Меморорабилилии...

– Мемо... что?

– Ну, знаешь... подарки, все такое прочее. То, что принадлежит лично ей...

– А это что? – спросила Агнесса, поднимая зеленый стеклянный шар.

– А, это Маграт ей передала, – откликнулась нянюшка, поднимая угол коврика и заглядывая под него. – Поплавок от рыбацких сетей, который мой Уэйнчик с моря привез. Рыбацкое яйцо называется.

– Не знала, что у рыбаков стеклянные яйца, – брякнула Агнесса.

Но тут же застонала про себя и принялась покрываться густым румянцем. Впрочем, нянюшка ничего не заметила. И тогда Агнесса окончательно поняла, насколько *серьезна* возникшая ситуация. Таких оговорок нянюшка никогда не спускала, она кидалась на тебя, как кошка на мышь. Даже в простом пожелании доброго утра нянюшка могла усмотреть нечто *этакое*. После чего тема развивалась, углублялась и расширялась.

«Рыбаков со стеклянными яйцами» хватило бы ей на неделю. Завидев кого-нибудь – знакомого, незнакомого, – она летела бы к нему сломя голову: «Ни за что не догадаешься, что недавно ляпнула Агнесса Нитт...»

– Я случайно... – рискнула заговорить Агнесса.

– Знаешь, я не больно-то разбираюсь в рыбной ловле, – откликнулась нянюшка. Выпрямившись, она принялась задумчиво грызть ногти. – Здесь что-то не так. Эта шкатулка... Она ничего не оставила...

– Но матушка ведь не могла совсем уйти? – взволнованно спросила Агнесса. – То есть бросить нас насовсем. Она всегда была рядом.

– Я ж говорила тебе вчера... Последнее время что-то она слишком уж сама своя, – рассеянно ответила нянюшка и села в кресло-качалку.

– Ты хотела сказать «сама не своя»?

– Я сказала именно то, что хотела сказать, девочка. Когда матушка сама своя, она рычит на всех кого ни попадя, хандрит и впадает в уныние. Ты вообще понимаешь, что значит «сама не своя»? А теперь помолчи, потому что я думаю.

Агнесса опустила взгляд на зажатый в руке зеленый шар. Стеклянный рыбацкий поплавок в добрых пятистах милях от моря. Сувенир наподобие ракушки. И совсем не хрустальный шар. Его, конечно, можно использовать как хрустальный шар, но это совсем не хрустальный шар... очень тонкое и очень важное различие.

Матушка была крайне традиционной ведьмой. Ведьмы не всегда пользовались популярностью. Возможно... да какое там возможно, *определенно* – были времена, когда не следовало афишировать то, чем ты занимаешься, вот почему разложенные на столе предметы были самыми обычными. Они ничем не выдавали своего владельца. Разумеется, сейчас в этом не было никакой необходимости, причем в Ланкре таковой необходимости не возникало уже многие сотни лет, и тем не менее некоторые привычки передаются по наследству.

В действительности нынешняя ситуация была прямо противоположной. Ведьмовство в Овцепиках считалось почетным занятием, но только молоденькие ведьмочки вкладывали деньги в настоящие хрустальные шары, разукрашенные рунами ножи и оплывшие свечи. Тогда как ведьмы постарше предпочитали использовать обычную кухонную утварь, поплавки от рыболовных сетей, шерстяные лоскутки, этой *обычностью* лишний раз подтверждая свой высокий статус. Любая дура станет ведьмой при помощи рунического ножа, а ты попробуй сотвори ведьмовство обычным салатным ножиком.

Звук, на который она раньше не обращала внимания, вдруг стих, и в

доме воцарилась тишина.

Нянюшка подняла голову.

– Часы остановились.

– Все равно они вечно вращались, – пожалала плечами Агнесса, взглянув на часы.

– Ей нравилось, как они тикают.

Агнесса положила стеклянный шар на стол.

– Я хочу повнимательнее осмотреть хижину, – сказала она.

Приходя к кому-либо в гости, она первым делом осматривала дом. В некотором смысле дом – это одежда, подогнанная под фигуру владельца. Он может показать не только то, чем люди занимаются, но и то, о чем они думают. Иногда приходилось захаживать в такие дома, хозяева которых считали, будто ты должна знать буквально все и буквально обо всем. В такой ситуации следовало использовать всякую возможность получше узнать человека.

Однажды Агнесса услышала очень верную фразу: «Дом ведьмы – это ее второе лицо». В случае с матушкой именно так оно и было.

Прочитать ее дом было очень просто. Матушкины мысли били по тебе с силой кузнечного молота, и ее индивидуальность была чуть ли не вколочена в эти стены. Будь дом чуть более органическим, у него бы появился пульс.

Агнесса прошла в закуток, где матушка обычно мыла посуду. Медный тазик был начищен до блеска. Рядом лежали вилка и пара блестящих ложек, а чуть поодаль – стиральная доска и жесткая щетка. Мусорное ведро тоже сияло чистотой, хотя осколки чайной чашки на самом дне свидетельствовали о том, что наведение порядка без жертв не обошлось.

Затем Агнесса распахнула дверь в старый сарай, где, как правило, держали коз. Коз у матушки не было, но весь самодельный пчеловодческий инвентарь был аккуратно разложен на скамейке. Впрочем, она редко пользовалась всеми этими штуками. Спрашивается, какой смысл быть ведьмой, если для ухода за пчелами тебе нужны дымарь и сетка?

Пчелы...

Через какое-то мгновение Агнесса уже была в саду и прижималась ухом к улью.

Стояло раннее утро, и пчелы еще не вылетели за медом, но внутри улья царил какой-то невероятный гул.

– Они все знают, – раздался голос нянюшки за ее спиной.

Агнесса выпрямилась так резко, что стукнулась головой о крышу улья.

– Но ничего не скажут, – добавила нянюшка. – Она им приказала.

Кстати, молодец, что вспомнила про пчел.

Снова затрещала сидевшая на дереве сорока.

– Доброе утро, госпожа Сорока, – машинально поздоровалась Агнесса.

– Кыш, мерзавка! – крикнула нянюшка, наклонясь за палкой.

Птица мгновенно перелетела на другую сторону полянки.

– Нянюшка, это же к несчастью, – сказала Агнесса.

– К несчастью для нее, если б я успела прицелиться, – огрызнулась нянюшка. – Терпеть не могу этих воровок.

– «Горе – это раз», – вспомнила присказку Агнесса, наблюдая за прыгающей по ветке птицей.

– Лично я всегда предпочитала считать, что буквально через мгновение появится вторая, – сказала нянюшка, бросая палку на землю.

– «Радость – это два»? – спросила Агнесса.

– «Веселье – это два».

– По-моему, это одно и то же.

– Ну, не знаю, – усмехнулась нянюшка. – Я, конечно, радовалась, когда родился Джейсон, но хохотать мне не больно-то хотелось. Пошли, хочу еще кое-что посмотреть.

Еще две сороки сели на древнюю крышу хижины.

– «Кто-то идет – это три», – с беспокойством промолвила Агнесса.

– «Кто-то умрет – это три», насколько мне известно, – поправила ее нянюшка. – Впрочем, о сороках сложено много стихов. Послушай, возьми-ка ее помело и все осмотри до самых гор, а я...

– погоди! – перебила ее Агнесса.

Пердита отчаянными криками пыталась привлечь ее внимание, и Агнесса решила прислушаться.

Три...

Три ложки. Три ножа. Три чашки.

Выброшенная разбитая чашка.

Она замерла. Ей казалось, что, если она сейчас пошевелится или даже вздохнет, случится что-то ужасное.

Часы остановились...

– Нянюшка?

Нянюшка Ягг была достаточно мудрой, чтобы понять: что-то происходит, поэтому не стала терять времени на глупые вопросы.

– Да?

– Сходи посмотри, какое время показывали часы, когда остановились.

Нянюшка кивнула и поспешила обратно в хижину.

Напряжение в голове Агнессы усилилось до предела, она вся чуть ли

не звенела, как туго натянутая струна. Весь сад словно бы заполнился этим протяжным тонким гулом. И если она пошевелится, если предпримет хоть что-нибудь, то струна обязательно лопнет и...

Вернулась нянюшка.

– Три часа? – спросила Агнесса, прежде чем нянюшка успела открыть рот.

– Чуть позже.

– *Насколько позже?*

– На две или три минуты.

– На две *или* на три?

– На три.

Три сороки вместе сели на дерево и, громко переругиваясь, принялись гонять друг дружку по веткам.

– Три часа три минуты, – подытожила Агнесса. Напряжение разом спало. – Нянюшка, она думала тройками. В сарае я видела еще одну свечу, а еще нашла там столовые приборы, однако на столе всего лежало по три штуки.

– А как насчет черпаков и ножниц? – заметила нянюшка, правда, в ее голосе прозвучало некоторое сомнение.

– Значит, больше у нее не было, – сказала Агнесса. – На кухне в сушилке я видела еще вилки и ложки. То есть по какой-то причине она выкладывала не больше трех предметов.

– Я точно знаю, что чашек у нее было *четыре*, – вспомнила нянюшка.

– А осталось три, – возразила Агнесса. – Одну она разбила. Осколки лежат в мусорном ведре.

Нянюшка Ягг пристально посмотрела на нее.

– Чего-чего, а неуклюжести за Эсме я не замечала, – пробормотала она.

Нянюшка глядела на Агнессу так, словно пыталась не думать о чем-то очень страшном.

Деревья закачались под порывом ветра. На землю упало несколько капель дождя.

– Пойдем в дом, – предложила Агнесса.

Нянюшка покачала головой.

– Там еще холоднее, чем здесь, – буркнула она.

Какая-то птица пролетела над макушками деревьев, едва не задев листья, и опустилась на лужайку. Это была четвертая сорока.

– «А на четыре кто-то родится», – сказала почти про себя нянюшка. – Вот теперь я все понимаю. Я думала, она не узнает, но от Эсме ничего не

скроешь. Эх, вот вернусь домой, ну задам Шону трепку! Он ведь поклялся, что доставил приглашение!

– А может, она взяла его с собой?

– Нет! Если бы она его получила, то обязательно появилась бы на празднике! Спорю на что угодно! – отрезала нянюшка.

– Так о чем именно она не должна была узнать? – спросила Агнесса.

– О дочке Маграт!

– Как это? И что тут удивительного? Ну конечно, она узнала о ней. Хочешь сказать, нам нужно было скрывать ребенка? Да о принцессе все жители королевства знают!

– У Маграт дочка родилась! Она стала матерью! – закричала нянюшка.

– Ну да! Это случается! И что с того?.. – в ответ заорала Агнесса.

И вдруг в один и тот же миг они поняли, что кричат друг на друга.

Дождь резко усилился. Со шляпы Агнессы, стоило ей качнуть головой, пролился настоящий водопад.

Нянюшка немножко подуспокоилась.

– Ладно, я считаю, мы с тобой достаточно разумны, чтобы не торчать все утро под дождем.

– По крайней мере, мы можем развести огонь, – сказала Агнесса, когда они вошли в холодную кухню. – Она приготовила дрова...

– Нет!

– А что, обязательно сразу кричать?!

– Послушай, только не разводи огонь, хорошо? – попросила нянюшка. – И ни к чему без надобности не прикасайся!

– Я могу настругать щепок и...

– Слушай внимательно! Эти дрова приготовлены не для тебя! И не трогай дверь!

Агнесса как раз хотела отодвинуть булыжник.

– Нянюшка, ну что за глупости! На улице ветер, сюда дождь летит!

– Ну и пускай!

Нянюшка упала в кресло-качалку, задрала юбку и принялась шарить в громадных панталонах, пока не выудила оттуда любимую фляжку. Затем сделала большой глоток. Руки у нянюшки тряслись.

– Поздно мне становиться каргой. В моем-то возрасте... – пробормотала она. – Ни в один лифчик не влезу.

– Нянюшка?

– Да?

– Я не понимаю, о чем ты. Дочь? Не зажигать огонь? Карга?

Нянюшка убрала фляжку и снова принялась шарить в панталонах. Из другой штанины она достала трубку и кисет.

– Вряд ли тебе стоит это знать...

Матушка Ветровоск уже миновала расположенные рядом с городком рощицы и теперь шла по тропинке, выющейся между настоящих лесных деревьев. Сюда обычно забредали только угольщики да иногда – случайный гном.

Ланкр почти исчез, испарился. Она чувствовала, как он уходит из ее сознания. Там, внизу, даже в минуты абсолютного покоя она всегда чувствовала вокруг себя гул чьих-то мыслей. Мысли людей, животных сливались воедино и бурлили подобно огромной интеллектуальной похлебке. А здесь... здесь текли лишь неторопливые мысли деревьев – тоска смертная, поэтому лучше к ним даже не прислушиваться. Снег, сохранившийся в низинах и в ямах под деревьями, медленно растворялся под мелким нудным дождиком.

Она вынырнула на полянку, и олени, пасшиеся небольшим стадом на противоположной стороне возле самого леса, с удивлением уставились на нее. По привычке матушка сразу остановилась и позволила сознанию расслабиться – так, чтобы олени сочли, будто на полянке никого нет.

Но когда она снова двинулась вперед, из кустов появился еще один олень. Замерев, он уставился прямо на нее.

Такое и раньше случалось. О таких случаях рассказывают охотники. Можно целый день выслеживать стадо, бесшумно красться между деревьев в надежде на чистый выстрел, а в самый последний момент прямо перед тобой вдруг появляется олень, поворачивается, смотрит на тебя... и как будто чего-то ждет. Именно в такие минуты охотник осознает, каким мастером стал...

Матушка щелкнула пальцами. Олень вздрогнул и галопом скрылся в чаще.

Она поднималась все выше по каменистому руслу ручья. Ручей был бурным, но, несмотря на это, вдоль берегов его сковывала ледяная корка. Остановившись у каскада небольших водопадов, матушка глянула назад, на чашу среди гор, в которой прятался Ланкр.

Эту чашу доверху наполняли тучи.

Несколькими сотнями футов ниже над макушками деревьев скользнула сорока.

Матушка повернулась и быстро вскарабкалась по мокрым ледяным камням к краю вересковой пустоши.

Здесь, на высоте, было куда больше неба. Тишина буквально пригибала к земле. Высоко над головой парил орел.

Похоже, он был тут единственным живым существом. Сюда никто не поднимался. Густые заросли вереска и утесника тянулись на целую милю, и ни одна тропка не пролегла сквозь них. А заросли были плотными, колючими, не защищенную одеждой человеческую кожу они рвали в клочья...

Матушка присела на камень и долго смотрела на бескрайние заросли. Потом сняла со спины котомку и достала пару толстых носков.

И пошла дальше. Вперед и вверх.

Нянюшка Ягг задумчиво почесала нос. Она редко попадала в неловкие ситуации, но сейчас явно не знала, как поступить. А это было куда хуже, чем просто расстроенная нянюшка Ягг.

– Не уверена, что сейчас подходящее время, – сказала она.

– Послушай, нянюшка, – произнесла Агнесса. – Она нам *нужна*. Если я должна что-то узнать, *говори*.

– Понимаешь... Это касается трех ведьм, – начала нянюшка. – Дева, мать и...

– ...и еще одна, – закончила за нее Агнесса. – Да, об этом мне известно. Но это ведь обычные суеверия, верно? Ведьмы не обязаны существовать тройками.

– Нет, конечно, нет, – покачала головой нянюшка. – Их может быть любое количество – скажем, четыре. Или пять.

– Но если их больше, что будет? Случится что-то страшное?

– Честно говоря, будет слишком много шума, – сказала нянюшка. – И ничего. А потом все разбегутся в разные стороны и примутся дуться друг на друга. Ведьмы не любят, когда тесно. А три – достаточно разумное количество. Надеюсь, дальше ты сама понимаешь?

– Значит, Маграт стала *матерью*... – пробормотала Агнесса.

– Во-во, тут-то и начинаются всякие сложности-мудрености, – кивнула нянюшка. – Этот вопрос с девой и матерью... Все не так просто, как может показаться. Взять, к примеру, тебя. – Она ткнула в Агнессу трубкой. – Ты ведь еще девица, а?

– Нянюшка! Такие вещи я стараюсь не обсуждать!

– А вот я уверена: ты еще девушка. Потому что давно узнала бы, если б это было не так, – сказала нянюшка, которая постоянно обсуждала такие вещи. – Но это не имеет большого значения, потому что *формальности* не так уж важны, понимаешь? Что же касается меня, я никогда не была

девицей, во всяком случае *мысленно*. А чегой-то ты так покраснела? Вспомни свою тетку Мэй из Рыбьих Ручьев. Четверо детей, а до сих пор как мужика завидит, так вся с головы до ног румянцем заливается. В нее ты пошла своей стыдливостью. Стоит опустить при ней скабрзную шуточку, и все: ее щеки как две плитки, можно суп варить. Когда получше узнаешь людей, девочка, то поймешь: не у всех голова и тело работают слаженно.

– А кто тогда матушка Ветровоск? – спросила Агнесса. – Во всяком случае, *мысленно*? – съязвила она, припомнив нянюшкино замечание про стыдливость.

– Черт меня подери, если я это знаю, – пожала плечами нянюшка. – Но полагаю, она увидела новую тройку. Это *треклятое* приглашение стало последней каплей, и она ушла. – Нянюшка поковырялась в трубке. – Не могу сказать, что мне так уж лестна роль карги. Я не слишком-то похожа на нее телом да и понятия не имею, как карга должна разговаривать.

В сознании Агнессы вдруг возникло пугающе четкое изображение разбитой чашки.

– Но матушка не... она никогда не была... я хочу сказать, она совсем *не похожа* на...

– Ты можешь сколько угодно смотреть на собаку и говорить, что это не собака, ведь на собаку она совсем не похожа, но кто в итоге будет прав? – откликнулась нянюшка.

Агнесса решила промолчать. Нянюшка говорила абсолютную правду. Она – вылитая мать. Это написано большими буквами не только на ее лице, но и на теле. Разруби ее пополам, и на одной половинке будет одно «ма», а на второй – другое. Некоторые девушки... являются матерями по самой своей природе. «А кое-кому, – встряла Пердита, – до конца дней своих суждено оставаться профессиональными девственницами!» «Что же касается третьей ипостаси... – продолжала Агнесса, игнорируя собственные ремарки. – Неудивительно, что нянюшку звали, когда рождался ребенок, а матушку – когда кто-то умирал».

– Она решила, что больше нам не нужна.

– Наверное.

– И чем она теперь будет заниматься?

– Понятия не имею. Но если было трое, а потом вдруг появился четвертый, кто-то должен уйти, верно?

– А как быть с вампирами? Нам вдвоем с ними не справиться!

– Она пыталась сказать, что нас уже трое, – ответила нянюшка.

– Что? Маграт?! Но она... – Агнесса запнулась. – Она ведь не нянюшка Ягг.

– А я, если на то пошло, не Эсме Ветровоск, – возразила нянюшка. – Ее хлебом не корми, дай порешать всякие головоломные задачки. Влезть кому-то в голову, послать куда-нибудь свой разум... Вот это для нее. Она в один миг стерла бы улыбочку с лица этого сорочьего графа. Причем изнутри, уж я-то Эсме знаю.

Они сидели и мрачно смотрели на холодный очаг.

– Мы не раз ругались с ней... И вообще... – пробормотала Агнесса.

Разбитая чашка все не выходила из головы. Агнесса была уверена, что матушка Ветровоск умышленно разбила ее. Возможно, сама матушка думала, что это вышло случайно, но у каждого человека есть своя Пердита. Матушка бродила по мрачному домику, который идеально соответствовал ее настроению, и думала о тройке. Три, три, три...

– Эсме и сама была не больно-то любезна с людьми, – ответила нянюшка Ягг. – Угощаешь ее яблочным пирогом, а она начинает брюзжать, мол, тесто плохое, начинка не удалась...

– Но люди не слишком часто благодарят ее. А она так много для них *делает*.

– И на благодарность ей тоже наплевать. *Мысленно*. Вообще-то, если уж резать правду-матку, с семейством Ветровосков все не так чисто. Взять, к примеру, Алисон Ветровоск.

– А кто это такая?

– Бабка нашей матушки. Говорят, она перекинулась на другую сторону – упаковала однажды свои вещички да и отправилась в Убервальд. А если вспомнить Эсмину сестренку... – Нянюшка замолчала, но потом снова заговорила: – В общем, есть причины. Матушка постоянно стоит у себя за спиной и критикует, критикует... Иногда мне кажется, она очень боится сбиться с истинного пути и не заметить этого.

– Матушка? Но она ведь добродетельна, как...

– Вот именно. Поэтому матушка Ветровоск пристально следит за каждым ее шагом.

Агнесса в который раз окинула взглядом бедно обставленную комнату. Потолок протекал. Она слышала, как стены уходят в глину, глубже, глубже... Она слышала их мысли.

– И матушка знала, что Маграт собирается назвать девочку Эсме?

– Вероятно. Чего она только не знала, ты не поверишь.

– Если задуматься, не слишком-то вежливо называть так ребенка, – промолвила Агнесса.

– Что ты имеешь в виду? На ее месте я была бы польщена.

– А матушка могла счесть, что ее имя просто взяли и передали. По

наследству, так сказать.

– Вообще, да, – согласилась нянюшка. – В дурном настроении Эсме и не до такого могла додуматься.

– Как говаривала моя бабушка, об острый ум и порезаться недолго.

Они еще посидели в серой тишине, а потом нянюшка сказала:

– А вот у моей бабки была своя присказка, которую она любила повторять в похожих ситуациях...

– И какая же?

– «А ну, кыш, дьяволенок, вот отрублю тебе нос и кошкам скормлю!»

Но в нашей ситуации это не больно-то поможет.

Сзади вдруг раздался какой-то звон.

Повернувшись, нянюшка глянула на стол.

– Ложка пропала...

На сей раз звон донесся со стороны двери.

Прыгая вдоль дверного порога, сорока тщетно пыталась подцепить клювом украденную ложку. Заметив, что на нее смотрят, воровка наклонила голову и уставилась на ведьм своим похожим на бусинку глазом. И едва-едва успела увернуться от нянюшкиной шляпы, метко брошенной на манер «летающей тарелки».

– Эти воровки тащат все, что блестит...

Граф де Сорокула смотрел в окно на предваряющее рассвет небесное зарево.

– Вот видите, – сказал он, поворачиваясь к семье, – наступает утро, а мы живы-живехоньки.

– Ты специально выбрал хмурое утро, – ехидно заметила Лакримоза. – Его едва ли можно назвать *солнечным*.

– Всему свое время, дорогая, всему свое время, – весело откликнулся граф. – Я просто хотел, чтобы вы меня поняли. Сегодня утро хмурое, согласен. Но для начала вполне сгодится. Мы можем акклиматизироваться. А потом в один прекрасный день... солнечный пляж...

– Ты действительно очень умен, дорогой, – сказала графиня.

– Благодарю, любовь моя, – кивнул граф, говоря тем самым, что абсолютно с ней согласен. – Влад, как там поживает пробка?

– Отец, а это действительно удачная мысль? – спросил Влад, пытаясь штопором вытащить пробку из бутылки. – Мне казалось, мы не пьем... вино.

– Думаю, пора начать.

– Фу, – фыркнула Лакримоза. – Даже не притронусь к этой гадости. Ее

выдавили из *овощей!*

– Вернее, из фруктов или из ягод, – спокойно поправил ее граф. Он взял бутылку из рук сына и ловко вытащил пробку. – По-моему, отличное красное вино. Дорогая, выпьешь глоточек?

Жена неуверенно улыбнулась, показывая, что поддерживает мужа, хоть и идет против собственной воли.

– А может, его следует... э... подогреть?

– Рекомендуются комнатная температура.

– *Отвратительно!* – воскликнула Лакримоза. – Не понимаю, как вы можете это выносить!

– Лакки, попробуй. Ну, ради папы, – сказала графиня. – Быстрее, пока оно не свернулось.

– Вино, моя дорогая, всегда остается жидким.

– Правда? Как удобно.

– Влад? – Граф, наполняя бокал, повернулся к сыну, который следил за его действиями с явным испугом. – А ты представь, что это кровь винограда. Возможно, так будет проще, – предложил отец, и Влад взял у него бокал. – Лакки?

Дочь решительно скрестила руки на груди.

– Ха!

– Мне казалось, тебе нравятся подобные вещи, – заметила графиня. – Ведь именно этим увлекаются твои подружки.

– Не понимаю, о чем ты говоришь!

– Гуляют аж до полудня, носят яркие одежды, дают друг другу странные имена, – объяснила графиня.

– Например, Гертруда, – с издевкой произнес Влад. – Или Пэм. И считают, что это *круто*.

Лакримоза резко повернулась и попыталась вцепиться ему в лицо ногтями. Он схватил ее за запястья и усмехнулся.

– Это не твое дело!

– Леди Стригуль говорит, что ее дочь теперь предпочитает, чтобы ее называли Венди, – пожаловалась графиня. – И что это на нее нашло? Иероглифика – такое *красивое* имя для девушки. И на месте ее матери я бы настояла, чтобы она хоть чуточку подводила глаза...

– Согласна, – не сдавалась Лакримоза. – Но никто из них не пьет вино. Только настоящие извращенцы, которые специально стачивают зубы, пьют вино.

– А Маладора Крвойяк пьет, – возразил Влад. – Или как ее там нынче? Фреда?

– Нет, не пьет!

– Да ну? Она носит на шее серебряный штопор на цепочке – иногда даже с пробкой!

– Это просто модный аксессуар! Да, она хвастается, будто бы без ума от портвейна, но на самом деле наливает в бокал кровь. Однажды Генри принес на вечеринку бутылку вина, так она от одного запаха брякнулась в обморок!

– Генри? – переспросила графиня.

Лакримоза потупила взор.

– Мрачн Гиераки, – едва слышно произнесла она.

– Это тот, что коротко стрижет волосы и притворяется, будто работает бухгалтером? – уточнил Влад.

– Надеюсь, кто-нибудь сообщит об этом его отцу, – сказала графиня.

– *Замолчите же!* – воскликнул граф. – Все это не более чем культурная адаптация, понимаете? Прошу вас! Я столько трудился ради этого! Нам не нужен весь день целиком, а только его часть! Неужели я прошу слишком многого? А вино – это просто вино. В нем нет ничего таинственного. Итак, возьмите бокалы. Лакки, ты тоже. Пожалуйста. Ну, за папочку?

– Когда ты расскажешь об этом «Кириллу» и «Тиму», они просто обалдеют, – шепнул Влад Лакримозе.

– Заткнись! – прошипела она. – Пап, я боюсь, мне будет плохо!

– Твое тело приспособится, – успокоил ее отец. – Я его уже пробовал. Немного водянистое, на мой вкус. Слишком кислое, но вполне съедобное. Пожалуйста.

– Ну, хорошо...

– Отлично, – кивнул граф. – Итак, поднимите бокалы...

– Приветствуем тебя, новая кровь! – возвестил Влад.

– Карпе дием, – сказал граф.

– За горло, – добавила графиня.

– Мне просто не поверят, – пробормотала Лакримоза.

Все дружно пригубили вино.

– Ну? – осведомился граф Сорокула. – Не так уж и плохо, верно?

– Немного холодное, – заметил Влад.

– Я закажу подогреватель вина, – пообещал граф. – Я не какой-нибудь безрассудный вампир. Дети, надеюсь, еще какой-нибудь год, и все мы справимся со своей фенофобией и сможем позволить себе легкий салат...

Лакримоза театрально повернулась к родителям спиной и сделала вид, что ее тошнит в вазу.

– И тогда, Лакки, ты обрешь свободу. Одиноким дням наступит конец! И не только им одним, но и...

Влад был готов к чему-то подобному, поэтому он даже глазом не моргнул, когда отец резким движением выхватил из кармана какую-то карточку и вскинул ее высоко в воздух.

– Двойная змея, – спокойно сообщил он. – Символ джелибейбийского культа воды.

– Вот видишь?! – взволнованно воскликнул граф. – Ты даже не вздрогнул! И богофобию можно победить! Я всегда это говорил! Да, временами наш путь тяжел, но...

– *Терпеть не могу*, когда ты выпрыгиваешь из-за угла и обливаешь нас святой водой, – прошипела Лакримоза. – Хорошо, хоть последнее время ты немного подуспокоился.

– Ну, не такой уж и святой, – возразил отец. – Сильно разбавленной. В худшем случае лишь слегка благочестивой. Но благодаря ей ты стала сильной, а?

– Ага. Сначала все время простужалась, а потом ничего, закалилась.

Граф резко выдернул руку из кармана.

Лакримоза лишь устало вздохнула.

– Всевидящий Лик Ионитов, – сказала она.

Граф едва не заплясал от радости.

– Видишь? Получилось! Ты даже не поморщилась! А это один из самых сильных религиозных символов. Ну, разве я зря старался?

– Надеюсь, это стоило тех мук, которые мы перенесли, когда ты заставлял нас спать на набитых чесноком подушках.

Отец схватил ее за плечи и повернул лицом к окну.

– Неужели тебе не достаточно знать, что весь мир – это наша устрица?

Она в недоумении наморщила лоб.

– А зачем мне превращать весь мир в какую-то скользкую морскую тварь?

– Потому что их едят живыми, – ответил граф. – К сожалению, вряд ли где-либо существует ломтик лимона длиной пятьсот миль, но сама метафора мне нравится.

Лакримоза повеселела и даже улыбнулась.

– Ну-у...

– Отлично. Мне нравится, когда моя дочурка улыбается, – одобрил граф. – Итак... кого мы предпочитаем на завтрак?

– Ребенка.

– О нет, я так не думаю. – Граф дернул шнурок колокольчика рядом с

камином. – Это не дипломатично. *Пока* мы не можем себе это позволить.

– Эта, с позволения сказать, королева выглядит почти бескровной. Жаль, Влад отпустил ту толстушку, – сказала Лакримоза.

– Не начинай, – предупредил Влад. – Агнесса... очень интересная девушка. Я чувствую, в ней много чего скрыто.

– О да, – кивнула Лакримоза. – В таких размерах можно столько всего скрыть... Решил приберечь на крайний случай?

– Перестаньте, – вмешался в их спор граф. – К вашему сведению, ваша любимая мамочка, когда мы познакомились, не была вампиром и...

– Ты рассказывал об этом миллион раз, – перебила его Лакримоза, закатывая глаза с раздражительностью человека, который проходил в подростках целых восемьдесят лет. – Балкон, вечернее платье, ты в плаще, а она как заорет...

– Тогда многое было проще, – признал граф. – И гораздо глупее. – Он вздохнул. – А куда запропастился Игорь?

– Гм... Кстати, дорогой, я собиралась поговорить с тобой о нем, – сказала графиня. – По-моему, от него нужно избавиться.

– Правильно! – воскликнула Лакримоза. – Над ним смеются все мои подружки!

– А лично меня *крайне* раздражает это его сверхготическое отношение к жизни, – добавила графиня. – А уж этот его *дурацкий* акцент... И знаете, за каким занятием я застала его в старых подземельях на прошлой неделе?

– Не могу даже представить, – сказал граф.

– У него была коробка с пауками и кнут! Он *заставлял* их плести паутину по углам!

– А я-то ломал голову, откуда у нас повсюду паутина!

– Я согласен с мамой, отец, – вступил Влад. – Игоря можно было терпеть в Убервальде, но мы теперь в приличном обществе, и едва ли тебе захочется, чтобы такой тип открывал твоим гостям двери.

– И от него так воняет, – пожаловалась графиня.

– Вот уже много веков он был неотъемлемой частью нашей семьи, – сказал граф. – Но, вынужден признать, последнее время он совсем распоясался. – Он еще раз дернул шнурок колокольчика.

– Йа, мафтер? – донесся из-за его спины голос Игоря.

Граф резко развернулся.

– Сколько раз я велел тебе никогда так не делать!

– Как не делайт, мафтер?

– Никогда не подкрадываться ко мне сзади!

– Я иначе не умеит, мафтер.

– Позови короля Веренса. Мы слегка перекусим вместе.

– Флушайт, мафтер.

Они проводили взглядами отчаянно хромавшего слугу. Граф покачал головой.

– Добровольно он не уйдет, – сказал Влад. – И намеков он не понимает.

– Это так старомодно иметь слугу по имени Игорь, – промолвила графиня. – Терпеть его не могу.

– Послушайте, но это ведь так просто, – вмешалась Лакримоза. – Надо спустить его в подвал, запереть в «железной деве», затем на пару деньков растянуть на дыбе над огнем, а потом нарезать тонкими ломтиками, начиная с ног, чтобы он все видел. Он наверняка это оценит.

– Да, думаю, это единственный выход, – с печалью в голосе произнес граф.

– Помню, как-то раз ты попросил меня избавить кошку от мучений, – сказала Лакримоза.

– На самом деле я имел в виду, чтобы ты прекратила ее мучить, – сказал граф. – Но... все вы правы... Ему придется уйти...

Наконец Игорь привел короля Веренса, который замер на пороге с нерешительным видом. Впрочем, так вели себя все люди, оказавшиеся в обществе графа.

– А, ваше величество, – сказал граф, подходя к королю. – Не желаете ли разделить с нами скромную трапезу?

Волосы Агнессы цеплялись за сучья. Ей удалось поставить одну ногу на ветку, схватиться с немалым риском для жизни за ветку над головой, но вторая нога осталась на помеле, которое начало потихоньку дрейфовать в сторону, заставляя Агнессу принять позу, которую даже балерины не способны принять без долгой подготовки.

– Ты что-нибудь видишь? – крикнула нянюшка, стоявшая очень-очень далеко внизу.

– Кажется, это старое гнездо... О нет!

– Что случилось?

– По-моему, у меня лопнули панталоны.

– Вот поэтому я всегда выбираю белье попросторней, – нравоучительно изрекла нянюшка.

Агнесса перенесла вторую ногу на ветку, которая сразу же угрожающе затрещала.

«Толстуха, – презрительно фыркнула Пердита. – Я бы с легкостью газели запрыгнула на это жалкое деревце».

– Газели не прыгают по деревьям! – огрызнулась Агнесса.

– Что-что ты говоришь? – крикнула снизу нянюшка.

– Да так, ничего...

Агнесса бочком двинулась вперед, но вдруг весь мир обрел черно-белый цвет. Чуть ли не перед самым ее носом на ветку опустилась сорока и принялась громко трещать. Буквально тут же к этой сороке присоединились еще пятеро, перелетевшие с соседних деревьев, и сорочий хор стал просто оглушительным.

Агнесса всегда недолюбливала птиц. Когда они порхали в небесах или пели красивые песенки, она ничуть не возражала, но вблизи они превращались в обезумевшие комки перьев с интеллектом комнатной мухи.

Агнесса попыталась прихлопнуть сороку, что поближе, но та проворно вспорхнула на другую ветку, а девушка с большим трудом удержала равновесие. Когда дерево перестало раскачиваться, Агнесса двинулась дальше, пытаясь не обращать внимания на вопли разъяренных пичуг. Наконец она заглянула в гнездо.

То ли это были остатки старого гнезда, то ли начало нового, разобрать не представлялось возможным. И тем не менее там обнаружили лоскуток блестящей ткани, осколок стекла и что-то белое с... золотой кромкой, ярко поблескивающее даже в такую пасмурную погоду.

– «Вот серебро – это пять... *золото вот – это шесть...*» – произнесла она едва слышно.

– «Вот небеса – это пять, шесть – в преисподней искать», – поправила услышавшая ее слова нянюшка.

– Я едва могу до него дотянуться...

Ветка сломалась. Разумеется, ниже было много других веток, но они послужили лишь краткосрочными остановками на долгом пути вниз. А самая последняя ветка зашвырнула Агнессу далеко в заросли остролиста.

Нянюшка быстренько выхватила приглашение из ее безвольно откинутой руки. Чернила под дождем расплылись, но слово «Ветровоск» еще можно было различить. Нянюшка поцарапала позолоченную кромку ногтем.

– С золотом они переборщили, – сказала она. – Что ж, с приглашением мы разобрались. Я ж говорила – эти гадины воруют все, что блестит!

– Мне совсем не больно, – многозначительно произнесла Агнесса. – Остролист неплохо смягчил падение.

– Шеи им сверну, – пообещала нянюшка, посмотрев на орущих с деревьев сорок.

– Кажется, я вывихнула себе шляпу, – буркнула Агнесса, с трудом

вскарабкиваясь на ноги. Но в данной ситуации рассчитывать на сочувствие не приходилось, поэтому она просто продолжила: – Итак, приглашение мы нашли. Произошла чудовищная ошибка. Никто в ней не виноват. Давай теперь найдем матушку.

– Если она сама не хочет, чтобы ее нашли, мы ее век искать будем, – откликнулась нянюшка, задумчиво поглаживая золотую кромку приглашения.

– Но ты можешь кого-нибудь Заимствовать. Ее могли видеть животные, птицы... Даже если она ушла еще до рассвета.

– Э-э нет, с Заимствованием – это не ко мне, – твердо заявила нянюшка. – У меня нет такой самодисциплины, как у Эсме. Я слишком... увлекающаяся особа. Как-то три недели крольчихой прыгала, пока наш Джейсончик не вызвал матушку, чтоб она меня возвратила. А еще ведь чуть-чуть, и вернулась бы *совсем не я*.

– Но кролики такие скучные!

– Ну, у них есть свои преимущества, свои недостатки...

– Хорошо, тогда давай заглянем в это рыбацкое яйцо, – предложила Агнесса. – Маграт говорила, у тебя это хорошо получается.

С печной трубы стоявшего на другой стороне поляны домика вдруг свалился кирпич.

– Только не здесь, – с некоторым сомнением ответила нянюшка. – У меня аж мурашки по спине... О нет, только не это! Будто у нас хлопот мало. Он-то зачем сюда приперся?!

К ним, петляя между деревьев, приближался всемогучий Овес. Он продвигался неуверенно, как любой городской житель, внезапно очутившийся на настоящей, неровной, покрытой перегноем, усеянной ветками земле. А еще он постоянно озирался по сторонам – так, словно в любой момент мог подвергнуться атаке сов или злобных жуков.

В своем странном черно-белом одеянии Овес и сам был похож на сороку.

Заметив появление человекообразного родственника, сороки еще громче затрещали с деревьев.

– «Семь – это старая-старая тайна как есть», – сказала Агнесса.

– «Семь – это дьявол, чтоб вечно ему не бывать», – мрачно заметила нянюшка. – У тебя свои стихи, у меня – свои.

Увидев ведьм, Овес слегка повеселел. Достав из кармана платок, он громко высморкался.

– Вот ведь напрасная трата человеческого материала... – пробормотала нянюшка.

– А, госпожа Ягг... и госпожа Нитт, – сказал Овес, обходя грязь. – Э... надеюсь, вы в добром здравии?

– Были. До этого момента, – ответила нянюшка.

– Я надеялся... э... увидеть госпожу Ветровоск.

Некоторое время только треск сорок нарушал тишину.

– *Надеялся?* – спросила Агнесса.

– *Госпожу Ветровоск?* – спросила нянюшка.

– Э... да. Я полагал, это... одна из обязанностей... Ну, я услышал, что она, возможно, заболела, а пастор обязан навещать всех немощных и старых... Я, конечно, понимаю, официально я не обязан выполнять обязанности местного пастора, но раз уж я здесь оказался...

Лицо нянюшки было похоже на портрет, написанный художником с весьма причудливым чувством юмора.

– Мне искренне, от души жаль, что ее здесь нет, – абсолютно честно сказала вредная нянюшка.

– Какая досада, а я собирался рассказать ей о... Собирался... э-э... А с ней все в порядке?

– Не сомневаюсь, после твоего визита ей стало бы куда лучше, – откликнулась нянюшка, и снова в ее словах присутствовала некая странная, искаженная правда. – Несколько дней она б только об этом и говорила. Тебе обязательно стоит побывать у нее в гостях.

Овес беспомощно огляделся по сторонам.

– Что ж, полагаю, будет лучше, если я вернусь в свой... э-э... шатер. Дамы, вас сопроводить в город? Этот лес буквально кишит всякими опасными животными...

– Спасибо, у нас есть помело, – твердо ответила нянюшка.

Священнослужитель явно пал духом, и тут Агнесса приняла решение.

– *Одно помело,* – подчеркнула она. – Я, пожалуй, провожу тебя... То есть ты можешь меня проводить. Если хочешь, конечно.

Священнослужитель облегченно вздохнул. Нянюшка хмыкнула. Причем в этом звуке определенно присутствовало что-то ветровосковское.

– Ну, тогда до встречи у меня дома, – сказала она. – И чтоб никаких хухры-мухры!

– Я, вообще-то, не хухрую-мухрую, – ответила Агнесса.

– Вот лучше и не начинай, – буркнула нянюшка и отправилась за помелом.

Некоторое время Агнесса и отец Овес шли в смущенной тишине.

– У тебя голова больше не болит? – спросила наконец Агнесса.

– Мне гораздо лучше, спасибо. Боль почти прошла. Но ее величество

была настолько добра, что все равно дала мне пилюли.

– Это очень мило с ее стороны, – сказала Агнесса.

«Лучше б иголку дала! Ты только посмотри, какой у него прыщ! – рявкнула Пердита, прирожденная последовательница выдавливания прыщей. – Дай, я выдавлю, а?»

– Э-э... Я тебе, наверное, не слишком нравлюсь? – поинтересовался Овес.

– Вообще-то, мы едва знакомы, – пролепетала Агнесса.

Ветерок как-то слишком уж легкомысленно обдувал ее нижние регионы.

– Многим и этого хватает, – пожал плечами Овес.

– И правильно. Быстрые решения экономят время, – сказала Агнесса и выругалась про себя. Пердита сумела-таки вставить свою ремарку, но Овес, казалось, ничего не заметил, только еще раз вздохнул.

– Как-то у меня с людьми не складывается... – продолжил Овес. – И, видимо, я не больно-то подхожу для работы пастырем.

«Не вздумай увлечься этим ничтожеством!» – предупредила Пердита, а сама Агнесса спросила:

– Пастырь – это ведь у вас так пастухи называются, да? То есть в свободное от работы время ты пасешь овец?

– В семинарии все казалось таким простым, – признался Овес. Изливая душу, он, как и многие люди, не слышал ни слова из того, что говорят другие. – Но здесь, когда я рассказывал местным жителям самые доступные предания из «Книги Ома», мне отвечали: «Неправда, грибы в пустыне не растут». Или: «Ну и дурацкий же способ заботиться о виноградниках». Тут все воспринимают слова слишком... буквально.

Овес смущенно закашлялся. Какая-то мысль не давала ему покоя.

– К сожалению, «Ветхий завет Ома» достаточно непреклонен в том, что касается ведьм, – наконец выдавил он.

– Правда?

– Однако, тщательно изучив соответствующий пассаж в оригинале «Второго омнианского писания IV», я выдвинул довольно смелую гипотезу, что в данном случае это слово может быть переведено как «тараканы».

– Неужели?

– Ведь там говорится, что расправиться с ними можно при помощи огня или «ловушек с патокой». Правда, чуть дальше сказано, что они приносят сладострастные сны.

– Не смотри на меня так, – приказала Агнесса. – Я согласилась только проводить тебя до дома.

К ее немалому удивлению и безумной радости Пердиты, священнослужитель покраснел так густо, как никогда не краснела она сама.

– Э-э... э-э... Но рассматриваемое словосочетание тоже может трактоваться в зависимости от контекста. Оно еще означает «вареные омары», – поспешно добавил Овес.

– Нянюшка Ягг говорит, что раньше омниане жгли ведьм на кострах.

– Кого только мы не жгли, – мрачно заметил Овес. – И, насколько помню, некоторых ведьм засовывали в огромные бочки с патокой.

Даже голос у него был скучным. И выглядел он – что правда, то правда – крайне скучным человеком. Он был *идеально* скучным и как будто специально вел себя так, чтобы казаться скучным. Но один вопрос очень интересовал Агнессу, и она не могла не задать его:

– А почему ты решил нанести визит матушке Ветровоск?

– Мне показалось, что все очень... высокого мнения о ней, – произнес Овес. Речь его изменилась, теперь он крайне осторожно подбирал слова, словно вытаскивал сливы из кипящего таза с вареньем. – А еще люди говорили, что она не пришла на праздник и это очень странно. И тогда я подумал: как, должно быть, тяжело жить совсем одному, тем более если ты не молод. Кроме того...

– Да?

– Ну, видишь ли, она довольно пожилая женщина, однако никогда не поздно позаботиться о бессмертии своей души, – сказал Овес. – Впрочем, быть может, она уже об этом позаботилась.

Агнесса искоса взглянула на него.

– Во всяком случае, мне об этом ничего не известно.

– Наверное, ты считаешь меня дураком.

– Я считаю тебя поразительно удачливым человеком, господин Овес.

С другой стороны... он был человеком, который, *услышав* о матушке Ветровоск, *не побоялся* отправиться к ней через страшный до коллик лес. А ведь она, возможно, была тараканом или даже вареным омаром. Ланкрцы навещали матушку, только когда им что-то было нужно от нее. Ну, еще заносили ей подарки (а вдруг матушкина помощь снова понадобится?), но старались подгадать так, чтобы матушки не было дома. В этом священнослужителе скрывалось нечто большее, чем могло показаться на первый взгляд. Иначе он бы к матушке не пошел.

Из зарослей вылетела пара кентавров и легким галопом умчалась прочь по тропинке. Овес, побледнев, обнял дерево.

– Когда я шел к матушке Ветровоск, то постоянно натыкался на них! Кентавры у вас – обычное дело?

– Никогда раньше их не видела, – призналась Агнесса. – Наверное, пришли из Убервальда.

– А эти мелкие кошмарные синие гоблины? Один из них показал мне *крайне* непристойный жест!

– О них я вообще ничего не знаю.

– А вампиры? То есть я знал, что здесь, в Овцепиках, все *иначе*, но...

– Вампиры?! – закричала Агнесса. – Ты видел вампиров? Вчера вечером?

– Ну... да... Я подробно изучал их в семинарии, но и представить себе не мог, что увижу их здесь. Они преспокойно рассказывали о том, как пьют кровь, ну и всякое такое прочее. Честно говоря, я поражен, что король допустил...

– И они... никак на тебя не влияли?

– У меня ужасно разболелась голова. Это считается? Я думал, это все от креветок...

Жуткий вопль разнесся по лесу. В этом вопле слилось множество самых разных звуков, но в общем и целом он звучал так, словно индюка засунули в огромную оловянную трубу и принялись там душиТЬ.

– *А это еще что такое?!* – заорал Овес.

Агнесса озадаченно огляделась. Она выросла в ланкрских лесах. Да, конечно, иногда тут можно встретить самых странных существ, но почти все они, как правило, были не опаснее людей. А сейчас в лесах словно бы что-то сгустилось. Даже деревья выглядели подозрительно.

– Пойдем-ка лучше в Дурной Зад, – сказала она, потянув Овса за руку.

– Куда?

Агнесса вздохнула.

– Так называется ближайшая деревня.

– *Дурной Зад?*

– Послушай, когда-то у нас жил осел. Совсем тупой был и упрямый, – терпеливо принялась объяснять Агнесса. Впрочем, ланкрцы постоянно разъясняли приезжим, откуда взялось это название, и уже даже привыкли. – Так вот, однажды он встал посреди брода – и ни туда ни сюда. Несколько дней там торчал, как только его ни обзывали... Оттуда и пошло. Дурной Зад. Понимаешь? Конечно, «Непослушный Осел» было бы более... *приемлемым* названием, но...

Жуткий вопль еще раз прокатился по лесу. Агнесса разом припомнила все детские сказки, в которых повествовалось о том, что за твари обитают в горах, и, схватив Овса за рукав, решительно двинулась вперед. Священнослужитель тащился за ней, как разболтанная тачка.

Вдруг источник звука оказался прямо перед ними, а потом на повороте из кустов появилась голова.

Есть такая птица, страус называется. Агнесса даже видела его изображения.

Так вот... если за основу взять картинку страуса, но представить голову и шею ядовито-желтого цвета с огромным кольцом из красных и лиловых перьев, а также гигантские круглые глазищи, зрачки которых пьяно вращаются при малейшем движении головы...

– Это какая-то местная порода кур? – пробулькал Овес.

– Сомневаюсь, – сказала Агнесса.

Одно из перьев весьма напоминало обрывок юбки в крупную клетку.

Крик снова зазвучал, но резко прекратился, когда Агнесса сделала шаг вперед, схватила существо за шею и резко дернула.

Из зарослей вывалилась схваченная за руку человеческая фигура.

– Ходжесааргх?

В ответ раздался утвердительный крик.

– И вытащи изо рта эту штуковину, – приказала Агнесса. – Я по-утиному не понимаю.

Он выплюнул манок.

– Прошу прощения, госпожа Нитт.

– Ходжесааргх, что ты... Нет, я понимаю, твой ответ может мне не понравиться, но почему ты прячешься в кустах с рукой, наряженной курочкой-рябой, да еще при этом кошмарно вопишь через трубочку?

– Я приманиваю феникса, госпожа.

– Феникса? Фениксов не существует, Ходжесааргх. Это миф.

– Но один такой миф появился в Ланкре, госпожа. Этот феникс совсем еще малыш. И сейчас я пытаюсь приманить его.

Она уставилась на разукрашенную во все цвета радуги перчатку. Да, конечно, в разведении кур есть такой метод. Чтобы показать этим глупым птицам, на что в действительности они похожи, ты надеваешь на руку специальную куклу. Но...

– Ходжесааргх?

– Да, госпожа?

– Я, конечно, не специалист, однако, согласно широко распространенной легенде, феникс *физически* не способен увидеть своего родителя. На свете может существовать только *один* феникс. Поэтому, рождаясь, он автоматически становится сиротой. Понимаешь?

– Гм... могу я кое-что добавить? – спросил Овес. – Должен заметить, госпожа Нитт права. Феникс строит гнездо, затем горит ярким пламенем,

после чего из его пепла рождается новая птица. Я читал об этом. Так или иначе, это всего лишь аллегория.

Ходжесааргх еще раз посмотрел на лоскутного феникса и смущенно опустил глаза.

– Прошу меня простить, госпожа.

– Так ты понял, почему феникс никогда не может увидеть другого феникса? – уточнила Агнесса.

– Наверное, понял, госпожа, – пробормотал, не поднимая взгляда, Ходжесааргх.

Тут в голову Агнессы пришла еще одна мысль. Ходжесааргх постоянно лазал по лесу, а значит...

– Ходжесааргх?

– Да, госпожа?

– Ты в лесу с самого утра?

– Конечно, госпожа.

– А ты, случаем, не видел матушку Ветровоск?

– Видел, госпожа.

– Видел?

– Да, госпожа.

– Где?

– Выше в горах в лесу, ближе к границе, госпожа. На самом рассвете.

– А почему ты мне не сказал?

– Э... А вы хотели это знать, госпожа?

– О. Да, извини... А что ты там делал?

Вместо объяснения Ходжесааргх пару раз дунул в манок для феникса.

Агнесса снова схватила священнослужителя за руку.

– Быстрее, надо выйти на дорогу и найти нянюшку...

Ходжесааргх остался со своей куклой, манком, котомкой и в весьма неловком положении. Ему с детства прививали уважение к ведьмам, а госпожа Нитт была ведьмой. Мужчина с ней *не был* ведьмой, но по манере поведения Ходжесааргх мысленно отнес его к категории людей, которых считал по отношению к себе «высокопоставленными» (на самом деле эта категория была весьма многочисленной). Ходжесааргх не собирался спорить с высокопоставленными людьми. Он был феодальной системой в самом себе.

С другой стороны, думал Ходжесааргх, собирая вещи, чтобы продолжить путь, книги, в которых рассказывается про то, как устроен мир, большей частью написаны людьми, которые разбираются скорее в книгах, но не в мире. Всю эту ерунду о восстающих из пепла птицах явно выдумал

человек, который ничего не смыслит в птицах. А насчет того, что может существовать только один феникс... так это явно писал тот, кому следовало бы почаще бывать на свежем воздухе и встречаться с дамами. Птицы появляются из яиц. О, этот феникс наверняка принадлежит к существам, которые некогда научились использовать магию, сделали ее частью своего существования, но магия – коварная наука, и любое существо использует ее ровно в той степени, в которой это необходимо. Птицы откладывают яйца. А яйцам нужно что? Тепло!

Ходжесааргх размышлял на эту тему все утро, пока бродил по мокрым кустам и знакомился с разочарованными утками. История никогда особо не интересовала его, ну, разве что за исключением истории соколиной охоты, но он знал, что в мире существовали (а кое-где существуют и по сей день) места с очень высоким уровнем фоновой магии, из-за которой жизнь в этих областях была достаточно непредсказуемой штукой. В общем, не самые лучшие места для высиживания молодняка.

Возможно, феникс, как бы эта птица ни выглядела, каким-то образом научился ускорять процесс инкубации.

На самом деле в своих размышлениях Ходжесааргх зашел довольно-таки далеко. Будь у него еще немножко времени, он бы наверняка догадался, что ждет его впереди.

Когда матушка Ветровоск вынырнула из вересковых зарослей, было далеко за полдень. Стороннему наблюдателю могло бы показаться странным то, сколько времени понадобилось ей, чтобы пересечь столь незначительный по площади участок, но...

Но еще большее удивление у такого наблюдателя вызвал бы самый обычный узенький ручеек. Канаву, которую тот пробил в торфянике, без труда перепрыгнула бы любая женщина, однако через эту канаву кто-то позаботился перебросить мост в виде широкой каменной плиты.

Некоторое время матушка смотрела на плиту, потом порылась в котомке, достала длинный лоскут черной ткани и завязала себе глаза. А затем двинулась по мосту крошечными шажками, широко раскинув руки для равновесия. Не пройдя и половины пути, матушка опустилась на корточки и несколько минут не двигалась с места, переводя дыхание. Затем снова поползла вперед, дюйм за дюймом.

Всего в нескольких футах под ней ручеек весело журчал по камням.

Небо сверкало. Прозрачная голубизна лишь кое-где нарушалась редкими облаками, но, в общем и целом, выглядело небо странно, словно изображение, нанесенное на стекло, разбили, а потом снова сложили, но

неправильно. Лениво дрейфующее облако могло вдруг исчезнуть, наткнувшись на какую-то невидимую линию, а потом появиться в совершенно другом месте.

Тут все было не тем, чем казалось. Хотя, как говаривала матушка, такое случалось везде и всюду.

Агнесса чуть ли не силой затащила Овса в дом нянюшки Ягг. Впрочем, по этому дому и не сказать было, что тут жила и живет настоящая ведьма, скорее в его постройке использовался прямо противоположный подход. В этом доме преобладали веселые, яркие и абсолютно не гармонирующие друг с другом цвета и пахло мастикой. Ни тебе черных драпировок, ни черепов либо странного вида свечей. Хотя нет, одна странная свеча была – большая и розовая; ее нянюшка как-то приобрела в Анк-Морпорке и иногда демонстрировала гостям с правильным чувством юмора. Зато было много столов – в основном предназначенных для размещения всевозможных портретов и иконографий многочисленного клана Ягг. На первый взгляд могло показаться, что портреты эти расположены беспорядочно и хаотично, но на самом деле тут имелась некая тайная система. Картинки гуляли взад-вперед по комнате в зависимости от того, к кому из членов семьи в данный момент времени питает расположение нянюшка. Те, чьи портреты оказывались на шатком столике рядом с кошачьей миской, должны были выполнять самую черную работу. А главная несправедливость заключалась в том, что ты мог выпасть из фаворы вовсе не потому, что где-то в чем-то поступил плохо, а только потому, что кто-то где-то поступил *лучше*. Именно поэтому места, где не было портретов, занимали всевозможные украшения: каждый Ягг, отъезжавший от Ланкра больше чем на десять миль, просто обязан был привезти нянюшке какой-нибудь сувенир. Ягги искренне любили нянюшку Ягг... ведь были места и похуже шаткого столика. Однажды некий дальний родственник перекочевал аж в коридор.

Большинство украшений были весьма посредственного качества безделушками, купленными на ярмарках, но главное, как считала нянюшка Ягг, – чтобы они были блестящими. Так здесь появилось великое множество косоглазых собачек, розовых пастушек и кружек с кучей ошибок и опечаток, как то: «Самай Лучшей Моме На Всете» и «Мы Лубим Нашу Наню». Огромная позолоченная пивная кружка из трактира «Студенческая лошадь», которая играла мелодию «Их Бин Пьян Как Швайн», будучи слишком великим богатством для того, чтобы стоять на вседоступном месте, была заперта в застекленном шкафу и завоевала портрету Ширл Ягг почетное постоянное место на комодe.

Нянюшка Ягг уже расчистила место для зеленого шара на одном из столов. Когда Агнесса вошла, она недовольно вскинула голову.

– Что-то ты задержалась. Небось хухры-мухры разводила? – произнесла она голосом, способным пробить любую броню.

– Нянюшка, ты говоришь в точности как матушка, – укоризненно сказала Агнесса.

Нянюшка поежилась.

– Ты права, девочка. Давай-ка побыстрее найдем ее. Я еще слишком полна веселья, чтобы становиться каргой.

– Кругом полным-полно странных существ! – сообщила Агнесса. – Кентавры бродят просто стадами! Нам даже пришлось прятаться от них в канаве!

– Ага, я заметила траву и листья на твоём платье, – кивнула нянюшка. – Но решила не говорить. Из вежливости.

– Откуда они взялись?

– Спустились с гор, я полагаю. А зачем ты притащила с собой этого болвана?

– Потому что он вывалился в грязи, нянюшка, – резко произнесла Агнесса. – И я пообещала, что он сможет здесь вымыться.

– Э-э... Это действительно хижина ведьмы? – уточнил Овес, разглядывая бесконечный строй Яггов.

– Охохонюшки... – протянула нянюшка.

– А пастор Мельхио говорил, что ведьмовские дома все как один гнезда порока и сексуальных излишеств.

Молодой священнослужитель сделал шаг назад, наткнулся на маленький столик, из-за чего синяя заводная балеринка начала судорожно дергаться под «Трёх слепых мышат».

– Ну, допустим, у нас есть раковина, – вкрадчиво протянула нянюшка. – Но что ты можешь предложить взамен?

– Нянюшка хочет сказать, что неплохо бы проявить чуточку благодарности, – перевела Агнесса. – Нянюшка, не изводи его. Утро и так выдалось нелегким.

– Э... А как пройти к умывальнику? – спросил Овес.

Агнесса объяснила, и он с явным облегчением отбыл.

– Поразительный зануда, – покачала головой нянюшка.

– Матушку видели чуть выше длинного озера, – сообщила Агнесса, сев за стол.

Нянюшка резко подняла голову.

– Неподалеку от вересковой пустоши? – спросила она.

– Да.

– Плохо. Кривое там место.

– Кривое?

– Все крученное-перекрученное.

– Что? Но я там бывала. Обычное, поросшее вереском и утесником болото. Несколько старых пещер в конце долины.

– Правда? А на облака ты смотрела? Ничего-то ты не понимаешь...

Когда вернулся сияющий чистотой Овес, они все еще спорили, но, увидев его, несколько смутились.

– Я ж говорю, трое нужны! – буркнула нянюшка, отталкивая в сторону стеклянный шар. – Особенно если она сейчас там. Кривую землю через шар не разглядишь, она тебе всю голову заморочит. У нас просто не хватит сил.

– Я не хочу возвращаться в замок!

– Маграт лучше нас всех обращалась с хрустальным шаром.

– Нянюшка, она должна заботиться о маленьком ребенке!

– Ага. В замке, полном вампиров. Подумай хорошенько. Кто знает, когда они проголодаются? Лучше будет, если Маграт и ее дочка поскорее уберутся оттуда.

– Но...

– Ты вытащишь ее оттуда! Это могла бы сделать я, но ты сама говорила: я, мол, только сидела и тупо скалилась.

Агнесса вдруг ткнула пальцем в Овса.

– Ты!

– Я? – переспросил он дрожащим голосом.

– Ты сказал, что сразу различил в них вампиров!

– Правда?

– Сказал.

– Ну да, сказал. И что с того?

– То есть ты не переживал никакого подъема? Не был счастлив как никогда?

– С подъемов я очень быстро падаю, – мрачно откликнулся Овес.

– Но почему они с тобой не справились?

Овес неуверенно улыбнулся и пошарил в кармане.

– Меня защищает десница Ома.

Нянюшка внимательно осмотрела медальон. Там был изображен человек, привязанный к панцирю черепахи.

– Серьезно? – спросила она. – Мощная штуковина, стало быть.

– Ом простер свою десницу, дабы спасти пророка Бруту от пыток, и

точно так же раскинет он надо мной свои крылья, когда придет час испытаний моих, – возвестил Овес. Правда, судя по его тону, он больше пытался убедить себя, чем нянюшку. – Если хотите узнать больше, у меня есть одна брошюрка. – Его голос сразу стал более решительным, ведь если существование Ома еще можно было поставить под сомнение, то существование религиозных брошюр было очевидным для любого рационально мыслящего, открытого новым веяниям человека.

– *Не хотим*, – отрубил нянюшка и вернула медальон. – А вот брату Пердоре не требовалось никаких волшебных побрякушек, дабы отваживать зло.

– Конечно, не требовалось. От его перегара любое зло со всех ног улепетывало, – съязвила Агнесса. – Итак, господин Овес, ты идешь со мной. С меня хватит, я с этим кровососущим принцем уже сражалась в одиночку. Так что заткнись!

– Э... Но я ничего не говорил...

– Я не тебя имела в виду, а... Слушай, ты рассказывал, что изучал вампиров, верно? Какие они вообще? Ну, как живут? Что любят?

Овес на мгновение задумался.

– Э... Ну, жить они предпочитают в удобных сухих гробах. А любят... Чтобы свежей крови было побольше... Сумерки там всякие... – Увидев выражение лица Агнессы, он резко прервался. – Э... На самом деле все зависит, откуда они родом. Насколько я помню, Убервальд – достаточно большой край. Но самый эффективный способ борьбы с вампиром – это отсечь ему голову и вбить в сердце кол.

– Это отлично работает и с людьми тоже, – заметила нянюшка.

– Э... В Сплунце вампиры умирают, если положить им в рот монету, а потом отрезать голову...

– Ну надо же, все не как у людей... – буркнула нянюшка, доставая блокнот.

– Э... В Клаце они умирают, если вставить им в рот лимон...

– Вот это мне больше нравится.

– ...После того, как отрубишь им голову. Насколько я помню, вампиру из Глица следует забить рот солью, вбить по морковке в оба уха и уже потом отрубить голову...

– Представляю, сколько они мучились, прежде чем поняли, что надо делать.

– А в долине Ах считается, что лучше всего отсечь вампиру голову и сварить ее в уксусе.

– Агнесса, – сказала нянюшка, – нам потребуется куча людей, чтобы

унести с собой столько барахла.

– А в Бериплати говорят, что нужно отрубить пальцы на ногах, а потом вбить гвоздь в шею.

– И отрубить голову?

– Нет, не обязательно.

– Ну, пальцы рубить *легко*, – сказала нянюшка. – Старик Штабель из Дурного Зада одним ударом лопаты отмахнул себе два пальца.

– Кроме того, – продолжал Овес, – вампира можно победить, если выкрасть его левый носок.

– Извини? – изумилась Агнесса. – Кажется, я тебя не расслышала.

– Гм, вампиры патологически щепетильны, понимаешь? В некоторых кочевых племенах Борогравии существует поверье, что если украсть у вампира носок и где-нибудь его спрятать, то вампир будет искать его до скончания века. Вампиры терпеть не могут, если какая-нибудь вещь находится не на месте или пропала.

– Ну, вряд ли это широко распространенное поверье, – хмыкнула нянюшка.

– А в некоторых селах считают, что вампиров можно остановить, швыряясь в них семенами мака, – продолжил Овес. – Вампиры тут же принимают их считать, поскольку обладают большой склонностью ко всякого рода аналитике.

– К ана... – Нянюшка запнулась. – Нет уж, мы лучше поищем другой способ.

– Так или иначе, – быстро вмешалась Агнесса, – сомневаюсь, что у нас будет время выпросить у графа его точный адрес. Мы просто войдем в замок, заберем Маграт и вернемся сюда, договорились? Кстати, Овес, каким образом ты вдруг стал специалистом по вампирам?

– Я ж говорил – в семинарии мне приходилось изучать много дисциплин. Мы должны знать врага в лицо, поскольку сражаемся со всякими злыми силами – вампирами, демонами, ведь... – Он осекся.

– Продолжай, не стесняйся, – сказала нянюшка сладким, как мышьяк, голосом.

– Ведьмам мы лишь указываем ошибочность выбранного ими пути, – пробормотал Овес и смущенно откашлялся.

– Ага, и очень недвусмысленно указываете, – кивнула нянюшка. – Надо бы не забыть надеть свой несгораемый корсет. В общем, скатертью вам дорожка... Всем троим.

– Троим? – переспросил Овес.

Левая рука Агнессы дрогнула. Запястье согнулось, ладонь сжалась в

кулак, а потом начали распрямляться два пальца. Агнесса всячески пыталась совладать с непокорной рукой, но тщетно. Впрочем, этот знак заметила только нянюшка Ягг.

– Две неразлучные подружки, а? Удобно, наверное, – фыркнула нянюшка.

– О чем это она? – спросил Овес, когда они вышли из дома.

– Не обращай внимания. Старая стала, заговаривается, – как можно громче ответила Агнесса.

По дороге в сторону замка направлялись запряженные волами повозки. Агнесса и Овес отошли чуть в сторонку, пропуская грохочущий караван.

Все без исключения вновь прибывшие были одеты в неряшливые безразмерные тулупы. Единственной выделяющейся деталью был шарф, который на манер повязки туго обматывал горло каждого возницы.

– Либо в Убервальде началась эпидемия ангины, либо под каждой повязкой спрятаны глубокие колотые раны, – заметила Агнесса.

– Э... Я немного знаю о том, как они управляют людьми, – сказал Овес. – С чисто теоретической точки зрения.

– Да?

– Мои слова могут показаться глупыми, но так было написано в одной древней книге.

– Говори.

– Вампирам легче управлять целеустремленными людьми. Теми, кто всегда держит себя в руках, контролирует себя.

– Контролирует себя? – с подозрением переспросила Агнесса.

Мимо прогрохотали еще несколько повозок, причем, ни один возница не обратил внимания ни на священнослужителя, ни на ведьму.

– Я знаю, это звучит странно. Кажется, будто бы целеустремленными людьми управлять труднее. Но чем больше мишень, тем легче в нее попасть. В некоторых деревнях охотники на вампиров напиваются в стельку. В целях самозащиты, понимаешь? Когда в голове туман, вокруг тоже туман. А туман не так-то просто ударить.

«Стало быть, мы – туман? – переспросила Пердита. – От тумана слышу!»

Агнесса пожала плечами. Лица возниц выглядели весьма буколически. В Ланкре похожие лица тоже встречались, но на них, как правило, отражались и другие человеческие эмоции: хитрость, здравый смысл и непреодолимое упрямство. А у возниц глаза казались будто бы выключенными.

«Как у скота», – заметила Пердита.

- Ага, – кивнула Агнесса.
- Не понял? – отозвался Овес.
- Да так, не важно...

«С коровьим стадом управляется один-единственный человек, – подумала Агнесса. – В то время как любая корова при желании легко оставит от своего пастуха мокрое место. Но почему-то такая мысль не приходит в коровьи головы...

Предположим, они *лучше* нас. Предположим, по сравнению с ними мы всего лишь...»

«Ты слишком близко к замку! – рявкнула Пердита. – Вот и думаешь, как корова!»

За повозками следовала некая группа мужчин.

«А вот и погонщики», – хмыкнула Пердита.

Эти люди отличались от возниц. Они были одеты в своего рода мундиры с черно-белыми гербами семейства Сорокула, но, судя по виду «погонщиков», они не больно-то привыкли носить какую-либо форму. Зато, судя по тому же виду, они привыкли убивать других людей за деньги, причем не всегда большие. Короче говоря, они выглядели в точности как люди, которые привыкли закусывать непослушными мальчиками и девочками. Кое-кто, проходя мимо, бросал на Агнессу плотоядные взгляды – впрочем, эти люди бросали бы плотоядные взгляды на любого одетого в юбку человека.

Затем снова потянулись повозки.

– Ну, как выражается нянюшка Ягг, когда представилась возможность, хватай, что торчит, – сказала Агнесса и, сорвавшись с места, побежала следом за последней повозкой.

– Она правда так выражается?

– К сожалению. Но ты привыкнешь.

Она схватилась за задний борт, забралась в повозку и махнула священнослужителю рукой, призывая поторапливаться.

– Хочешь произвести на меня впечатление? – спросил Овес, когда она с трудом втощила его в повозку.

– Не на тебя, – пояснила она и вдруг поняла, что сидит на гробе.

В повозке лежали два гроба, тщательно обложенные соломой.

– Уже перевозят мебель? – поинтересовался Овес.

– Э... Думаю... Вполне возможно... они могут оказаться занятыми, – сказала Агнесса.

Священнослужитель пожал плечами и поднял крышку. Агнесса едва сдержалась, чтобы не закричать. Но гроб оказался пустым.

– Идиот! А если бы там кто-то был?

– В дневное время вампиры, как правило, спят. Уж это-то каждый знает, – укоризненно произнес Овес.

– Я чувствую их присутствие где-то... рядом, – сказала Агнесса.

Грохот колес изменился – повозка въехала в мощный булыжником замковый двор.

– Слезай со второго гроба. Туда тоже заглянем.

– А если...

Он столкнул ее с гроба и поднял крышку, прежде чем она успела договорить.

– Тут тоже никого, – констатировал Овес.

– А вот если бы там оказался вампир, он бы как выпрыгнул, как схватил бы тебя за горло!..

– Моя вера – мой щит, – пафосно возвестил Овес.

– Правда? Вот здорово-то.

– Можешь сколько угодно ерничать...

– Знаешь, мне сейчас не до ерничества.

– И тем не менее, если хочешь, можешь ерничать. Я все равно уверен: мы поступаем правильно. Разве не победил Сонатон зверя Батригорского в его же собственном логове?

– Понятия не имею.

– Победил. А разве пророк Урдур не поразил дракона Слуцкого на Гидральской равнине после боя трехдневного?

– Ну, вряд ли у нас будет столько времени...

– И разве не повергли Сыны Экзеквилевы хозяев Мырилома?

– О, наверное, та еще была битва!

– Ты о ней слышала?

– Нет. Так, мы остановились. Теперь тихо, я не хочу, чтобы нас кто-нибудь обнаружил. По крайней мере, не сейчас. И по крайней мере, только не эти охранники. Мне они показались не совсем приятными людьми.

Они посмотрели на гробы и обменялись многозначительными взглядами, понимая, что сулит им ближайшее будущее.

– Думаешь, они не заметят, что гробы стали тяжелее? – спросил Овес.

– Эти возницы, судя по их виду, вряд ли способны что-либо замечать.

Агнесса устала на ближайший гроб. На дне было немножко грязно, но в общем и целом гроб поддерживался в чистоте, а в изголовье даже лежала удобная подушечка. На обивке было нашито несколько карманчиков.

– Это самый простой способ проникнуть в замок. Ты заберешься сюда,

а я – сюда. Кстати, эти люди, о которых ты мне рассказывал... Все это действительно было?

– Ну конечно! Это исторические личности и...

– Отлично. Главное – не пытайся повторить их подвиги, хорошо? А то ты тоже очень быстро станешь историей.

Она закрыла за собой крышку и затаила дыхание. Она никак не могла избавиться от ощущения, что совсем рядом лежит вампир.

Ее рука коснулась бокового кармашка и нащупала там что-то мягкое и одновременно колючее. С ужасом Агнесса исследовала предмет, но потом поняла, что это всего-навсего клубок шерсти с воткнутыми в него двумя длинными вязальными спицами. Значит, в этом гробу творили какой-то колдовской ритуал... или просто вязали носки. Одно из двух.

В гробу? Вязать носки? С другой стороны, возможно, вампиры тоже иногда мучаются бессонницей.

Почувствовав, что гроб подняли, Агнесса напряглась. Куда ее могут нести? Гроб пронесли через мощный булыжником двор, потом подняли по главной лестнице (она услышала характерный стук каблуков, эхом разносившийся по залу), затем начали спускаться куда-то вниз по крутой лестнице...

Это могло означать только одно – гробы несли в подвалы. Что ж, вполне логично, но не больно-то удачно...

«Ты сейчас пытаешься произвести на меня впечатление, – сказала Пердита. – Хочешь выглядеть экстравертно-динамичной».

«Заткнись», – подумала Агнесса.

– Пофтавлият их здефь и проваливайт, – услышала она чей-то голос.

Судя по акценту, это был Игорь, слуга вампирского семейства. Агнесса судорожно зашарила по кармашкам. Может, использовать в качестве оружия вязальную спицу?

– Хотяйт от меня избавлятьфя, йа? – продолжал голос на фоне удалявшихся шагов. – Ох, они еще поплакайт. Думают, фамые умный, но кто будейт пыль фтирайт, а? Даф ифт вопроф! Кто будейт вынимайт их головы из банок ф маринадом? Кто будейт выкапывайт их из-под земли? Да я за фвой жизнь вытафкивайт больше колов, чем жевайт ящериц!..

Крышка поднялась, и внутреннее пространство гроба залил яркий свет.

Игорь уставился на Агнессу, Агнесса уставилась на Игоря.

Первым пришел в себя Игорь. И улыбнулся. Из-за многочисленных швов на губах это была весьма необычная с точки зрения геометрии улыбка.

– Ничего фебейт, – произнес он. – Кто-то в детстве флушайт много фказок. Чефнок не забывайте прихватывайте?

– Целый мешок.

– Не помогайт. Фвятая вода?

– Целая бочка.

– То...

Игорь не договорил. На его голову, издав почему-то металлический звон, с силой опустилась крышка гроба. Он медленно поднял руку, потирая ушибленное место, и обернулся. Второй удар пришелся прямо в лоб.

– Вот... шайфе, – произнес Игорь и упал.

Над Агнессиным гробом возник Овес. Лицо его горело от праведности и адреналина.

– Я сразил его своей верой!

– Отлично, отлично, пора выбираться отсюда. Помогите мне встать!

– Мой гнев снизошел на него аки...

– Скорее не твой гнев, а крышка от гроба. Кроме того, он довольно-таки стар, – ответила Агнесса. – Слушай, я часто играла здесь в детстве и знаю, где находится черная лестница...

– Так он не вампир? А по виду не скажешь. Весь штопаный какой-то...

– Он – их слуга. Пошли быстрее... – Агнесса вдруг остановилась. – Кстати, ты умеешь делать святую воду?

– Что? Но... в таких условиях?..

– Благослови ее, посвети Ому... Выпарь из нее всякую чертовщину, не знаю что еще...

– Ну, есть одна довольно короткая церемония... – Он прервался. – Конечно! Вампиров можно остановить святой водой!

– Молодец, что догадался. Стало быть, первым делом на кухню.

Последнее время огромная кухня, как правило, пустовала. Ныне царствующая чета не относилась к людям, требующим три перемены блюд утром, днем и вечером, поэтому на кухне сейчас была только госпожа Пышка. Она спокойненько раскатывала тесто.

– День добрый, госпожа Пышка, – поздоровалась Агнесса, решив, что проще всего понадеяться на могущество остроконечной шляпы и быстро проскользнуть мимо. – Не беспокойся, не беспокойся, мы только воды чуточку наберем, мы знаем, где насос, но парочка пустых бутылок очень нас выручит.

– Конечно, милая моя.

Агнесса остановилась и медленно обернулась.

Госпожа Пышка славилась своим склочным характером, особенно

когда речь шла о сое, ореховых котлетах, вегетарианских блюдах и любых овощах, которые нельзя было выварить до яркой желтизны. Даже сам Веренс лишней раз старался не появляться на кухне, хотя в отличие от простых смертных, на которых с полной силой обрушивался обобщенный гнев замковой поварихи, короля встречали тут всего лишь напряженным молчанием. Насколько горы отличаются стабильной массивностью, настолько госпожа Пышка отличалась стабильной сердитостью.

Сегодня на ней было белое платье, белый передник, огромный белый поварской колпак и белая повязка на горле. Кроме того, она выглядела – за неимением лучшего слова – вполне довольной.

Агнесса нетерпеливо махнула рукой Овсу, посылая его к насосу.

– Найди что-нибудь, куда можно налить воду, – прошипела она и добавила весело: – Как ты себя сегодня чувствуешь, госпожа Пышка?

– Очень хорошо. Спасибо, что поинтересовалась, госпожа.

– Наверное, ты очень занята, столько гостей...

– Да, госпожа.

Агнесса откашлялась.

– И что ты подавала на завтрак?

Повариха наморщила розовый лоб.

– Не могу вспомнить, госпожа.

– Отлично.

Овес толкнул ее в бок.

– Я заполнил пару бутылок и произвел церемонию очищения во славу Ома.

– А это поможет?

– Главное – не терять веры.

Повариха с приветливым видом наблюдала за ними.

– Спасибо, госпожа Пышка, – сказала Агнесса. – Пожалуйста, продолжай... то, что делала.

– Конечно, госпожа.

Повариха взяла в руку скалку.

«Ей теперь придется побегать, – сказала Пердита. – И повариха, и поставщик мяса в одном лице».

– Это очень зло! – воскликнула Агнесса.

– Что? – не понял священнослужитель.

– Так... пришла в голову одна мысль. Идем, черная лестница вон там.

Лестница была сложена из грубого камня и вилась до самого верха замка. Периодически попадались площадки с дверьми, выходившими в общественные помещения. С другой стороны дверей был все тот же грубый

камень, но уложенный более искусно и украшенный разными гобеленами и коврами. Агнесса распахнула одну из дверей.

Двое выходцев из Убервальда неторопливо шли по коридору и несли что-то, накрытое тканью. Агнессу и Овса они не удостоили даже взгляда.

Распахнув дверь в королевские покои, они обнаружили королеву стоящей на табуретке. Маграт повернулась, и болтающиеся на ниточках ярко раскрашенные звездочки и фигурки животных мгновенно оплели ее поднятую руку.

– Ну вот, опять, – пожаловалась она. – А казалось легче легкого. Привет, Агнесса, не могла бы ты поддержать табуретку?

– Что ты делаешь? – спросила Агнесса, первым делом глянув на шею Маграт.

Ни повязки, ни шарфика там не было.

– Пытаюсь повесить эти фигурки на канделябр, – ответила Маграт. – Ну, все... мое терпение лопнуло! Они постоянно путаются! По словам Веренса, маленьких детишек должны окружать всякие яркие предметы. Мол, это ускоряет развитие и вообще очень полезно. А Милли, как назло, куда-то запропастилась.

«Замок кишмя кишит вампирами, а она детскую украшает, – хмыкнула Пердита. – Отгадай, что не так с этой картинкой?»

Агнесса хотела было опять гаркнуть на саму себя, но сдержалась. Табуретка, на которой стояла королева, выглядела весьма шаткой.

– Но малышке Эсме всего две недели, – вместо этого сказала она. – Не слишком ли рано, чтобы уже начать образовываться?

– Как говорит Веренс, лучше раньше, чем позже. А вы что тут делаете?

– Мы пришли за тобой. Ты должна пойти с нами. И немедленно.

– Зачем? – спросила Маграт и, к огромному облегчению Агнессы, спрыгнула с табуретки.

– Зачем?! Маграт, в замке *вампиры!* Семейство Сорокула – *вампиры!*

– Не говори ерунды, они такие приятные люди. Я буквально этим утром разговаривала с графиней...

– И о чем же вы разговаривали? – перебила ее Агнесса. – Готова поспорить, ты ничего не помнишь.

– Агнесса, вообще-то я – королева, – укоризненно промолвила Маграт.

– Извини, извини. Но они влияют на сознание людей...

– Они и на тебя влияют?

– М-м, нет, на меня – нет. У меня... своего рода иммунитет, – солгала Агнесса.

– А на него? – резким тоном спросила Маграт.

– Я пребываю под защитой Ома, – возвестил Овес.

Маграт, удивленно вскинув брови, посмотрела на Агнессу.

– Что, правда?

Агнесса пожала плечами.

– Наверное.

Маграт наклонилась поближе.

– А он, случаем, не пьян? У него в руках две пивные бутылки.

– Там святая вода, – прошептала Агнесса.

– Веренс говорит, что омнианство – это довольно-таки разумная и стабильная религия, – прошипела в ответ Маграт.

Агнесса и Маграт дружно посмотрели на всемогучего Овса, мысленно примеривая к нему разумность и стабильность.

– Ну, мы идем или как? – спросил он.

– Никуда мы не идем! – обрубил, резко выпрямляясь, Маграт. – Это просто глупо. Я замужняя женщина, я – королева, у меня маленький ребенок, а ты врываешься и начинаешь нести всякий бред про вампиров! У меня вообще гости, и я должна...

– Гости и есть вампиры, ваше величество, – сказала Агнесса. – И пригласил их сюда король!

– Веренс говорит, мы должны учиться находить язык с самыми разными людьми...

– Нам кажется, у матушки Ветровоск неприятности, – сказала Агнесса. Маграт замерла.

– Что, серьезные неприятности?

– Очень серьезные. Нянюшка Ягг сама не своя от беспокойства. Рычит и огрызается на всех подряд. И по ее словам, чтобы найти матушку, нужны трое.

– Понимаешь ли, я...

– Матушка взяла с собой шкатулку.

– Которая хранилась в комодке?

– Да, а нянюшка не хочет говорить мне, что в ней было.

Маграт чуть развела руки на манер рыбака, показывающего средних размеров рыбешку.

– Полированную деревянную шкатулку примерно вот такого размера?

– Не знаю. Никогда ее не видела. Но нянюшка считает это очень важным, хотя и не говорит, что в шкатулке хранилось, – повторила Агнесса на тот случай, если Маграт не поняла намеков.

Маграт сплела пальцы и уставилась в пол, покусывая костяшки рук. Когда она подняла голову, выражение ее лица было решительным. Она

ткнула пальцем в Овса.

– Ты найдешь какой-нибудь мешок и сложишь туда все вещи из вон того верхнего ящика. Потом возьмешь ночной горшок, маленькую тележку, соберешь чучельца зверюшек, пеленки, не забудь мешок для грязных пеленок, еще захвати ванночку, полотенца, ящик с игрушками, и заводные тоже прихвати, музыкальную шкатулку, ползунков побольше и шерстяной чепчик, а ты, Агнесса, найди кусок ткани, из которой можно соорудить что-нибудь типа перевязи. Вы поднялись по черной лестнице? По ней и спустимся.

– А зачем нам перевязь?

Маграт склонилась над колыбелькой и подняла закутанную в одеяльце девочку.

– Я ее здесь не оставлю!

Из угла, где суетился всемогучий Овес, донесся грохот. У священнослужителя уже были заняты обе руки, а в зубах он держал большое чучело кролика.

– Нам точно все это понадобится? – спросила Агнесса.

– Кто знает, – пожала плечами Маграт.

– А целая коробка с игрушками зачем?

– А вдруг она рано начнет развиваться? Веренс считает, что такое вполне возможно.

– Ей же всего две недели от роду!

– Да, но всякому правильно развивающемуся мозгу необходимо стимулирование даже на ранних стадиях, – возвестила Маграт, кладя крошку Эсме на стол и засовывая ее в детский комбинезончик. – Кроме того, чем раньше у ребенка разовьется координация движений, тем лучше. Такие вещи нельзя пускать на самотек... Кстати, о самотеке. Захватите детскую горку. И желтого резинового утенка. И губку в форме медвежонка. И медвежонка в форме губки.

Гора вокруг Овса все росла. С нее уже начали сходить лавины.

– Но что такого важного в этой шкатулке? – спросила Агнесса.

– Ну, в самой шкатулке нет ничего ценного, – ответила Маграт и оглянулась через плечо. – Да, еще захвати тряпичную куклу, ладно? Мне кажется, Эсме ее очень любит. Проклятие! Красный мешочек!.. Да-да, спасибо, там все лекарства. Так о чем ты спрашивала?

– О шкатулке матушки, – подсказала Агнесса.

– Ну, она... просто важна для матушки.

– Это волшебная шкатулка?

– Что? Конечно, нет. Во всяком случае, насколько мне известно. Но все

хранящееся в шкатулке принадлежит ей, понимаешь? Лично ей, а не дому, – пояснила Маграт, взяв дочь на руки. – А кто у нас хорошая девочка? Ну конечно, ты! – Она окинула взглядом комнату. – Ничего не забыли?

Овес выплюнул кролика.

– Потолок еще остался.

– Тогда пошли.

Стая сорок кружила вокруг замковой башни. Большинство стишков про сорок содержат десять-двенадцать строчек, но здесь собрались сотни птиц, хоть усочиняйся. И все эти стишки содержат разного рода предсказания, да только все они неверные. Ведь стишки сочиняли люди, а у сорок свои рифмы и свои приметы.

Граф сидел в темноте и вслушивался в сорочьи мысли. Самые разные картинки мелькали перед его глазами. «Вот как нужно управлять государством, – думал он. – Людские мысли так тяжело читать, люди должны находиться совсем рядом, чтобы ты видел слова, прячущиеся за их речами. Но птицы... Птицы способны проникнуть куда угодно, узреть всякого крестьянина в поле, всякого охотника в лесу. Кроме того, они умеют слушать. Куда лучше, чем летучие мыши и крысы. Очередная традиция канула в Лету...»

Однако никаких признаков присутствия матушки не наблюдалось. Наверняка какой-то хитрый фокус. Впрочем, не важно. В конце концов она найдет его. Не в ее природе хорониться по всяким норам. Ветровоски всегда смело глядели врагу в лицо и предпочитали открытый бой, даже если точно знали, что потерпят поражение.

Несколько сорок следили за каким-то человечком, таскающимся по лесам. Следом за человечком покорно бродил ослик, нагруженный всевозможными приспособлениями для ловли птиц. Граф мельком глянул на Ходжесааргха, увидел перед собой разум, битком набитый мыслями о соколах, и презрительно хмыкнул. И этому человечку, и его глупым птицам скоро придет конец – они заставляли сорок нервничать. Надо бы не забыть отдать соответствующий приказ стражникам.

– Ооаауооу!

Однако ни одна комбинация гласных не смогла бы точно передать тот восторженный вопль, который издала нянюшка Ягг при виде малышки. В нем сливались звуки, известные только кошкам.

– Моя ненаглядная! – замурлыкала нянюшка. – Где-то у меня была конфетка...

– Она еще не ест твердую пищу, – сказала Маграт.

– Что, по-прежнему не дает по ночам спать?

– И днем тоже не дает. Правда, сегодня, слава богам, спала крепко.

Нянюшка, передай ее господину Овсу и давай разберемся, что происходит.

Действуя в точности как большинство мужчин, молодой священнослужитель робко принял девочку на вытянутые руки – так, словно она могла взорваться или по крайней мере сломаться.

– А кто это у нас такой?.. – попытался он наладить контакт.

– Итак... что случилось с матушкой? – спросила Маграт.

Нянюшка и Агнесса, перебивая друг дружку в самых ответственных местах, изложили цепь событий.

– Кривая земля в горах? – переспросила Маграт, когда они почти закончили рассказ.

– Именно, – подтвердила нянюшка.

– Да что это за *кривая* земля, в конце-то концов? – не выдержала Агнесса.

– В тех горах много магии, – сказала нянюшка. – Горы возникают, когда глыбы земли сталкиваются, известный факт. Поэтому, когда магия попадает в ловушку, возникают... своего рода места, в которых пространство... своего рода перекручивается. Если б смогло, оно заняло бы большой объем, но так это место становится похожим на сучок внутри дерева. Или на использованный носовой платок... когда скомкан – маленький, а развернешь – большой.

– Но я не раз бывала там и не видела ничего, кроме обычной вересковой пустоши!

– Тут нужно знать правильное направление, – объяснила нянюшка. – В таких местах хрустальный шар показывает не пойми что. Все размытое, все прыгает. Словно смотришь на что-то близкое *и* далекое одновременно. От этого даже шар слезится.

Она подвинула к Маграт стеклянный шар.

– Вы двое толкайте, а я буду рулить...

– Э... Вы собираетесь заняться ведьмовством? – со страхом спросил Овес.

– А в чем проблема? – осведомилась нянюшка.

– Я просто интересуюсь... – Он густо покраснел. – Ну, не собираетесь ли вы, случаем, срывать с себя одежды, устраивать дикие пляски и вызывать распутных и похотливых демонов? Боюсь, я не смогу принять в этом участие. «Книга Ома» категорически запрещает общаться с ложными пророками и обманщиками-псевдочародеями.

– С псевдочародеями я тоже не стала бы общаться, – сказала нянюшка. – У них бороды отваливаются.

– А мы – настоящие, – добавила Маграт.

– И никаких распутно-похотливых демонов вызывать не собираемся, – заключила Агнесса.

– Хотя можем, если захотим, – едва слышно хмыкнула нянюшка Ягг.

– Ну... Тогда все в порядке, – с облечением произнес Овес.

Ведьмы встали в кружок и сосредоточились. «Мне не нравится Маграт, – вдруг заявила Пердита. – Она стала какой-то другой».

«Это неудивительно», – откликнулась Агнесса.

«Она начала распорядиться и уже не суетится, как раньше. И глаза у нее нормальные, а не мокрые».

«Это потому, что она теперь мать, – подумала Агнесса. – У матерей глаза бывают лишь чуточку влажными».

Хотя сама Агнесса была не слишком высокого мнения о материнстве. Оно, конечно, – дело важное и необходимое, но что в нем такого *трудного*? С материнством даже кошки справляются. Но все женщины вели себя так, словно их наградили медалью, которая давала им право вертеть людьми направо-налево. «Теперь я – мать, видите большие буквы на ярлыке? А на вас всех написано – „де-ти“...»

Агнесса мысленно пожала плечами и сконцентрировалась на предмете в руке.

Внутри зеленого шара свет то становился сильнее, то ослабевал. Агнесса участвовала в гадании на магическом кристалле всего пару раз, но не помнила, чтобы свет так пульсировал. Стоило появиться изображению, как свет начинал мерцать и тут же перескакивал на что-нибудь другое... На небольшой, поросший вереском клочок земли... На дерево... На бурлящие облака...

Вдруг в шаре отразилась матушка Ветровоск. Отразилась на секунду и пропала. И шар тут же затянуло непроглядной пеленой: мол, все, девушки, представление окончено.

– Она лежала на земле, – сказала Маграт. – Картинка была очень нечеткой.

– Значит, она в одной из пещер. Она рассказывала однажды, что ходит туда, чтобы побыть наедине со своими мыслями, – ответила нянюшка. – А вы подергивания заметили? Она пытается не подпустить нас к себе.

– Эти пещеры всего лишь дырки в земле, – возразила Агнесса.

– И да и нет, – пожала плечами нянюшка. – У нее в руках действительно была табличка или мне показалось?

- «Я НИ УМИРЛА»? – уточнила Маграт.
- Нет, эта табличка осталась в ее хижине.
- То есть именно сейчас, когда матушка так нам нужна, она решила переселиться в какие-то пещеры?
- А откуда она знает, что нужна нам? Думаешь, ей известно про вампиров? – поинтересовалась Агнесса.
- Может, пойдем к ней и все у нее спросим? – предложила Маграт.
- Добраться дотуда по воздуху не получится, – задумчиво почесывая подбородок, сказала нянюшка. – Над кривой землей не больно-то летаешь. Помело так и водит.
- Значит, доберемся пешком, – подытожила Маграт. – До заката еще несколько часов.
- А ты что, с нами? – в ужасе спросила Агнесса.
- Разумеется.
- А как же девочка?
- По-моему, ей нравится спать в перевязи, тепло, уютно... А кроме того, там, куда мы направляемся, чудовища не водятся, – сказала Маграт. – Так или иначе, лично я всегда считала, что материнство профессиональной карьере не помеха.
- А мне казалось, ты решила завязать с ведьмовством, – пожалала плечами Агнесса.
- Ну да... решила... Но сначала надо убедиться, что с матушкой все в порядке, разобраться с вампирами, а потом уж я займусь другими делами...
- Там может быть опасно! – воскликнула Агнесса. – Нянюшка, чего ты-то молчишь?
- Нянюшка Ягг развернулась вместе со стулом и посмотрела на девочку.
- Ухти-тухти... – проворковала она.
- Маленькая головка шевельнулась, и Эсме открыла голубые глаза.
- Нянюшка Ягг задумчиво разглядывала девочку.
- Берем ее с собой, – наконец заявила она. – Джейсончик, когда был малышом, повсюду со мной таскался. Детки любят, когда мамочка рядом.
- Она еще раз взглянула на малышку.
- Да, – кивнула она. – Отличная мысль.
- Э... А может, я чем-то могу помочь? – неуверенно произнес Овес.
- Нет. Вот тебя мы с собой не возьмем. Это слишком опасно, – не терпящим возражений тоном отрезала нянюшка.
- Тогда с вами отправятся мои молитвы!
- Главное, чтоб не отставали, – презрительно фыркнула нянюшка.

Мелкий дождь промочил возвращавшегося в замок Ходжесааргха до нитки. В манок тоже попала влага, и теперь издаваемые Ходжесааргхом звуки могли привлечь разве что странных, населявших древние захоронения существ. Ну, или заболевшую ангиной овцу.

Вдруг Ходжесааргх услышал треск сорок.

Привязав осла к молодому деревцу, он вышел на поляну. Сороки разорались на чем свет стоит, но, увидев сидевшего на осле Короля Генри, сразу вспорхнули с деревьев и разлетелись в разные стороны.

И тут Ходжесааргх увидел прижавшегося к поросшему мхом камню... птенца. Маленькую сороку. Она была мокрой и какой-то *неправильной*, словно кто-то вдруг решил собрать сороку и даже сделал это, но так и не разобрался, как, собственно, она работает. Увидев Ходжесааргха, птенец начал биться, попытался взлететь, расправил помятые крылышки – и вдруг превратился в крошечную копию Короля Генри.

Ходжесааргх попятился. Сидевший на жердочке орел повернул закрытую капюшоном голову в сторону странной птицы...

...Которая превратилась в голубя, потом – в дрозда... в королька...

Внезапное предчувствие заставило Ходжесааргха закрыть глаза ладонью, но вспышка обожгла роговицу даже сквозь пальцы. В лицо ударила волна полыхнувшего пламени, резко запахло палеными волосами.

На земле появился выжженный круг, по краям которого курилась дымочком трава. А в самом центре круга лежали несколько трогательных, раскаленных докрасна косточек, которые буквально спустя пару секунд рассыпались в прах.

Далеко в лесу трещали сороки.

Граф Сорокула заворочался в темноте своей спальни и открыл глаза. Зрачки его быстро расширились, вбирая крохи света.

– По-моему, она залегла на землю, – сказал он.

– Быстро сориентировалась, что к чему, – покачала головой графиня. – Кажется, ты говорил, она достаточно могущественная ведьма.

– Да, несомненно, но человек есть человек. Кроме того, она стареет. А с возрастом приходят сомнения. Одинокие вечера в пустом домике, никакой тебе компании, кроме пламени свечи... Это так просто – открыть все маленькие трещинки и позволить разуму свернуться внутрь. Это все равно что смотреть за лесным пожаром: внезапно направление ветра меняется, и вот уже пламя бушует среди домов, которые казались такими надежными...

– Как наглядно ты все излагаешь.

– Спасибо.

– Воронау был твоим настоящим успехом...

– Это модель нашего будущего. Вампиры и люди наконец-то живут в гармонии. Исчезли сами *основы* враждебности, как я всегда и говорил.

Графиня подошла к окну и осторожно раздвинула портьеры. Несмотря на пасмурное небо, в комнату проник серый свет.

– В таких предосторожностях уже нет нужды, – сказал граф, подходя к ней сзади и широко распахивая портьеры.

Вздвигнув, графиня машинально отвернулась.

– Вот видишь? Никакого вреда. С каждым днем мы становимся все совершеннее и совершеннее, – бодрым голосом заявил граф. – Самоусовершенствование. Положительное мышление. Тренировка. Знакомство с неведомым. Чеснок? Приятная приправа. Лимоны? Дело вкуса. Вчера я забросил куда-то носок – и что? Мне абсолютно наплевать на это. У меня хватает носков. И можно еще купить!

Тут граф увидел выражение лица жены, и улыбка его несколько померкла.

– У тебя на кончике языка вертится какое-то «но», – сказал он без всякого выражения.

– Я только хотела напомнить, что в Воронау не было ведьм.

– Тем лучше! Без них легче дышится!

– Конечно, но...

– Дорогая, не начинай все заново. В нашем словаре не должно быть места всяким «но». Как ни странно, Веренс был прав. Наступает новый мир! Долой противных мелких гномов, долой ведьм, долой кентавров! Все они исчезнут бесследно, не говоря уж о каких-то там огненных птицах! Мы покончим со всякими тварями! Да здравствует прогресс! Они недостойны выживания!

– Но того феникса ты только ранил.

– Вот именно! Он позволил ранить себя, а значит, ему грозит вымирание. И мы, моя дорогая, если не хотим исчезнуть вместе со старым миром, должны приспособиться к этим переменам. Что же касается ведьм... Боюсь, они уже в прошлом.

Ну а тем временем в настоящем...

Ведьмы приземлились чуть выше опушки леса, на самом краю вересковой пустоши. Как и говорила Агнесса, пустошь эта была совсем невзрачной, она даже не заслуживала столь громкого названия. На ее противоположной стороне тек ручеек, и отсюда вполне можно было расслышать его журчание.

– Нормальная земля. Никакая не кривая, – буркнула Агнесса.

Она понимала, что сейчас сморозила глупость, но в присутствии Маграт она несколько нервничала.

Нянюшка посмотрела на небо. Две другие ведьмы тоже подняли головы.

– Глаза должны немножко привыкнуть, нужно присмотреться, – пояснила нянюшка. – На самой пустоши будет гораздо лучше видно.

Агнесса, прищурившись, разглядывала пасмурное небо.

– О... Кажется, вижу, – сказала Маграт.

«Готова поспорить, ничего-то она не видит, – заявила Пердита. – Как, впрочем, и я».

И вдруг Агнесса увидела. Как будто на самой границе зрения соединялись два огромных стеклянных полотна. Тонкая граница то появлялась, то исчезала, поймать ее было очень трудно, но какая-то... *несовместимость* здесь присутствовала.

Нянюшка послонила палец и подняла руку, чтобы определить, откуда дует ветер. Потом вытянула ладонь вперед.

– Туда. И глаза закройте.

– Но тут даже тропинки нет, – возразила Маграт.

– Верно. Ты будешь держать за руку меня, Агнесса возьмет за руку тебя. Я пару раз тут ходила. Ничего сложного.

– Как в детской сказке, – хмыкнула Агнесса.

– Вот-вот, – кивнула нянюшка. – Мы стоим на пороге. Ну... пошли...

Сделав всего-навсего один шаг, Агнесса вдруг услышала, как под ногами зашуршал вереск. Она открыла глаза.

Бескрайняя пустошь простиралась далеко во все стороны. Воздух стал темнее, тучи – тяжелее, а ветер усилился. На горизонте высились горы. Откуда-то издали доносился шум падающей воды.

– Где мы? – спросила Маграт.

– Там же, где и были, – ответила нянюшка. – Помню, отец рассказывал, иногда олени, на которых охотились, спасались в кривых землях.

– Наверное, от безысходности, – пробормотала Агнесса. Вереск здесь был более темным, он царапался так, будто вдруг отрастил колючки. – Все тут выглядит как-то... мерзко.

– Отношение тоже играет свою роль, – сказала нянюшка и постучала по чему-то ногой.

«Когда-то это был... вертикально стоявший камень, – подумала Агнесса, – но теперь он превратился в лежащий камень, густо поросший

лишайником».

– Вешка, – пояснила нянюшка. – Помогает выбраться отсюда, иначе век плутать будешь. Так, надо идти к горам. Маграт, Эсме хорошо укутана? Я имею в виду маленькую Эсме.

– Она спит.

– Понятно, – сказала нянюшка несколько странным, как показалось Агнессе, голосом. – Вот и хорошо. Пошли. Ах да, нам еще понадобится вот это...

Она пошарила в бездонной панталонной кладовой и выудила носки настолько толстые, что они скорее напоминали башмаки.

– Ланкрская шерсть, – похвасталась она. – Джейсончик по вечерам вяжет, а вы знаете, какие сильные у него пальцы. Этими носками стену пробить можно.

Вереск безуспешно цеплялся за похожую на проволоку шерсть, а три ведьмы тем временем углублялись все дальше и дальше в пустошь. Солнце было еще высоко в небе, по крайней мере, какое-то яркое пятно маячило среди туч, и все равно было темно. Словно бы темнота лезла из-под самой земли.

«Агнесса...» – позвала Пердита из глубины поделенного на двоих мозга.

«Что?» – подумала Агнесса.

«Нянюшку что-то беспокоит. Что-то связанное с девочкой и матушкой Ветровоск. Ты заметила?»

«Я заметила, что она смотрит на маленькую Эсме так, – подумала Агнесса, – словно пытается принять какое-то решение, если ты это имеешь в виду».

«По-моему, тут замешано Заимствование...»

«Неужели она думает, что матушка при помощи девочки следит за нами?»

«Не знаю, но что-то происходит».

Грохот воды впереди становился все громче.

– Где-то тут течет ручеек, верно? – спросила Агнесса.

– Верно, – ответила нянюшка. – Совсем рядом.

Пустошь вдруг закончилась. Они смотрели в бездну, которая, однако, даже не думала смотреть в них. Эта бездна была практически... гм, бездонной. Вспененная вода едва виднелась далеко внизу. Холодный влажный воздух обдувал лица.

– Этого не может быть, – покачала головой Маграт. – Эта пропасть шире и намного глубже, чем Ланкрский провал!

Агнесса попыталась внимательнее рассмотреть затянутое туманом дно.

«Да тут не больше двух футов, – возмутилась Пердита. – Я могу рассмотреть каждый камешек».

– Пердита считает, что это... оптическая иллюзия, – вслух сказала Агнесса.

– Возможно, она права, – откликнулась нянюшка. – Вот что значит кривая земля, понимаешь? Внутри она больше, чем снаружи.

Маграт подняла камешек и бросила его в пропасть. Он несколько раз отскочил от стены и, кувыркаясь, улетел вниз, оставив после себя только каменистое эхо. Река текла слишком далеко внизу, чтобы можно было разглядеть всплеск.

– Очень реалистично, а? – еле слышно пробормотала Маграт.

– Мы можем воспользоваться мостом, – сказала нянюшка, показывая куда-то в сторону.

Все посмотрели на мост, если его так можно было назвать. Он скорее представлял собой прямую противоположность моста. Скажем так, если бы существовала самая мало-мальски вероятная возможность перейти пропасть по воздуху – ну, к примеру, появились бы какие-нибудь внезапно восходящие потоки или молекулы воздуха вдруг разом сошли бы с ума, – в общем, следовало бы данной возможностью воспользоваться. По сравнению с ней предложение пересечь эту же пропасть по мосту вызывало откровенный смех.

Строительный раствор отсутствовал. Опоры соорудили из валунов, просто поставленных друг на друга, а поверх были не уложены, а скорее навалены плоские плиты. Эту конструкцию назвали бы примитивной даже в самой глубокой древности, когда такого термина, как «примитивный», вообще не существовало. Кроме того, мост угрожающе скрипел на ветру. Это камни терлись друг о друга.

– Я туда не полезу, – сказала Маграт. – Этот мост сложится под первым же порывом ветра.

– Он и без ветра вот-вот сложится, – добавила Агнесса. – По-моему, он вообще ненастоящий.

– Ну что ж, – промолвила нянюшка. – Судя по всему, это будет нелегко.

«Это просто каменная плита, переброшенная через канаву, – настаивала Пердита. – На ней можно прыгать, кувыркаться – в общем, что хочешь делай!»

Агнесса часто заморгала.

– Ага, я поняла, – сказала она. – Это такое испытание, да? Я ведь права? Мы напуганы, поэтому пропасть становится еще глубже. Это все наш страх. А вот Пердита всегда уверена в себе, поэтому для нее это не пропасть, а маленькая канавка...

– Хотелось бы и мне так думать, – откликнулась Маграт. – Но через эту маленькую канавку перекинут *такой* мост...

– Мы теряем время, – перебила Агнесса.

Она уверенно зашагала вперед по каменным плитам. На полпути она остановилась и обернулась.

– Немного качается, совсем чуть-чуть, – сообщила она. – Главное...

В этот самый момент плита под ее ногами покосилась, и Агнесса рухнула в пропасть.

И лишь каким-то чудом ей удалось уцепиться за краешек плиты. Пальцы у нее были сильные, но сейчас на них раскачивалось слишком много Агнессы.

Она опустила голову. Ей очень не хотелось смотреть вниз, однако данное направление занимало сейчас большую часть окружающего ее мира.

«Вода всего в футах от тебя. Уж поверь мне, – сказала Пердита. – Просто разожми пальцы. Ну да, промочишь ноги, но вот делов-то...»

Агнесса снова посмотрела вниз. Вода была так далеко, что всплеска никто даже не услышит. Она не только видела, но и *чувствовала* глубину. Вокруг поднимался холодный и влажный воздух. Пустота втягивала ее ноги, манила к себе.

– Но Маграт бросала туда камешек! – прошипела она.

«Ага, он падал целых несколько футов».

– Значит, так, малыш, я лежу на плитах, а Маграт держит меня за ноги, – раздался вдруг над ее головой спокойный голос нянюшки Ягг. – И сейчас, милая, я схвачу тебя за запястья, а ты, умница, если немного качнешься в сторону, сможешь зацепиться ногой за каменную опору. Ну а дальше дело в шляпе, до свадьбы заживет, как говорится. Ты же у нас молодец.

– Не надо разговаривать со мной, как с какой-нибудь напуганной до смерти идиоткой! – огрызнулась Агнесса.

– Я просто пытаюсь успокоить тебя.

– Я не могу пошевелить руками!

– Можешь. Вот все, я схватила тебя за руку.

– Я не могу пошевелить руками!

– Не торопись, у нас целый день впереди, – утешила нянюшка. –

Главное – скажи, когда будешь готова.

Агнесса повисела еще немножко. Руки медленно, но верно теряли чувствительность. Предположительно это означало, что, когда ее пальцы соскользнут с камня, она этого даже не почувствует.

Камни издали громкий стон.

– Э... Нянюшка?

– Да?

– Не могла бы ты поговорить со мной еще немного, как с напуганной до смерти идиоткой?

– Хорошо.

– А при чем тут «до свадьбы заживет», я ведь даже не поранилась?

– Ну, понимаешь ли, если ты упа...

– Говори громче, а то Пердита орет мне прямо в ухо. По ее словам, до ручья каких-нибудь восемнадцать дюймов!

– А ты как считаешь, права она или нет?

– Она часто бывает права, но не в данном случае!

Мост опять затрещал.

– Скорее наоборот, – сказала нянюшка. – Люди крайне редко бывают правы. Ну, как ты там, милая? Понимаешь ли, вытянуть я тебя не смогу, а руки у меня тоже начали неметь.

– Я не достаю до опоры!

– Значит, разжимай пальцы и падай! – ответила Маграт откуда-то из-за нянюшкиной спины.

– Маграт! – рывкнула нянюшка.

– А может, Пердита права и это действительно всего лишь маленький ручеек? Кривая земля – она ведь и такая и сякая одновременно. Если Пердита видит перед собой ручеек... почему нет? Почему бы не предоставить действовать ей? Агнесса, ты можешь передать контроль, гм, в ее руки?

– Она и так берет его, стоит мне попасть в сложную ситуацию! Заткнись!

– Я только...

– Да не ты, она! О нет...

Ее левая рука, побелевшая и почти онемевшая от напряжения, разжала пальцы и сразу выскользнула из нянюшкиной хватки.

– Не позволяйте ей так со мной поступать! – завопила Агнесса. – Я буду падать очень долго! И там, внизу, острые камни!

– Да, но поскольку ты в любом случае упадешь, может, стоит попробовать? – предложила нянюшка. – На твоём месте я бы закрыла глаза

и...

Правая рука тоже сорвалась.

Агнесса закрыла глаза и упала.

Пердита открыла глаза. Она стояла в ручье.

– Вот проклятие! – Агнесса никогда бы так не выразилась, поэтому Пердита пользовалась каждым удобным случаем.

Вскинув руки, она подпрыгнула, схватилась за нависающую над головой плиту и подтянулась. Затем, увидев изумленное выражение лица нянюшки, перехватила руки поудобнее и резко бросила ноги вверх.

«Эта дура Агнесса никогда не понимала собственной силы, – подумала Пердита. – Всегда боялась использовать свои мышцы».

Она медленно распрямилась, вытягивая носки ног в небо, и сделала стойку на руках. Эффект был несколько подпорчен упавшей на глаза юбкой.

– Ты так и не заштопала дыру на панталонах, – укоризненно сказала нянюшка.

Пердита перевернулась и встала на ноги.

Глаза Маграт были плотно зажмурены.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь... Она ведь только что сделала стойку на руках на самом краю бездонной пропасти?

– Ты не ошибаешься, – подтвердила нянюшка. – Ладно, Пердита, хватит демонстрировать нам свои таланты, мы и так потеряли слишком много времени. Верни Агнессе тело, ты ведь знаешь, на самом деле оно принадлежит ей.

Пердита прошла колесом.

– Она все равно его толком не использует, – откликнулась Пердита. – Ты вообще видела, как она питается? И у нее до сих пор две полки битком набиты мягкими игрушками! А куклы? И она еще удивляется, почему у нее с мужчинами не ладится!

– Укоризненный взгляд плюшевого медвежонка способен остановить любого мужчину, даже самого разгоряченного, – возвестила нянюшка Ягг. – Маграт, старушку Рукав помнишь? Когда у нее случался очередной заскок, с ней только вдвоем можно было справиться.

– А при чем здесь игрушки? – с подозрением в голосе спросила Пердита.

– И при чем здесь... Ах да, – сказала Маграт.

– А в голове у старого звонаря из Охулана вообще жили целых семь разных людей, – продолжала нянюшка. – Три из них были женщинами, а четыре – мужчинами. Бедный старик. Жаловался, что он всегда лишний.

Эти личности предоставляли ему работать, есть, пить и дышать, а все веселье оставляли для себя. Помнишь? Бедолага страшно мучился. Стоило ему глотнуть вина, в его голове такая драка начиналась за вкусовые сосочки! Он даже собственных мыслей порой не слышал... *Хватай, хватай!*

Агнесса открыла глаза. Челюсть очень болела.

Нянюшка Ягг пристально разглядывала ее, растирая занемевшее запястье. С расстояния пары дюймов нянюшкино лицо было похоже на дружелюбную кучу старого белья.

– Да, это Агнесса, – подытожила она, делая шаг назад. – У той, другой, более острое личико. Видишь? Я ж говорила, что вернется именно она. У нее больше опыта.

Маграт отпустила ее руки, и Агнесса потерла подбородок.

– Больно, – сказала она укоризненно.

– Немножко грубо, зато любя, – возразила нянюшка. – Слишком ответственное время, чтобы тобой руководила Пердита.

– Ты как-то схватилась за мост, а потом вдруг хлоп – и ты уже рядом с нами! – сообщила Маграт.

– Но она стояла в ручье, а потом подпрыгнула и... – начала было рассказывать Агнесса.

– Конечно, конечно, – перебила нянюшка. – Пошли. Уже недалеко осталось. Наверное. И давайте успокоимся, ладно? Кое-кто из нас будет падать куда дальше.

Они осторожно двинулись вперед. В голове Агнессы голос настойчиво твердил, что она вела себя, как глупая трусиха, и ничего бы с ней не случилось, и вообще... Агнесса постаралась не обращать на него внимания.

Те пещеры, которые помнила Агнесса, были не более чем углублениями под выступами в скалах. Но *эти* были настоящими кавернами. Разница заключалась в наличии грубого, но весьма поэтического великолепия. У этих пещер в избытке было и того и другого.

– Кривая земля чем-то похожа на айсберг, – сказала нянюшка, ведя их по узкой тропке к одной из самых больших пещер.

– Девять десятых находятся под водой? – спросила Агнесса. Ее подбородок по-прежнему болел.

– Я имела в виду, она больше, чем кажется на первый взгляд.

– Здесь кто-то есть! – закричала Маграт.

– Просто ведьма, – отмахнулась нянюшка. – С ней проблем не будет.

Тусклый свет падал на сторбившуюся среди луж фигуру. Правда, с

близкого расстояния она больше напоминала статую, чем человека. На каменной женщине блестели капли воды – они собирались на кончике крючковатого носа и периодически со звонким «бульк!» падали в лужу.

– Еще совсем девицей я как-то забрела сюда с молоденьким волшебником, – поделилась нянюшка. – Очень увлекающийся был тип. Хлебом не корми, дай поколотить молоточком по стенам. Ну, и еще кой-чего любил... – Она улыбнулась своим воспоминаниям и довольно вздохнула. – Так вот, он утверждал, что эта ведьма – всего лишь частички скальных пород, принесенные сюда капельками воды. Но моя бабка рассказывала, что однажды тут присела какая-то ведьма, чтобы обдумать некое особо мощное заклятие. Присела да так и не встала, в камень превратилась. А что, вполне возможно. Лично я подхожу к любой гипотезе без предубеждений.

– Далековато для прогулок с приятелем, – заметила Агнесса.

– Дома было слишком много детей, на улице постоянно шел дождь, а кроме того, для занятий настоящей геологией требуется уединение, – рассеянно откликнулась нянюшка. – По-моему, его молоточек до сих пор валяется где-то тут. После того как мы вместе провели некоторое время, паренек совсем о нем позабыл. И смотрите под ноги – камни очень скользкие. Маграт, как там дела у малышки Эсме?

– Пускает пузыри. Скоро нужно будет ее покормить.

– Нам за ней надо присматривать, – сказала нянюшка.

– Да, конечно.

Нянюшка хлопнула в ладоши и медленно развела их. Появившееся между ними свечение не было тем эффектным огненным шаром, который так любят вызывать волшебники, скорее оно напоминало тусклое кладбищенское мерцание. Света едва-едва хватало, чтобы не провалиться в яму.

– Тут вполне могут жить гномы, – сказала Маграт, когда они осторожно двинулись дальше по туннелю.

– Это вряд ли. Гномы не любят места, которые постоянно меняются. Сюда никто не ходит, кроме животных да матушки, когда ей хочется побыть наедине с мыслями.

– Или тебя, когда тебе хочется постучать молоточком, – съязвила Маграт.

– Ха! Тогда все было иначе. На пустоши росли цветы, а вместо моста через ручей тянулись камешки. Наверное, потому, что тогда я была влюблена.

– Ты намекаешь, это место и правда меняется в зависимости от того,

что ты чувствуешь? – спросила Агнесса.

– Ты сама могла это заметить. Поразительно, насколько высоким и каким ненадежным может стать мост, если ты в дурном настроении. Уж я-то это знаю.

– Интересно, насколько высоким он был для матушки?

– Вероятно, под ним плыли облака, девочка.

У развилки туннеля нянюшка остановилась.

– Думаю, она пошла туда. Погодите-ка...

Она резко выпрямила руку. Камни застонали, и часть потолка рухнула, подняв тучу пыли.

– Что ж, придется немножко полазить, – равнодушным тоном заявила нянюшка.

– Кто-то пытается нас прогнать, – сказала Агнесса.

– Но из этого ничего не выйдет, – откликнулась нянюшка. – И бояться тут нечего.

– Нечего? Да плита была просто огромной! – воскликнула Агнесса.

– Однако мы под нее не попали, верно?

Наконец они подошли к подводной реке, прозрачные воды ее неслись с огромной скоростью. Поперек реки скопилась дамба из топляка, поверх которой было соблазнительно положено длинное бревно.

– Послушайте, для ребенка это небезопасно! – воскликнула Агнесса. – Неужели вы не видите? Маграт, ты же мать!

– Знаю-знаю. Я уже бывала здесь, – раздражающе спокойно произнесла Маграт. – Но я *не чувствую* опасности. Матушка где-то рядом.

– Ты права, – кивнула нянюшка. – Совсем рядом.

– Да, но она не умеет управлять реками и скалами... – начала было Агнесса.

– Здесь? Вот уж не знаю... Это очень... *отзывчатое* место.

Передавая друг другу девочку, они осторожно пересекли реку по бревну.

Агнесса без сил прислонилась к каменной стене.

– Сколько нам *еще* идти? – спросила она.

– С *формальной* точки зрения – несколько дюймов, – ответила нянюшка. – Когда знаешь, сразу легче становится, правда?

– Мне кажется или тут потеплело? – поинтересовалась Маграт.

– А это что такое? – показала вперед Агнесса. – Глазам своим не верю.

В самом конце наклонного туннеля в скале зияла трещина, из которой струился алый свет. Буквально на их глазах из трещины вылетел огненный шар и взорвался под самым потолком.

– Ничего себе, – покачивая головой, промолвила нянюшка и покрепче обхватила малышку Эсме – была ее очередь нести девочку. – О чем она только думает? Здесь отродясь не было никаких вулканов.

Нянюшка решительно зашагала прямо к источнику огня.

– Осторожно! – крикнула Агнесса. – Пердита говорит, что огонь настоящий!

– И как это влияет на цену рыбы? – спросила нянюшка и вошла прямо в огонь.

Пламя мгновенно погасло.

Две молодые ведьмы остались в промозглой темноте.

Маграт поежилась.

– Нянюшка, у тебя же *ребенок* на руках.

– Здесь тебе может быть причинен только тот вред, что ты принесла с собой, – сказала нянюшка. – И сейчас здесь всем управляют мысли матушки, а она никогда не поднимет руку на ребенка. Просто не сможет. Не способна на это.

– Это место реагирует на ее мысли? – спросила Агнесса.

– Думаю, да, – ответила нянюшка, продолжив путь.

– Не хотелось бы мне оказаться в ее голове!

– У тебя почти получилось. Шевели ногами. Огонь мы прошли. Вряд ли нас ждут еще препятствия.

Они нашли ее в пещере. Пол был песчаным, гладким, и на нем виднелись следы только одного человека. Рядом с матушкой аккуратно лежала шляпа. Под голову была подсунута котомка. В неподвижных руках матушка держала табличку.

«УХАДИТЕ» – гласила надпись на ней.

– Не многого мы добились, – покачала головой Маграт и села, положив девочку на колени. – После всего того, что нам пришлось пережить.

– Мы можем ее разбудить? – спросила Агнесса.

– Это очень опасно, – ответила нянюшка Ягг. – Заставить человека вернуться, когда он к этому не готов? Та еще задачка.

– А можем мы, по крайней мере, унести ее отсюда?

– На поворотах она будет плохо сгибаться, зато мы сможем использовать ее вместо моста, – хмыкнула нянюшка. – Нет, она пришла сюда не просто так, а с каким-то намерением...

Она вытащила котомку из-под матушкиной головы и принялась там копаться.

– Сморщенное яблоко, бутылка воды и бутерброд с сыром, о который можно гнуть подковы, – доложила она. – И ее старая шкатулка.

Нянюшка положила коробочку на пол.

– Так что же в ней такое? – не сдержалась Агнесса.

– О, всякие безделушки. Меморорабилилии. Все такое. Матушка говорила, что хранит в этой шкатулке то, чем никогда больше пользоваться не будет.

Нянюшка простучала пальцами по шкатулке какой-то мотивчик, после чего подняла крышку.

– Это такой особый ритуал? – удивилась Агнесса.

– Да нет, – пожала плечами нянюшка, затем достала пачку перевязанных лентой бумажных листков и отложила ее в сторону.

И тогда все увидели исходящий из шкатулки свет. Нянюшка вытащила хорошо закупоренный аптечный пузырек и высоко подняла его над головой. В пещерном полумраке маленький огонек казался особенно ярким.

– Этот пузырек я уже видела, – сообщила нянюшка. – Матушка сливает в него всякие остатки отваров да припарок. Вот только я никогда не замечала, чтобы он светился.

Агнесса взяла у нее бутылочку. Внутри плавал листик папоротника... вернее, нет, это было перо, очень черное перо, за исключением самого кончика, который был ярко-желтым, будто пламя свечи.

– Тебе известно, что это такое?

– Нет. Она вечно что-нибудь подбирала. А пузырек у нее уже давно, потому что я...

– Я фидела, как она пофофрала... – Маграт вытащила изо рта безопасную булавку. – Я видела, как матушка его подобрала много лет назад. Примерно в это же время года. Мы возвращались домой из леса, увидели падающую звезду, от которой отделился огонек, пошли посмотреть и нашли вот это. Оно выглядело довольно-таки горячим, но матушка сумела его поднять.

– Похоже на перо жар-птицы, – сказала нянюшка. – Раньше о них ходило много преданий. Чтобы коснуться их, нужно быть очень уверенным в себе человеком, потому что, судя по преданиям, в присутствии зла эти перышки тут же сгорают...

– Жар-птицы? Та имеешь в виду феникса? – спросила Агнесса. – Как раз его и пытался поймать Ходжесааргх.

– Уж и не припомню, когда я последний раз их видела, – задумалась нянюшка. – Когда я была совсем малышкой, помню, парочка пролетала по небу.

– Ты все путаешь, феникс может быть только один, – сказала

Агнесса. – В этом-то вся и хитрость.

– Один? И какой в этом смысл? – удивилась нянюшка. – От одной штуки чего бы то ни было вообще никакой пользы нет.

Матушка Ветровоск вдруг зашевелила губами, как будто выходила из очень глубокого сна. У нее задрожали веки.

– Ага! – радостно воскликнула нянюшка. – Я знала, что, если я открою шкатулку, что-то обязательно произойдет.

Веки матушки Ветровоск медленно поднялись. Некоторое время ее глаза смотрели строго вверх, а потом покосились на нянюшку Ягг.

– В-ды, – пробормотала она.

Агнесса поспешно передала ей бутылку с водой и случайно коснулась рук матушки – они были холодными, как камень.

Старая ведьма сделала глоток.

– Ага, вся троица в сборе, – прошептала она. – Ну и зачем пожаловали?

– Ты сама нам велела, – ответила Агнесса.

– Ничего я вам не велела! – рявкнула матушка. – Я ведь написала вам записку, верно?

– Да, но всё так... – Агнесса запнулась, не зная, как продолжить. – Мы думали, ты хочешь, чтобы мы пришли.

– Три ведьмы? – хмыкнула матушка. – Почему бы и нет? Дева, мать и...

– Следи за словами, – предупредила ее нянюшка Ягг.

– ...Ну, и еще одна, – вывернулась матушка. – Теперь все в ваших руках. И никаких советов давать я вам не буду, это ваше личное дело. А теперь вам пора заняться своими плясками и всем полагающимся, так что удачного дня. А я хочу получить назад свою подушку, заранее благодарю.

– Ты знаешь, что в Ланкре появились вампиры? – осведомилась нянюшка.

– Да. Их пригласили.

– А тебе известно, что они пытаются подчинить себе людей?

– Да!

– Тогда почему ты сбежала? – спросила Агнесса.

По идее, температура в глубокой пещере должна оставаться постоянной, но вдруг почему-то стало гораздо холоднее.

– Куда хоч, туда и иду, – отрезала матушка.

– Да, но ты должна была... – Агнесса страшно пожалела о том, что сказала, но вылетевшее слово – не воробей.

– Ах, *должна*? Но где говорится, что я *должна*, а что – *нет*? Не

припомню что-то такого закона. Кто-нибудь подскажет, где говорится о моих обязанностях? Мало ли что я *должна*, а что *не должна*!

– Кстати, тебе известно, что сорока стащила твое приглашение? – резко сменила тему нянюшка. – Шон доставил его, но эти вороватые твари унесли его к себе в гнездо.

Она показала смятое, грязное, но все еще позолоченное приглашение.

Наступила такая тишина, что казалось, было слышно, как растут сталактиты.

– Конечно, – наконец ответила матушка. – Я сразу догадалась об этом.

Но момент тишины был слишком долгим, а сама тишина – слишком глубокой.

– А ты знаешь, что на Наречение малышки Эсме Веренс пригласил омнианского священнослужителя?

И снова... чуточку дольше необходимого, капельку тише нужного.

– Я стараюсь не лезть не в свое дело, – буркнула матушка и бросила взгляд на лежавшую на коленях у Маграт девочку. – А почему у нее такая остроконечная голова? – спросила матушка.

– Этот колпачок связала для нее нянюшка Ягг, – ответила Маграт. – Он должен так выглядеть. Хочешь поддержать ее?

– По-моему, ей и так хорошо, – неуверенно отказалась матушка.

«Она не знала, как назовут ребенка! – прошептала Пердита. – Я же говорила! Нянюшка думала, что матушка находится в сознании девочки, голову даю на отсечение, именно так она и думала, потому что я видела, как она смотрела на малышку, а на самом деле матушки там не было, потому что в таком случае она знала бы ее имя, а она его не знает! И она ни за что на свете не причинила бы малютке вреда...»

Матушка словно бы очнулась.

– Как бы там ни было, – промолвила она, – есть проблема, гм, есть три ведьмы. И нигде не говорится, – она сурово глянула на Агнессу, – что одной из них обязана быть матушка Ветровоск. В общем, вы разберетесь. Я слишком долго была ведьмой в этих местах, пора... заняться чем-нибудь другим...

– Будешь прятаться здесь? – спросила Маграт.

– Я не собираюсь повторять для бестолковых, девочка. Никто не может приказывать мне, что я должна или не должна делать. Я сама знаю, что должна, а что – нет. Это ведь твой муженек пригласил в страну вампиров? Вы решили, что это будет очень *современно*. Каждый дурак знает: вампир не получит над тобой власти, если ты сам ее не отдашь, пока ты сам его не пригласишь. Но этих вампиров пригласил сам король, поэтому они вонзят

свои зубы во всю страну. И я, старая, живущая в лесу женщина, должна все исправлять? Когда вас уже трое? Целую жизнь я была кому-то должна с самого раннего «могу» до позднего «не могу», и больше я так жить не хочу. А сейчас попрошу вас всех убраться из моей пещеры. Больше мне нечего сказать.

Нянюшка бросила взгляд на молодых ведьм и пожалала плечами.

– Что ж, пошли, – сказала она. – Если поспешим, успеем обратно до темноты.

– Что, и все? – спросила Маграт.

– Все когда-нибудь кончается, – промолвила матушка. – Я немного отдохну здесь и продолжу свой путь. На свете столько мест, куда можно пойти.

«А теперь заставь ее сказать правду!» – вмешалась Пердита, но Агнесса прикусила язык. Она и так уже достаточно напортачила с этим своим «должна».

– Ну ладно, мы пошли, – помахала рукой нянюшка.

– Но...

– Не нокай, девочка, не запрягла, – отрезала нянюшка. – Как выразилась бы матушка.

– Вот именно! – буркнула матушка, ложась обратно на песок.

Шагая обратно по туннелю, Агнесса вдруг услышала, как Пердита начала считать: «Раз, два, три...»

Вдруг Маграт и нянюшка одновременно остановились. Маграт принялась шарить по карманам, а нянюшка – по панталонам.

– Ой! – воскликнула Маграт. – Кажется, я там забы...

– Вот черт, кажется, трубку оставила! – выпалила нянюшка с такой скоростью, что на целую голову успела опередить Маграт.

«Итого – пять секунд», – констатировала Пердита.

– А я что-то не видела, как ты ее доставала, – подозрительно сказала Агнесса.

Нянюшка смерила ее испепеляющим взглядом.

– Правда? Значит, сейчас пойду и оставлю ее там. Маграт, ты ничего там не забыла? Не беспокойся, я принесу, что бы это ни было.

– Большое спасибо! – выкрикнула Маграт вслед нянюшке, уже поспешающей назад.

– Матушка говорила неправду, – сказала Агнесса.

– Конечно. Она всегда так поступает, – кивнула Маграт. – Хочет, чтобы ты сама обо всем догадалась.

– Но она была права, сказав, что нас трое.

– Да, однако я совсем не собираюсь снова становиться ведьмой. У меня есть другие дела. Возможно, когда Эсме подрастет, займусь в свободное время ароматерапией или еще чем-нибудь, но посвящать всю свою жизнь ведьмовству – нет уж, увольте. А вообще, эта сила трех и так далее... По-моему, все это уже вышло из моды.

«И что же мы имеем? – вклинилась Пердита. – Знающую, но с технической точки зрения неопытную девушку, обремененную домашними заботами молодую мать и убеленную сединами старушку... Не слишком-то мистично, не правда ли? Однако, лишь услышав, что матушка попала в беду, Маграт мгновенно запеленала свою ненаглядную дочурку, а о муженьке ни разу даже не вспомнила...»

– Погоди минутку... Послушай, – сказала Агнесса.

– Что?

– Просто послушай... Этот звук, разносящийся по пещерам...

Нянюшка Ягг уселась на песок и немного поерзала, устраиваясь поудобнее. После чего достала трубку.

– Ну, – обратилась она к лежавшей фигуре. – Если отвлечься от темы, как ты себя чувствуешь?

Ответа не последовало.

– Видела сегодня утром госпожу Господиеси, – продолжала болтать нянюшка. – Из Ломтя. Так, просто поздоровалась. Она сказала, что госпожа Плющ держится молодцом.

Нянюшка выдохнула облако дыма.

– Дала ей пару-другую советов.

По-прежнему никакого ответа от неподвижной фигуры.

– Наречение прошло нормально. Хотя священнослужитель выставил себя набитым дураком, набитее не бывает.

– Я не могу их победить, Гита, – сказала матушка. – Не могу, и это факт.

Нянюшка Ягг обладала одной очень хорошей способностью – она знала, когда нужно промолчать. Это оставляло дыру в разговоре, которую собеседник чувствовал себя обязанным заполнить.

– У них разум словно сталь. Я не могу в него проникнуть. Все испробовала. Каждый известный мне трюк! Они постоянно ищут меня, но, пока я здесь, они меня не найдут. Хотя лучший из них едва не настиг меня в моей же хижине! В моем собственном доме!

Нянюшка Ягг понимала ужас, который испытала матушка. Дом ведьмы – это ее крепость.

– Я никогда не испытывала ничего подобного, Гита. У него были сотни лет, чтобы отточить свое мастерство. Ты заметила, сколько развелось сорок? Он использует их как свои глаза. Кроме того, он очень умен. Этого типа бутербродом с чесноком не возьмешь. Я это сразу поняла. Вампиры стали *учиться*. Раньше все было иначе. Я не смогла проникнуть в их разум. Они стали более сильными, могущественными, быстро соображают... Могу сказать лишь одно: мериться с тем, чей разум сильнее, так же бесполезно, как плевать против урагана.

– И что ты собираешься делать?

– Ничего! Я ничего не могу сделать! Неужели ты так и не поняла ничего из того, что я тебе говорила? Неужели до тебя не доходит, что я весь день, лежа здесь, пыталась что-нибудь придумать? Они знают о чарах буквально все, а Заимствование – их вторая натура, и нас они считают скотом, который когда-то давным-давно научился говорить... Гита, я ожидала всего, чего угодно, но не *такого*. Я постоянно думаю о том, что произошло, и не могу найти выхода.

– Выход есть всегда, – сказала нянюшка.

– Но я его не вижу. Все, Гита. С таким же успехом я могу лежать тут, пока капли воды не превратят меня в камень, как ту ведьму у входа.

– Ты найдешь выход, – возразила нянюшка. – Еще никому не удавалось победить Ветровоска. Победа у вас в крови, как я всегда говорила.

– Я уже побеждена, Гита. Даже не успев начать схватку. Может быть, кто-нибудь другой найдет выход, только не я. Я столкнулась с разумом, который намного превосходит мой. И могу только прятаться, я не способна нанести *ответный* удар!

Мурашки пробежали по спине у нянюшки, когда та поняла, что матушка Ветровоск говорит серьезно.

– Вот уж не думала, что услышу от тебя такое, – пробормотала она.

– Уходи. Девочка замерзнет и простудится.

– А что ты собираешься делать?

– Может, пойду дальше. А может, останусь здесь.

– Ты не можешь остаться здесь навечно, Эсме.

– Взгляни на ту, что сидит у входа.

На этом разговор закончился. Нянюшка вернулась в туннель, где с чересчур невинным видом поджидали ее Маграт и Агнесса, и повела их к выходу.

– Стало быть, нашла свою трубку? – спросила Маграт.

– Да, спасибо.

- Что она собирается делать? – поинтересовалась Агнесса.
- Не заставляй меня попусту повторять, – огрызнулась нянюшка. – Все равно вы всё слышали. А если вы не подслушивали, значит, вы и не ведьмы вовсе.
- Но что можем мы, чего не может она? Если *она* побеждена, значит, побеждены и мы.
- И что имела в виду матушка под ранним «могу» и поздним «не могу»? – уточнила Маграт.
- Ну, день начинается утром, когда ты можешь видеть, а заканчивается вечером, когда ты уже видеть не можешь, – пояснила нянюшка.
- Она действительно так плохо себя чувствует?
- На мгновение нянюшка остановилась у каменной ведьмы. У нее потухла трубка, и она чиркнула спичкой по крючковатому носу.
- Нас трое, – сказала она. – Нужное число. Итак, начнем с того, что закатим самый настоящий шабаш...
- Но как ты можешь быть так спокойна? – спросила Агнесса. – Сама матушка... отступила...
- Значит, наша очередь идти вперед, – сказала нянюшка.

Чтобы все было по-настоящему, нянюшка установила прямо по центру комнаты котел, но шабаш в помещении – это по меньшей мере странно, а шабаш без матушки Ветровоск – это совсем скверно.

Пердита заявила, что они больше похожи на избалованных, играющих в ведьм девочек. Огонь горел только в огромной черной кухонной плите самой последней модели, недавно установленной любящими сыновьями нянюшки Ягг. На плите закипал чайник.

- Я заварю чай, хорошо? – предложила Маграт, поднимаясь со стула.
- Сядь обратно, – велела нянюшка. – Заваривать чай – обязанность Агнессы. Ты – мать. Твоя обязанность – разливать чай.
- А какова твоя обязанность, нянюшка? – спросила Агнесса.
- Пить его, – без малейшего промедления ответила нянюшка. – Итак. Мы должны попробовать побольше узнать о них, пока они достаточно дружелюбно настроены. Агнесса, ты с Маграт и ребенком вернешься в замок. Ей все равно понадобится помощь.
- А что это нам даст?
- Ты сама говорила, – сказала нянюшка, – что вампиры на тебя не действуют. Как только они пытаются влезть в разум Агнессы, он исчезает, и появляется, будто на качелях, разум Пердиты. Пока они разглядывают Пердиту, возвращается Агнесса. И похоже, юный Влад положил на тебя

глаз?

– Надеюсь, что нет!

– А я думаю, что да, – фыркнула нянюшка. – Мужчины всегда западают на женщин, в которых присутствует некая загадочность. Им нравится вызов, понятно? Так вот, пока он будет смотреть на тебя, ты будешь смотреть одним глазом на Маграт, а другим – на него, понятно? У каждого есть свои слабости. Судя по всему, всякие намеки типа «Не слишком ли здесь темно?» и случайные раздвигания занавесок не помогут отделаться от этих вампиров, но мы обязательно найдем способ.

– А если нет?

– Выйдешь за него замуж, – отрезала нянюшка.

Маграт ахнула. Чашка зазвенела в ее руке.

– Какой ужас! – воскликнула она.

– Я лучше покончу жизнь самоубийством, – ответила Агнесса.

«Утром», – тут же добавила язвительная Пердита.

– Замужество не обязательно должно быть долгим, – сказала нянюшка. – Засунь за подвязку острый кол, и, пока будем резать свадебный торт, наш жених уже остынет.

– Нянюшка!

– А может, ты положительно повлияешь на него и он изменит свой образ жизни, – продолжала нянюшка. – Ты удивишься, на что способна жена, точно знающая, чего хочет. А в твоём случае вас целых двое. Взять, к примеру, короля Веренса Первого. До женитьбы он постоянно бросал кости за спину, но жена научила его складывать их на краю тарелки. Я всего месяц была замужем за первым господином Яггом, а он уже научился вылезать из ванны, когда нужно было помочиться. Муж – такая штука, он легко поддается усовершенствованию. Вдруг тебе все-таки удастся переключить его на кровяную колбасу, черный пудинг и недожаренные бифштексы?

– Нянюшка, ты должна быть абсолютно бессовестным человеком, чтобы предлагать мне такое, – буркнула Агнесса.

– А я бессовестный человек, – просто ответила нянюшка. – Во всяком случае, когда речь идет о Ланкре. Будь мы мужчинами, то говорили бы сейчас о том, как бы половчее положить жизни за родину. Но мы женщины, поэтому можем говорить лишь о том, как лечь самим.

– Нет, я больше не желаю это слушать! – воскликнула Маграт.

– Я не прошу ее сделать то, что не готова сделать сама, – возразила нянюшка.

– Правда? Тогда почему бы...

– Потому что никто меня об этом не просит, – перебила нянюшка. – Но скинуть бы мне годков этак пятьдесят, думаю, уже к середине лета наш мальчик грыз бы турнепс и радостно улыбался.

– То есть, следуя твоей логике, поскольку Агнесса женщина, она должна использовать против него всякие сексуальные хитрости? – уточнила Маграт. – Но это так... это так... Типичная нянюшка Ягг, вот и все, что могу сказать.

– Она может использовать любую хитрость, которая подвернется под руку, – хмыкнула нянюшка. – Мне все равно, что там утверждает матушка. Выход всегда есть. Взять, к примеру, того цортского героя, или откуда еще он там был, ну, который был полностью неуязвимым, акромя пятки. Кто-то ведь в конце концов умудрился воткнуть ему в пятку копьё!

– Ты предлагаешь истыкать этого вампирчика с головы до ног?

– Честно говоря, никогда не понимала смысла этой легенды, – призналась нянюшка. – Ну, то есть, если он знал, что пятка – это его слабое место, надел бы хоть башмаки перед боем...

– Ты не понимаешь, что это за тип, – сказала Агнесса, не обращая внимания на смену темы. – Он смотрит на меня так, будто раздевает взглядом.

– От взгляда не беременеют, – пожала плечами нянюшка.

– И он все время надо мной смеется! Словно знает, что не нравится мне, и ему от этого весело!

– Значит, так: вы обе отправляйтесь в замок! – прорычала нянюшка. – За Ланкр! За короля! За каждого гражданина нашей страны! А если он позволит себе лишнее, выпускай Пердиту! Похоже, в некоторых вещах она получше тебя разбирается!

В напряженной тишине со стороны нянюшкиного буфета послышался тихий звон.

Маграт откашлялась.

– К-как в старые добрые времена, – пробормотала она. – Мы опять спорим.

Поднявшись, нянюшка сняла с крючка над плитой чугунную сковороду.

– Так с людьми поступать нельзя, – угрюмо заявила Агнесса.

– Мне – можно, – сказала нянюшка, на цыпочках направляясь к буфету. – Я сейчас – не я, понимаешь?

И она с силой опустила сковороду на буфет, днищем вверх. Во все стороны брызнули осколки украшений.

– Попался, синий дьяволенок! – заорала нянюшка. – Думал, я тебя не

вижу!

Сковорода приподнялась. Нянюшка налегла на нее всем весом, но сковорода тем не менее продолжала двигаться к краю буфета, медленно раскачиваясь из стороны в сторону.

Наконец что-то красно-синее упало на пол и поскакало в сторону закрытой двери.

Мимо Агнессы со значительным ускорением промчался Грибо. Однако в самый последний момент, прямо перед прыжком, кот вдруг передумал. Из всех четырех его лап одновременно вылетели когти и впились глубоко в доски пола. Кот перекатился, снова вскочил на лапы и принялся умываться.

Красно-синее существо стукнулось в дверь и выпрямилось, превратившись в синего человечка дюймов шести ростом и с огненно-рыжими волосами. В руках у человечка был маленький меч – ну, или большой, это как посмотреть. Меч был лишь чуть меньше своего хозяина.

– Ах-ха, дракс ты поддракс, старукса страшна перчица! – завопил человечек.

– А, это ты. – Нянюшка мгновенно успокоилась. – Выпить хочешь?

Меч немного опустился, но с намеком, что может быть снова поднят в любое мгновение.

– А чо?

Нянюшка наклонилась над ящиком рядом со своим стулом и принялась перебирать бутылки.

– Укипаловки? Самой лучшей. Винтажненькой, – посулила она.

У коротышки загорелись глаза.

– Ка прош торник?

– Правильно. Агнесса, достань из коробки для швейных принадлежностей наперсток и передай его мне. Иди сюда, – позвала она коротышку, открывая бутылку подальше от огня и наполняя наперсток. – Дамы, позвольте представить... Покажи-ка свои татуировки... Ага... Одного из Нак-мак-Фиглей. Эти мелкие бестии примерно раз в год предпринимают набеги на мое хозяйство. Но, кажется, я уже вычислила их схему.

– Йингс, ты, гралей йин! Рва мы тя как грел! – сказал голубой человечек, принимая наперсток.

– Кто он такой? – спросила Маграт.

– Они – цверги, – ответила нянюшка.

Человечек мгновенно опустил наперсток.

– Пиксты!

– Хорошо, пикси, как скажешь, – согласилась нянюшка. – Живут на

высокогорных пустошах ближе к Убервальду...

– Ах-ха! Бай-бай, кранты сна шпиль, й'оль бехиннит! Феггеры! Гнус соскокровоксы бам ногас заддас исс...

Нянюшка кивала, слушая его. Примерно на середине речи маленького человечка она снова наполнила наперсток.

– Понятно, – сказала она, когда он наконец замолчал. – В общем, он говорит, что Нак-мак-Фиглей из родных земель выгнали вампиры, понятно? Они якобы выгоняли... – нянюшка зашевелила губами, подбирая подходящие слова, – ...всех старых людей.

– Как жестоко! – воскликнула Маграт.

– Нет... я хотела сказать... древние народы. Обитателей... окраин. Ну, тех, кого нечасто встретишь, – кентавров, страшилищ, цвергов...

– Пиксты!

– Да-да, конечно... В общем, всех их вампиры заставили покинуть страну.

– И зачем это вампирам понадобилось?

– Вероятно, древний народец вышел из моды, – сказала нянюшка.

Агнесса устала сидеть на пикси. По шкале эфирности от одного до десяти он выглядел так, словно принадлежал к какой-то другой шкале, зарытой глубоко в океанском иле. Синева кожи маленького человечка объяснялась татуировками и боевой раскраской. Ярко-рыжие волосы торчали во все стороны. Его единственной реакцией на температуру на улице была набедренная повязка. Вдруг человечек заметил, что Агнесса его рассматривает.

– Чо вылупикса, муикс не видакс? Верзунья чмарая!

– Э... извини, – сказала Агнесса.

– Хороший язык, верно? – спросила нянюшка. – С легкой примесью вереска и навоза. Но если Нак-мак-Фигли на твоей стороне, можно ничего не опасаться.

Человечек помахал нянюшке пустым наперстком.

– Дам о'сран «лемонад», старукса!

– О да, тебя не обманешь, тебе нужен *настоящий* напиток, – сказала нянюшка. Она откинула подушку стула и достала бутылку черного стекла, пробка которой удерживалась проволокой.

– Ты же не собираешься давать ему *это*? – изумилась Маграт. – Это ведь твоя лекарственная укипаловка!

– И ты всегда говорила, что она предназначена только для наружного применения, – добавила Агнесса.

– Нак-мак-Фигли – крепкие ребята, – откликнулась нянюшка,

передавая бутылку коротышке. К удивлению Агнессы, тот с поразительной легкостью схватил бутылку, которая была куда больше его размерами. – Получай, парень, и можешь угостить своих приятелей, потому что я знаю: они где-то здесь.

На комодѣ что-то зазвенело. Ведьмы посмотрели туда. Сотни человечков появились из-за украшений. Многие были в остроконечных шапочках, чьи длинные кончики, изгибаясь, смотрели практически вниз. И буквально все были вооружены мечами.

– Они отличаются невероятным умением сливаться с окружающей средой, – сказала нянюшка. – Именно поэтому им и удалось выжить на протяжении стольких лет. Это... ну и то, что они убивали людей, которым не посчастливилось их заметить.

Очень тихо подошел Грибо и устроился под ее стулом.

– Итак, господа, – сказала нянюшка, когда бутылка пошла по кругу, – значит, вас вампиры выгнали?

В ответ раздался дружный рев.

– Ракудрыть!

– Ах, то мерз дьяволла!

– Взадд, кирдыкс как плох!

– Верзуны!

– Что ж, полагаю, вы можете остаться в Ланкре, – сказала нянюшка, несмотря на жуткий гвалт.

– Погоди-ка, нянюшка... – начала было Маграт.

Нянюшка поспешно замахала на нее рукой.

– На озере есть остров, – продолжила она уже более громким голосом. – Там гнездятся цапли. Отличное место. Много рыбы, отличная охота в долине.

Синие пикси сбились в толпу. А потом один из них заговорил:

– Признас? Ты не брехакс, мая гайл?

– Да-да, и никто не будет вас беспокоить, – успокоила его нянюшка. – Но никакого скотокрадства, понятно?

– Они крадут скот? – спросила Агнесса. – Скот... в смысле нормального размера? Но сколько таких коротышек для этого требуется?

– Четверо.

– Четверо?

– По одному под каждую ногу. Я видела, как они это проделывают. На поле корова щиплет травку, никому не мешает, вдруг трава начинает шуршать, слышится: «Хоп, хоп, хоп!», и корова со свистом пронесется мимо! Не шевеля ногами! Они куда сильнее тараканов. Если вздумала

наступит на пикси, надень ботинки с подошвой потолще.

– Но, нянюшка, ты не можешь подарить им остров! Он ведь тебе не принадлежит! – возмутилась Маграт.

– Он никому не принадлежит.

– Нет, принадлежит. Королю!

– Ага. Значит, этот остров и твой тоже. Вот и подари им его, а бумажки Веренс подпишет потом. Стоящее дело, – добавила нянюшка. – А в обмен они не будут воровать наших коров. В противном случае коровы так и будут мелькать у тебя перед глазами. Вжик – корова! Вжик – корова! Иногда задом вперед.

– Не шевеля ногами? – спросила Агнесса.

– Вот именно!

– Ну... – замешкалась Маграт.

– Они нам пригодятся, – понизила голос нянюшка. – Больше всего на свете они любят драться.

– Вист, йон урываек вматт!

– Вернее, больше всего на свете они любят выпить, – уточнила нянюшка.

– Нае, дракс дракс!

– В общем, и то и другое вместе, – еще раз уточнила нянюшка.

– Ан тырикс музверей.

– И воровать коров, – перевела нянюшка. – Больше всего на свете они любят пить, драться и воровать коров. Послушай, Маграт, я предпочитаю, чтобы они, так сказать, писали изнутри наружу, а не снаружи внутрь. Их очень много, и ты будешь по щиколотки мокрая ходить.

– Но что они могут? – спросила Маграт.

– Ну... Их боится даже Грибо, – сказала нянюшка.

Сейчас Грибо представлял собой два напуганных зрачка, один желтый и один жемчужно-белый, ярко сверкавшие из темноты. На ведьм это произвело впечатление. Однажды Грибо завалил лося. Он нападал на все и вся, включая предметы архитектуры.

– Тогда почему они не могли справиться с вампирами? – поинтересовалась Агнесса.

– Ах, к'ка ловка баба! Думаешь, мы цветокс-леснокс феекс? – насмешливо откликнулся синий человечек.

– Они не умеют летать, – сказала нянюшка.

– Но это такой миленький островок... – пробормотала Маграт.

– Девушка, твой муж занялся политикой, поэтому мы и попали в беду, а чтобы начать получать, нужно научиться отдавать. Сейчас он болен,

однако ты – королева и можешь поступать так, как сама решишь. Никто не может тебе приказывать, что делать, а что не делать, разве не так?

– Ну... да...

– Тогда подари им этот треклятый остров, и у них будет ради чего воевать. В противном случае они прокатятся по нашей стране как ураган, а по пути прихватят весь скот. В общем, приукрась все это мудреными словами, и получится ловкий политический ход.

– Нянюшка? – окликнула Агнесса.

– А?

– Только не сердись, но тебе не кажется, что матушка поступает так намеренно? Я имею в виду, она специально не вмешивается. Чтобы мы собрались втроем и работали вместе.

– И зачем ей это?

– Ну, чтобы у нас развилась интуиция, чтобы мы научились работать сообща, чтобы преподать нам урок, – начала перечислять Маграт.

Нянюшкина трубка остановилась на полпути к нянюшкиным губам.

– Нет, – наконец сказала нянюшка. – В этом я сомневаюсь, потому что это полная ерунда. Эй, пьянчужки, вот ключ от шкафа со спиртным в кладовой. Повеселитесь хорошенько, но то, что в зеленых бутылках, не трогайте, потому что там... Впрочем, думаю, даже оно вам не навредит.

По комнате словно пронеслось синее облако.

– У нас всех есть то, чего нет у матушки, – сказала нянюшка.

– И что именно? – спросила Агнесса.

– У Маграт есть ребенок. У меня нет совести. А у нас обеих есть ты.

– И какой от меня толк?

– Ну, во-первых, у тебя насчет всего есть два мнения.

Со стороны кладовой донеслись звон стекла и вопли:

– *Ах ты, скивенс! Ща полна морда люлей валять!*

– *Блинс? Сизу? Хелвайт! Держа моя бутыл. Гут! Теперь держа его за рук!*

– *Ну, ща вставля! Чмо лупоглаз!*

Разбилось еще что-то.

– Мы все вернемся в замок, – сказала нянюшка. – На наших условиях. Чтобы сразиться с этим графом. Возьмем чеснок, лимоны и все такое прочее. Захватим святую воду господина Овса. Только не говорите, что все это вместе не работает.

– А нас туда, вообще, пустят? – осведомилась Агнесса.

– Ну, им будет чем заняться, – усмехнулась нянюшка. – Когда у ворот соберется целая толпа. Мы тем временем и проскользнем.

– Какая толпа? – удивилась Маграт.
– Которую мы организуем, – сказала нянюшка.
– Нянюшка, толпу нельзя организовать, – возразила Агнесса. – Толпа – это то, что происходит спонтанно, вдруг.

Глазки нянюшки Ягг загадочно заблестели.

– В окрестностях живут семьдесят три Ягга, – сказала она. – Что ж, пусть это будет спонтаническая толпа.

Ее взгляд скользнул по рядам семейных портретов, потом она сняла башмак и постучала им по стене. Буквально через несколько секунд хлопнула дверь и под окном раздались чьи-то шаги.

Джейсон Ягг, кузнец и старший из мужчин клана Яггов, заглянул в переднюю дверь.

– Да, мам?

– Примерно, гм, через полчаса спонтаническая толпа пойдет на штурм замка, – заявила нянюшка. – Сообщи всем.

– Хорошо, мам.

– И скажи, что участие чисто добровольное, – добавила нянюшка.

Джейсон бросил взгляд на иерархию Яггов. Нянюшке не нужно было ничего добавлять к этой фразе. Каждый родственник знал, что в ящике кота периодически требовалось менять подстилку.

– Конечно, мам. Я все передам. Кто не хочет, может не приходить.

– Хороший мальчик.

– Горящие факелы или косы с мотыгами?

– Гм, сложный вопрос, – нахмурилась нянюшка. – Думаю, и то и другое.

– Таран захватить?

– Э... нет, вряд ли.

– Отлично! Все-таки это мои ворота, – сказала Маграт.

– Нужно орать что-нибудь особенное, мам?

– Нет, просто орать.

– Бросаться чем-нибудь будем?

– На этот раз только камнями.

– И не очень большими! – закричала Маграт. – Кладка вокруг ворот и так уже кое-где осыпается.

– Хорошо. Ничего крепче песчаника, понятно? И вели Кевчику выкатить бочку моего пива номер три, – приказала нянюшка. – И влей туда бутылку укипаловки, чтобы кто не простудился. Целый день болтаться вокруг замка, орать и размахивать руками – так и заболеть недолго. Пусть наш Невчик сбегает к Голокурам, передаст привет и наилучшие пожелания

от госпожи Ягг и скажет, что нам нужна дюжина больших головок сыра и десять дюжин яиц, а потом сбегает к госпоже Возчик – может, она будет так добра и даст нам баночку своего маринованного лучка, который у нее просто пальчики оближешь? Жаль, у нас нет времени что-нибудь зажарить, но полагаю, приходится мириться с подобными неудобствами, коли собираешься спонтанно. – Нянюшка Ягг подмигнула Агнессе.

– Хорошо, мам.

– Нянюшка? – окликнула Маграт, когда Джейсон поспешил прочь.

– Да, дорогуша?

– Пару месяцев назад, когда Веренс предложил ввести экспортный налог на крепкие напитки, у замка сразу собралась огромная толпа, и он сказал: «Ну, раз такова воля народа...»

– Это и была воля народа, – подтвердила нянюшка.

– О, понятно. Тогда ладно.

– Просто иногда народ не помнит, в чем заключается его воля, – пояснила нянюшка. – Крошку Эсме ты можешь оставить у жены Джейсончика...

– Я беру ее с собой, – твердо сказала Маграт. – Ей достаточно удобно в этой перевязи.

– Девочку? С собой? Но это безрассудно! – воскликнула Агнесса.

– Не смей со мной спорить, Агнесса Нитт, – перебила Маграт, вставая во весь рост. – И ты, нянюшка, тоже лучше помолчи.

– Я и не думала ничего говорить, – пожалала плечами нянюшка. – Нак-мак-Фигли всегда берут своих детишек в бой. Чтобы в случае чего использовать в качестве оружия.

Маграт немного подуспокоилась.

– Сегодня утром она сказала первое слово, – с гордостью сообщила она.

– Что? На четырнадцатый день от роду? – с недоверием спросила нянюшка.

– Да, она сказала «блуп».

– Блуп?

– Правда... это скорее был пузырь, а не слово, но все-таки.

– Пора собираться, – вставая, произнесла нянюшка. – Дамы, не забывайте, что мы – шабаш. Мы – трио. Мне тоже не хватает матушки, но мы справимся. И не хуже, чем если бы с нами была она. – Нянюшка сделала несколько глубоких вдохов. – Такого спускать нельзя.

– А у нее эта фраза лучше получается, – заметила Агнесса.

– Знаю.

Сокольничий Ходжесааргх ел в столовой для слуг, расположенной рядом с кухней. За столом он сидел один. Вокруг было много новых лиц, но Ходжесааргх, как правило, не обращал внимания на людей, которые не были сокольничими. В замке вечно кто-то куда-то ходил, кто-то что-то делал. Впрочем, это было удобно, даже Ходжесааргх это признавал. К примеру, каждую неделю он оставлял мешок с грязным бельем у кухонной двери, а буквально через пару дней белье появлялось выстиранным и выглаженным. Кто-то решал вопросы завтраков, обедов и ужинов Ходжесааргха. Кто-то занимался дичью, которую он оставлял на разделочной плите в кладовой. И так далее.

Ходжесааргх уже возвращался к себе в конюшню, когда откуда-то сбоку появилась неясная тень и, закрыв его рот ладонью, утянула сокольничего в темноту.

– Мпф?

– Это я, госпожа Ягг, – представилась нянюшка. – Ходжесааргх, с тобой все в порядке?

– Мпф, – откликнулся Ходжесааргх, сообщив тем самым, что он в полном порядке, за исключением того, что чей-то большой палец мешает ему дышать.

– А где вампиры?

– Мпф?

Нянюшка ослабила хватку.

– Вампиры? – задыхаясь, переспросил сокольничий. – Это которые медленно ходят?

– Нет, это – их пища, – сказала нянюшка. – А таких самодовольных хлыщей ты здесь не видел? Или солдат?

Из темноты донесся мягкий «плюх», и кто-то произнес:

– Вот ведь... Уронила мешок с пеленками. Не видела, куда он покатился?

– Э... Появились какие-то новые дамы и господа, – ответил Ходжесааргх. – Постоянно толкутся на кухне. И люди в кольчугах.

– Проклятие!

– В Главный зал ведет маленькая боковая дверь, – встряла Маграт. – Но она постоянно закрыта изнутри.

– Хорошо, – сказала Агнесса, шумно сглатывая. – Я пойду и отопру ее.

Нянюшка похлопала ее по плечу.

– Ты уверена?

– Ну, они же не могут мной управлять...

– Но тебя могут схватить.

«Влад не причинит тебе вреда, – встряла Пердита. – Ты же *видела*, как он смотрел на нас...»

– Я... думаю, все будет хорошо, – сказала Агнесса.

– Ну ладно, ты себя... в смысле себя обеих, лучше знаешь, – пожала плечами нянюшка. – Святую воду не забыла?

– Надеюсь, что она работает лучше, чем чеснок.

– Удачи тебе. – Нянюшка прислушалась. – Кажется, толпа уже спонтанно собирается у ворот. Ступай!

Агнесса побежала под дождем в сторону замковой кухни. Двери были широко распахнуты. Ей удалось пробраться в коридор прямо за кухней, но тут чья-то рука схватила ее за плечо. Агнесса обернулась, перед ней стояли двое молодых мужчин.

Они были одеты так, словно собрались в оперу (некоторое время Агнесса провела в анк-морпоркской Опере и не понаслышке знала тамошние привычки и обычаи), хотя наиболее традиционные члены оперного сообщества сочли бы их яркие жилеты слишком уж фривольными. Длинные волосы лениво покоились на плечах, как у поэтов, которые компенсируют своими романтически ниспадающими локонами хроническую неспособность подыскать рифму к слову «нарцисс».

– Эй, девушка, куда так спешим? – спросил один из щеголей.

– Послушайте, – устало вздохнула Агнесса. – Я очень занята. Может, чуточку ускорим события? Обойдемся без плотоядных взглядов и фраз типа «А мне нравятся девушки с характером»? Перейдем прямо к делу. Сейчас я вывернусь из ваших скользких объятий и врежу ногой прямо по...

Один из мужчин сильно ударил ее ладонью по лицу.

– Нет, – сказал он.

– Я все расскажу про вас Владу! – закричала Пердита Агнессиным голосом.

Другой вампир с сомнением воззрился на нее.

– Ха! Да, вот так! Он *знает* меня! – выкрикнули Агнесса и Пердита хором. – Ха!

Первый вампир оглядел ее с головы до ног.

– Что? Тебя?

– Да, ее, – раздался голос.

К ним, вложив в карманы жилетки большие пальцы, шагал Влад.

– Демон! Кармазин! Будьте так добры, подойдите ко мне.

Вампиры приблизились к нему и остановились, потупив взоры. Что-то мелькнуло в воздухе, но уже в следующий миг его пальцы снова оказались

в карманах, а вампиры, согнувшись, оседали на пол.

– Так гостей не встречают, – промолвил Влад, переступая через корчащееся тело Демона и протягивая руки к Агнессе. – Они причинили тебе боль? Только скажи, и я отдам их Лакримозе. Она только что обнаружила, что в замке есть камера пыток. А мы считали Ланкр таким отсталым королевством!

– О, это очень старая камера, – слабым голосом откликнулась Агнесса.

Кармазин издавал странные булькающие звуки. «Я даже не успела заметить, как он их ударил!» – воскликнула Пердита.

– Ей... уже много веков...

– Правда? А и действительно, Лакримоза жаловалась, что там маловато ремней и скоб. Впрочем... она такая изобретательная девочка. В общем, только скажи.

«Ну, говори же, – пихала ее в бок Пердита. – Минус сразу двое вампиров!»

– Э... нет, – проямлила Агнесса. «Вот оно... моральное малодушие толстухи!» – А... кто они?

– Мы привезли сюда некоторых членов нашего клана. Повозки видела? Отец сказал, нам может потребоваться помощь.

– О? Так они ваши родственники?

«Матушка Ветровоск ответила бы утвердительно», – шепнула Пердита.

Влад вежливо откашлялся.

– Кровные родственники, так сказать, – промолвил он. – Но... низшего ранга. Но пойдем же отсюда.

Он ласково взял ее под локоток и повел назад по коридору, по пути тяжело наступив на дергающуюся руку Кармазина.

– То есть вампиризм – это нечто вроде... пирамидальных продаж? – уточнила Агнесса.

Они с Владом остались наедине. Честно говоря, его общество было куда предпочтительнее общества двух других вампиров, но почему-то Агнессе было очень важно сейчас слышать собственный голос.

– Прошу прощения? – переспросил Влад. – Разве пирамиды продаются?

– Нет, конечно, нет. Это такое выражение. Я имела в виду, если вы, к примеру, укусите пятерых, то уже через два месяца в вашем распоряжении окажется целое море крови, верно?

Он улыбнулся, но в улыбке его сквозила осторожность.

– Вижу, нам еще многое предстоит узнать. Я понимаю каждое слово в

этой фразе, но не саму фразу. Уверен, ты многому можешь меня научить. А я – тебя...

– Это уж вряд ли, – пробормотала Агнесса.

– Когда мы... О, что еще придумал этот *идиот*?

Со стороны кухни на них надвигалось облако пыли. Вдруг облако раздвинулось, и из него появился Игорь с ведром и лопатой.

– Игорь!

– Йа, мафтер.

– Ты снова разбрасываешь пыль?

– Йа, мафтер.

– И почему ты разбрасываешь пыль, Игорь? – ледяным тоном осведомился Влад.

– Пыль обязательно должнайт бывайт, мафтер. Это ефть такой *тради...*

– Игорь, мать *говорила* тебе. Нам *не нужна* пыль. Нам *не нужны* огромные свечи. Нам *не нужны* дырки для подсматривания в каждой картине и нам определенно не нужны твоя коробка с пауками и твой *нелепый* кнут!

В звенящей, раскаленной докрасна тишине Игорь опустил взгляд.

– ...Люди думайт, обязательно бывайт пауки унд паутина, мафтер, – пробормотал он.

– А нам они не нужны!

– ...Фтарый граф обожайт мой пауков, – продолжал Игорь голосом, похожим на жужжание надоедливого насекомого, которого тем не менее нельзя прихлопнуть.

– Игорь, но это просто *смешно!*

– ...Он чафто говаривайт: «Какая гут фегодня паутина, Игорь...»

– Послушай... убирайся с глаз моих, понял? Лучше проверь, нельзя ли что-нибудь сделать с этим ужасным запахом, которым несет из уборной. Мать говорит, у нее от этого запаха слезятся глаза. И вот еще что... выпрямись и ходи прямо! – крикнул ему вслед Влад. – Эта твоя хромота выглядит глупо!

Агнесса заметила, что удалявшаяся спина Игоря на мгновение замерла. Казалось, он вот-вот что-то скажет, но потом слуга лишь заковылял дальше.

– Как большой ребенок, – покачал головой Влад. – Мне жаль, что тебе довелось стать свидетельницей столь неприятной сцены.

– Мне тоже жаль, – кивнула Агнесса.

– Придется его заменить. Отец держит Игоря из жалости. Он перешел нам по наследству вместе со старым замком, скрипучей крышей и

странными запахами на главной лестнице, которые, должен сказать, были все же не такими противными, как те, с которыми нам пришлось столкнуться здесь. Ну и ну... Нет, ты только посмотри. Стоит на пять минут отвернуться...

В высоком черном подсвечнике горела огромная, вся заплывшая воском свеча.

– Король Веренс везде установил такие современные керосиновые лампы, а Игорь заменяет их на свечи! Где он только их берет, ума не приложу! Лакки выдвинула предположение, что он лепит эти свечи из своей ушной серы...

Они находились в длинной комнате рядом с Главным залом. Влад поднял свечу так, чтобы свет от нее падал на стену.

– Ага, картины уже развесили. Ну что ж, познакомлю тебя с семьей...

Свечной свет падал сейчас на портрет высокого, худого и седого мужчины во фраке и плаще с красной подкладкой. Мужчина выглядел весьма утонченным, правда, несколько суховатым и сдержанным. Над нижней губой поблескивал удлинённый клык.

– Мой двоюродный дедушка, – пояснил Влад. – Последний... обладатель титула.

– А что это за звезда на ленте? – спросила Агнесса.

Она услышала вопли толпы, пока еще разогревающейся, но уже входящей во вкус.

– Орден Гвота. Он построил наш фамильный дом. Замок Тольконеприближайтеськнему, как мы его называем. Не знаю, слышала ли ты про него.

– Странное название.

– О да, дедушка сам подсмеивался над этим. Местные возницы обычно предупреждали всех забредавших в наши места людей. «Только не приближайтесь к этому замку! – твердили они. – Даже если вам придется провести ночь на дереве, только не приближайтесь к нему! Что бы с вами ни случилось, ни в коем случае к нему не приближайтесь». Как говаривал дедушка, лучшей рекламы и не придумать. Зачастую уже к десяти часам вечера все спальни были заняты, а люди продолжали колотить в дверь и просить, чтобы их впустили. Путешественники не ленились делать крюк в несколько миль, только бы узнать, чем вызвана такая суета. Боюсь, другого такого замка уже никогда не будет. Но порой дедушка слишком увлекался игрой на публику. Он так часто вставал из своего гроба, что даже установил специальную вращающуюся крышку. Ага, а это тетя Кармила...

Агнесса устала на очень строгую женщину в обтягивающем

черном платье. Губы женщины были подведены темно-сливовой помадой.

– Говорили, якобы она любила принимать ванну, наполненную кровью двухсот девственниц. Но я в это не верю, – пожал плечами Влад. – Лакримоза как-то подсчитала, что кровь уже восьмидесяти девственниц переполнит даже самую большую ванну.

– О да, эти мелкие детальки всегда так важны... – откликнулась Агнесса, несколько взвинченная этими подробностями. – И кстати, в такой ванне очень трудно найти мыло.

– К сожалению, тетя Кармила была растерзана толпой.

– Люди иногда бывают так неблагодарны.

– А это, – свет скользнул вдоль стены, – мой дед...

Лысая голова. Пристальный взгляд окаймленных темным глаз. Два зуба, как иголки, два уха, как крылья летучей мыши, ногти, которые не подстригались уже много лет...

– Но половина картины – голый холст! – удивилась Агнесса.

– Согласно семейному преданию, мой дед, когда его рисовали, очень проголодался, – сказал Влад. – Он всегда отличался прямолинейным подходом. Видишь красновато-коричневые потеки? Настоящий приверженец старого стиля. А это... это какой-то наш далекий предок.

Следующая картина представляла собой лишь потемневший лак, сквозь который проглядывала какая-то сгорбленная фигура с клювом.

Влад быстро отвернулся.

– Мы проделали долгий путь, – промолвил он. – Эволюционировали, как выражается отец.

– Они выглядят очень... могущественными, – задумчиво произнесла Агнесса.

– О да, они были очень могущественными и вместе с тем очень тупыми, – хмыкнул Влад. – Мой отец считает, что глупость и вампиризм неразрывно связаны. Как будто все те, кто жаждет крови, непременно должны быть тупыми как пробка. Отец – очень необычный вампир. Он и мать воспитали нас... иными.

– Иными, – эхом откликнулась Агнесса.

– Вампиры не особенно связаны семейными узами. И, по словам отца, это естественно. Люди растят своих последователей, своих преемников, ну а мы живем так долго, что в итоге возвращаем собственных конкурентов. В общем, мы не испытываем особо сильных семейных чувств.

– Правда? – Пальцы Агнессы нащупали в кармане пузырек со святой водой.

– Но также отец утверждает, что единственный выход – это

самосовершенствование. Следует разорвать круг вампирской глупости. В нашу пищу начали вводить чеснок, сначала – незначительными дозами, потом – больше, чтобы мы привыкали. Он с раннего детства подвергал нас воздействию религиозных символов, наверное, в нашей детской были самые странные обои в мире, не говоря уж о бордюрчике с Герти – Танцующей Чесночинкой. Кстати, следует отметить, влияние подобных символов на вампиров сильно преувеличено. Он даже заставлял нас днем выходить на улицу и играть. То, что нас не убивает, делает нас сильнее, говаривал он.

Агнесса взмахнула рукой. Святая вода щедрой струей вылетела из пузырька и залила Владу всю грудь.

Широко раскинув руки, он громко взвыл. Водяные струйки стекали по его жилету, по его штанам прямо в башмаки.

Агнесса даже не подозревала, что все окажется так легко.

Но потом Влад опустил голову и весело подмигнул ей.

– Бедная жилетка! Ты только посмотри на нее. Тебе известно, что вода делает с шелком? Это пятно потом не отмоешь. Как ни три, отметина все равно остается. – Он посмотрел на Агнессино застывшее лицо и вздохнул. – По-моему, нам следует еще кое-что прояснить. На будущее.

Он поднял взгляд на стену, снял с креплений очень большую остроконечную алебарду и сунул ее Агнессе в руки.

– Вот, возьми и отруби мне голову. Пожалуйста, – попросил он. – Погоди-погоди, только сниму шейный платок. Не хочу запачкать его кровью. Готово. Ну?

– Ты хочешь сказать, к *этому* тебя тоже с самого детства приучали? – неверяще спросила она. – Но каким образом? Каждый день после завтрака упражнения с мясным топориком? Если понемногу отрезать голову каждый день, потом будет совсем не больно?

Влад закатил глаза.

– Вампирам отрубают головы. Это международно признанный факт, – сказал он. – Уверен, нянюшка Ягг уже гонялась бы за мной по всему замку. Не бойся, в этих пухленьких ручках достаточно силы, я аб...

Она замахнулась.

Неожиданно Влад оказался сзади нее и ловко выхватил алебарду из ее рук.

– ...совершенно уверен в этом. Однако мы обладаем очень, очень хорошей реакцией.

Влад потрогал лезвие большим пальцем.

– Тупое, как я и думал. Моя дорогая госпожа Нитт, неужели ты не

понимаешь, что избавляться от нас вы будете долго и мучительно? Овчинка не стоит выделки. К примеру, старый Магирато, мой дед, вряд ли стал бы делать Ланкру столь великодушное предложение. Мы опустошаем вашу страну? Нет. Врываемся в ваши спальни? Определенно нет. Разумеется, Веренса придется немного понизить в должности, но давай признаем – он скорее чиновник, нежели король. А тот, кто станет нам другом, вскоре обнаружит, что мы умеем быть благодарными. Так каков смысл в сопротивлении?

– Вампиры умеют быть благодарными?

– Мы все время учимся.

– То есть, вместо того чтобы быть очень плохими, вы будете просто плохими? Ты об этом говоришь?

– Мы говорим о том, моя дорогая, что пришло наше время, – раздался позади нее чей-то голос.

Агнесса и Влад дружно обернулись.

В галерею вошел граф. Он был одет в домашнюю куртку. По обе стороны от него шли вооруженные люди.

– Ну и ну, Влад... Играешь с едой? Добрый вечер, госпожа Нитт. Кстати, Влад, похоже, у ворот собралась толпа.

– Правда? Как интересно. Никогда не видел *настоящей* толпы.

– Я надеялся, твой первый опыт будет более захватывающим, – фыркнул граф. – В этой толпе нет души, ей не хватает страсти. Тем не менее мы не можем допустить, чтобы наш обед был испорчен. Я велю им разойтись.

Двери Главного зала распахнулись как будто сами собой.

– Не желаешь ли взглянуть? – спросил Влад.

– Э... По-моему, мне надо припудрить... Я просто пойду и... В общем, вернусь буквально через минутку, – пробормотала Агнесса, торопливо пятясь.

Свернув в незаметный коридорчик, она подбежала к маленькой дверце и отодвинула засовы.

– Почти вовремя, – проворчала нянюшка. – Мы едва не продрогли.

– Они пошли смотреть на толпу. Но здесь есть и другие вампиры, не только стражники! Их привезли на повозках! И они не совсем... похожи на слуг, но подчиняются приказам графа и его семейства.

– Сколько их? – спросила Маграт.

– Понятия не имею, не было времени выяснять! Влад пытался узнать меня получше!

– Отличный план, – одобрила нянюшка. – Вдруг он разговаривает во

сне?

– Нянюшка!

– Ну что, посмотрим на его светлость в действии? – предложила нянюшка. – Можно прокрасться в старую караулку. Оттуда в щелочку все видно.

– Сначала я хочу увидеться с Веренсом! – сказала Маграт.

– Никуда он не денется, – махнула рукой нянюшка, входя в маленькую комнату рядом с дверью. – Вряд ли они собираются убивать его. Пока он в безопасности.

– По-моему, они и в самом деле *новые* вампиры, – произнесла Агнесса. – Во всяком случае, на *старых* вампиров они совсем не похожи.

– Значит, мы будем противостоять им здесь и сейчас, – заявила нянюшка. – Эсме именно так и действовала бы.

– А у нас хватит сил? – спросила Агнесса.

«Магушка бы таких вопросов не задавала», – хмыкнула Пердита.

– Нас же трое, – ответила нянюшка, доставая флягу и вынимая из нее пробку. – Кроме того, мы не одни, нам помогают. Никто не хочет?

– Это же *укипаловка*, нянюшка! – воскликнула Маграт. – Ты хочешь сразиться с вампирами *пьяной*?

– Судя по всему, уж лучше *пьяной*, чем трезвой, – сказала нянюшка, делая глоток и передергиваясь. – Насколько я помню, единственный разумный совет, который дал Агнессе господин Овес, касался того, что настоящие охотники на вампиров всегда слегка навеселе. А я стараюсь прислушиваться к разумным советам.

Ветер был настолько сильным, что даже шатер содрогался. Огонек свечи плясал и раскачивался. Всемогучий Овес осторожно сидел на своей походной койке (любое резкое движение заставляло ее складываться с вызывающей синяки злобностью) и судорожно листал свои блокноты. Паника нарастала с каждой минутой.

Он приехал сюда вовсе не затем, чтобы работать экспертом по вампирам. Во имя великого Ома! Предмету «Умертвия и всякие безбожные твари» была отведена часовая лекция раз в две недели, которую читал совершенно глухой дьякон Троп. Этот зачет даже не был включен в выпускные экзамены! Примерно в двадцать раз больше времени было уделено «Сравнительной теологии», и сейчас Овес жалел, действительно жалел, что у преподавателей не нашлось времени, чтобы рассказать ему, к примеру, о том, где точно находится сердце и с какой силой нужно вбивать кол.

Ага... вот они. Эти сбивчивые записи сохранились лишь потому, что были сделаны на обратной стороне его эссе по «Жизнеписаниям Пророков» Трума.

«...Кровь – это жизнь... вампиры подчин. лишь тем, кто превр. их в вампиров... аллиловый дисульфид, активный ингр. чеснока... порфирия отсутств. Приобрет. привычки?.. естест. почва, оч. важ... как можно больше вамп. пьют кровь жертвы, чтобы она стала рабом всех... „групповое сосание“... кровь как нечестивый символ... Вампиры контролируют: лет. мышей, крыс, ноч. животных, погоду... вопреки легенде большинство жертв становятся пассивными, но НЕ вампирами... созданный вампир испытывает страшные муки и жажду крови... носки... чеснок, святые лики... солнечный свет – смертелен?.. убив вампира, освобождаешь все его жертвы... физическая сила и...»

Ну почему никто никогда не говорил, что все это крайне важно? Полстраницы занимал портрет дьякона Тропа. Троп получился как живой.

Овес сунул блокнот в карман и с надеждой сжал в пальцах медальон. После четырех лет обучения в семинарии он так и не понял, чему именно нужно верить. Расколы в церкви случались настолько часто, что иногда весь учебный план менялся в течение одного дня. Но кроме того...

Об этом их предупреждали. Говорили, что, мол, особых надежд не питайте. Это случается не со всеми, а только с пророками. Ом так не поступает. Ом работает изнутри.

...Но он надеялся, что когда-нибудь Ом проявится очевидным и недвусмысленным образом, который нельзя будет объяснить ветром или нечистой совестью. Хотя бы один раз небеса разверзнутся, скажем, секунд на десять, и прогремит голос: **«ДА, ВСЕМОГУЧИЙ ХВАЛЫ ДОСТОЙНЫЙ ВСЕГДА СЛАВИВШИЙ ОМА ОВЕС! ВСЕ ЭТО – ЧИСТАЯ ПРАВДА! И МЕЖДУ ПРОЧИМ, ТО ТВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О КРИЗИСЕ РЕЛИГИИ В ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ БЫЛО КРАЙНЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫМ!»**

Дело было не в том, что ему не хватало веры. Но одной веры недостаточно. Он жаждал уверенности.

Хотя сейчас он бы вполне удовольствовался надежным руководством по уничтожению вампиров.

Овес встал. За его спиной хищно лязгнула всеми сочленениями походная койка.

Он обрел знания, однако эти знания не помогали.

Но разве Джотто не заставил выброситься на берег самого Левиафана, Повелителя Кошмаров, отчего море и суша покраснели от крови? Разве сильный верой Орда не вызвал внезапный глад и мор на всех землях Смеля?

Все это они определенно сделали. И в это он безоговорочно верил. Но частичка его никак не могла забыть некогда прочитанное в одной книжке: мол, редкий красный прилив на побережье Урта был вызван нашествием крошечных морских существ, и событие это весьма повлияло на местную морскую флору и фауну, а странная циклическая смена воздушных потоков может вызывать полное отсутствие облачности над Смелем в течение целых нескольких лет.

Это не могло не тревожить.

Овес неплохо знал всякие древние языки, а потому ему позволяли рыться в новых библиотеках, которые, как грибы, выросли вокруг Цитадели. Однако потом появился новый повод для беспокойств: юный охотник за истиной вместо истины наткнулся на правду. «Третье Странствие Пророка Сены» странным образом походило на новый перевод «Песчаного Завета» из «Лаотанской Книги Всё и Вся». На одной из полок он нашел сорок три поразительно похожих друг на друга описания великого потопа, и в каждом из них человек, весьма похожий на епископа Рога, спас избранных рода человеческого, построив волшебную лодку. Детали, правда, не всегда совпадали. Иногда лодка была сделана из дерева, иногда – из банановых листьев. Где-то новость о приближении суши приносил лебедь, где-то – игуана. Конечно, в хрониках других религий эти истории назывались не более чем легендами и мифами, тогда как плавание, описанное в «Книге Сены», считалось святой истиной. И тем не менее...

Разумеется, Овес продолжил свое обучение и вскоре превратился из слегка преподобного в довольно-таки преподобного, однако сомнения никуда не девались. Ему очень хотелось с кем-нибудь обсудить свои открытия, однако церковные расколы происходили настолько часто, что ни у кого из вышестоящих отцов так и не нашлось времени его выслушать. Стук молотков духовных лиц, прибывавших свои варианты истины Ома к храмовым воротам, был настолько оглушительным, что периодически у отца Овса тоже возникало искушение купить рулон бумаги, молоток и внести свое имя в длинный список очереди на ворота, но пока он себя пересиливал.

И прежде всего потому, что у него на все было две точки зрения, причем абсолютно противоречащие друг другу.

В один прекрасный момент он даже подумывал подвергнуть себя процедуре изгнания беса, но отказался от этой мысли, поскольку в подобных процедурах церковь традиционно использовала весьма смертоносные методы, и серьезные люди, которые никогда не улыбались, ничуть не удивились бы, услышав, что агрессивный дух, которого он требует изгнать, – это его собственный.

Овес назвал звучащие в голове голоса Хорошим Овсом и Плохим Овсом. Оба голоса соглашались с данной терминологией, но применяли ее по-разному.

С раннего детства в Овсе жила некая частичка, которая считала святые храмы дурацкими и скучными и периодически пыталась рассмешить его, когда, по идее, он должен был сосредоточенно внимать проповедям. Мальчик вырос, выросла и эта частичка. Она-то и стала тем Овсом, который стопками поглощал самые разные книжки и чуть ли не наизусть запоминал пассажи, бросавшие тень сомнения на буквальную истину «Книги Ома». Именно этот Овес всегда подталкивал его в бок и подзуживал: «Если уж это неправда, чему вообще ты можешь поверить?»

А другая частичка твердила: мол, истины бывают разными.

А первая отвечала: разными – это значит «отличающимися от той, которая и есть настоящая правда»?

А вторая говорила: что значит «*настоящая*»? Определение, пожалуйста.

А первая сразу начинала кричать: это значит, что еще совсем недавно омниане *по-настоящему* запытали бы тебя до смерти за одни такие мысли! Помнишь те времена? Помнишь, как люди умирали лишь потому, что пытались использовать разум, который, как ты считаешь, *подарил* им бог? Какая истина способна оправдать все эти муки?

Этот ответ он так и не смог сформулировать. А потом начались головные боли и бессонные ночи. Церковь раскалывалась практически постоянно, но данный раскол положил начало войнам в его голове.

Подумать только, сюда его послали подлечиться, потому что брат Мельхио, увидев его трясущиеся руки и услышав, как он постоянно бормочет что-то себе под нос, начал беспокоиться за его здоровье!

Перепоясывать чресла Овес не стал. Он не был уверен, как осуществляется данная процедура, а спросить стеснялся. Поэтому он просто поправил шляпу и вышел под бурное ночное небо, затянутое густыми, необщительными тучами.

Ворота замка распахнулись, и из них в окружении солдат вышел граф

Сорокула.

Это было отступление от традиционного сюжета. Несмотря на то что жители Ланкра не часто практиковали подобные методы, на генетическом уровне они знали: когда толпа собирается у ворот, тот, кого толпа осаждает, должен орать что-нибудь вызывающее из окна горячей лаборатории или участвовать в мелодраматической схватке с каким-нибудь героем на зубчатой стене.

Чего осаждаемый не должен делать, так это раскуривать сигару.

Толпа замолчала и замерла с неуверенно поднятыми лопатами и вилами. Тишину нарушало только потрескивающее пламя факелов.

Граф выпустил кольцо дыма.

– Вечер добрый, – поздоровался он, когда кольцо улетело. – Вы, вероятно, толпа.

Кто-то из задней части толпы, отставший от хода событий, метнул бульжник. Граф лениво поймал его.

– Вилы – это просто здорово, – сказал он. – Мне нравятся вилы. В общем, проверку они проходят. И факелы – о них можно даже не говорить. Но косы... нет, боюсь, никак не могу согласиться. Косам отказать. Должен заявить, очень неподходящее оружие для толпы. Можете мне поверить. Простой серп гораздо эффективнее. Стоит начать размахивать косами, и кто-нибудь обязательно лишится уха. Так что слушайте внимательно и учитесь.

Он подошел к очень крупному мужчине с вилами.

– Вот тебя, молодой человек, как зовут?

– Э... Джейсон Ягг, господин.

– Кузнец?

– Агась.

– С женой и детьми все в порядке?

– Агась.

– Молодец. Ни в чем не нуждаешься?

– Э... агась. То есть не нуждаюсь, господин.

– Отлично. Так держать. Кстати, буду весьма признателен, если вы не станете шуметь во время ужина, хотя прекрасно понимаю ту жизненно важную традиционную роль, которую вы должны играть. Сейчас я прикажу слугам вынести горячего пунша в кружках. – Он стряхнул пепел с сигары. – Кстати, позвольте представить вам сержанта Крапута, для друзей – Билл В-Дугу. А этот человек, который ковыряет ножом в зубах, – капрал Швиц, у которого, насколько я знаю, совсем нет друзей. Полагаю, есть вероятность, правда, весьма незначительная, что он приобретет их здесь. Так вот,

сержант Крапут, капрал Швиц, а также их люди, которых лишь с большой натяжкой можно назвать солдатами, ну, вы понимаете, легко пришло, легко ушло, подрасться-побуянить, в принципе, они все-таки солдаты... – Капрал Швиц, злобно поглядывая на толпу, достал наконец из ярко-желтого коренного зуба кусок своего нехитрого солдатского рациона. – В общем, они заступят на дежурство примерно через час. Исключительно ради обеспечения безопасности, как вы понимаете.

– Потроха наружу выпустим да соломы внутрь нахерачим, – выразился капрал Швиц.

– О, это какой-то военный жаргон, я в нем практически не разбираюсь, – сказал граф. – Однако я от всей души надеюсь, что никаких неприятностей не возникнет.

– А я наоборот, – изрек сержант Крапут.

– Они такие проказники, – вздохнул граф. – Ну, господа, приятного вечера. Нам пора.

И он скрылся во дворе замка. Ворота, толстые деревянные створки которых со временем приобрели твердость стали, закрылись.

Некоторое время по внешнюю сторону ворот царила тишина, которую потом нарушило приглушенное бормотание. Примерно такими голосами должны были бы совещаться игроки, у которых неожиданно отобрали мяч.

Граф кивнул Владу и театральным жестом раскинул руки в стороны.

– Та-да! Вот и вся проблема...

– Думаешь, удастся повернуть этот трюк еще раз? – раздался голос со стороны лестницы.

Вампиры посмотрели на трех ведьм.

– А, госпожа Ягг, – произнес граф, нетерпеливым жестом приказав солдатам удалиться. – Ваше величество. Агнесса... Итак... три – это кто-то придет? Или кто-то умрет?

Когда Сорокула направился к ним, под ногой нянюшки Ягг треснула каменная плита.

– Вы думали, я настолько глуп, уважаемые дамы? – спросил он. – Рассчитывали, я позволю вам бегать туда-сюда, если бы существовала хоть малейшая возможность того, что вы можете причинить нам вред?

Молния распорол небо.

– Я могу управлять погодой, – сказал граф. – И низшими существами, к которым, позвольте заметить, относятся и люди. А вы решили устроить заговор и вызвать меня на... поединок? Занятная картинка. Тем не менее...

Ноги ведьм оторвались от пола. Вокруг закружился теплый воздух. А снаружи замка вдруг поднялся ветер, и пламя факелов, которые сжимали в

руках собравшиеся у стен, затрепетало, будто флаги.

– Что с нами происходит? – прошипела Маграт. – Почему наша сила троих не действует?

– Ну, во-первых, он должен стоять неподвижно... – ответила нянюшка.

– Немедленно прекрати! – закричала Маграт. – Как ты смеешь курить в моем замке?! Курение серьезно вредит окружающим!

– А как насчет «Вы за это еще заплатите»? Это ведь обязательная реплика, – поинтересовался граф, игнорируя слова Маграт, и стал подниматься по лестнице.

Ведьмы беспомощно, словно воздушные шарик, раскачивались перед ним в воздухе. Двери зала с треском захлопнулись.

– Кто-то обязательно должен ее произнести, – настаивал граф.

– *Вы за это еще заплатите!*

Граф просиял.

– Надо же, я даже не заметил, как шевелились ваши губы...

– *Убирайся прочь и возвращайся в могилу, откуда ты явился, нечестивый призрак!*

– А он откуда тут взялся? – спросила нянюшка.

Прямо перед вампирами откуда-то сверху свалился всемогущий Овес.

«Он пробрался сюда по хорам, – сообщила Пердита Агнессе. – Внимательнее смотреть надо».

Балахон священнослужителя был покрыт пылью, воротник порвался, но глаза сверкали священным гневом.

Он сунул что-то графу прямо в лицо и быстренько глянул в зажатую в другой руке небольшую книжицу.

– Э... «Изыди, ты, червь Ревма, и не смей боле...»

– Прощу прощения? – переспросил граф.

– «...Боле тревожить мене...»

– Можно, я перебыю?

– «...Ибо дух, что мучит тебя...»Что?

Граф вытащил блокнот из вдруг ставшей безвольной руки Овса.

– «Наковальня ведьм», если не ошибаюсь? – уточнил он. – А почему ты так удивлен? Я помогал *писать* эту книгу, ничтожество!

– Но... вы... она была написана несколько веков назад! – выдавил Овес.

– И что? Я внес свой вклад в написание «Ведро гвоздей ведьм», «Разводного ключа ведьм»... и самого «Великого инструментария»! Понимаешь? Это тебе не какие-то глупые романчики про вампиров! – почти прорычал граф. – О, я помню твоих пророков. Чокнутые бородатые

старики с гигиеническими привычками дурностаев, но, клянусь всем безумством мира, в них была *страсть!* Они не занимали свои умы псевдосвятой чепухой и мучениями. Они произносили idiotские слова так, словно верили в них, доказывали их истинность с пеной святости у рта. Вот *они* были настоящими священнослужителями, в их животах бурлил огонь пополам с желчью! А *ты* – жалкое посмешище.

Он отбросил блокнот в сторону и взял в руку медальон.

– А, священная черепаха Ома, которая, насколько помню, должна заставить меня съежиться от страха. Ну и ну. Очень плохая копия. Дешевка.

– Да что тебе может быть известно об этом, враг рода человеческого? – нашел в себе силы откликнуться Овес.

– Нет-нет, – поморщился граф. – Это для всякого рода демонов.

Он отдал черепаху Овсу.

– Тем не менее попытка засчитывается, – сказал он. – Если мне когда-нибудь захочется выпить чашку чая с булочкой или послушать хоровое пение, я обязательно загляну в вашу миссию. Но в данный момент ты мне... мешаешь!

И он ударил священнослужителя так сильно, что тот отлетел под длинный стол.

– Вот где истинное место смиренным, – возвестил граф. – Ну, теперь осталось дожидаться, когда появится матушка Ветровоск. Это может произойти в любую минуту. Неужели вы думали, что она понадеется на вас?

По залу разнесся грохот ударов огромного железного дверного молотка.

Граф с довольным видом кивнул.

– Вероятно, это она, – сказал он. – Иначе и быть не может. Самый подходящий момент.

Дверь открылась, ветер с завыванием влетел в зал, принес с собой дождь, мелкие веточки и похожую на сорванный лист матушку Ветровоск. Она была промокшей до нитки и грязной, ее платье было разорвано в нескольких местах.

Агнесса вдруг поняла, что никогда не видела матушку мокрой – даже после самого сильного дождя, но сейчас на ней сухого места не было. Вода текла с нее ручьем, оставляя на полу мокрые следы.

– Госпожа Ветровоск! Как любезно с твоей стороны заглянуть к нам, – поклонился граф. – Ты проделала столь долгий путь в такую темную ночь. Прошу, устраивайся у огня и отдохни.

– Я пришла сюда не отдыхать, – сказала матушка.

– По крайней мере, выпей что-нибудь, перекуси.

– Я пришла сюда не есть и не пить.

– Тогда зачем же?

– Ты знаешь, зачем я пришла.

«Она выглядит какой-то маленькой, – сказала Пердита. – И усталой».

– Ах да. Запланированное сражение. Великая игра. Торговая марка Ветровосков. И... позволь предположить... твоё торговое предложение будет звучать приблизительно так: «Если я одержу победу, я рассчитываю, что ты освободишь всех и уберёшься обратно в свой Убервальд». Я прав?

– Нет, я рассчитываю на то, что ты сдохнешь.

Агнесса с ужасом заметила, что матушка слегка покачивается.

Граф улыбнулся.

– Превосходно! Но... я могу догадаться о ходе твоих мыслей, госпожа Ветровоск. Вряд ли этот план у тебя единственный. Сейчас ты стоишь здесь, передо мной, и вот-вот упадёшь в обморок от изнеможения, однако... я не совсем уверен в том, что говорят мне мои глаза.

– Мне совершенно наплевать, в чем ты уверен, а в чем – нет, – перебила его матушка. – Зато я уверена в том, что ты меня отсюда не выпустишь. Потому что ты понятия не имеешь, куда я могу отправиться и что буду делать. Ведь я могу следить за тобой, мои глаза будут повсюду. Я могу оказаться за любой дверью. Многие люди обязаны мне, и я могу обратиться за помощью к ним. Я могу напасть с любой стороны, в любой момент. И злости мне не занимать.

– Ну и что? Если бы я был настолько неучтив, то мог бы убить тебя прямо сейчас. Достаточно обычной стрелы. Капрал Швиц?

Наемник махнул рукой, очевидно изобразив то, что у наемников сходило за салют, и поднял арбалет.

– А в этом ты уверен? – спросила матушка. – И твой громила уверен, что успеет выстрелить второй раз? Что я буду стоять на прежнем месте?

– Ты не умеешь менять форму, госпожа Ветровоск. И, судя по твоему виду, сейчас тебе не до беготни.

– Она говорит о перемещении своей сущности в другую голову, – подсказал Влад.

Ведьмы переглянулись.

– Прости, Эсме, – сказала наконец нянюшка Ягг. – У меня чтой-то голова совсем не варит. Видимо, маловато выпила.

– Ну да, конечно, – кивнул граф. – Знаменитый трюк с Заимствованием.

– Но ты не знаешь, куда я отправлюсь, и не знаешь, насколько

далеко, – устало произнесла матушка. – Не знаешь даже, в чью голову. И вообще, голова ли это будет. Тебе известно обо мне только то, что ты смог прочесть в мыслях других людей, а они многого обо мне не знают. Очень многого.

– Итак, твоя сущность перенесется в другое место, – подытожил граф. – Примитивный фокус. Знаешь, я много путешествовал и довольно повидал всяких странных стариков в бусах и перьях, которые могли переместить внутреннее «я» в рыбу, насекомое... даже в дерево. Как будто это имеет значение. Дерево горит. Уж извини, госпожа Ветровоск, но, как любит говорить король Веренс, наступает новый мировой порядок. Наш порядок. А ты остаешься в прошлом...

Он вздрогнул. Три ведьмы упали на землю.

– Неплохо, – сказал он. – Удар прямо в лоб. Я действительно почувствовал его. Никому в Убервальде не удавалось пробить мою защиту.

– Я и не такое могу, – посулила матушка.

– А вот в этом я сомневаюсь, – возразил граф. – Если б могла, то уже сделала бы. Дави вампиров без всякой жалости. Вот о чем вопит толпа на протяжении уже многих веков!

Он направился к ней.

– Неужели ты считаешь, что мы похожи на каких-нибудь вырожденцев-эльфов или на тупых людишек, которых можно запугать твердым характером или дешевыми фокусами? Мы уже вышли из своих гробов, госпожа Ветровоск. Я пытался отнестись к тебе с пониманием, ведь у нас много общего, но...

Тело матушки Ветровоск дернулось назад, как бумажная кукла от порыва ветра.

Граф, сунув руки в карманы домашней куртки, подходил все ближе и ближе.

– Ну вот и все, этот удар я почти не почувствовал. Значит, на *большее* ты все-таки не способна?

Матушка зашаталась, но вскинула руку. Стоявший у стены тяжелый стул вдруг покотился по комнате.

– Совсем неплохо. Для человека, – сказал граф. – А зашвырнуть его подальше?

Матушка вздрогнула и подняла другую руку. Огромная люстра принялась раскачиваться.

– Ого, – произнес граф. – И все же недостаточно. *Очень* недостаточно. Матушка попятилась.

– Могу обещать лишь одно, – продолжал граф. – Я тебя не убью.

Напротив...

Невидимые руки подняли матушку и прижали ее к стене.

Агнесса бросилась вперед, но Маграт схватила ее за рукав.

– И не считай это поражением, матушка Ветровоск, – сказал граф. – Ведь ты будешь жить вечно. Скорее я назвал бы это выгодной сделкой. А? Как думаешь?

Матушка лишь презрительно фыркнула.

– А я бы назвала это амбициозным тупиком, – промолвила матушка, и ее лицо исказилось от боли.

– Прощай, – сказал граф.

Все ведьмы почувствовали мысленный удар. Зал, казалось, зашатался.

Но произошло еще что-то, за границами нормального пространства. Мелькнуло что-то яркое и серебристое, похожее на рыбку...

– Она ушла, – прошептала нянюшка. – Куда-то послала свою сущность...

– Куда? Куда? – прошипела Маграт.

– Не думай об этом! – приказала нянюшка.

Лицо Маграт окаменело.

– О нет...

– Не думай об этом! Не думай! – возбужденно зашептала нянюшка. – Розовые слоны! Розовые слоны!

– Не может быть, чтобы она...

– Ла-ла-ла! Ее-ие-ее-ие-ох! – заорала нянюшка и потащила Маграт в сторону кухни. – Скорее, уходим! Агнесса, оставляем все на вас двоих!

За ними захлопнулась дверь. Агнесса услышала, как заскрипели засовы. Дверь была толстой, а засовы – большими, строители Ланкрского замка не признавали досок меньше трех дюймов толщиной и замков, которые не могли бы противостоять удару тарана.

Постороннему такое поведение нянюшки могло показаться крайне эгоистичным. Но если рассуждать логически, в опасности были три ведьмы, а теперь в опасности осталась только одна ведьма. Три ведьмы потратили бы слишком много времени, беспокоясь друг о друге и думая, что нужно предпринять. А одна ведьма – сама себе голова.

Агнесса понимала все это, и все равно нянюшкино поведение казалось ей крайне эгоистичным.

Граф подходил к матушке все ближе. Краем глаза Агнесса заметила подкрадывающихся Влада и его сестренку. За спиной была прочная дверь. Пердита тоже не подбрасывала никаких ценных идей.

Поэтому она просто взяла и закричала.

Это и было ее талантом. Раздвоение личности – это не талант, а скорее недуг. Но от Агнессиного голоса, поднявшегося до верхнего диапазона, начинала плавиться ушная сера.

Она сразу взяла ноту повыше и очень быстро поняла, что это было правильным решением. Потому что со стропил дождем посыпались летучие мыши, из древесины полезли древооточцы, а в городе залаяли собаки.

Влад закрыл уши руками.

Агнесса смолкла, переводя дыхание.

– Еще один шаг, и я крикну еще громче! – предупредила она.

Граф легко, будто куклу, поднял матушку Ветровоск.

– Не сомневаюсь, – сказал он. – Но рано или поздно у тебя кончится воздух в легких. Влад, она пришла сама, так что можешь оставить ее себе, но ты несешь за нее полную ответственность. Тебе придется кормить ее и чистить ее клетку.

На сей раз молодой вампир приближался к Агнессе уже более осторожно.

– Послушай, ты ведешь себя крайне неразумно, – прошипел он.

– Вот именно!

И вдруг он оказался совсем рядом. Агнесса, конечно, даже не догадывалась об этом, но Пердита знала, поэтому локоть уже был в движении и врезался Владу под ребра прежде, чем вампир успел перехватить его.

Влад согнулся пополам, а Агнесса решительно направилась вперед, отметив про себя, что вампиры и в самом деле с трудом обучаются. Видимо, это наследственная черта.

Граф положил матушку Ветровоск на стол.

– Игорь! – крикнул он. – Ты где, глупый...

– Йа, мафтер?

Граф резко развернулся.

– Почему ты *всегда* появляешься у меня за спиной?

– Фтарый граф вфегда... предпочитайт, чтоб я так делайт, мафтер. Это ефть профеффиональный черта.

– Прекрати.

– Гут, мафтер.

– И перестань говорить таким нелепым голосом. Иди дай звонок к обеду.

– Йа, мафтер.

– И я тебя предупреждал о хромоте! – крикнул граф, когда Игорь

заковылял прочь по залу. – Это даже не смешно!

Игорь, что-то зло бормоча, прошел мимо Агнессы.

Влад догнал Агнессу на полпути к столу, и она даже немного обрадовалась этому, потому что понятия не имела, что будет делать, когда туда подойдет.

– Ты должна уйти, – задыхаясь, произнес он. – Я, конечно, не позволю ему причинить тебе зло, но отец иногда становится... раздражительным.

– Без матушки я никуда не уйду.

– Оставь меня, – прозвучал в ее голове чей-то голос.

«Это не я, – сообщила Пердита. – Думаю, это она».

Агнесса уставилась на распростертое тело. Матушка Ветровоск выглядела совсем маленькой, гораздо меньше, чем когда лежала без сознания в пещере.

– Хочешь остаться на обед? – спросил граф.

– Вы собираетесь... после всех этих речей вы... высосете из нее кровь?

– Мы – вампиры, госпожа Нитт. Вампиры не могут поступать иначе. Это небольшое причастие, назовем его так.

– Но она ведь... старая женщина!

Он резко развернулся и вдруг оказался совсем рядом с ней.

– Мысль о молодом аперитиве весьма привлекательна, можешь мне поверить, – прошипел он. – Но Влад потом будет дуться. Так или иначе, со временем у крови появляется... характер, как у хорошего выдержанного вина. Она не умрет. Ни в коем случае. В ее возрасте я бы только обрадовался предложению обрести бессмертие.

– Но она ненавидит вампиров!

– Когда она очнется, это может стать причиной небольших проблем, ведь она должна будет повиноваться нам. Ах да... – Граф наклонился и вытащил из-под стола Овса. – Экое бескровное представление. Я еще помню полных страсти и решимости омниан, которыми руководили храбрые и безжалостные, пусть даже абсолютно безумные люди. Уверяю, от твоей бесхарактерности они впали бы в полное отчаяние. Прошу, уведи его отсюда.

– Завтра мы увидимся? – спросил Влад, еще раз доказав Агнессе, что мужским особям любого вида присущ ген глупости.

– Вы не можете превратить ее в вампира! – воскликнула она, не обращая внимания на Влада.

– Она не сумеет нам помешать, – пожал плечами граф. – Тут все решает кровь, на которую мы имеем влияние.

– Она будет сопротивляться!

– Это будет интересное зрелище.

Граф бросил Овса на пол.

– А теперь уходи, госпожа Нитт, и забирай своего зануду жреца. Завтра ты получишь старую ведьму обратно. Но она будет принадлежать нам. У нас своя иерархия. Это знает каждый... кто хоть что-нибудь знает о вампирах.

За его спиной Овса вырвало на пол.

Агнесса подумала о людях с отсутствующим взглядом, которые теперь работали в замке. Такой участи не заслуживал никто.

Она схватила священнослужителя за воротник и подняла, как мешок с картошкой.

– *До свидания*, госпожа Нитт, – сказал граф.

Она подтащила безвольного Овса к главным дверям. Дождь на улице усилился и превратился в ливень, хлеставший с безжалостностью стальных дротиков. Стараясь держаться поближе к стене, чтобы хоть немного защититься от дождя, она выволокла Овса наружу и бросила под хлеставшую из горгульи струю воды.

Священнослужитель вздрогнул.

– О бедная старая женщина, – простонал он, наклоняясь вперед и подставляя голову под воду.

– Да, – согласилась Агнесса.

Ее подружки сбежали. Она и Пердита подумали одно и то же. Когда матушка высвободила свое сознание, все были потрясены, кроме того... девочку тоже звали Эсме, не так ли? Но... в голове Агнессы звучал голос матушки, его спутать было невозможно. А значит, она где-то рядом...

– Я все только испортил, да? – спросил Овес.

– Ага, – рассеянно ответила Агнесса.

Передача своей сущности ребенку (ненадолго, на время) могла показаться *верным* шагом, а что, весьма фольклорно и романтично, вот почему и нянюшка, и Маграт сразу поверили в это. Но именно поэтому матушка не могла так поступить. В душе матушки никогда не было места всякой глупой романтике. Зато она отлично умела манипулировать другими, романтически настроенными душами.

Итак... где еще она может быть? *Что-то* произошло. В целях безопасности она перенесла куда-то свою сущность, и что бы она ни говорила графу, ее душа находилась где-то неподалеку. Она наверняка вселилась в какое-то живое существо, но если таким существом был человек, он не мог и подозревать об этом...

– Вот если бы я умел изгонять бесов... – пробормотал Овес.

– То у тебя все равно ничего не получилось бы, – резко перебила Агнесса. – По-моему, эти вампиры не особо религиозны.

– Возможно, только раз в жизни священнослужителя выпадает такой шанс...

– Просто ты не годишься для этой задачи, – пояснила Агнесса. – Вот если бы их можно было прогнать религиозной брошюрой, лучше тебя кандидатуры и не придумаешь.

Вдруг ей в голову пришла одна мысль. И в голову Пердиты пришла та же самая идея. Агнесса задумчиво посмотрела на лежащего под дождем Овса.

– Брат Мельхио будет крайне недоволен моим поведением, – сказал он, наконец поднимаясь на ноги. – Только посмотри на меня, весь в грязи. Э... А почему ты на меня так смотришь?

– Гм... У меня появилась одна странная идея. Вампиры по-прежнему не влияют на твою голову?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, на твоё сознание? Они по-прежнему не знают, о чем ты думаешь?

– Ха! Большую часть времени я сам не знаю, о чем думаю, – с несчастным видом произнес Овес.

– Правда? – спросила Агнесса.

«Правда?» – спросила Пердита.

– Он был прав, – пробормотал Овес, не обращая внимания на окружающий мир. – Я всех подвел. Мне следовало остаться в семинарии, согласиться работать переводчиком.

Как ни странно, ни грома, ни молний не было. Был просто сильный, безжалостный дождь.

– Но я... готов предпринять еще одну попытку, – сказал Овес.

– Правда? Зачем?

– Разве Казрин не возвращался целых три раза в Махагскую долину, дабы вырвать чашу Гиреада из рук солдат-улитов, пока те спали?

– Целых три раза?

– Да. Я... я почти в этом уверен. И разве Ом не сказал пророку Бруте: «Повсюду, где темно, я буду с тобой»?

– Вполне возможно.

– Согласен. По крайней мере, очень разумные слова.

– Исходя из всего этого, – предположила Агнесса, – ты решил предпринять еще одну попытку?

– Да.

– Почему?

– Иначе... какая вообще от меня польза? Кстати, а какая от меня польза?

– Думаю, второго раза нам не пережить, – сказала Агнесса. – Они отпустили нас только потому, что хотели поступить жестоко. Проклятие! Я должна решить, что нужно делать, тогда как решать должна не я. Я же дева, во имя всего святого! – Она увидела выражение его лица и почему-то, по совершенно непонятной причине, добавила: – Специальный термин для обозначения младшей из трех ведьм. Не я должна принимать *решение*. Да, я знаю, что это лучше, чем заваривать чай!

– Э... Я ничего не говорил о чае...

– Правда? Извини, значит, это был кое-кто другой. Что, по ее мнению, я должна сделать?

«Особенно после того, как тебе показалось, что ты знаешь, где она прячется», – добавила Пердита.

Вдруг раздался скрип, и они услышали, как открываются двери Главного зала. Появился свет, тени заплясали в поднятом сильным дождем тумане, потом донесся всплеск, и двери захлопнулись. Правда, перед этим прозвучал смех.

Агнесса поспешила к нижним ступеням лестницы, за ней по пятам шлепал Овес.

В этой части двора собралась особо широкая и грязная лужа. И в ней, в разорванном платье, лежала матушка Ветровоск. Волосы, обычно стянутые в тугий узел, были растрепаны.

На горле ее была кровь.

– Они даже не удосужились запереть ее в камере или еще где, – кипит от злости, сказала Агнесса. – Просто выбросили, как... как обглоданную кость!

– Полагаю, они решили, что она теперь и так заперта. Бедная пропащая душа, – покачал головой Овес. – Давай, по крайней мере, укроем ее от дождя...

– Да, конечно.

Агнесса схватила матушку за ноги и поразилась, насколько тяжелым было это с виду такое хрупкое тело.

– Может, отнести ее в город? – предложил Овес, судорожно кряхтя под весом свой части ноши.

– Не слишком удачная мысль, – отозвалась Агнесса.

– Но наверняка...

– И что ты скажешь? «Можно, мы оставим у вас матушку? Кстати,

проснувшись, она превратится в вампира...»

– А.

– Люди и раньше не слишком-то радовались появлению матушки. Ну, разве что за исключением тех случаев, когда она приходила их лечить.

Агнесса пыталась что-то рассмотреть сквозь дождь.

– Обойдем замок со стороны конюшен, там есть навесы и сараи...

Король Веренс открыл глаза. За окном спальни стеной лил дождь. Света не было, кроме того, что просачивался в щель под дверью. В этой же щели виднелись тени двух дремавших на стульях охранников.

Загремела ставня. Один из убервальдцев открыл окно, выглянул в штормовую ночь, не увидел ничего интересного и, волоча ноги, вернулся на свое место.

Все казалось очень... приятным. Веренс чувствовал себя так, словно лежал в теплой ванне, где расслабленному телу очень удобно, очень хорошо. Пусть мировые проблемы беспокоят других. Он покачивался, словно бревно, дрейфующее по теплому морю жизни.

Ему показалось, что он слышит чьи-то голоса, причем голоса эти доносились откуда-то из-под подушки.

– Рикт, ги'тае йон хелан верзунов?

– Ах, дракс-передракс ента килт!

– Хьюп?

– Нах счеткс та тетра... йин, тан, ТЕТРА!

– Хьюп! Хьюп!

Что-то зашуршало на полу. Стул под одним из охранников подскочил и с бешеной скоростью помчался к окну.

– Хьюп!

Стул вместе с сидевшим на нем охранником вылетел на улицу сквозь стекло.

Второй охранник успел встать на ноги, но перед ним прямо из воздуха вдруг что-то выросло. Для Веренса, выпускника Шутовской Гильдии, это выглядело как высокая пирамида, составленная из совсем крошечных акробатов.

– Хуп! Хуп!

– Хьюп!

– Хуп!

Пирамида поднялась до уровня лица охранника.

– Чо зыри, чими? На мал-мала люлей! – заорала стоявшая на вершине фигурка и бросилась охраннику прямо между глаз.

Раздался громкий треск, и охранник свалился навзничь.

– Хуп! Хуп!

– Хьюп!

Живая пирамида просыпалась на пол. Веренс услышал топот маленьких ножек и вдруг увидел прямо у себя на подбородке маленького, покрытого татуировками человечка в синем остроконечном колпаке.

– Сейу, кроль! Ка насче гуль-гуль, э?

– Здорово, – пробормотал Веренс. – И сколько ты уже галлюцинация?

– Тя чо не вставакс, беда-беда?

– Это хорошо, – сонно произнес Веренс.

– Аухтахельвайт!

– Хьюп! Хьюп!

Веренс почувствовал, как его поднимают на кровати. Сотни маленьких рук, передавая его друг другу, поднесли короля к окну и выбросили в пустоту. Сквозь полудрему он подумал, что стена вроде бы гладкая, по ней нельзя так мягко и плавно спускаться. Вокруг раздавались бодрые вопли: «Та йа! Та ми! Хьюп!» Крошечные пальчики держали его за воротник, за ночную рубашку, за толстые шерстяные носки...

– Отличное представление, – пробормотал он, мягко опустившись на землю.

Но уже в следующее мгновение, покачиваясь из стороны в сторону примерно в шести дюймах над землей, он исчез в ночи.

Увидев сквозь дождь тусклый огонек, Агнесса забарабанила в дверь, и мокрое дерево сменилось лишь чуточку более приятным лицом сокольничего Ходжесааргха.

– Нам нужно срочно войти! – сказала она.

– Конечно, госпожа Нитт.

Он отошел в сторону, чтобы они могли внести в тесную комнату матушку Ветровоск.

– Она ранена, госпожа?

– Ты же знаешь, что в замке вампиры! – выкрикнула Агнесса.

– Да, госпожа.

Тон голоса предполагал, что сей факт услышан и принят к сведению и теперь Ходжесааргх вежливо ждет, когда последуют объяснения, хороший этот факт или плохой.

– Они укусили матушку Ветровоск. Мы должны положить ее на что-нибудь.

– Есть моя кровать, госпожа.

Кровать была маленькой и узкой, предназначенной для людей, которые ложатся спать, только когда смертельно устают.

– Она может немножко запачкаться кровью, – предупредила Агнесса.

– Я постоянно пачкаю ее кровью, – бодрым тоном откликнулся Ходжесааргх. – И пол тоже. У меня есть мази и бинты – в любом количестве, если нужно.

– По крайней мере, мази и бинты не повредят, – кивнула Агнесса. – Э... Ходжесааргх, а тебе известно, что вампиры сосут из людей кровь?

– Правда? Тогда им придется встать в очередь за моими птичками, госпожа.

– И это тебя не беспокоит?

– Госпожа Ягг дала мне огромный тюбик мази, госпожа.

Вот и вся реакция. Ходжесааргху было абсолютно наплевать, кто управляет замком, лишь бы его птиц не трогали. На протяжении многих веков сокольничие занимались крайне важным делом – в частности, дрессировкой ловчих птиц, которая требовала немалых усилий, – ну а управлять государством они предоставляли любителям.

– Она промокла насквозь, – сказал Овес. – Давайте укутаем ее в одеяло или еще во что-нибудь.

– Нам понадобится веревка, – откликнулась Агнесса.

– Веревка?

– Она проснется.

– То есть... нам следует ее связать?

– Что происходит, когда вампир хочет превратить тебя в вампира?

Овес сжал в ладони медальон в виде черепахи и напряг память.

– Кажется, что-то попадает в кровь, – сказал он. – Думаю, если уж они захотят сделать тебя вампиром, ты им обязательно станешь. Иначе быть не может. Тут все дело в крови, а ей сопротивляться бесполезно. Против ты, не против – не имеет значения. Этой силе невозможно противостоять.

– Но она очень упрямая, – промолвила Агнесса.

– Что, очень-очень? – спросил Овес.

Один из убервальдцев, волоча ноги, шел по коридору. Услышав шум, он остановился, огляделся и, не увидев ничего интересного, что могло бы произвести шум, зашаркал дальше.

Нянюшка Ягг вышла из тени и поманила Маграт рукой.

– Нянюшка, извини, очень трудно сделать так, чтобы ребенок все время молчал...

– Ш-ш-ш! На кухне шумно. Ума не приложу, вампиры готовят себе

ужин?

– Это для людей, которых они привезли с собой, – прошипела Маграт. – И которые перевозят их мебель. Их-то кормить нужно.

– Ага, как скотину. Думаю, нам стоит просто взять и нагло войти, – сказала нянюшка. – Не похоже, чтобы эти типы отличались оригинальным мышлением. Готова? – Она рассеянно сделала глоток из фляги. – Тогда за мной.

– Послушай, а что будет с Веренсом? Я не могу оставить его здесь. Он ведь мой муж.

– Каковы бы ни были их планы относительно твоего муженька, ты все равно не сможешь им помешать. Даже если останешься здесь, – буркнула нянюшка. – Сейчас главное – унести девочку в безопасное место. Дети – наше все. Кроме того, я ж говорила – ему ничего не грозит. Я позаботилась об этом.

– Каким образом? При помощи ведьмовства?

– У меня имеются помощники и получше. А теперь ступай за мной и веди себя высокомерно. У тебя должно получиться, ты ведь королева. Пусть у них не возникнет ни малейших сомнений в том, что ты имеешь право находиться там, где находишься.

Она вошла в кухню. Убого одетые люди тупо воззрились на нее, словно псы, пытающиеся понять, не ждет ли их в ближайшем будущем какая-нибудь выволочка. На огромной плите вместо начищенных кастрюль госпожи Пышки стоял большой закопченный котел. В нем булькало что-то серое. Нянюшка даже за тысячу долларов не полезла бы туда ложкой.

– Мы просто идем мимо, – резко бросила она. – Занимайтесь тем, чем занимались.

Все молча провожали их взглядами. Но когда нянюшка и Маграт прошли почти всю кухню, из старого кресла, в котором часто восседала госпожа Пышка, навстречу им поднялась худая фигура.

– Вот проклятие, – выругалась нянюшка. – Один из ихних прихлебателей. Он между нами и дверью...

– Дамы! – произнес вампир с поклоном. – Чем могу помочь?

– Мы уже уходим, – высокомерным тоном промолвила Маграт.

– Или не уходите. Одно из двух, – сказал вампир.

– Прошу прощения, юноша, – проворковала нянюшка мягким голосом старой сплетницы. – Откуда ты родом?

– Из Убервальда, мадам.

Нянюшка кивнула и посмотрела на клочок бумаги, который достала из кармана.

– Так, чудесно, чудесно. А из какой конкретно части?

– Из Клаца.

– Правда? Как приятно. Прошу прощения.

Она повернулась к нему спиной, послышался громкий шлепок резинки, и она повернулась обратно с расплывшимся в улыбке лицом.

– Я всегда интересуюсь, откуда приехали люди, – сказала она. – Из Клаца, говоришь? А как называется река в тех краях? Ум? Эх?

– Ах, – поправил вампир.

Нянюшка резко выпрямила руку и воткнула что-то желтое между зубов вампира. Он успел схватить ее и потащил к себе, но нянюшка тут же что было сил огрела его по голове.

Вампир упал на колени, схватившись за горло, и попытался что-то прокричать сквозь зажатый в зубах лимон.

– Предрассудки, суеверия... А ты глянь, как ладно все получилось, – произнесла нянюшка.

Изо рта вампира хлынула пена.

– Нужно еще отрубить голову, – подсказала Маграт.

– Правда? Где-то я видела тесак...

– Может, пойдём, а? – предложила Маграт. – Пока кто-нибудь еще не появился.

– Хорошо. Все равно это был какой-то мелкий вампиришка, – презрительно фыркнула нянюшка. – У него даже интересной жилетки нет.

Ночь была вся в серебре от дождя. Опустив головы, ведьмы побежали сквозь мглу.

– Мне нужно переодеть девочку!

– И лучше всего в дождевик, – пробормотала нянюшка. – Что, прямо сейчас?

– Как можно скорее...

– Тогда нам сюда...

Они нырнули в конюшню. Нянюшка, обернувшись, убедилась в том, что за ними никто не гонится, потом тихо закрыла дверь.

– Но здесь очень темно, – прошептала Маграт.

– А вот когда я была молодой, я всегда детей перепеленывала на ощупь.

– А я предпочитаю видеть, что делаю. Эй... Смотри, свет...

За денниками виднелся тусклый огонек свечи.

Игорь начищал лошадей, которые и так уже блестели, и что-то бормотал в такт каждому движению щетки. Он был явно чем-то обеспокоен.

– Нелепый голоф, йа? Фмешная походка? Да что ефть он понимает? Выфкочка, нуль без палка! Игорь, прекращайт это, Игорь перефтавайт то... Дети эти шлятьфя везде, шпыняйт-понукайт... Вфему ефть завет. Вот фтарый хозяин это был понимает! Флуга не ефть раб...

Он обернулся. Клочок соломы медленно падал на землю.

Он снова занялся лошадью.

– Ха! Принофийт это, принофийт то... Никогда ни одна капля уважения, о найн...

Игорь прервался и снял с рукава соломинку.

– ...Этот мафтер...

Что-то скрипнуло, свистнул воздух, лошадь встала на дыбы в стойле, и Игорь рухнул на землю. Его голова словно бы очутилась в больших тисках.

– Если я сожму колени, – донесся до него бодрый женский голос, – вполне вероятно, твои мозги брызнут из носа. Но я уверена, что так не произойдет, потому что мы – друзья. Скажи «да».

– ...а.

– Думаю, это сойдет за утвердительный ответ.

Нянюшка Ягг поднялась на ноги и стряхнула с платья солому.

– Мне приходилось бывать и на более чистых сеновалах, – заметила она. – Вставай, герр Игорь. Но если ты вдруг надумаешь выкинуть что-нибудь слишком умное, сообщаю: у моей подруги в руках вилы, но она косяя, как заяц, так что кто знает, в какую часть тела эти вилы угодят.

– У нее на руках ефть ребенок?

– Мы очень продвинутые женщины, – пояснила нянюшка. – Ориентируемся в современной политике, открыты всем переменам. И одна такая перемена сейчас наступит в этой конюшне. Твоя карета, Игорь, теперь принадлежит нам.

– Карета? – переспросила Маграт. – Мы куда-нибудь собираемся ехать?

– Ночь коварна. Мне не хочется держать девочку на улице, и я не знаю, где мы будем в безопасности. Быть может, к утру сможем добраться до равнин.

– Я никуда не уеду из Ланкра!

– Спасай дочку, – сказала нянюшка. – Спасай наше будущее. Кроме того...

Она склонилась к Маграт и что-то прошептала ей на ушко.

– Но мы ведь не можем быть уверены в этом, – возразила Маграт.

– Ты знаешь, как мыслит матушка, – пожала плечами нянюшка. – Первым делом она позаботилась бы о ребенке, – громко добавила она. –

Герр Игорь, запрягай!

– Йа, фрау мафтер, – смиренно ответил Игорь.

– Мне показалось или ты только что пнул мое ведро?^[12]

– Найн, фрау мафтер, профто я чувфтвовайт фебя гут, когда приказывайт четливый, твердый, приказной голоф, – откликнулся Игорь, ковыляя за упряжью. – Никакой «пожалуйфта», никакой «бывайт любезным»! Игорь должен знайт, как фтояйт.

– Немного кривобоко? – уточнила Маграт.

– *Фтарый* хозяин драйт меня каждый день! – с гордостью заявил Игорь.

– И тебе это *нравилось*?

– Конечно, найн! Но так положеновайт. Он бывайт нафтоящий арифтократ. Я не дофтоин даже лизайт его фапоги...

– Но все равно лизал? – спросила нянюшка.

Игорь кивнул.

– Каждый морген. Придавайт приятный блефк.

– Хорошо, тогда помоги нам выбратсья отсюда, и я позабочусь о том, чтобы всю оставшуюся жизнь тебя пороли надушенными шнурками, – посулила нянюшка.

– Большой данке, но я вфе равно хотейт уезжать отфюда, – сказал Игорь, затягивая сбрую на лошади. – Они мне вфе надоедайт! Они нехорошо пофтупайт! Позоряйт вефь наш вид!

Нянюшка вытерла лицо.

– Мне всегда нравились люди, которые высказывают свое мнение честно и напрямую, – кивнула она. – И я всегда готова протянуть им полотенце помощи... Я сказала, полотенце? Руку, конечно, руку.

– Неужели ты ему доверяешь? – спросила Маграт.

– Уж я-то в людях разбираюсь, – прошептала нянюшка. – Кроме того, на человека, у которого вся голова шита-перешита, всегда можно положиться.

– Валляй, валляй, валляй!

– Всех порвать!

– Верзуны!

Из-за дерева осторожно выглянула лисица.

По лесу, под проливным дождем, с безумной скоростью двигался человек, причем в лежачем положении. На нем был ночной колпак, кисточка которого волочилась по земле.

Когда лисица поняла, что происходит, было уже слишком поздно. Из-

под мужчины выскочила крошечная синяя фигурка и приземлилась лисице прямо на нос, нанеся меткий удар между глаз.

– Видакс-фигакс? Рыло бац, лапыс дрыгс!

Нак-мак-Фигль прыгнул на землю с лишившейся чувств лисицы, схватил ее за хвост и, победоносно размахивая другой рукой, помчался догонять остальных.

– Обхой! Обхой! Жракс-обожракс круглу нахт!

Они выдвинули кровать на середину комнаты. Агнесса и Овес сидели по обе стороны и слушали, как Ходжесааргх кормит своих птиц. Иногда раздавался звон кормушки, а иногда – приглушенный вопль, после чего сокольничий некоторое время извлекал из собственного носа клюв очередного питомца.

– Что-что? – переспросила Агнесса.

– Прошу прощения?

– Мне показалось, ты что-то шептал.

– Я читал... э-э... короткую молитву, – откликнулся Овес.

– А это поможет?

– Э... Мне помогает. Пророк Брута говорил, что Ом помогает тем, кто помогает друг другу.

– А он помогает?

– Честно говоря, на сей счет существует несколько мнений.

– И сколько именно?

– Около ста шестидесяти – со времен Раскола Двадцать Третьего Февраля, 10.30 Утра. Тогда воссоединенные свободные хелониане (пупсторонний синод) откололись от воссоединенных свободных хелониан (краесторонний синод). Раскол был довольно серьезным.

– Что, даже кровь пролилась? – спросила Агнесса.

На самом деле это ее мало интересовало, зато отвлекало от мыслей о том, что за существо вот-вот очнется на этой кровати.

– Да нет, завязался кулачный бой, и на одного из дьяконов пролили чернила.

– Довольно серьезно, насколько я могу судить.

– Кое-кому выдрали бороды.

– Ничего себе.

«Сект-маньяки», – сказала Пердита.

– Ты надо мной смеешься, – с серьезным видом промолвил Овес.

– Ну, это звучит несколько... тривиально. Вы всегда спорите?

– Пророк Брута завещал: «Да будет десять тысяч голосов», – пояснил

священнослужитель. – Иногда мне кажется, что он имел в виду, мол, лучше спорить между собой, чем казнить неверующих огнем и мечом. Все так сложно. – Он вздохнул. – К Ому ведут сотни путей. К сожалению, мне иногда кажется, что на большинстве из них кто-то разложил грабли. Вампир был прав – мы утратили свой огонь...

– Но вы жгли на нем людей!

– Знаю... знаю...

Краем глаза Агнесса заметила движение.

Пар поднимался от одеяла, которым они укрыли матушку Ветровоск.

Глаза матушки вдруг открылись и стали бешено вращаться.

Ее губы зашевелились.

– Ну, матушка, как ты себя чувствуешь? – бодро осведомился всемогучий Овес.

– Ее укусил вампир! Что за дурацкие вопросы ты задаешь? – прошипела Агнесса.

У матушки задергалась рука. Она открыла рот, ее связанное тело выгнулось дугой, потом снова обмякло.

Агнесса прикоснулась ко лбу матушки и резко отдернула руку.

– Она вся горит! Ходжесааргх! Принеси воды.

– Уже иду, госпожа!

– О нет... – прошептал Овес и показал на веревки.

Они развязывались сами, крадучись скользили друг по другу, будто змеи.

Матушка то ли свалилась, то ли скатилась с кровати и упала на четвереньки. Агнесса бросилась, чтобы поднять ее, но заработала удар локтем, от которого отлетела к стене.

Старая ведьма открыла дверь и выползла под дождь. Когда первые капли упали на нее, она остановилась, тяжело дыша. Агнесса готова была поклясться, что некоторые из дождевых капелек зашипели.

У матушки расползлись в стороны руки, она рухнула в лужу, но тут же попыталась встать.

Сине-зеленый свет струился в открытую дверь конюшни. Агнесса заглянула туда и увидела Ходжесааргха. Он смотрел на банку из-под варенья, где горел белый свет, окруженный бледно-голубым ореолом, который пульсировал, распространяясь далеко за пределы банки.

– Что это?

– Это мое перо феникса, госпожа! Оно выжигает воздух!

На улице Овсу удалось поднять матушку на ноги и даже заставить опереться на его плечо.

- Она что-то произнесла, – сообщил он. – Я не разобрал, что именно.
- Она могла стать *вампиром!*
- Вот снова, снова! Ты слышала?

Агнесса подошла ближе, и вдруг безвольная рука матушки схватила ее за плечо. Даже сквозь промокшее платье она ощутила жар, а сквозь шум дождя до нее донеслось некое слово.

– Железо? – переспросил Овес. – Она сказала «железо»?

– Замковая кузница совсем рядом, – вспомнила Агнесса. – Давай отведем ее туда.

В кузнице было темно и холодно, огонь в ней разводили только тогда, когда нужно было выполнить какую-нибудь работу. Они буквально внесли матушку в кузницу, но там матушка выскользнула из их объятий и на четвереньки опустилась на каменные плиты.

– Кажется, железом не борются с вампирами? – спросила Агнесса. – Никогда не слышала, чтобы люди использовали железо...

Матушка издала какой-то звук, нечто среднее между фырканием и рычанием. Оставляя за собой грязный след, она поползла к наковальне.

Наковальня представляла собой длинный кусок железа, вполне подходящий для неумелого избиения металла, которое иногда требовалось для того, чтобы жизнь в замке продолжалась. Стоя на коленях, матушка обняла наковальню обеими руками и прислонилась к ней лбом.

– Матушка, что мы можем... – начала было Агнесса.

– Возвращайся к остальным, – прохрипела матушка Ветровоск. – Нужны три ведьмы... И если у вас ничего не получится... вам придется встретиться лицом к лицу с величайшим ужасом вашей жизни...

– С каким ужасом, матушка?

– Со мной. Уходи. Немедленно.

Агнесса попятилась. На черном железе рядом с пальцами матушки возникли рыжие частички ржавчины.

– Я пошла! А ты присматривай за ней!

– Но что, если...

Матушка откинула голову назад и зажмурилась.

– *Убирайся!* – заорала она.

Агнесса побелела.

– Ты слышал, что она сказала! – бросила Агнесса и выбежала под дождь.

Голова матушки снова опустилась на железо. На металле рядом с ее пальцами заплясали рыжие искорки.

– Господин священнослужитель, – произнесла она хриплым

шепотом, – где-то здесь есть топор. Принеси его!

Овес в отчаянии окинул взглядом кузницу. Здесь действительно был топор, небольшой с двойным лезвием. Он лежал рядом с точилом.

– Э... Я нашел его, – неуверенно произнес он.

Голова матушки дернулась назад. Она заскрипела зубами, но все-таки сумела выдавить:

– Наточи его!

Овес бросил взгляд на точило и взволнованно облизнул губы.

– Я сказала, наточи его. Немедленно!

Он закатал рукава, взял в руки топор и поставил ногу на педаль точила.

Колесо закрутилось, из-под лезвия посыпались искры.

– Потом найди палку и... заостри ее, а еще найди... молоток.

Найти молоток было совсем просто. Рядом с точилом стояла полка с инструментами. Покопавшись в горе мусора у стены, Овес извлек оттуда обломок жерди.

– Мадам, что я могу сделать?..

– Скоро... здесь появится... нечто, – задыхаясь, произнесла матушка. – Сделай так... чтобы... Ты сам все понимаешь...

– Но... ты хочешь сказать, я должен тебя обезглавить?..

– Я не говорю, а приказываю тебе, святоша! Во что ты на самом деле... веришь? Что есть вера? На самом деле? Распевание всяких песенок? Рано или поздно... все заканчивается... кровью...

Голова матушки упала на наковальню.

Овес снова посмотрел на ее руки. Металл вокруг них был черным, но рядом с пальцами уже начинал светиться, и на нем по-прежнему шипела ржавчина. Он осторожно коснулся наковальни, отдернул руку и сунул палец в рот.

– Госпожа Ветровоск неважно себя чувствует? – спросил вошедший в кузницу Ходжесааргх.

– Думаю, я вынужден с тобой согласиться, – сказал Овес.

– Надо же. Хочешь чая?

– Что?

– Ночь скверная. Коли нам предстоит провести ее на ногах, я поставлю чайник.

– Неужели ты не понимаешь? Она может выйти отсюда кровожадным вампиром!

– О. – Сокольничий опустил взгляд на неподвижную фигуру и дымящуюся наковальню. – Что ж, в таком случае... Лучше встретить ее с

чашкой доброго чайку в животе, чем на голодный желудок.

– Ты вообще *понимаешь*, что здесь происходит?

Ходжесааргх медленно обвел взглядом кузницу.

– Нет, – сказал он.

– Тогда...

– В мои обязанности не входит понимание подобных ситуаций, – пояснил сокольничий. – Я этому не обучен. Вероятно, нужно очень много знать, чтобы понять такое. Это твоя работа. И ее работа. А вот тебе, к примеру, известно, что происходит, когда обученная птица убивает добычу и возвращается на запястье?

– Нет...

– Вот именно. Значит, все в порядке. Так как насчет чашки чая?

Овес сдался.

– Да, пожалуйста. Буду признателен.

Ходжесааргх поспешно удалился.

Священнослужитель сел. Он *не был* уверен в том, что понял бы происходящее, даже если бы ему была известна истина. Старая женщина испытывала страшные муки от боли и жара, а теперь... нагрелось железо, словно жар и боль уходили туда. Кто способен на такое? Ну, прежде всего пророки, это наверняка. А все потому, что Ом наделил их силой. Однако эта женщина, судя по всему, никогда ни во что не верила.

Она совсем не шевелилась.

О ней отзывались как о великой волшебнице, но сегодня в зале он видел обычную, усталую, измученную старую женщину. Он встречал таких людей в приюте для бедняков в Аби-Дьяле, неподвижных и ушедших в себя, потому что боль была настолько сильной, что им оставалось только молиться, а потом... не оставалось даже этого. Сейчас матушка была похожа на тех людей.

Она была абсолютно неподвижной. Такую неподвижность Овес наблюдал лишь в тех случаях, когда движение переставало быть насущным.

Вверх по склону доступной всем ветрам горы и вниз по узкой лесистой долине неслись Нак-мак-Фигли, которые отрицали скрытность и осторожность вообще и в принципе. Впрочем, вскоре скорость несколько упала, потому что некоторые откололись от отряда, чтобы подраться между собой или поохотиться экспромтом. Кроме того, рядом с ланкрским королем теперь летели, подпрыгивая над вереском, лисица, оглушенный олень, дикий кабан и ласка, которую заподозрили в том, что она как-то странно посмотрела на одного из Нак-мак-Фиглей.

Сквозь пелену, еще застилающую разум, Веренс разглядел, что они направляются к насыпи, возвышающейся на краю давно заброшенного и заросшего поля, на гребне которой росли древние колючие деревья.

Когда голова короля чуть ли не воткнулась в большую кроличью нору, пикси резко затормозили.

– Херавлеззет!

– Т'сувай, сувай!

Веренса пару раз стукнули головой о мокрую землю. Бесплезно.

– Ушарежь, норасуй!

– Верзуны!

Один из человечков покачал головой.

– Низзя, дакс? Та каргакс на кишки таскакс, на подвязакс пуск-пуск!

Почти все Нак-мак-Фигли на мгновение замолчали, что было весьма странно и необычно. А потом один из них сказал:

– Не-е... Стока кишокс мы не мае.

– А щё она давай нама укипала-бурлила. Мы поклякс. Ведьма обман низзя.

– Агга, тады навали, навали!..

Веренса бросили на землю. Он услышал, как пикси принялись рыть землю, на него посыпалась земля. Потом Веренса снова подняли и внесли в расширенную нору, задевая его носом о корни деревьев. За спиной кто-то торопливо зарывал туннель.

И снова остался лишь холм, в котором, скорее всего, жили кролики и на котором росли колючие деревья. Между стволами деревьев, невидимый в бурной ночи, струился дымок.

Агнесса прислонилась к залитой дождем стене замка и попыталась перевести дух. Матушка не просто приказала ей убираться. Приказ ударил прямо в голову, будто ведро со льдом. Его прочувствовала даже Пердита. О сопротивлении не могло быть и речи.

Но куда могла подеваться нянюшка? Агнесса вдруг почувствовала непреодолимое желание оказаться рядом с ней. Нянюшка Ягг излучала некое постоянное поле, которое убеждало, что все будет хорошо. Но если им удалось выбраться из замка, они могли быть где угодно...

Она услышала, как из арки, которая вела к конюшне, выехал какой-то экипаж. Из-за поднятой дождем водяной пыли грохочущая по булыжникам двора карета выглядела туманным силуэтом. Фигура, сидевшая рядом с кучером и закрывавшая мешком голову от дождя и ветра, вполне могла принадлежать нянюшке. Впрочем, это не имело значения. Чтобы Агнесса

гналась за каретой, шлепая по лужам и размахивая руками? Такого никогда не было и не будет!

Очень быстро карета спустилась с холма и исчезла из вида. Агнесса побрела обратно к арке. Они ведь хотели сбежать? Что ж, им это удалось. Украсть у вампиров карету – это было вполне в духе нянюшки Ягг...

Кто-то сзади схватил ее за руки. Инстинктивно она попыталась нанести удар локтями, но с таким же успехом можно было пытаться пробить скалу.

– Ба, да это же Агнесса Нитт, – холодно произнес Влад. – Решила совершить приятную прогулку под легким дождиком?

– Они улизнули от тебя! – резко бросила она.

– Ты так думаешь? В любой момент мой отец мог бы сбросить карету в пропасть, если б захотел, – ответил вампир. – Но он этого не хочет. Мы предпочитаем смотреть противнику в лицо.

– Чтобы затем впиться ему в горло, – добавила Агнесса.

– Ха, отчасти. Но на самом деле отец просто пытается поступать разумно. Стало быть, Агнесса, ты не хочешь стать одной из нас?

– Стать кем? Существом, которое живет тем, что лишает жизни других существ?

– Ну, это уже в прошлом, – сказал Влад и, дернув Агнессу за собой, куда-то зашагал. – Теперь все иначе. Мы стараемся лишать жизни тех, кто действительно заслуживает смерти.

– И этим вы себя оправдываете? – хмыкнула Агнесса. – О да, уж кому можно довериться, так это вампиру. Идеальный судья.

– Согласен. Моя сестра иногда бывает чересчур... строгой.

– Я видела людей, которых вы привезли с собой! Они практически превратились в скот!

– А, их... Прислугу. И что? Их жизнь практически ничем не отличается от той, которую они вели раньше. На самом деле она даже лучше. Их хорошо кормят, дают кров...

– ...Доят.

– А это плохо?

Агнесса в очередной раз попробовала вырваться. С этой стороны замка стена отсутствовала. В ней просто не было надобности. Ланкрский провал защищал лучше любой стены, и Влад тащил ее прямо к краю пропасти!

– Как ты можешь говорить такие *глупости*?! – воскликнула она.

– Глупости? Насколько мне известно, Агнесса, ты за свою жизнь успела путешествовать, – промолвил Влад, как будто даже не замечая ее сопротивления. – То есть тебе должно быть известно, что за жалкое

существование влачат многие люди. Какой-нибудь мелкий королек, князек или кто там еще может одним своим приказом отправить их на войну либо выбросить на улицу, если они не способны больше работать.

«Но они могут убежать», – подсказала Пердита.

– Но они могут убежать!

– Правда? Пешком? С семьей? Без денег? Они даже не пытаются. Человек – такое животное, он ко всему привыкает...

– Это самые неприятные, циничные...

«И очень верные», – шепнула Пердита.

– ...И очень вер... Нет!

Влад удивленно вскинул брови.

– Знаешь, Агнесса, у тебя очень странный ум. И, разумеется, ты под определение... скота никак не попадаешь. Впрочем, как и всякая другая ведьма. Ведь вы, ведьмы, твердо знаете, чего хотите. – Он широко улыбнулся, но его улыбка была слишком зубастой, чтобы ее можно было назвать приятной. – Жаль только, я этого не знаю. Ну, идем, идем...

Сопrotивляться было бесполезно. Он просто поволок бы ее по земле.

– Вы, ведьмы, произвели на моего отца очень сильное впечатление, – бросил он через плечо. – Он говорит, что вас всех нужно превратить в вампиров. Мол, вы и так наполовину вампиры. Но я хотел бы, чтобы ты сама осознала, насколько это прекрасно – быть вампиром.

– И насколько это прекрасно – постоянно жаждать крови?

– Но сейчас ты постоянно жаждешь шоколада и не видишь в этом ничего постыдного, правда?

– Хам!

– В крови очень низкое содержание углеводов. Твое тело привыкнет. Ты быстро скинешь лишний вес...

– Это омерзительно!

– Научишься полностью контролировать себя...

– И слышать не желаю!

– Ты даже не представляешь, что у меня есть для тебя! Это нечто большое, прямо-таки гигантское...

– По-моему, юноша, вы себе льстите!

– Ха! Великолeпно! – воскликнул Влад и прыгнул в Ланкрский провал, увлекая Агнессу за собой.

Матушка Ветровоск открыла глаза. По крайней мере, попыталась это сделать, и, скорее всего, ей это удалось. Она чувствовала, как двигались веки.

Перед ней простиралась темнота – бархатисто-черная, беззвездная дыра в пространстве. А за спиной был свет. Она стояла спиной к свету, чувствовала его, видела на своих руках. Он струился мимо, очерчивал темноту, которая была густой, глубокой тенью ее самой... Тенью на черном песке. Матушка переступила с ноги на ногу, и этот песок громко захрустел под ее башмаками.

Это испытание. Вся жизнь – сплошное испытание. И сплошное соревнование, в котором ты участвуешь каждый день. Постоянно следишь за собой, оцениваешь со стороны. Делаешь тот или иной выбор. Но тебе никогда не говорят, какой выбор правильный, а какой – нет. О да, некоторые священнослужители утверждают, будто бы все оценки тебе выставят *после*, но какой в этом смысл?

Жаль, разум не способен работать быстрее. Она не могла мыслить отчетливо. Голова как будто была наполнена туманом.

Это... место – какое-то ненастоящее. Нет, так думать *неправильно*. Оно просто *необычное*. Возможно, оно куда более настоящее, чем Ланкр. Тень матушки растягивалась, ждала...

Она бросила взгляд на стоявшую рядом высокую фигуру.

– ВЕЧЕР ДОБРЫЙ.

– А... опять ты.

– ЕЩЕ ОДИН ВЫБОР, ЭСМЕРАЛЬДА ВЕТРОВОСК.

– Между светом и тьмой? Все, знаешь ли, не так просто. Даже для тебя.

Смерть вздохнул.

– ДАЖЕ ДЛЯ МЕНЯ...

Который свет и которая тьма? Она была не готова к подобному развитию событий. Все было как-то не так. Она ожидала другой схватки. *Чей свет? Чей это разум?*

Глупый вопрос. Она – это всегда она, и никто больше.

Всегда знай это, всегда помни об этом...

Стало быть... свет за спиной, а впереди – тьма.

Ведьмы стоят между светом и тьмой... Еще одна ее любимая присказка.

– Я умираю?

– ДА.

– Я умру?

– ДА.

Матушка задумалась.

– Гм, кажется, я догадываюсь... С твоей точки зрения, все мы умираем

и все мы умрем. Верно?

– ВЕРНО.

– Не больно-то ты мне помог, честно говоря.

– ИЗВИНИ. Я ДУМАЛ, ТЕБЕ НУЖНА ПРАВДА. ИЛИ ТЫ ОЖИДАЛА, ЧТО ТЕБЯ ВСТРЕТЯТ ЦВЕТАМИ И МОРОЖЕНЫМ?

– Ха...

Матушка знавала людей, которые почти умерли, но вернулись – благодаря точному удару кулаком по правильному месту или шлепку по спине, выталкивающему вредный кусок пищи, который попал не в то горло. Иногда эти люди рассказывали о том, что видели свет...

Именно туда она должна сейчас направиться. Но... что такое этот свет? Вход или выход?

Смерть щелкнул пальцами.

На песке перед ними возникла картинка, и матушка вдруг увидела себя, стоящую на коленях перед наковальней. Надо отдать должное, сцена получилась весьма драматичная. Матушке всегда была присуща некоторая театральность, хотя она никогда и никому в этом не признавалась. Но эта боль, передаваемая железу... Какой накал страстей! Правда, эффект был слегка подпорчен стоящим на другом конце наковальни чайником.

Смерть наклонился, зачерпнул горсть песка и выпрямился. Струйки песка бежали сквозь его пальцы.

– ДЕЛАЙ СВОЙ ВЫБОР, – сказал он. – Я ЗНАЮ, ТЫ УМЕЕШЬ ВЫБИРАТЬ.

– Может, дашь какой-нибудь совет? – спросила матушка.

– СДЕЛАЙ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР.

Матушка повернулась лицом к ослепительному сиянию и закрыла глаза.

И сделала шаг назад.

Свет превратился в крошечную далекую точку и исчез.

Ее, как зыбучий песок, поглотила тьма, из которой не было выхода, там не было даже направления. Матушка двигалась, но не чувствовала, что двигается.

И не было звуков, кроме шороха песка в голове.

Как вдруг... голоса из ее тени!

– ...Из-за тебя умирали те, кто мог бы еще жить...

Слова хлестали ее. Оставляли кровоточащие рубцы на сознании.

– Зато оставались жить те, кто мог умереть, – возразила она.

Тьма тянула ее за рукава.

– ...Ты убивала...

– Нет. Я показывала путь.
– ...*Ха! Это только слова...*
– Слова очень важны, – прошептала матушка в ночь.
– ...*Ты присвоила себе право судить...*
– Я взяла на себя такую обязанность. И покорно выполняю ее.
– ...*Мне ведома каждая твоя нечестивая мысль...*
– Знаю.
– ...*О таких мыслишках ты даже не рассказываешь никому, не смеешь...*
– Знаю.
– ...*Ведомы все твои маленькие тайны...*
– Знаю.
– ...*О том, как часто тебе хотелось обнять тьму...*
– Да.
– ...*Чтобы получить от нее силу...*
– Да.
– ...*Пади же в объятия тьмы...*
– Нет.
– ...*Подчинись мне...*
– Нет.
– ...*Лилит Ветровоск подчинилась. Алисон Ветровоск подчинилась...*
– Этого никто так и не доказал!
– ...*Подчинись...*
– Нет. Я знаю тебя. Я всегда тебя знала. Граф просто выпустил тебя, чтобы причинить мне страдания, но я всегда знала, что ты здесь. Я боролась с тобой каждый день своей жизни, и сегодня тебе не видать победы надо мной.

Она открыла глаза и вгляделась в темноту.

– Теперь я знаю, кто ты, Эсмеральда Ветровоск, – сказала матушка. – И я тебя больше не боюсь.

Последний лучик света вдруг исчез.

Матушка Ветровоск осталась висеть в темноте и висела так неизвестно сколько. Абсолютная пустота как будто поглотила время, поглотила пространство. Двигаться куда-то было бессмысленно, потому что понятия «куда-то» просто не стало.

Но по прошествии неизвестно какого времени внезапно раздались звуки, слабейшие шорохи на самой грани слышимости. И матушка пошла к ним.

Слова поднимались из тьмы подобно маленьким золотым рыбкам.

Она упрямо шла вперед, ибо появилось хоть какое-то направление.

Лучики света складывались в звуки:

– ...И молю тебя в сострадании твоём безграничном указать мне путь, что ведет к тебе...

Это были не те слова, которые обычно ассоциировались со светом. Слишком уж приземленно они звучали. Кроме того, у них было какое-то странное эхо, второй голос, сплетенный с первым, спаянный с каждым слогом...

– ...О каком, вообще, сострадании речь? Дожил, на столб молюсь. Как глупо я, наверное, сейчас выгляжу...

А... один разум, разделенный на два. В мире куда больше агнесс, чем Агнесса может себе представить. Девушка просто дала своей второй половинке имя. Но, присваивая имя, вместе с тем ты даришь жизнь...

И рядом присутствовало еще что-то. Что-то маленькое, величиной с несколько фотонов. Оно блеснуло и сразу исчезло, как только матушка попыталась его рассмотреть. Тогда матушка сделала вид, будто отворачивается, а потом резко повернула голову обратно. Вот опять. Крошечная искорка мелькнула и пропала.

Оно пряталось.

Песок закончился. Настало время.

Время узнать, кто она есть на самом деле.

Матушка Ветровоск открыла глаза, и стал свет.

Карета, заскрипев, остановилась. Вода яростно вскипала и бурлила вокруг ее колес.

Нянюшка выпрыгнула из кареты и пошлепала к Игорю, который стоял там, где должна была находиться дорога.

Но там, где должна была находиться дорога, пенились водяные потоки.

– Мы мочь поезжайт? – спросил Игорь.

– Наверное, – пожала плечами нянюшка. – Но ниже будет еще хуже, там дорогу могло совсем размывать. Мы всю зиму были отрезаны от равнин...

Она посмотрела в противоположную сторону. Дорога, петляя, уходила в горы. Да, там она была залита дождем, но проехать было можно.

– Какая ближайшая деревня в той стороне? – поинтересовалась она. – Чтоб был нормальный постоянный двор? Кажется, Утолежка?

– Йа. Утолежка.

– В такую погоду на своих двоих мы далеко не ушлепаем, – промолвила нянюшка. – Стало быть, едем в Утолежку.

Нянюшка забралась обратно в карету. Экипаж начал разворачиваться.

– Что, какие-то проблемы? – спросила Маграт. – Почему мы едем вверх по склону?

– Дорогу размыло, – ответила нянюшка.

– И мы едем в *Убервальд*?

– Да.

– Но там оборотни, вампиры и...

– Да, но *не везде*. На главной дороге мы будем в полной безопасности. Все равно у нас нет выбора.

– Думаю, ты права, – неохотно согласилась Маграт.

– Могло быть и хуже, – заметила нянюшка.

– Разве?

– Ну... в карете могли водиться змеи.

Агнесса смотрела на пронесившийся перед глазами каменистый склон, потом опустила взгляд на распухшую от дождя, вспенившуюся реку.

Мир вдруг перевернулся – это Влад остановился прямо в воздухе. Агнесса почувствовала, как носки ее туфель царапнули воду.

– Да будет... легкость! – возвестил он. – Агнесса, тебе никогда не хотелось стать легче воздуха?

– У нас... у нас есть метлы... – едва переводя дыхание, пробормотала Агнесса.

Вся жизнь промелькнула перед ее глазами. «Ну и скукотища...» – не замедлила отозваться Пердита.

– Нелепые и громоздкие приспособления, – сказал он. – И разве они могут вот *так?*..

Склоны провала вдруг исчезли. Потом внизу исчез замок. Влетев в облако, Агнесса сразу промокла до нитки. А потом облака остались внизу, развернувшись под безмолвным, холодным светом луны, как серебристо-белое полотно.

Влада рядом не было. Взлет Агнессы замедлился, она раскинула руки, словно пытаясь схватиться за то, чего не было, и начала падать вниз...

И тут Влад снова появился, со смехом поймав ее за талию.

– ...Ну что, могут?

Агнесса потеряла дар речи. Жизнь, мелькавшая перед глазами, встретилась с жизнью, которая мчалась в противоположном направлении, и дар речи мог вернуться только после того, как Агнесса определится, в каком времени все-таки находится.

– Считай, что ты еще ничего не видела, – сказал Влад.

Разрывая облака в клочья, они ринулись вперед.

Очень скоро облака растворились. И пусть они были бесплотными, как дым, но благодаря их присутствию, похожему на твердую землю, Агнесса чувствовала себя спокойнее. Однако облака исчезли, и внизу остались только залитые лунным светом долины.

– Гхг, – булькнула Агнесса, которая была слишком испугана, чтобы издать хотя бы какое-то подобие вопля.

«Йо-хо!» – радовалась Пердита.

– Видишь? – спросил Влад. – Видишь тот свет, что распространяется по Краю?

Агнесса посмотрела вперед. Она готова была смотреть куда угодно, лишь бы не вниз.

Солнце находилось под Дисксом. Однако там, где падал в бесконечность великий Краепад, солнечные лучи пробивались сквозь воду, создавая сияющую дугу меж ночным океаном и звездным небом. Это было действительно красиво, хотя, как решила Агнесса, впечатление было бы куда ярче и сильнее, если бы ноги наблюдателя не болтались в воздухе, а стояли на твердой земле. А то в десяти тысячах футах над землей глаза немножко слезятся.

Тогда как Пердита от души наслаждалась представшим их глазам зрелищем. «Интересно, – подумала Агнесса, – а если от меня останется мокрое пятно на скалах, Пердита надолго меня переживет?»

– Все, что хочешь, – прошептал Влад. – На веки вечные.

– Я хочу вниз, – сказала Агнесса.

И он отпустил ее.

Следует признать, форма тела Агнессы была идеальной для падения. Девушка моментально перевернулась животом вниз и начала парить в восходящих потоках. Волосы превратились в ручей, развевающийся где-то сверху.

И, как ни странно, никакого ужаса она сейчас не ощущала. Да, некоторый страх присутствовал – потому что данную ситуацию она не могла контролировать. Но ужаса не было. Да, она со страшной скоростью падала вниз, юбка хлопала по ногам, глаза слезились от холодного воздуха, но, по крайней мере, Агнесса точно знала, что ждет ее в ближайшем будущем. Пусть даже событий в нем будет не слишком много.

А вдруг ей повезет и она упадет на заснеженный склон или в глубокий водоем?..

«Слушай, может, стоило попробовать, а? – вдруг спросила Пердита. – Он не такой уж законченный негодяй...»

– Заткнись.

«Представь, ты выглядишь стройной и изящной, а не так, как будто засунула под юбку две седельные сумки...»

– Заткнись.

«А заодно представь, как ты будешь выглядеть, когда хлопнешься о скалы, будто наполненный водой воздушный шарик».

– Заткнись. Кстати, я вижу озеро. Попробую повернуть к нему.

«На такой скорости удар о воду равносителен удару о землю».

– Тебе-то откуда знать? Даже я этого не знаю, и как это можешь знать ты?

«Это все знают».

Рядом с Агнессой появился Влад. Он удобно развалился в воздухе, словно бы сидел на диване.

– Нравится? – спросил он.

– Пока – да, – ответила Агнесса, не глядя на него.

Она почувствовала, как он коснулся ее запястья. Никаких перепадов давления, ничего... но падение прекратилось. Она снова ощутила себя легкой, как воздух.

– Почему ты издеваешься надо мной? – спросила она. – Хочешь укусить, кусай, и покончим с этим!

– О, я не могу так поступить с тобой!

– Зато вы смогли так поступить с матушкой! – напомнила Агнесса.

– Да, но когда это делается против воли, человек становится таким... податливым. Своего рода разумная пицца, и не более. А тот, кто падает в объятия ночи по собственной воле... Тут совсем другое дело, дорогая Агнесса. Кроме того, ты слишком интересная девушка, чтобы превращать тебя в обычную рабыню.

– Кстати, – сказала Агнесса, когда они пролетали над горной вершиной, – у тебя было много подружек?

Влад пожал плечами.

– Одна или две. Крестьянки. Горничные.

– И что с ними стало, позволь поинтересоваться?

– Не смотри на меня так. Они до сих пор работают в замке.

Агнесса испытывала к нему отвращение, презирала его. Тогда как Пердита просто ненавидела, но, как известно, от ненависти до любви всего один шаг.

«...Что ж, раз другого выхода нет, да и нянюшка сама говорила, мол, так нам даже на руку будет... Он начнет доверять тебе... Кроме того, матушка уже в их власти...»

– Если я стану вампиром, – сказала она, – то не смогу отличать хорошее от плохого.

– Это звучит несколько по-детски. Тут ведь все зависит от точки зрения. Мир навязывает нам правила, но не всегда нужно им следовать.

– Все еще *играешься* с ней?

К ним по воздуху шла Лакримоза. За ее спиной Агнесса увидела других вампиров.

– Либо укуси ее наконец, либо отпусти, – фыркнула сестрица Влада. – Ну и ну, какая она *бесформенная*. Пошли, отец хочет тебя видеть. Они направляются напрямиком в наш замок. Ну разве можно представить себе бóльшую глупость?

– Пожалуйста, Лакки, не лезь не в свое дело, – сказал Влад. – Я сам все решу.

– У каждого мальчика должно быть хобби, но... *честно говоря*... – Лакримоза закатила подведенные черной тушью глаза.

Влад усмехнулся Агнессе.

– Пойдешь с нами?

«Матушка говорила, вам следует объединиться», – напомнила Пердита.

– Да, но как я их там найду? – вслух спросила Агнесса.

– О, мы тебе поможем, – успокоил ее Влад.

– Я имела в виду...

– Полетели с нами, умоляю. Мы не будем мучить твоих подруг...

– Разве что самую малость, – добавила Лакримоза.

– Или... мы можем высадить тебя здесь, – с улыбкой произнес Влад.

Агнесса огляделась. Они летели над горным пиком, настолько высоким, что он пронзал облака. Все ее тело было наполнено теплом и легкостью, и это было неправильно. Даже на помеле она всегда ощущала силу тяготения, чувствовала, как ее тянет вниз, к земле, но сейчас ее руки касался вампир, и каждая частица тела, казалось, была готова парить вечно.

Кроме того, если она откажется, ее ждет одно из двух: либо очень долгое падение, либо очень краткое, но не менее смертоносное.

Кроме того, ей представлялся шанс найти нянюшку и Маграт. А это будет трудно сделать, умирая в какой-нибудь расщелине.

Ну и кроме того, Влад, похоже, питал к ней некие чувства. Да, у него клыки (хотя не такие уж большие), да, он носит чудовищно безвкусные жилетки, но... Честно говоря, шея у нее тоже не лебединая.

В общем, стороны посовещались, и Агнесса приняла решение.

– Если привязать к ней веревочку, ее можно тащить за собой, как

воздушный шарик, – фыркнула Лакримоза.

А еще всегда существовал шанс, что в один прекрасный момент они с Лакримозой останутся наедине. И тогда ей не понадобится ни чеснок, ни осиновый кол, ни топор. Она просто объяснит этой заносчивой девчонке, какими неприятными, какими злобными, какими *худыми* бывают люди. Всего лишь пять минут наедине, о большем она не просит...

«Пять минут наедине... и булавка», – поправила Пердита.

Кроличья нора уходила глубоко в склон, превращаясь в широкую, но низкую пещеру. Стены пещеры были увиты корнями деревьев.

Подобные пещеры не были редкостью в Ланкре. Королевство существовало уже много лет – с тех пор, как отступил лед. Самые разные племена грабили, возделывали землю, строились и вымирали. Глинобитные стены и соломенные крыши жилых домов давно сгнили и пропали навсегда, но под курганами и склонами сохранились жилища мертвых. Никто не знал, кто там похоронен. Иногда в куче земли рядом с норой барсука можно было найти старую кость или часть ржавых доспехов. Сами ланкрцы не увлекались раскопками, считая своими незамысловатыми крестьянскими умами, что это очень плохая примета, когда тебе отрывает голову мстительный подземный дух.

Хотя за многие годы парочка курганов вскрылась сама собой и огромные камни рядом с ними довольно быстро обзавелись собственным фольклором. Считалось, например, что если рядом с одним из камней оставить на ночь неподкованную лошадь, а на сам камень положить шесть пенсов, то, проснувшись утром, не обнаружишь ни монеток, ни лошади...

На земляном полу в глубине холма горел огонь, заполняя пещеру дымом, который просачивался в невидимые щели и уходил наружу. Рядом с костром валялся странный грушевидный камень.

Веренс попытался сесть, но тело отказывалось ему повиноваться.

– Динна сканна виста, – сказала каменная груша.

Затем вытянула ноги, и Веренс понял, что это женщина – по крайней мере, особь женского рода. Она была синей, как и остальные пикси, но не меньше фута ростом и такой толстой, что выглядела почти сферической. Женщина напоминала фигурку, дошедшую до нас из века льдов и мамонтов, когда мужчин в женщинах интересовало только одно – количество. Ради приличия – или просто для того, чтобы отметить экватор, – на особи было надето нечто вроде балетной пачки. В общем и целом это необычное существо напоминало Веренсу волчок, которым он так любил играть в детстве.

– Келда г'рит, – раздался скрипучий голос у него над ухом, – ты... должен... подготовиться.

Веренс повернул голову в другую сторону и попытался сконцентрировать взгляд на крохотном морщинистом пикси, стоявшем буквально перед его носом. У человечка была выцветшая кожа, длинная седая борода, а передвигался он на костылях.

– Подготовиться? Но к чему?

– Отлично. – Старый пикси стукнул костылями в землю. – Разгвыздай ах тенен, Фигли!

Из темноты на Веренса вдруг бросилась толпа синих человечков. Сотни ручек схватили его. Пикси стремительно выстроились в пирамиду, вздернули Веренса на ноги и прижали к стене. Некоторые человечки уцепились за свисающие с потолка корни, а другие держали Веренса за ночную рубашку, – таким образом он сохранял более-менее вертикальное положение.

Еще одна толпа приволокла откуда-то нормальный человеческий арбалет и установила его на камень рядом с королем.

– Э... я хотел бы сказать в свое оправдание... – пробормотал Веренс.

Переваливаясь, будто гусыня, келда на пару минут скрылась в темноте, а потом вернулась. Ее маленькие кулачки были крепко сжаты. Она подошла к огню и вытянула над ним руки.

– Йин! – крикнул старый пикси.

– Но вы же целитесь прямо в...

– Йин! – заорали Нак-мак-Фигли.

– ...Тон!

– Тон!

– Гм... это, э-э... несколько...

– Тетра!

Келда бросила что-то в огонь. С ревом полыхнуло ослепительно белое пламя, раскрасив пещеру в черно-белые цвета. Веренс зажмурился.

Когда зрение вернулось, он увидел торчавший из стены, прямо рядом с его ухом, арбалетный болт.

По пещере еще плясал белый свет, но келда уже отдала очередной приказ. Бородатый пикси застучал костылями.

– Теперь можешь отходить от стены. Ну-у!

Фигли отпустили Веренса. Сделав несколько неуверенных шагов, он повалился на пол, но пикси даже не обратили на него внимания.

Он поднял взгляд.

На стене, прибитая стрелой, извивалась тень. Некоторое время она

пыталась вытащить стрелу своими иллюзорными руками, а потом стала бледнеть и наконец исчезла совсем.

Веренс поднял руку. На стене опять появилась тень, но она, по крайней мере, выглядела нормальной.

К нему подковылял старый пикси.

– Все полный ажур, – сообщил он.

– Вы убили мою тень? – спросил Веренс.

– Могешь звать это тенью, – согласился пикси. – То влияние, что они наложили на тебя. Ничего, скоро опамятуешься, будешь как дитя.

– То есть я могу впасть в детство?

– В смысле будешь как новейший, – поправился пикси. – Приветствуем тебя, королек. Я – человек Большой Агги. Могешь звать меня премьер-министром, как смею предполагать. Не желаешь пить глоток воды и ведать жареную лепешку, пока ждем?

Веренс потер лицо. Он уже чувствовал себя лучше. Туман постепенно покидал его голову.

– Как я могу вас отблагодарить?

У пикси радостно заблестели глаза.

– Есть одна малая мелочь, которую, говорила карлина Ягг, ты мог бы нам дарить. Совсем бесплатная для тебя, ничего не стоящая.

– Все, что угодно, – посулил Веренс.

Двое пикси, полусогнувшись, быстренько приволокли длинный свиток и развернули его перед Веренсом. В руках у старого пикси откуда-то появилось гусиное перо.

– Это называйся подпись, – сказал он, глядя на Веренса, который, в свою очередь, с изумлением таращился на покрытый мелкими буквами пергамент. – Не забывай ставить инициалы под каждым подпунктом и кодицилом. Мы, Нак-мак-Фигли, простоватый народец, – добавил он, – но кой-каковой толк в документах имеем.

Всемогучий Овес, часто моргая, смотрел на матушку поверх сложенных для молитвы рук. Затем он украдкой покосился на топор.

– Ты не успеешь, – сказала матушка, не двигаясь с места. – Если уж собирался использовать его, надо было заранее брать в руку. Молитва – это, конечно, хорошо. Она иногда помогает привести мысли в порядок. Но топор есть топор, во что бы ты ни верил.

Овес немного успокоился. Честно говоря, он ожидал, что она прыгнет ему прямо в горло.

– Может, Ходжесааргх приготовит чай, а то что-то в горле

пересохло... – проскрипела матушка и, тяжело дыша, опустила голову на наковальню.

Краем глаза она заметила медленное движение его руки.

– Я принесу... спрошу... я...

– У этого сокольного голова на своем месте прикручена. Кстати, от какого-нибудь печенья я тоже не откажусь.

Пальцы Овса сжали топориче.

– И все равно не успеешь, – сказала матушка. – Впрочем, ладно, можешь держать его в руке. Первым делом – топор, а помолиться всегда успеем. Ты похож на священнослужителя. Кто твой бог?

– Э... Ом.

– Это он или она?

– Он. Да. Определенно он. – Как ни странно, по этому поводу церковь еще ни разу не раскалывалась. – Э... и ты не против?

– Против кого? Против твоего бога? А почему я должна быть против?

– Ну... твои коллеги не уставали твердить, мол, омниане сжигали ведьм...

– Никогда такого не случилось, – сказала матушка.

– Боюсь, вынужден признаться, что в летописях...

– Ведьм они никогда не сжигали, – повторила матушка. – Быть может, сжигали каких-нибудь старых женщин, которые посмели высказать в открытую свое мнение, а потом не успели убежать. Но не ведьм. Я скорее готова поверить в обратное – что это ведьмы кого-то жгли. Не все ведьмы отличаются приятным нравом.

Овес вспомнил о вкладе графа в составление «Великого инструментария»...

Эти книги были древними! *Но не менее древними были вампиры!* Можно даже сказать, *каноническими*. Ледяной нож сомнения все глубже вонзался в его разум. Откуда нам знать, кто что написал? Чему или кому можно верить? Какое из писаний *святое*? И в чем состоит *истина*?

Матушка поднялась на ноги, подошла к верстаку, на котором Ходжесааргх оставил огненную банку, и внимательно ее осмотрела.

Овес покрепче сжал в пальцах топор. А ведь и правда, в такие секунды топор действует более успокаивающе, чем молитва. Может, стоит начать с небольших истин? Например, у него в руке топор...

– Я... я должен быть уверен, – запинаясь, сказал он. – Ты... ты превратилась в вампира?

Матушка Ветровоск, казалось, не расслышала его вопрос.

– Куда запропастился этот Ходжесааргх со своим чаем? – спросила

она.

Вошел сокольничий с подносом.

– Рад видеть тебя в добром здравии, госпожа Ветровоск.

– Ну, наконец-то.

Взяв чашку, она едва не расплескала чай. Руки матушки дрожали.

– Ходжесааргх?

– Да, госпожа?

– Ты поймал жар-птицу?

– Нет, госпожа.

– Я видела, как ты охотился за ней.

– Я нашел ее, но она погибла. Только выжженная земля и осталась, госпожа.

– Расскажи-ка об этом поподробнее.

– А сейчас точно подходящее время? – спросил Овес.

– Самое подходящее, – сказала матушка Ветровоск.

Овес сидел и слушал. Ходжесааргх был оригинальным и по-своему хорошим рассказчиком. Если бы ему пришлось пересказывать, например, сагу о Цортской войне, весь рассказ заключался бы в наблюдениях за птицами: сколько присутствовало бакланов и пеликанов; каждый ворон был бы точно описан; ни одна крачка не была бы пропущена. Возможно, упоминались бы и люди в доспехах, но только потому, что на них сидели вороны.

– Феникс не откладывает яйца, – заметил Овес. Это случилось вскоре после того, как он спросил, не употреблял ли сокольничий укипаловку.

– Он – птица, – возразил Ходжесааргх. – А птицы откладывают яйца. Ни разу не встречал ни одной птицы, которая бы не откладывала яйца. Я даже собрал скорлупу.

Он скрылся где-то в глубине конюшни. Овес с беспокойством улыбнулся матушке Ветровоск.

– Скорее всего, это куриная скорлупа, – пожал плечами он. – Я читал о фениксе. Мифическое существо, символ...

– Не сказала бы, – перебила матушка. – Лично я не видала вблизи ни одного феникса.

Сокольничий быстро вернулся, прижимая к груди небольшую шкатулку, набитую обрывками шерсти, а в самом центре покоилась небольшая кучка скорлупы. Скорлупа была серебристо-серой и очень легкой.

– Я нашел ее в пепле.

– Еще никому не удавалось найти скорлупу феникса, – осуждающе

произнес Овес.

– Я об этом не знал, господин, – с невинным видом произнес Ходжесааргх. – Иначе не стал бы даже искать.

– Кстати, а кто-нибудь ее вообще искал? – спросила матушка, рассматривая скорлупу.

– Ага. Я подумал: возможно, феникс обитает в каких-нибудь опасных местах и... – начал было Ходжесааргх.

– Для новорожденного любое место опасно, – сказала матушка. – Вижу, ты много размышлял, Ходжесааргх.

– Спасибо, госпожа Ветровоск.

– Жаль, так ни до чего и не додумался, – продолжила матушка.

– Госпожа?

– Здесь скорлупа нескольких яиц.

– Госпожа?

– Ходжесааргх, – терпеливо объяснила матушка. – Феникс отложил больше одного яйца.

– Что? Но это невозможно! Согласно мифологии...

– О, мифология, – покачала головой матушка. – Мифология – это всего-навсего рассказ победившей стороны, а победила она потому, что мечи у нее были длиннее. Да и станут ли победители обращать внимание на всякие орнитологические тонкости? Так или иначе, всякой твари должно быть по паре, одинокая тварь долго не протянет. У жар-птиц тоже есть враги, как и у любых других существ. Помогите мне встать, господин Овес. Сколько у тебя сейчас птиц, Ходжесааргх?

– Пятьдесят.

– Когда ты пересчитывал их в последний раз?

Они стояли и наблюдали за тем, как Ходжесааргх ходит от клетки к клетке. Затем они стояли и наблюдали, как он пересчитывает птиц в обратном порядке. Потом он некоторое время рассматривал свои пальцы.

– Пятьдесят одна? – подсказала матушка.

– Я ничего не понимаю, госпожа.

– Тогда пересчитай их по видам.

Получилось, что вместо восемнадцати мучеников бородатых в клетке сидели девятнадцать птиц.

– Может, еще один прилетел, завидев сородичей? – предположил Овес. – Как голубь.

– Такого не бывает, господин, – возразил сокольничий.

– И один из них не будет привязан, – сказала матушка. – Можете мне поверить.

Они нашли его в глубине клетки. Этот мученик был чуть меньше остальных и смиренно висел на жердочке.

Редкая птица способна вести себя в клетке более спокойно, чем ланкрский ухтыястреб, он же мученик бородатый. Это плотоядная птица, пребывающая в вечных поисках возможности стать вегетарианцем. Большую часть времени ухтыястреб спит, но, когда совсем подводит желудок, он предпочитает спокойно сидеть на ветке и ждать, пока кто-нибудь умрет. Перед тем как погрузиться в сон, мученик бородатый крепче обхватывает ветку когтями, после чего переворачивается вниз головой и спокойно дремлет. Ходжесааргх разводил этих птиц лишь потому, что встречались они только в Ланкре, а еще ему нравилось их оперение. Но все заслуживающие уважения сокольничие соглашались с тем, что поразить дичь при помощи ухтыястреба можно единственным способом – если метнуть им из пращи.

Матушка протянула к птице руку.

– Я принесу тебе перчатку, – предложил Ходжесааргх, но матушка нетерпеливо отмахнулась.

Птица перескочила ей на запястье.

Матушка охнула – по ее руке пробежали зеленовато-синие огоньки, как от болотного газа.

– Ты в порядке? – спросил Овес.

– Лучше не бывает. Ходжесааргх, мне нужна эта птица.

– Уже темно, госпожа.

– Не имеет значения. Но ты должен закрыть ей голову колпачком.

– Я никогда не закрываю головы ухтыястребов колпачками, госпожа.

Они всегда ведут себя спокойно.

– Но эту птицу... *эту* птицу... – пробормотала матушка, – ты еще не знаешь. Надень на нее колпачок.

Ходжесааргх медлил. Он вспомнил круг обожженной земли и существо, пытающееся найти форму, в которой могло бы выжить...

– Госпожа, это ведь ухтыястреб?

– А почему ты спрашиваешь? – медленно произнесла матушка. – В конце концов, кто тут сокольничий – ты или я?

– Потому что в лесу я нашел... я видел...

– Что ты видел, Ходжесааргх?

Ходжесааргх не выдержал ее взгляда. Подумать только, он пытался *поймать* феникса! Другие птицы в худшем случае клюнут его, вырвут кусок кожи. Но если бы он поймал... Ходжесааргх ощутил непреодолимое, *жгучее* желание побыстрее избавиться от этой птицы.

Как ни странно, остальные обитатели птичника вели себя совершенно спокойно. Правда, все до единой головы были повернуты в сторону маленькой птички, сидевшей на запястье матушки Ветровоск. Все ничего не видящие головы в колпачках.

Ходжесааргх взял колпачок. Когда он надевал его на голову ухтыястреба, ему показалось, что под рукой сверкнуло золотистое пламя.

Впрочем, решил Ходжесааргх, это его не касается. Он столько лет провел в замке, достаточно счастливых лет – а все потому, что знал, куда можно совать свой нос, а куда – нельзя. И в это дело лучше было не соваться.

Матушка сделала несколько глубоких вдохов.

– Отлично, – кивнула она. – А теперь мы пойдем в замок.

– Зачем? Почему? – спросил Овес.

– А как ты думаешь?

– Вампиры ушли, – сказал священнослужитель. – Пока ты... приходила в себя. Господин Ходжес... ааргх сказал. Остались только солдаты и, э-э, слуги. А перед этим была какая-то суматоха и из замка уехала карета. Но замок оцеплен стражниками, даже мышь не проберется.

– И как тогда пробралась целая карета?

– Ну, карета принадлежала вампирам, и правил ею их слуга, правда, Джейсон Ягг утверждает, будто бы видел в ней госпожу Ягг.

Матушка прислонилась к стене.

– Куда они направились?

– Я думал, ты прочтешь их мысли и сама определишь.

– Молодой человек, в данный момент я даже *собственные* мысли не могу прочесть.

– Но, матушка, ты же еще не оправилась от потери крови...

– Не смей указывать мне, от чего я оправилась, а от чего – нет! – резко перебила матушка. – Не твоего ума дело. Интересно, куда могла направиться Гита Ягг?

– Ну, я думаю...

– В Убервальд, не иначе.

– Что? Но с чего ты взяла?

– Просто знаю. Ланкр сейчас небезопасен, а в такую ночь в кривые земли только самоубийца сунется. Можно, конечно, спуститься на равнину, однако я не удивлюсь, если дорогу размыло.

– Но Убервальд... там ведь опасно!

– Опаснее, чем здесь? – спросила матушка. – В Убервальде хорошо разбираются в вампирах. Тамошние жители к ним привыкли. И там есть

безопасные места. Крепкие постоянные дворы вдоль главной дороги, это во-первых. Нянюшка – очень практичная женщина. Готова поспорить, именно так она и рассуждала. – Матушка вдруг поморщилась и добавила: – Но в конце концов они окажутся в замке вампиров.

– О нет!

– Я чувствую это в своей крови, – сказала матушка. – Вся беда в том, что Гита Ягг чересчур практична. – Некоторое время она молчала. – Ты что-то говорил о стражниках?

– Сейчас они заперлись в замке и носа на улицу не кажут, госпожа, – раздавался чей-то голос у дверей.

Это был Шон Ягг, за спиной которого маячила ланкрская толпа. Вытянув перед собой руку, он неуверенно направился к матушке.

– Значит, нам повезло, – сказала она.

– Но в замок нам не войти, – возразил Шон.

– Ну и что? Им тоже оттуда не выйти.

– Гм... да. Но там арсенал. Все наше оружие! А еще они закатили там пьянку!

– Что это у тебя в руке?

– Ланкрский армейский нож, – ответил Шон. – Мой меч тоже в арсенале.

– А в этом ножике есть лезвие для извлечения солдат из замка?

– Э... нет.

Матушка оглядела нож со всех сторон.

– А эта кривая штукавина для чего?

– Это Регулируемое Устройство Для Одержания Победы В Онтологических Спорах, – важно сообщил Шон. – Король попросил его добавить.

– Ну и как? Работает?

– Э... если правильно отрегулировать.

– А это лезвие зачем?

– Это Инструмент Для Извлечения Истины Из Сказанного, – ответил Шон.

– Еще одна идея Веренса?

– Да, матушка.

– Очень полезный ножик, – сказал Овес. – Каждому солдату по такому бы...

Он искоса глянул на матушку. Как только появились люди, она сразу изменилась. Буквально минуту назад она выглядела сломленной, усталой пожилой женщиной, но сейчас она держалась уверенно и прямо, словно ее

поддерживали леса гордости.

– Так точно. Вот начинает противник кричать: «Щас мы тебеотрежем я... язык...» – Шон густо покраснел. – А у тебя, в общем, Инструмент имеется...

– И что?

– Ну, с помощью его ты сразу Извлечешь Истину. Отрежут тебе или нет.

– Мне срочно нужен конь, – объявила матушка.

– У Голокуров есть лошадь, они на ней пашут... – начал было Шон.

– Слишком медленная.

– Я... э... у меня есть мул, – сказал Овес. – Король был настолько любезен, что позволил мне поставить его в конюшню.

– Любопытное животное... Ни туда ни сюда, – хмыкнула матушка. – Как раз для тебя. Значит, и мне подойдет. Веди его, я отправляюсь спасать девочек.

– Что? Но я думал, ты хочешь всего-навсего до дома добраться! А ты собралась в Убервальд? Одна? Этого я не позволю!

– А я у тебя разрешения не спрашиваю. Давай-давай, иди за своим мулом, не то Ом прогневается. Наверное.

– Но ты едва стоишь на ногах!

– Ничего подобного! Ступай!

Овес повернулся за поддержкой к собравшимся ланкрцам.

– Вы же не позволите бедной старой женщине в одиночку сражаться с чудовищами, да еще в такую ненастную ночь?

Некоторое время ланкрцы, выпучив глаза, таращились на него, словно с ним вот-вот должно было случиться нечто скверное, но крайне интересное.

А затем кто-то сзади крикнул:

– А почему мы должны жалеть этих чудовищ?

– Это же матушка Ветровоск, – сказал Шон Ягг.

– Но она – пожилая, слабая женщина! – настаивал Овес.

Толпа разом отступила на пару шагов. Сейчас находиться рядом с Овсом было очень опасно.

– Вот вы сами... вы вышли бы на улицу в такую ненастную ночь? Да еще совсем одни!

– Это зависит от того, знаю я или нет, где сейчас матушка Ветровоск, – раздался все тот же голос сзади.

– Не думай, что я тебя не слышу, Скот Возчик! – гаркнула матушка, но в голосе ее промелькнула едва заметная нотка удовлетворения. – Ну что,

господин Овес, ты ведешь своего мула или как?

– Ты уверена, что держишься на ногах?

– Ха! Конечно, уверена!

Сдаваясь, Овес опустил голову. Матушка триумфально фыркнула и зашагала сквозь толпу к конюшне. За ней поплелся Овес.

Завернув за угол, он едва не налетел на словно бы окаменевшую матушку.

– Меня кто-нибудь видит? – спросила она.

– Что? Нет, кажется, нет. Не считая меня, конечно.

– Ты не в счет, – буркнула матушка.

Она разом обмякла и рухнула на землю. Он едва успел подхватить ее, но тут же получил по рукам. Ухтыястреб отчаянно забил крыльями.

– Отпусти немедленно! Я просто поскользнулась!

– Да, конечно. Просто поскользнулась, – попытался ее успокоить Овес.

– И не пытайся меня подкалывать!

– Хорошо, не буду.

– Просто... сейчас мы должны твердо стоять на ногах и...

– Абсолютно согласен. А то недолго и упасть, к примеру, как ты только что.

– Вот именно!

– Может, я возьму тебя под руку? Тут жуткая слякоть, твердо стоящие ноги так и разъезжаются...

Он видел ее лицо в темноте. Не лицо, а картина маслом – правда, не из тех, что вешают над камином. Судя по матушкиному лицу, внутри ее бушевал некий яростный спор.

– Ну, если ты так боишься поскользнуться и упасть... – сказала она.

– Конечно, конечно, – с благодарностью произнес Овес. – Я едва не подвернул ногу.

– Всегда говорила – современной молодежи не хватает жизненной энергии, – словно пробуя мысль на вкус, произнесла матушка.

– Абсолютно правильная мысль. С энергией у нас совсем плохо.

– И зрение у тебя, скорее всего, слабое, потому что ты слишком много читаешь, – продолжала матушка.

– Слеп, как летучая мышь.

– Отлично.

Таким образом, на взаимных противоречиях и шаткой походкой они добрались до конюшни.

Увидев матушку Ветровоск, стоящий в стойле мул затряс головой. Всякого рода неприятности он распознавал с первого взгляда.

– Он немного своенравен, – предупредил Овес.

– Правда? – спросила матушка. – Ну, это дело поправимое.

Она неверной походкой подошла к животному и притянула его голову к себе. Что-то прошептала ему на ушко. Мул часто заморгал.

– Вот и все, – сказала матушка. – Помоги-ка мне на него влезть.

– Но уздечка...

– Молодой человек, быть может, я временно пребываю не в лучшем состоянии, но если мне когда-нибудь понадобится уздечка, значит, пора рыть мне новую постель. Подсади-ка меня. И смотри в сторону, как и подобает воспитанному мужчине!

Овес покорно подставил руки, помогая матушке влезть на мула.

– Почему я не могу поехать с тобой?

– У нас только один мул. Кроме того, ты будешь только мешать. Мне придется постоянно волноваться, чтобы с тобой ничего не случилось.

Она медленно сползла с мула и упала на солому. Взмахнув крыльями, ухтыястреб взлетел на балку. Овес ничего не заметил, но, несмотря на закрытую колпачком голову, эта птица весьма уверенно держалась в воздухе.

– Проклятие!

– Мадам, я немного разбираюсь в медицине! В таком состоянии тебе нельзя никуда ехать!

– На сей раз вынуждена с тобой согласиться, – приглушенно откликнулась матушка. Она смахнула соломинки с лица и подняла руку, давая знак, чтобы он помог ей подняться. – Но дай мне только встать на ноги...

– Хорошо, *хорошо!* Предположим, я буду править мулом, а ты сядешь у меня за спиной. Вряд ли ты вешишь больше фисгармонии, а я часто с ней путешествую.

Матушка, как сова, таращилась на него. Она казалась как будто пьяной, причем именно в таком состоянии человеку в голову приходит масса очень удачных мыслей: к примеру, а не выпить ли еще рюмочку? Но затем она, очевидно, приняла некое решение.

– Ну... если ты так настаиваешь...

Овес нашел кусок веревки и после некоторой возни (матушка всячески пыталась показать, что делает ему огромное одолжение) прикрутил старую ведьму к спине мула.

– Я хочу, чтобы ты понял раз и навсегда: я не топорошила тебя ехать со мной и нисколечко не нуждаюсь в твоей помощи.

– Не топорошила?

– Не просила, – поправилась матушка. – Уже заговариваться начинаю.

Некоторое время Овес смотрел вперед, потом слез с мула, спустил матушку, невзирая на протесты, прислонил ее к стенке, исчез в ночи и вскоре вернулся с топором в руке. Взяв еще один кусок веревки, он привязал топор к поясу и опять взгромоздился на мула.

– А ты быстро учишься, – сказала матушка.

Они тронулись с места, и матушка вскинула руку. Ухтыястреб взмахнул крыльями и послушно опустил ее на запястье.

Воздух в подпрыгивающей на ухабах карете приобретал определенную индивидуальность.

Маграт принялась.

– Я же совсем недавно перепеленала Эсме...

После осмотра малышки, не принесшего никаких результатов, они заглянули под сиденье. Там, задржав лапы вверх, спал Грибо.

– Как это на него похоже, – покачала головой нянюшка. – Хлебом не корми, дай в открытую дверь проскочить. Милый котик, всегда хочет быть рядом с мамочкой.

– Может, приоткроем окно? – предложила Маграт.

– Дождь залетит.

– Зато запах вылетит. – Маграт вздохнула. – Знаешь, мы абсолютно определенно забыли один мешок с игрушками. Веренс настаивал, чтобы я постоянно показывала ей эти фигурки.

– А я по-прежнему считаю, рано еще заниматься образованием малышки, – возразила нянюшка, во-первых, чтобы отвлечь Маграт от грозивших опасностей, а во-вторых, из желания заступиться за всех неграмотных мира.

– Окружение для ребенка очень важно, – нравоучительно изрекла Маграт.

– Я слышала, пока ты носила Эсме, Веренс заставлял тебя читать умные книжки и слушать всякую вычурную музыку, – сказала нянюшка, когда карета с шумом въехала в очередную лужу.

– Ну, против книг я ничего не имела, а вот пианино было абсолютно расстроено. Приходилось слушать, как Шон терзает свою трубу, – ответила Маграт.

– Бедный мальчик, когда ж он женится... – вздохнула нянюшка. Карета качнулась, и она судорожно вцепилась в сиденье. – А эта колымага довольно-таки резвая.

– Жаль, ванночку не захватили, – продолжала сокрушаться Маграт. – А

еще мы забыли игрушечную ферму и у нас заканчиваются пеленки...

– Дай я гляну на нее, – попросила нянюшка.

Маграт передала ей малютку Эсме.

– Ну-ка, давай на тебя посмотрим... – защебетала нянюшка.

Голубые глаза девочки уставились на нянюшку Ягг. Крохотная головка покачивалась в такт движению кареты, на розовом личике застыло задумчивое выражение, словно малышка раздумывала, что ей сейчас больше хочется: пить или наоборот.

– Как внимательно она смотрит, – заметила нянюшка. – Весьма необычно для ребенка такого возраста.

– Если, конечно, она сейчас ребенок, – мрачно заметила Маграт.

– Тс-с. Если матушка и с нами, она не вмешивается. Она никогда не вмешивается. Кроме того, мы говорим не о ее *разуме*, о нет, она действует совсем иначе.

– И как же?

– Ну, ты ж видела, как она Заимствует. Это не разум, а нечто иное.

– Наверное... все то, что делает ее матушкой, – предположила Маграт.

– Примерно. Собирает все в кучку и прячет в безопасном месте.

– Она даже молчит не так, как другие люди.

– Знаю. Никто не умеет молчать так, как Эсме. Ты даже собственных мыслей почти не слышишь.

Колесо кареты угодило в очередную яму, и они разом подпрыгнули на сиденьях.

– Нянюшка?

– Да, милая?

– А с Веренсом все будет в порядке?

– О да. Этим мелким дьяволятам можно доверить что угодно. За исключением разве что бочки крепкого пива и коровы. Даже матушка говорит, что келда весьма и весьма неплоха...

– Келда?

– Это их знахарка... ну, или старейшая, мудрейшая, как хочешь называй. Кстати, кажется, нынешнюю зовут Большая Агги. Мне редко доводилось встречать женщин из их племени. Я вообще слышала, что у пикси может быть только одна женщина, она-то и становится келдой. И зараз вынашивает по сто детишек.

– Как-то это... – неуверенно произнесла Маграт.

– А может, они как гномы и различить их можно, только заглянув под набедренные повязки, – сказала нянюшка.

– Но матушке наверняка все о них известно, – произнесла Маграт.

– Только она ничего не говорит, – откликнулась нянюшка. – Считает, что это их личное дело.

– То есть... с Веренсом все будет в порядке?

– Конечно.

– Знаешь... он очень добрый, – промолвила Маграт, и окончание фразы словно бы повисло в воздухе.

– Агась.

– И хороший король.

Нянюшка снова кивнула.

– Просто мне хотелось бы, чтобы люди относились к нему более... серьезно, – продолжала Маграт.

– Понимаю.

– Он столько работает. Переживает буквально обо всем. А люди словно бы не замечают его.

Нянюшка даже не знала, что и сказать на это.

– А может, ему стоит немножко уменьшить корону? Ну, для начала, – предложила она. – Гномы с Медной горы сделают эту работу за один день.

– Нянюшка, это *традиционная* корона.

– Если б не его уши, это был бы *традиционный* воротник, – возразила нянюшка. – А еще ему следует почаще орать.

– Он не умеет. Терпеть не может *крики!*

– Жаль. Людям нравится, когда король орет. Или рыгает в самый ответственный момент – тоже очень популярная черта. И всякие кутежи-мутежи – весьма королевское занятие. Запой там...

– А я думаю, он думает, что люди хотят совсем не этого. Он пытается следовать настоящим нуждам своих подданных. Пытается понять, что им нужно сегодня.

– Ага, кажется, я поняла, – кивнула нянюшка. – Сегодня люди нуждаются в одном, завтра – в другом... Погромче ори да побольше кути – вот решение всех проблем.

– И как можно чаще рыгай?

– Это было бы совсем здорово.

– А...

– Да, милая?

– Нянюшка, а с ним будет все в порядке?

– Ну конечно. С ним ничего не случится. Тут все как в шахматах, понимаешь? Королева сражается, а король отстаивает себе в сторонке. Но лишишься короля – лишишься всего.

– А с нами тоже ничего не случится?

– О, с нами никогда ничего не случается. Помни об этом. Как правило, это мы случаемся с другими людьми.

Тем временем с королем Веренсом случилось много всяких людей. Он дрейфовал в какой-то теплой, приятной дымке и всякий раз, открывая глаза, видел толпы Фиглей, разглядывающих его при свете костра. Также до него доносились обрывки разных разговоров, а точнее, споров.

– ...Онно нашен короликс тож?

– Агай, типатого.

– Ентат кус хобья?

– Тсытьтебя! Он болей. Чо, с'сем не зырикс?

– Агай, хренаксдвакс! Имхой, всегдажь болей!

Веренс почувствовал, что кто-то маленький, но сильный пнул его по ноге.

– Хай-хай, кралек! Верзуны все так валяй-болеи, биг-биг дуралей?

– Конечно-конечно, – пробормотал Веренс.

Устроивший допрос человек громко сплюнул рядом с его ухом.

– Ах, моя б скеппенса не давай...

Вдруг возникла полная тишина, что в принципе невозможно, если рядом с вами находится хотя бы один Фигль. Веренс попытался повернуть голову.

Из дыма появилась Большая Агги.

Теперь он смог рассмотреть ее получше: приземистая синяя женщина чем-то напоминала минивариант нянюшки Ягг. Было что-то этакое в ее взгляде. С формальной точки зрения, король Веренс был абсолютным правителем страны и мог оставаться таковым еще долгое время – при условии, что он не допустит никаких ошибок и не будет постоянно требовать от ланкрцев делать то, что они делать отказываются. Веренс прекрасно понимал, что главнокомандующий его армии куда более охотно выполняет приказы своей матушки, а не короля.

Тогда как Большой Агги даже не нужно было что-либо говорить. Все просто смотрели на нее и делали то, что требовалось.

Рядом появился человек Большой Агги.

– Большая Агги думай, ты возжелаешь спасти своих жену и дитяню, – сказал он.

Веренс кивнул. На большее он сейчас был просто не способен.

– Большая Агги полагай, ты слаб-слаб, много терял крови. Негодьяйский укус содержит то, что подчиняет.

Веренсу было нечего возразить. Сейчас он готов был согласиться со

всем, что бы ему ни говорили.

Из дыма выступил человечек с большой глиняной миской в руках, по краям которой стекала белая пена.

– Ты не способный короликс, когда отлеживаешь спину, – продолжил человек Большой Агги. – Поэтому она готовила для тебя особое хлебало...

Пикси поставил миску, наполненную, как сначала показалось Веренсу, сметаной, но с какими-то темными спиральными линиями на поверхности, после чего почтительно отступил.

– Что в ней? – прохрипел Веренс.

– Млеко, – быстро ответил человек Большой Агги. – И хлебало Большой Агги. И трава.

Веренс с благодарностью воспринял последнее слово. Вместе со своей женой он разделял странную, но непоколебимую уверенность в том, что все, содержащее травы, безопасно, полезно для здоровья и питательно.

– Ты пей глоток от пуза, – сказал старый пикси. – А потом мы находим тебе меч.

– Но я никогда не держал в руках меч, – ответил Веренс, пытаясь сесть. – И считаю, что насилие – это последняя мера...

– Ах, ви-ил, ну, коли ты привыкай к ведрам и лопатам... – промолвил старик. – Выпивай, королек. Скоро ты видишь все по-другому.

Вампиры парили над залитыми лунным светом облаками. Здесь не могло быть плохой погоды и, к удивлению Агнессы, было совсем не холодно.

– А я думала, вы превращаетесь в летучих мышей! – крикнула она Владу.

– Мы это можем, если захотим, – ответил он со смехом. – Но отец считает это слишком уж мелодраматичным. Говорит, нам следует избегать грубых стереотипов.

Рядом с ними летела девушка, очень похожая на Лакримозу. Вернее, она выглядела так, как будто преклонялась перед внешним видом Лакримозы и пыталась всячески быть похожей на нее. «Готова поспорить, она ненатуральная брюнетка, – фыркнула Пердита. – И если б я пользовалась таким количеством туши, то придумала бы что-нибудь поинтереснее, чем разрисовывать себя под Веселого Панду Гарри».

– Это Патология, – представил девушку Влад. – Хотя она предпочитает, чтобы ее называли Трейси. Так более модно. Пато... Трейси, это – Агнесса.

– Какое красивое имя! – воскликнула Патология. – Очень удачный

выбор! Влад, все хотят заскочить в Воронау. Ты не против?

– Но это мое настоя... – хотела было объяснить Агнесса, однако ее слова унес ветер.

– Я думал, мы направляемся в замок, – сказал Влад.

– Да, но некоторые из нас несколько дней не ели, той старухи даже на один зубок не хватило, да и граф запрещал нам питаться в Ланкре, поэтому он не возражает, к тому же это почти по пути.

– Ну, если отец говорит...

Патология упорхнула.

– Мы уже несколько недель не навещали Воронау, – пояснил Влад. – Очень милый городок.

– Вы собираетесь там *питаться*? – спросила Агнесса.

– Это не то, что ты думаешь.

– Ты *не знаешь*, что я думаю.

– Но могу догадываться. – Он улыбнулся. – Интересно, отец согласился на это только ради того, чтобы ты увидела все собственными глазами? Неизвестное всегда пугает. Возможно, ты станешь своего рода посланцем. Потом расскажешь ланкрцам, какая жизнь их ждет под властью семейства Сорокула.

– О том, как людей вытаскивают из постелей? О залитых кровью стенах?

– Агнесса, опять ты о своем. Так нечестно. Как только люди узнают, что ты вампир, тебя сразу начинают считать каким-то чудовищем.

Они плавно парили в ночном воздухе.

– Отец очень гордится тем, чего ему удалось добиться в Воронау, – сказал Влад. – Думаю, это и на тебя произведет впечатление. Или даже, смею надеяться...

– Нет.

– Агнесса, я действительно пытаюсь относиться к тебе с пониманием.

– Вы напали на матушку Ветровоск! Вы *покусили* ее.

– Чисто символически. Только чтобы ввести в нашу семью.

– Правда? И это все оправдывает? И теперь она должна стать вампиром?

– Разумеется. Причем очень хорошим, как я подозреваю. Однако вампир вызывает ужас лишь в том случае, если ты абсолютно уверена, что быть вампиром – это плохо. Мы же так не считаем. И со временем ты поймешь, что на самом деле правы мы, – сказал Влад. – О да, нам обязательно нужно побывать в Воронау. Исключительно ради тебя. И ради нас самих. Возможно, все сразу изменится...

Агнесса пристально смотрела на него.

«А у него приятная улыбка...» – «Он вампир!» – «Но если не обращать на это внимания...» – «Не обращать внимания?» – «Нянюшка наверняка настояла бы на том, чтобы ты воспользовалась ситуацией». – «Возможно, нянюшка и способна на такое, но ты можешь себе представить, как я буду целоваться вот с *этим*?» – «Могу». – «Согласна, улыбка у него приятная и жилетка очень ему идет, но ты только посмотри на него!..» – «Кстати, ты заметила?» – «Заметила что?» – «Он изменился». – «Просто пытается нас перехитрить, вот и все». – «Нет... тут что-то другое...»

– Отец считает Воронау показательной моделью общества, – промолвил Влад. – Оно наглядно демонстрирует, что произойдет, если отбросить в сторону древнюю вражду, если люди и вампиры начнут жить в мире. О да. Уже недалеко. Воронау – наше будущее.

Низкий туман стелился между деревьев, и копыта мула вырывали из него маленькие язычки. Капли дождя стекали с ветвей. Издалека донеслись бормочущие отзвуки грома, но то был не настоящий гром, который раскалывал небо пополам, а другая его разновидность, которая предпочитала гнусно сплетничать с другими грозами где-то за горизонтом.

Всемогущий Овес несколько раз пытался заговорить с собой, но его собеседник наотрез отказывался откликаться. Периодически из-за спины слышался храп, однако стоило Овсу попробовать оглянуться, как ухтыястреб сразу принимался хлопать крыльями прямо ему по лицу.

Иногда храп сменялся недовольным ворчанием, сухая рука опускалась на его плечо и всякий раз указывала направление, которое ничем не отличалось от всех прочих.

Рука снова шлепнула его по плечу.

– Что ты там поешь? – спросила матушка.

– Я старался не шуметь.

– Как называется эта песня?

– Она называется «Ом у себя в храме и смотрит на нас».

– Приятная мелодия, – заметила матушка.

– Придает бодрости, – кивнул Овес.

Мокрая ветка хлестнула его по лицу. «Ведь, быть может, – добавил он про себя, – у меня за спиной сейчас сидит вампир».

– Ты находишь в ней успокоение?

– Думаю, да.

– А как насчет строчки о «беспощадном искоренении зла мечом»? Будь я омнианкой, меня бы это обеспокоило. Ты с трудом идешь на мелкую ложь

во спасение, но всегда готов к убийству? И как ты спишь по ночам? Никакие мысли не тревожат?

– Ну... честно говоря, я не должен был петь эту песню. Ийский собор вычеркнул ее из псалтыря как несовместимую с идеалами современного омнианства.

– А строку о сокрушении неверных?

– И эту тоже.

– Но ты все равно ее пел?

– Этой песне меня научила бабушка, – сказал Овес.

– Она любила сокрушать неверных?

– Честно говоря, она с куда большим удовольствием сокрушила бы нашу соседку, госпожу Ахрим, но в общем и целом – да. Бабушка считала, что мир стал бы значительно лучше, если б в нем побольше искореняли и сокрушали.

– Возможно, твоя бабушка была права.

– По ее мнению, люди не слишком-то добросовестно искореняют и сокрушают, – признался Овес. – Но я полагаю, что бабушка порой бывала слишком строга в своих оценках.

– В этом нет ничего странного. Оценивать – свойство человеческой природы.

– Мы предпочитаем предоставлять это на суд Омий, – сказал Овес, но это его утверждение как-то затерялось в темноте.

– Быть человеком – значит постоянно оценивать, – промолвил голос за его спиной. – То и это, хорошее и плохое, каждый день делать выбор... Так живут все люди.

– А ты уверена, что всегда принимала правильные решения?

– Нет, но я старалась.

– А как насчет надежды на милосердие?

Костлявый палец постучал его по спине.

– Милосердие – очень необходимая вещь, но сначала следует сделать выбор. Иначе не поймешь, где следует проявлять милосердие, а где – нет. Кстати, я слышала, вы, омниане, всегда предпочитали искоренять и сокрушать.

– То было... раньше. Теперь мы предпочитаем сокрушать аргументами.

– Ведете долгие яростные споры, полагаю?

– У каждой проблемы есть две стороны...

– И как вы поступаете, если одна сторона ошибается? – Матушкин ответ был стремителен, как стрела.

– Я хотел сказать, нам предписано рассматривать проблему и с точки зрения оппонента тоже, – попытался объяснить Овес.

– То есть с точки зрения палача в пытках нет ничего плохого?

– Госпожа Ветровоск, ты прирожденная спорщица.

– Вот уж нет!

– В Синоде ты пользовалась бы большим успехом. Они несколько месяцев спорили о том, сколько ангелов способно уместиться на острие иглы.

Он спиной чувствовал, как в матушкиной голове крутятся шестеренки.

– А какого размера иголка? – наконец уточнила она.

– К сожалению, понятия не имею.

– Если это обычная иголка, то шестнадцать.

– Шестнадцать ангелов?

– Именно.

– Почему?

– Не знаю. Может, эти ангелы извращенцы и им нравится ходить исколотыми.

Мул двинулся вниз по склону. Туман стал еще гуще.

– Стало быть, шестнадцать? И это точно? – спросил после непродолжительного молчания Овес.

– Нет. Но мой ответ не хуже других. Так вот, значит, какие вопросы обсуждают ваши святоши?

– Ну, не всегда. Например, сейчас идет весьма интересный спор о природе греха.

– И что они думают? Резко осуждают?

– Не так все просто. Этот вопрос нельзя разложить на черное и белое. В нем много оттенков серого.

– Ерунда.

– Прошу прощения?

– Серый цвет – это тот же белый, только грязный. Ты не знаешь элементарных вещей, я поражена. А грех, молодой человек, – это когда к людям относятся как к вещам. Включая отношение к самому себе.

– Боюсь, все гораздо сложнее...

– А я не боюсь. Потому что не сложнее. Когда люди начинают говорить, что все гораздо сложнее, это значит, они боятся, что правда им может не понравиться. Люди как вещи, с этого все и начинается.

– Но есть ведь куда более серьезные преступления?

– Однако все начинается с того, что о людях начинают думать как о вещах...

Матушка замолчала. Овес не управлял мулом, и несколько минут животное брело куда глаза глядят, а потом бурчание из-за спины сообщило, что матушка снова проснулась.

– А ты силен в своей вере? – спросила она так, словно это не давало ей покоя.

– Я пытаюсь, – вздохнул Овес.

– Но ты прочел много книг. А книги, они ведь не способствуют вере.

Хорошо, что она сейчас не видит его лицо... Но, может, она читает его мысли сквозь затылок?

– Не способствуют, – согласился он.

– И тем не менее ты ее сохранил?

– Да.

– Почему?

– Если я лишусь веры, у меня ничего не останется.

Немного выждав, он решил перейти в контрнаступление.

– А вот ты, госпожа Ветровоск... Неужели ты совсем ни во что не веришь? – спросил он.

Несколько секунд царила полная тишина, нарушаемая лишь стуком копыт мула, который осторожно пробирался между покрытых мхом корней. Овсу показалось, что откуда-то сзади донесся лошадиный топот, но ветер мгновенно поглотил посторонние звуки, особо яростно взыв.

– Ну, почему... – откликнулась матушка. – Я верю в чай, в рассветы...

– Я имел в виду религию, – сказал Овес.

– Я знакома с парочкой местных божков.

Овес вздохнул.

– Многие люди находят в вере успокоение, – сказал он и про себя еще раз пожалел, что не относится к их числу.

– Вот и славно.

– Правда? Почему-то мне показалось, что ты будешь спорить.

– Я не имею права приказывать людям, во что им верить, а во что – нет. Главное, чтобы вели себя пристойно.

– Но иногда наступают тяжелые, холодные времена... Неужели в такие минуты тебе не хочется обратиться за помощью к вере?

– Спасибо, у меня есть грелка.

Ухтыястреб распушил перья. Овес долго разглядывал темный влажный туман, а потом вдруг им овладела злость.

– Значит, ты думаешь, что религия похожа на грелку? – спросил он, пытаясь держать себя в руках.

– Обычно я об этом совсем не думаю, – донесся из-за его спины ответ.

Голос ее внезапно ослаб, и матушка ухватила за его руку, чтобы не упасть...

– Госпожа Ветровоск, ты как себя чувствуешь? – встревоженно спросил он.

– Жаль, эта скотина не может шагать побыстрее... Неважно себя чувствую.

– Можно остановиться и передохнуть.

– Нет! Уже недалеко! О, как *глупо* я себя вела...

Снова заворчал гром. Он почувствовал, как ее рука разжалась, а потом услышал глухой «плюх». Это матушка упала на землю.

Овес поспешно прыгнул с мула. Матушка Ветровоск в неудобной позе лежала на покрытой мхом земле, ее глаза были закрыты. Он взял ее за запястье. Пульс присутствовал, но очень-очень слабый. Она была холодной как лед.

Когда он пошлепал матушку по щекам, она открыла глаза.

– Если ты сейчас заговоришь о религии, – прохрипела она, – я с тебя шкуру спущу... – И ее глаза снова закрылись.

Овес сел и попытался успокоиться. Холодная как лед... да, в ней *был* какой-то холод, словно она всегда отвергала тепло. Любое тепло.

Он снова услышал стук копыт, потом тихонько звякнула уздечка. Звук был совсем рядом.

– Эй! – крикнул Овес, поднимаясь на ноги. Он попытался рассмотреть всадника, но увидел лишь смутный силуэт чуть дальше по тропе.

– Вы нас преследуете? Эй!

Сделав несколько шагов, он увидел склонившую голову лошадь. Всадник выглядел как тень, отсоединившаяся от ночной тьмы.

Овса вдруг обуял ужас, он бегом вернулся и упал рядом с неподвижным телом матушки. Сняв с себя промокший насквозь плащ, он укрыл им матушку, сам не понимая, зачем это делает, потом принялся отчаянно озираться в поисках хоть чего-нибудь, при помощи чего можно было разжечь огонь. *Огонь* – это главное. Он приносит жизнь, прогоняет тьму.

Но рядом высились только огромные, пропитанные дождем ели, а между черных стволов рос папоротник. Не было ничего, что могло бы гореть.

Он лихорадочно пошарил в карманах и нашел вощеную коробку, в которой оставалось всего несколько спичек. Так, теперь следует найти пару сухих веточек и пучок травы, которые, загоревшись, высушат следующую порцию веточек...

Дождь проникал под рубаху. Сам воздух был пропитан водой. Прячась от капель, Овес сгорбился под своей шляпой и достал из кармана «Книгу Ома». Это его утешит. Ом подскажет верный путь...

«...У меня есть грелка...»

– Проклятие, – едва слышно произнес он.

Он открыл книгу наугад, зажег спичку и прочел:

*«...И во время оное на землях сиринитов случилось велико
множение верблюдов...»*

Спичка, зашипев, погасла.

Никакой пользы, даже намека. Он попытался еще раз.

*«...И глянул на Гуль-Арах, и оплакал пустыню безбрежну, и
поскакал в...»*

Овес вспомнил издевательскую улыбку вампира. Каким словам ты веришь? Трясущимися руками он зажег третью спичку, снова открыл книгу и прочел при пляшущем пламени:

*«...И молвил Брута Симони: „Там, где тьма была,
разожжем мы свет великий...“»*

Спичка погасла. И наступила тьма.

Матушка Ветровоск застонала. Овсу показалось, что он слышит стук копыт неторопливо приближающейся лошади.

Он упал на колени в грязь и попытался молиться, но голос с небес не откликнулся ему. Как всегда. Его предупреждали, что на это особо рассчитывать не стоит. В отличие от всех прочих богов, Ом вкладывал ответы прямоком в головы своей паствы. Со времен пророка Бруты Ом предпочитал не вступать ни в какие беседы. Так, во всяком случае, утверждали.

Если у тебя нет веры, значит, у тебя ничего нет. И ждет тебя одна лишь тьма.

Он поежился. Бог просто отмалчивается – или там, наверху, и нет никого вовсе?

Овес снова попытался молиться – на сей раз с большим отчаянием и рвением. Теперь он выкрикивал обрывки молитвы, которую произносил еще ребенком. Путал слова, строки, но все равно продолжал выкрикивать

их, чтобы они неслись во вселенную Тому, Кто Обитает Где-То Там.

Дождь ручьем лился с его шляпы.

Он стоял на коленях, и ждал в мокрой темноте, и прислушивался к собственному разуму, и вдруг вспомнил, и снова достал «Книгу Ома».

И стал свет великий.

Карета прогрохотала мимо растущих у озера сосен, налетела на корень, лишилась колеса и упала набок. Лошади лихорадочно забились в своей упряжи.

Игорь поднялся с земли, проковылял к карете и поднял дверь.

– Прошайт прощения, – сказал он. – Такое вфегда бывайт, когда мафтер отфутфтвовойт карета. Никто не фтрадайт?

Чья-то рука схватила его за горло.

– Мог бы и предупредить! – прорычала нянюшка. – Нас раскидало по всей карете! Где мы находимся? В Утолежке?

Вспыхнула спичка, и Игорь зажег факел.

– Мы ефть фовфем рядом замок, – сказал он.

– Рядом с чьим замком?

– Фемейфтва Форокула.

– Мы рядом с замком *вампи*ров?

– Йа. Думайт, фтарый мафтер что-то делает дорога. Колефо пофтоянно отлетайт, как ни езжайт. Так, говаривайт он, замок вфегда гофти.

– А ты не догадался сообщить нам об этом заранее? – спросила нянюшка, выбираясь из кареты и подавая руку Маграт.

– Меня извиняйт. Тяжелый бывайт день...

Нянюшка взяла у него факел. Пламя осветило грубую табличку, прибитую к дереву.

– «Там замок. Тока ни приближайтись к нему», – прочла нянюшка. – Надо же, даже стрелку пририсовали. Очень любезно с их стороны.

– О, это делает мафтер, – объяснил Игорь. – Иначе люди мочь не замечайт.

Нянюшка всмотрелась в темноту.

– И в замке сейчас кто-то есть?

– Флуги.

– Они нас впустят?

– Найн проблема. – Игорь пошарил под вонючей рубашкой и достал огромный ключ на веревке.

– Мы собираемся войти в их замок? – изумилась Маграт.

– Похоже, нам больше некуда деваться, – пожалла плечами нянюшка

Ягг, направляясь вверх по дороге. – Карета разбита. А рядом ни деревушки. Хочешь провести ночь на улице? Замок есть замок. Там двери, засовы. А все вампиры сейчас в Ланкре. Кроме того...

– Что?

– Именно так поступила бы Эсме. Чувствую это всей своей кровью.

Кто-то завыл в лесу, совсем рядом. Нянюшка глянула на Игоря.

– Вервольф? – спросила она.

– Йа.

– Пожалуй, нам не стоит здесь задерживаться.

Она показала на нарисованный на камне знак.

– «Не ходите по этому фамому короткому пути к замку»? – прочла она вслух. – Такой изобретательностью нельзя не восхищаться. Судя по всему, тут живут тонкие знатоки человеческой природы.

– А входов в замок много? – спросила Маграт, когда они миновали следующую табличку, гласящую: «Не Приближайтеc К Коретному Двору. 20 ярд. лев.».

– Игорь? – спросила нянюшка.

– Вампиры чафто воевайт друг дружка, – ответил он. – Поэтому ефть один только вход.

– Ну, хорошо, раз ничего больше не остается... – вздохнула Маграт. – Ты возьмешь колыбель и мешок с грязными пеленками. И плюшевые игрушки. И эту штуку, которая крутится и издает странные звуки, если дернуть за веревочку...

Табличка перед подъемным мостом гласила: «Ваш Пофледний Возможнофть Не Ходийт Замок». Нянюшка долго смеялась.

– Игорь, граф будет тобой очень недоволен, – сказала она, когда слуга открыл дверь.

– Да ходийт он... Я фобирайт вещи и езжайт в Блинц. Там Игорь вфегда арбайтн иметь. Много-много молний там ударяйт, больше, чем офтальной гора.

Нянюшка наконец вытерла слезы с глаз.

– Уф-ф, хорошо, что я и так вся мокрая, – сказала она. – Ладно, пошли в замок. Кстати, Игорь, если ты задумал нас обмануть, я сделаю из твоих кишок подвязки.

Игорь застенчиво опустил взгляд.

– О лучшей учафти можно только мечтайт, – пробормотал он.

Маграт хихикнула. Игорь распахнул дверь и прошаркал в замок.

– Что? – спросила нянюшка.

– Ты не заметила, как он на тебя смотрит? – спросила Маграт, когда

они поспешили за хромающей фигурой.

– Кто? Он?

– По-моему, он по тебе вздыхает, – усмехнулась Маграт.

– А я думала, у него просто одышка... – с легким оттенком паники сказала нянюшка. – Ну, то есть на мне сегодня не самые новые панталоны, и все такое!

– А мне он кажется довольно-таки романтичным мужчиной.

– Ну, не знаю, не знаю, – покачала головой нянюшка. – Я, конечно, польщена, но мужчины, которые еле стоят, не в моем вкусе.

– Которые или у которых? – уточнила Маграт.

Нянюшка всегда считала себя женщиной, которую невозможно вывести из равновесия, но сейчас случилось именно это. От Маграт такого удара она никак не ожидала.

– Нянюшка, я – замужняя женщина, – сказала Маграт и улыбнулась, увидев выражение ее лица.

Приятно все-таки хоть раз подложить кнопку на пути беззаботно шагающей по жизни нянюшки.

– Но... а у... то есть у Веренса, ну, понимаешь... все в порядке?

– Да, в абсолютном. И анекдоты, которые ты вечно рассказываешь... Теперь я их понимаю.

– Что? Вообще все понимаешь? – воскликнула нянюшка тоном человека, у которого из колоды стащили все тузы.

– Ну да. Кроме одного. Ну, о священнослужителе, старухе и носороге.

– Слава богам! – с облегчением воскликнула нянюшка. – Я сама его поняла, лишь когда мне было за сорок!

Прихромал Игорь.

– В замке только флуги, – сказал он. – Вы проходите моя комната в фтарая башня. Там ефть толфтые двери.

– Госпожа Ягг очень тебе признательна, – хмыкнула Маграт. – Кстати, она только-только рассказывала мне, какие красивые у тебя ноги. Правда, нянюшка?

– Хотейт таких же? – предложил Игорь, поднимаясь по лестнице. – У меня ефть их много. Там, на леднике.

– Что-что у тебя есть? – спросила нянюшка, резко останавливаясь.

– Если ты нуждайт какой-нибудь орган, я вефь твой рафпоряжение, – объявил Игорь.

Маграт глухо закашлялась – так, словно у нее перехватило дыхание.

– У тебя на льду хранятя... части людей? – с ужасом осведомилась нянюшка. – Части незнакомых людей? Разрубленных? Так, я больше ни

шагу не ступлю!

Игорь испуганно воззрился на нянюшку.

– Не ефть *незнакомых*, – пояснил он. – *Члены фемья*.

– Ты порубил на кусочки членов своей *семьи*? – Нянюшка попятилась.

Игорь отчаянно замахал руками.

– Это ефть традиция! – воскликнул он. – Каждый Игорь офтавляйт фвой тело фемье! Зачем выбрафывайт хороший орган?! К пример, мой дядья Игорь умирайт от бык, но имеют хороший фердце, хороший почки. Они ведь пропадайт даром! Кроме того, у него бывайт руки дедушки, очень умелые руки, йа! – Он даже всхлипнул. – Жаль, они не дофтавайтфя мне. Он бывайт гут кофтоправ!

– Та-а-ак... – протянула нянюшка. – Интересно, какой же смысл в этой семейке обретет выражение: «У него папины глаза»?

– Их получайт мой троюродный брат Игорь.

– Но... но... кто вас всех режет и сшивает? – спросила Маграт.

– Я. Игорь обучайтфя домашний кофтоправие на отцовых коленях, – сказал Игорь. – А практиковайтфя на дедушкиных почках.

– Извини, – перебила нянюшка. – Отчего, говоришь, умер твой дядя?

– От бык, – пояснил Игорь, отпирая очередную дверь.

– В смысле, он на них разорился, а потом покончил жизнь самоубийством?

– Найн, это они кончайт игореубийфत्वом. На него падайт бычье фтадо. Нефчафтный флучай. Мы предпочитайт не рафпрофтраняться.

– Прости, – вмешалась Маграт. – То есть ты сам делал себе все операции?

– Это не так ефть фложно. Главное – знайт как. Иногда, конечно, приходитфя пользовайт зеркало или профить кого-нибудь держайт нитка пальцем, но...

– И это не больно?

– Я вфегда предупреждайт убирать палец, когда затягивайт нитка.

Дверь, заскрипев, открылась. Это был долгий, полный мучений и боли скрип. Он словно существовал отдельно от двери и звучал еще несколько секунд после того, как дверь закрылась.

– Какой *ужасный* звук, – сказала нянюшка.

– Данке. Добивайтфя его много дней. Такой фкрип фам не возникайт.

Из темноты донесся лай, и *что-то* прыгнуло на Игоря, сбив его с ног.

– Флезайт ф меня, проказник!

Это была собака. Вернее, несколько собак, собранных в одну. У нее было четыре лапы почти одинаковой длины, но, как заметила Маграт,

разного цвета. Одна голова, левое ухо – черное и заостренное, а правое – коричнево-белое и обвислое. И очень-очень много слюнных желез.

– Это ефть Охвофток, – представил Игорь, выпутываясь из лап животного и поднимаясь на ноги. – Немного глупый, но верный друг.

– Охвосток, говоришь? – пробормотала нянюшка. – Хорошее имя, очень хорошее.

– Ему фемьедефят вофемь, – сообщил Игорь, начиная спускаться по винтовой лестнице. – Большой чафтью.

– Очень аккуратные стежки, – похвалила Маграт. – И неплохо сохранился. Счастлив так, будто у него... Гм, по-моему, у него действительно два...

– Один в запаф, – сказал Игорь, ковыляя вперед. Охвосток радостно прыгал рядом. – Я думайт, ефли один хорошо, то два ефть нафтоящее фчафтье...

Нянюшка успела открыть рот только наполовину...

– Даже не думай, Гита Ягг! – рявкнула Маграт. – Держи свои комментарии при себе!

– Я? А что такое? – с невинным видом спросила нянюшка.

– Да, ты! И не притворяйся! Я тебя насквозь вижу! Он имел в виду хвосты, а не... кое-что другое.

– О, я давно придумфвайт это, – сообщил Игорь. – Это ефть очевидно! Ефтефтвенный изноф фразу уменьшайт. Плюф, пока один меняйт, пользуй номер цвай. На фебе пробовайт.

Их шаги эхом разносились по лестнице.

– Что пробовал-то? – невинно уточнила нянюшка тоном «я-интересуюсь-просто-потому-что-мне-это-действительно-интересно».

– Фердце, – ответил Игорь.

– Ах сердце... То есть у тебя два сердца?

– Йа, второе принадлежайт бедный герр Швайн, который работайт лефопилка. Жена отказывайтфя его пофле нефчафтный флучай – зачем ему бывайт фердце, если он лишайт фебя голова?

– То есть ты в некотором смысле сам себя сделал, верно? – уточнила Маграт.

– А кто делал тебе мозги? – спросила нянюшка.

– Мозги фам не фделайт, – признался Игорь.

– Тогда почему у тебя швы вокруг головы?

– О, я вфтавляйт голова металlicheфкая плафтинка, – похвастался Игорь. – И тянуйт провода от шея до ноги. Заряжайт фебя от разрядов молния. Ну, вот мы и приходийт. – Он открыл еще одну скрипучую дверь. –

Майн фкромный хауф.

Это была сырая комната со сводчатым потолком. Сразу было видно, что ее хозяин нечасто проводит здесь время. Тут имелись камин, перед которым стояла корзинка для собаки, а также кровать с матрасом и одним одеялом. Вдоль одной из стен тянулись грубые шкафы.

– Та крышка – колодец, – указал Игорь. – А там – клозет...

– А за этой дверью что? – спросила нянюшка, тыкая пальцем в дверь с крепкими засовами.

– Найн, ничего, – поспешно ответил Игорь.

Нянюшка бросила на него быстрый взгляд. Впрочем, засовы располагались с этой стороны двери, так что...

– Похоже на склеп, – сказала она. – Только с камином.

– Когда фтарый граф еще живайт, он любийт гретья, прежде чем хожайт улица. Золотые бывайт деньки. А за нынешние ломаный грош не давайт. Они ведь приказывайт избавлятья Охвофток.

Охвосток подпрыгнул и попытался лизнуть нянюшку в лицо.

– Однажды я видайт, как Лакримоза бивайт его ногой, – мрачно произнес Игорь и потер руки. – Дамен, мочь я ваф угощайт чем-то?

– Нет, – одновременно ответили Маграт и нянюшка.

Охвосток попытался лизнуть Игоря. У этой собаки слюны хватило бы на целый город.

– Охвофток, лежать мертвый! – велел Игорь.

Пес брякнулся на пол и замер, подняв лапы вверх.

– Видайт? Он помнит!

– Но если сюда вдруг заявятся Сорокулы, мы ведь окажемся в ловушке! – вдруг сообщила Маграт.

– Они фюда никогда не фхожайт. Для них эта чафть замок недофтаточно модный, – успокоил ее Игорь. – Кроме того, я имеют другой выход.

Маграт посмотрела на запертую дверь. У нее был такой вид, что выходить через нее почему-то не хотелось.

– А как насчет оружия? – спросила она. – Я понимаю, в вампирском замке вряд ли хранят оружие, которое могло бы причинить вред хозяевам, но...

– Почему ж? Ефть такой оружие, – пожал плечами Игорь.

– Есть?

– Фколько пожелайт. Фтарый мафтер фпециально обращайт внимание. Когда мы ожидайт гофтей, он вфегда говорийт: «Игорь, заботья фтекла чифтые, лимоны много, а также украшения, чтобы фкладывайт

религиозный фимволы». Он любит, когда люди играть в правила. Фтарый мафтер бывайт очень фправедлив.

– Да, но его ведь могли убить? – уточнила нянюшка.

Она открыла один из шкафов, и оттуда посыпались сморщенные лимоны.

Игорь пожал плечами.

– Иногда проигрывает, иногда выигрывает. Фтарый мафтер любит говаривайт: «Игорь, ефли день нафтавайт, когда вампиры держайт верх, мы погружайт тьма навфегда». Но он очень злобничайт, когда унофили его нофки, много-много ругайт: «Вот шайфе, шелковые, дефять долларов за пару в Анк-Морпорке!»

– И, наверное, он тратил много денег на промокательную бумагу, – сказала нянюшка, в который раз вытирая лицо.

В соседнем шкафу оказалась куча колов и киянок, плюс там же хранилась пачка простых анатомических изображений человеческого тела, на которых крестом была помечена область сердца.

– Фхемы придумывайт я, – с гордостью сообщил Игорь. – Фтарый хозяйин не одабривайт, когда гофти вбивайт колы куда попадайт. Он говорийт, что не против умрайт, что ф удовольфтвием отдыхайт, но выглядяйт как дуршлаг ефть очень плохо, йа?

– А ты, Игорь, оказывается, смышленный, – одобрила нянюшка.

Игорь просиял.

– У меня голова хорошие мозги.

– Сам выбирал, да? Шучу, шучу. Я знаю, мозги ты сам сделать не можешь.

– Мой дальний родфтвенник работайт Незримый Универфитет.

– Правда? И что он там делает?

– Плавайт банка, – заявил Игорь. – Показывайт вам подвал фо фвятая вода? Фтарый мафтер фотфавлял большая коллекция.

– Что-что? – изумилась Маграт. – *Вампир* коллекционировал *святую воду*?

– Кажется, я начинаю понимать, – сказала нянюшка. – Он был настоящим спортсменом, верно?

– О йа!

– А хороший спортсмен всегда дает шанс отважной дичи, – продолжала нянюшка. – Даже если для этого придется заполнить весь подвал какой-нибудь «аква папорале». Да, судя по всему, твой старый хозяйин был настоящим мыслителем. Нынешний-то просто умник-разумник...

– Я тебя не понимаю, – нахмурилась Маграт.

– Смерть для вампиров ничего не значит, – объяснила нянюшка. – Они всегда найдут способ восстать из могилы. Это известно всякому, кто хоть немного разбирается в вампирах. Для людей убийство вампиров – это своего рода приключение, вот вампиры и позволяют вбивать в себя колы, топить себя в реке. Но, отдохнув парочку десятилетий, вампир возвращается из могилы, и все начинается сначала. То есть в выигрыше остаются все. Вампир продолжает свое существование, а сельские герои получают возможность хорошо поразмяться на свежем воздухе.

– Сорокулы обязательно придут за нами, – сказала Маграт, прижимая к себе дочку. – Они увидят, что в Ланкре нас нет, потом поймут, что до равнин мы добраться не могли. Затем обнаружат разбитую карету. Нянюшка, они все равно найдут нас!

Нянюшка оглядела расставленные по размеру бутылки и банки, внимательно изучила аккуратно разложенные колы.

– Ну, на это у них уйдет какое-то время, – сказала она. – А мы используем его для того, чтобы... подготовиться.

Нянюшка с решительным видом повернулась. В одной руке она сжимала бутылку со святой водой, в другой – арбалет, заряженный деревянным кольшком, а в зубах – сетку с заплесневевшими лимонами.

– Аи а, – сказала она.

– Извини? – переспросила Маграт.

Нянюшка выплюнула сетку с лимонами.

– Значит, так, – повторила она. – Я не умею думать так же хорошо, как матушка, зато умею поступать так, как поступаю только я. Головологией пусть занимается кто-нибудь другой. А мы просто надерем этим летучим мышам задницы.

Ветер шумел над пустошами на границе Ланкра, свистел в тонких ветках вереска.

Проносья над старыми, заросшими ежевикой курганами, он качнул ветви одинокого колючего дерева и развеял дым, поднимавшийся вверх по его корням.

И вдруг из-под земли раздался одинокий отчаянный вопль.

Внизу, под холмом, Нак-мак-Фигли бились преотчаянно, но сила брала верх над массой и количеством – и это несмотря на то, что пикси облепили Веренса с ног до головы, а на груди у него восседала сама Большая Агги.

– Верно, хлебало крепковатое вышло, – предположил человек Большой Агги, глядя на налитые кровью глаза и покрытые пеной губы Веренса. –

Перебрали чуток. Всего в пятьдесятк ракс, чем пьем сами. Но он же непривычный...

Большая Агги пожала плечами.

В дальнем углу пикси прорыли в соседнюю пещеру ход и сейчас тащили оттуда длинный меч. Для бронзового клинка он совсем неплохо сохранился – древние ланкрские вожди предпочитали быть похороненными вместе со своим оружием, дабы сражаться с врагами и в следующем мире, но вождем в древнем Ланкре можно было стать, лишь отправив в следующий мир превеликое множество врагов. Поэтому вожди старались брать в последний путь оружие понадежнее и наименее подвластное времени.

Под руководством старого пикси носильщики поднесли меч к бешено дергающейся руке Веренса.

– Вакс готовкс? – спросил человек Большой Агги. – Йин! Тан! Тетра!

Фигли бросились врассыпную. Веренс стремительно выпрямился, врезался головой в потолок, снова пригнулся, схватил меч и принялся колошматить одну из боковых стенок пещеры, пока не прорубил дыру во внешний мир и не скрылся в ночи.

Прижавшиеся к стенам пещеры пикси вопросительно посмотрели на келду.

Большая Агги кивнула.

– Большая Агги говорикс, вы глаз да глаз, чтоб он тип да топ, – возвестил старый пикси.

В воздух взметнулась тысяча маленьких, но очень острых клинков.

– Хуунс!

– Рва-порва!

– Нак-мак-Фигли!

Через несколько секунд пещера опустела.

Нянюшка, быстро шагавшая по главному залу замка с охапкой кольев, вдруг остановилась как вкопанная.

– А это что такое? – спросила она. – Ничего себе размерчик!

– О, это бывайт радофт и гордофт фтарый граф, – возвестил Игорь. – Мафтер бывайт не флишком фовременный, но чафто говоривайт, что век Летучей Мыши имейт фвои преимушефтва. Иногда он играйт на нем и играйт, нефколько чафов кряду...

Это был орган – вернее, таким мечтал стать всякий орган, когда вырастет, – потому что данная особь занимала практически весь огромный зал. Нянюшка, как фанатичная, до мозга костей поклонница музыки, не

могла не залюбоваться этим инструментом. Орган был весь черный, даже трубы его были заключены в узорчатый кожух из черного дерева, а регистры и клавиши были выточены из мертвого слона.

– И как он работает? – уточнила нянюшка.

– При помощи вода, – объяснил Игорь гордо. – Под замком протекайт подземная река. Мафтер заказывают орган по фобфтверный проект...

Нянюшка провела пальцами по бронзовой табличке над клавиатурой.

«ПАСЛУШАЙТЕ, КАК ПАЮТ КИНДЕР НОЧИ... ЧТО ЗА ВУНДЕБАР МУЗИК ОНИ СОЗДАЮТ, – гласила она. – Производитель: Бергольт Статтли Джонсон, Анк-Морпорк».

– Настоящий «Джонсон», – благоговейно произнесла нянюшка. – Я целую вечность не касалась его клавиш... – Она присмотрелась. – Что это? «Крик 1», «Раскаты грома 14», «Вой волка 5»? Целый набор регистров «Скрип половиц»?! Но на нем ведь нельзя играть! В смысле *музыку!*

– Йа, но фтарый мафтер больше интерефовайт... фпецэффекты.

На пюпитре все еще лежал покрытый пылью нотный лист, который кто-то аккуратно заполнял. На листе было множество зачеркиваний и исправлений.

– «Возвращение Невесты Мести Сына Сорокулы», – прочла нянюшка вслух. Ниже имелась приписка «С глубины 20 000 фатомов (?)», но она была зачеркнута. – «Соната для раскатов грома, скрипучих дверей и юных дев в прозрачных одеждах». Твой старый хозяин был немножко художником?

– Йа, некоторый род, – с тоской заметил Игорь.

Нянюшка отошла от органа.

– Маграт точно ничего не угрожает? – спросила она, поднимая колья.

– Та дверь толпонепробиваема, – сказал Игорь. – А Охвофток – девять тридцать вофьмых ротвейлер.

– Какими частями тела? Мне просто интересно.

– Две лапа, один ухо, много кишка и нижний челюфть, – быстро перечислил Игорь, и они двинулись дальше.

– Да, но мозг у него спаниеля, – заметила нянюшка.

– Это у него в кофтя, – кивнул Игорь. – Он хватяйт людей челюфтями, а потом виляй хвофт, вышибай дух.

– Он виляет хвостом так, что вышибает из людей дух?

– Йа. А иногда он топийт их флюна.

Вампиры спустились чуть ниже, и из темноты выступили крыши Воронау. Коснувшись ногами земли, Агнесса заметила, что кое-где в окнах

горят свечи.

Рядом с ней опустился Влад.

– Конечно, в такую погоду ты не увидишь город во всей его красе, – промолвил он. – Очень хорошая архитектура на городской площади, прекрасная ратуша. Отец делал часы на заказ.

– Правда?

– А еще построил колокольню. Ну, не он, конечно, местные жители.

– Стало быть, у вампиров денег летучие мыши не клюют?

Город выглядел довольно большим и был похож на прочие равнинные города. Единственное, что его отличало, – это безвкусные резные украшения практически на каждом карнизе.

– Семья всегда владела этими землями, – ответил Влад, не обращая внимания на ее сарказм. – А деньги имеют обыкновение накапливаться. В течение многих веков. Кроме того, мы, как тебе известно, ведем не слишком активную светскую жизнь.

– И не тратите много денег на еду, – добавила Агнесса.

– Хорошая шутка...

Где-то над их головами зазвонил колокол.

– Сейчас ты все увидишь, – сказал Влад. – И поймешь.

Матушка Ветровоск открыла глаза. Прямо перед ней горел огонь.

– О, – пробормотала она, – свет...

– Ну что, – спросил Овес, – тебе лучше?

Она повернула голову. Посмотрела на поднимающийся от платья пар.

Овес нырнул под ветви двух елей и бросил в костер очередную охапку веток. Пламя зашипело.

– Как долго я... отдыхала? – спросила матушка.

– Около получаса.

Красный свет и черные тени плясали меж деревьев. Дождь превратился в мокрый снег, который таял над костром и превращался в пар.

– Как тебе удалось развести костер? В такой-то темноте?

– Это все спасибо Ому, – откликнулся Овес.

– Очень любезно с его стороны. Но мы должны... продолжить путь. –

Матушка попыталась встать. – Уже недалеко. И все время под гору...

– Мул убежал, – сказал Овес.

– Но ноги-то еще при нас! Я чувствую себя лучше... немного отдохнув. Огонь вернул мне частичку жизни.

– Сейчас слишком темно и слишком мокро. Подождем до утра.

Матушка встала.

– Нет. Найди палку или еще что-нибудь, на что я могла бы опереться. Быстрее!

– Ну... ниже по склону я видел ореховую рощу, но...

– Мне как раз пригодится крепкая ореховая палка. Не стой же столбом! С каждой минутой мои силы возвращаются. Ступай!

Он исчез в мокрой темноте.

Матушка помахала юбкой перед костром, чтобы теплый воздух лучше циркулировал, и что-то белое вдруг вылетело из пепла и, поплясав над огнем, опустилось на землю.

Она нагнулась.

В ее руках оказался клочок тонкой бумаги с опаленным краем. Это была часть страницы. В красном свете костра она различила слова: «... Омьего... ложенный... Урн искоренил...» Сбоку к клочку приклеились ниточки, которые прежде удерживали его в переплете.

Она долго вертела его в руках, но потом, когда треск веток возвестил о возвращении всемогучего Овса, аккуратно бросила бумажку обратно в огонь.

– И ты найдешь в такой темноте дорогу? – спросил он, передавая матушке ореховую палку.

– Разумеется. Ты будешь поддерживать меня с одной стороны, а с другой я буду опираться на палку. Приятная прогулка по лесу, не более.

– *Выглядишь* ты нисколечко не лучше.

– Молодой человек, если мы будем сидеть здесь и ждать, пока я похорошею, боюсь, пройдут многие годы.

Она подняла руку, и из темноты мгновенно вылетел ухтыястреб.

– Ты молодец, что развел костер, – сказала матушка, не оборачиваясь.

– Я всегда считал: главное – верить в Ома, и выход обязательно найдется.

– А я считаю: Ом помогает тем, кто сам себе помогает, – промолвила матушка.

По всему Воронау в окнах загорались свечи и лампы, отовсюду доносился шум отпираемых дверей. Звон колокола разносился далеко сквозь туман.

– Обычно мы собираемся на городской площади, – сказал Влад.

– Но сейчас глубокая ночь! – удивилась Агнесса.

– Да, но такое случается не слишком часто, по нашему договору – не чаще двух раз в месяц. Видишь, каким процветающим выглядит город? Жители Воронау находятся в полной безопасности. И ты заметила, никаких

ставен на окнах? Им не приходится устанавливать решетки на окна, прятаться в подвалах, тогда как в... менее управляемых районах нашей страны, не буду кривить душой, это до сих пор происходит. Но местные жители поменяли страх на безопасность. Они... – Влад вдруг покачнулся, прислонился к стене и провел ладонью по лбу. – Извини, я чувствую себя немного... странно. О чем это я?

– Понятия не имею, – огрызнулась Агнесса. – Ты что-то говорил о том, как тут все счастливы, когда к ним в гости приходят вампиры.

– Ах да. Да. Сотрудничество, а не вражда. Ведь... – Он достал из кармана носовой платок и вытер лицо. – Потому что... Ну, это, как его... Слушай, тебе не кажется, по-моему, похолодало?

– Не знаю... – неуверенно ответила Агнесса. – По-моему, немного сыро, и все.

– Пойдем на площадь, – предложил Влад. – Уверен, мне скоро станет лучше.

Площадь была прямо перед ними, неподалеку. Там уже горели факела. Собирались местные жители, кто-то – с одеялами на плечах, другие – в тулупах, наброшенных на ночные рубашки. Люди скапливались небольшими группками, как будто прозвучал вой пожарной сирены, но дыма пока нигде не было видно.

Заметив Влада, собравшиеся на площади сразу стали нервно покашливать, зашаркали ногами.

Тем временем сквозь туман на площадь спускались остальные вампиры. Изящно приземлившись, граф Сорокула кивнул Агнессе.

– А, госпожа Нитт, – рассеянно произнес он. – Ну что, Влад, все собрались?

Колокол перестал звонить, и буквально через мгновение на землю опустилась Лакримоза.

– Что, девица все еще с тобой? – спросила она, удивленно подняв брови. – Ну и ну...

– Я должен перекинуться парой слов с городским головой, – сказал граф. – Ему нравится, когда его держат в курсе происходящего.

И граф направился к приземистому мужчине, который, несмотря на то что его подняли с постели в столь ненастную ночь, не забыл надеть на шею положенную по должности золотую цепь.

Затем Агнесса заметила, что вампиры выстраиваются на площади под колокольной на расстоянии четырех-пяти футов друг от друга. Они шутили, переговаривались друг с другом – все, кроме Лакримозы, которая смотрела только на нее.

Граф о чем-то разговаривал с городским головой, который упорно таранился себе под ноги.

На противоположном конце площади начала создаваться очередь из горожан. Маленькие дети, вырвавшись из рук родителей, со смехом гонялись друг за другом вокруг выстроившихся гигантской змеей угрюмых взрослых.

И подозрение стало расцветать внутри Агнессы подобно огромной розе с черными, окаймленными красным лепестками.

Влад почувствовал, как напряглось ее тело, и сильнее сжал руку.

– Я знаю, о чем ты думаешь... – произнес он.

– Ты *не знаешь*, о чем я думаю, но я скажу тебе, о чем я думаю, – произнесла Агнесса, пытаясь унять дрожь в голосе. – Ты...

– Послушай, все могло быть намного хуже, все и было намного хуже...

К ним быстрым шагом подошел граф.

– Хорошие новости, – сообщил он. – Троице детишкам только что исполнилось двенадцать. – Он наградил Агнессу широкой улыбкой. – У нас существует небольшая церемония... перед главной лотереей. Так сказать, обряд посвящения. Честно говоря, мне кажется, им самим не терпится его пройти.

«Он наблюдает за тобой, чтобы понять, как ты отреагируешь, – сказала Пердита. – Влад просто глуп. Лакримоза с удовольствием пустила бы твои волосы на мочалку, но этот... он вцепится в горло сразу же, стоит тебе как-нибудь не так моргнуть. В общем, моргай только так, как надо, очень прошу. Видишь ли, даже плоду твоего воображения очень хочется жить...»

Агнесса чувствовала, как ее тело сковывает ужас. Это был плохой ужас, неправильный ужас, холодный, болезненный, от которого она словно бы цепенела, не могла сдвинуться с места. Она должна была что-то сделать, вырваться из его объятий...

Первым заговорил Влад.

– Ничего драматичного, – быстро произнес он. – Маленькая капля крови... Отец посещал местную школу и все там объяснил – что значит гражданство и так далее...

– Как мило, – прохрипела Агнесса. – А значок они получают?

Скорее всего, эти слова произнесла Пердита, потому что Агнесса была не способна на выражение столь дурного вкуса – даже во имя сарказма.

– Ха. Нет. Но мысль неплохая, – сказал граф, наградив ее быстрой улыбкой. – Да... возможно, значок или небольшую грамоту. Что-нибудь, чем можно будет дорожить в будущей жизни. Постараюсь отложить в памяти. Итак... начнем. Ага, голова уже собрал ребятешек...

Откуда-то из толпы донесся крик, и Агнесса на мгновение увидела человека, который пытался пробиться вперед. Городской голова кивнул стоявшим рядом мужчинам, и они ввинтились в толпу. Послышался шум борьбы в темноте. Агнессе показалось, что она услышала женский крик, который тут же оборвался. Потом хлопнула дверь.

Голова, обернувшись, встретился взглядом с Агнессой. Она отвернулась, чтобы не видеть выражения его лица. Люди хорошо умели фантазировать о том, как выглядит ад, но некоторым доводилось посетить его при жизни.

– Ну, продолжим? – спросил граф.

– Влад, не мог бы ты отпустить мою руку? – ласково попросила Агнесса.

«Они ждут, как ты отреагируешь», – прошептала Пердита. «О! – воскликнула Агнесса в собственной голове. – Значит, я просто должна стоять и наблюдать? Как все остальные?» – «Мне просто хотелось обратить на это твое внимание. Что с ними сделали? Они выстраиваются, как свиньи в ожидании Санта-Хрякуса!» – «Как мне объяснили, они выбрали безопасность», – сказала Агнесса. «Что ж... Главное – сотри эту улыбочку с лица Лакрिमозы, больше я ни о чем не прошу...»

Они могли двигаться очень быстро. Тут даже крик не спасет. Быть может, она успеет нанести один удар, а потом все будет кончено. Возможно, она очнется вампиром, грань между добром и злом сотрется для нее. Но дело было не в этом. Нужно было действовать здесь и сейчас, потому что она *присутствовала* здесь и сейчас.

Агнесса видела каждую каплю в пропитанном водой воздухе, ощущала запах дыма от залитых водой костров, слышала, как копошатся крысы в соломенных крышах домов. Все органы чувств работали на пределе, чтобы выжать максимум из последних нескольких секунд...

– Ну почему?! Я не понимаю! – крик Лакрिमозы, словно пилой, прорезал туман.

Агнесса заморгала. Девушка подошла к отцу и смотрела на него испепеляющим взглядом.

– Почему всегда начинаешь именно *ты*?

– Лакримоза! Что на тебя нашло? Я – глава клана!

– Правда? И ты будешь им всегда?!

Граф выглядел пораженным.

– Конечно!

– И вечно будешь помыкать нами? И мы вечно будем твоими детьми?

– Малыш, ты только подумай, что ты...

– И перестань разговаривать со мной таким тоном! Прибереги его для мяса! Ну что, за свое непослушание я *навечно* сослана в свою комнату?

– Мы же построили тебе собственную дыбу...

– Ага, конечно! И теперь я должна кивать, улыбаться этому мясу, заигрывать с ним?

– Не смей так разговаривать с отцом! – закричала графиня.

– И не смей так говорить об Агнессе! – прорычал Влад.

– Ты упомянул Агнессу? Но разве я сказала о ней хоть слово? – холодным тоном осведомилась Лакримоза. – Кажется, нет. Мне даже в голову не приходило говорить о ней.

– Я не потерплю *споров!* – вскричал граф.

– Вот оно что, – кивнула Лакримоза. – Нам даже поспорить нельзя! Мы должны беспрекословно, *вечно* исполнять все то, что велишь нам ты.

– Мы же договорились...

– Нет, это ты договорился, а тебе никто не возразил. Влад был прав!

– Неужели? – Граф повернулся к сыну. – И в чем же ты был прав?

Влад несколько раз открыл и закрыл рот, пытаясь составить слова в связное предложение.

– Ну, я мог упоминать, что наши поступки в Ланкре вряд ли можно назвать благоразумными...

– О! – воскликнула графиня. – Да что ты смыслишь в благоразумии, мальчишка! Ты прожил чуть больше двухсот лет.

– Вряд ли? – переспросил граф.

– И это еще ласково! Лично я бы назвала это просто *глупостью!* – фыркнула Лакримоза. – Маленькие значки? Подарки? Мы ничего не должны давать! Мы – *вампиры!* Мы берем то, что хотим! Вот так...

Она протянула руку, схватила стоявшего рядом мужчину и повернулась к нему – с развевающимися волосами и широко открытым ртом.

И замерла, как будто вдруг окаменела.

Потом выгнулась, схватилась рукой за горло и с ненавистью посмотрела на отца.

– Что... что ты сделал? – прохрипела она. – Мое горло... Ты что-то сделал!

Граф провел ладонью по лбу и сжал пальцами переносицу.

– Лакки...

– *Не смей* меня так называть! Ты знаешь, как я ненавижу это имя!

Коротко вскрикнул один из обычных вампиров. Агнесса не могла вспомнить его имя – то ли Фенрир, то ли Клятый, но она помнила, что он предпочитал, чтобы его называли Джеральдом. Он опустился на колени,

схватившись руками за горло. Остальные вампиры тоже выглядели не слишком-то весело. Некоторые из них уже стояли на коленях и стонали – к немалому удивлению горожан.

– Я чувствую себя... нехорошо, – сказала, слегка покачиваясь, графиня. – Я же говорила, не надо было пить это вино...

Граф повернулся и уставился на Агнессу. Она невольно сделала шаг назад.

– Это ты, да?

– Конечно, она! – простонала Лакримоза. – Ты же знаешь, старуха куда-то запрятала свою сущность, а она знала, что Влад запал на эту толстуху!

«Ее ведь здесь нет, верно?» – спросила Пердита. «А как ты сама считаешь?» – подумала Агнесса, отступая еще на шаг. «Не знаю, здесь она или нет, но сейчас это я думаю или кто?» – «Послушай, она спряталась в священнослужителе, нам обеим это известно». – «Это только твоя гипотеза. Ты просто решила, что это будет умный ход, поскольку все решат, что она спряталась в девочке».

– А почему бы тебе не забраться обратно в свой гроб и не сгнить там, мерзкий, вонючий опарыш! – гаркнула Агнесса. Фраза получилась не слишком удачной, но импровизированные оскорбления редко бывают складными.

Лакримоза бросилась на нее, но с ней явно было что-то не так. Вместо того чтобы скользить по воздуху подобно бархатной погибели, она ковыляла, словно птица с перебитым крылом. Подгоняемая яростью, Лакримоза все-таки добралась до Агнессы, оставалось сделать последний прыжок...

Агнесса нанесла удар, вложив в него всю свою силу, и почувствовала, что Пердита тоже приняла в этом участие. Она даже не надеялась на успех. Вампирша была настолько ловкой, что могла три раза обежать вокруг Агнессы, пока та замахивалась... Но почему-то удар угодил прямо в цель.

Под изумленными взорами всех жителей Воронау Лакримоза попятилась. На губах ее проступила кровь.

Городской голова нахмурился.

Сжав кулаки, Агнесса встала в боевую стойку.

– Я не знаю, куда исчезла матушка Ветровоск, – сказала она. – Может, она здесь, внутри меня. – Внезапно на нее снизошло некое безумное озарение, и она гаркнула резким матушкиным голосом: – И если вы еще раз посмеете хоть пальцем меня тронуть, я откушу вам руки по самый локоть!

– Хорошая попытка, госпожа Нитт, – сказал, направляясь к ней, граф. –

Но я не думаю, что...

Он замер и схватился обеими руками за золотую цепь, которая вдруг стала затягиваться у него на горле.

Стоявший за его спиной городской голова еще сильнее дернул за цепь, заставив вампира опуститься на колени.

Горожане переглянулись и мгновенно принялись действовать.

Вампиры поднялись в воздух, пытаясь набрать высоту. Они били ногами, откидывая от себя горожан. Факелы были мгновенно сорваны со стен домов. Ночную тишину сменил жуткий рев толпы.

Агнесса посмотрела на замершего в ужасе Влада, Лакримозу окружало быстро сужавшееся людское кольцо.

– Беги, пока не поздно, – сказала она. – Иначе они...

Он повернулся и прыгнул. И последним, что она увидела, были его клыки.

Спускаться по склону оказалось тяжелее, чем подниматься. Из каждой ямки били ключи, каждая тропка превратилась в ручей.

Пока они с матушкой переваливались из лужи в канаву и обратно, Овес вспоминал «Книгу Ома», вернее, ту ее часть, в которой описывалось странствие пророка Брута с Омом по голой пустыне. Это странствие навсегда изменило омнианство. Мечи сменились проповедями, что привело к значительному сокращению смертности, ну, разве что за исключением тех случаев, когда проповедь слишком уж затягивалась. Но вместе с тем церковь раскололась на тысячу частей, которые принялись спорить друг с другом, что вызвало появление огромного количества овсов, которые спорили сами с собой.

«Интересно, – подумал Овес, – далеко ли ушел бы Брута, если бы поддерживал под руку матушку Ветровоск?» Было в этой старушке что-то нестигаемое, твердое, как камень. Наверное, примерно на полпути благословенный пророк поддался бы искушению и... сказал бы что-нибудь неприятное либо сделал многозначительный жест. Отогревшись у костра, матушка стала крайне раздражительной. Ее что-то очень беспокоило.

Дождь прекратился, зато усилился ветер – иногда он приносил заряды мокрого снега и града.

– Наверное, уже недалеко осталось, – тяжело дыша, выдавил Овес.

– Тебе-то откуда знать? – сварливо осведомилась матушка, шлепая через черную торфяную лужу.

– Ты абсолютно права, неоткуда. Я сказал это, только чтобы тебя подбодрить.

- У тебя не получилось, – откликнулась матушка.
 - Госпожа Ветровоск, ты хочешь, чтобы я бросил тебя здесь?
 - Поступай как знаешь, – фыркнула матушка. – Мне все равно.
 - Так хочешь или нет?
 - Это не моя гора. Я не могу указывать людям, где они должны находиться.
 - Что ж, если хочешь, я уйду, – обиделся Овес.
 - Что характерно, я тебя с собой не звала, – пожалала плечами матушка.
 - Но ты бы умерла, не будь меня рядом!
 - А вот это тебя не касается.
 - О мой бог, госпожа Ветровоск, ты кого хочешь изведешь.
 - Это твой бог, господин Овес, как правило, изводит людей. И другие боги тоже. Поэтому я стараюсь не иметь с ними никаких дел. А еще они очень любят устанавливать всякие правила.
 - Но правила необходимы, госпожа Ветровоск.
 - Ну-ка, назови самое первое правило, которое предписывает тебе твой бог.
 - Верующие не должны поклоняться никакому другому богу, кроме Ома, – без запинки ответил Овес.
 - Да неужели? Что ж, не у одного Ома такое правило. Все боги крайне эгоистичны.
 - Я думаю, это необходимо, чтобы привлечь внимание людей. Но также существует довольно много заповедей, касающихся отношений людей друг с другом.
 - Правда? А предположим, человек не хочет верить в Ома, но пытается вести праведную жизнь?
 - Согласно утверждению пророка Бруты, дабы вести праведную жизнь, нужно верить в Ома.
 - Ого, толково придумано! Все предусмотрели, – кивнула матушка. – Только очень умный человек мог придумать такое. Молодец. А какие еще умные вещи он изрек?
 - Он изрекал вовсе не для того, чтобы показаться кому-то умным, – горячо возразил Овес. – Но если хочешь знать, в своем Письме к Симонитам он говорит, что мы становимся людьми только через других людей.
 - Вот тут он абсолютно прав.
 - А еще он говорит, что мы должны нести свет в темноту.
- Матушка промолчала.
- Кажется, ты и сама говорила о том же, – продолжал Овес. – Потому

что, когда ты... стояла на коленях, ну, там, в кузнице, то бормотала что-то очень похожее...

Матушка остановилась так резко, что Овес едва не упал.

– Что я делала?

– Бормотала и...

– Я говорила... во сне?

– Да. Мол, тьма царит там, где должен быть свет. Я это хорошо запомнил, потому что в «Книге Ома»...

– И ты все слышал?

– Я, конечно, не прислушивался, но тебя нельзя было не слышать. Ты говорила так, словно с кем-то спорила...

– А ты помнишь все, что я говорила?

– Думаю, да.

Матушка сделала еще несколько шагов и остановилась прямо посреди лужи черной воды. Грязь мигом начала ее засасывать.

– А ты можешь это забыть?

– Что-что?

– Не будешь ли ты столь любезен забыть тот вздор, что несла бедная старая женщина, которая к тому же была несколько не в своем уме? – медленно произнесла матушка.

Овес на мгновение задумался.

– Какой такой вздор, госпожа Ветровоск?

Он заметил, что напряженные плечи матушки сразу обмякли.

– А что, я разве что-то спросила?

Черные пузыри поднимались на поверхность болотины вокруг ног матушки. Всемогучий Овес и матушка Ветровоск внимательно смотрели друг на друга. На том самом месте и в той самой луже было заключено своего рода перемирие.

– Молодой человек, не мог бы ты помочь мне выбраться отсюда?

На это потребовалось некоторое время – и помощь ветки стоявшего рядом дерева. Да и то, несмотря на отчаянные усилия Овса, первую ногу удалось извлечь только без башмака. После того как один башмак исчез в торфяной болотине, за ним – видимо, из чувства солидарности – последовал и второй.

В итоге матушка наконец оказалась на относительно сухой и относительно твердой земле. Овес опустил взгляд на ее ноги и увидел перед собой пару самых толстых в мире носков. Эти носки выглядели так, словно без труда могли отразить удар молотком.

– Хорошие были башмаки, – сказала матушка, разглядывая

пузырьки. – Ну ладно, пошли.

Сделав первые шаги, она пошатнулась, но, к восхищению Овса, все же сохранила вертикальное положение. У него начинало формироваться несколько иное отношение к этой женщине – впрочем, «несколько иное» отношение к ней формировалось каждые полчаса. Последнее, к примеру, заключалось в следующем: матушка постоянно должна была кого-нибудь бить. Если бить было некого, она начинала бить себя.

– Жаль эту твою святую книжицу... – промолвила она, когда они еще немного спустились по тропинке.

Овес ответил только после долгой паузы.

– Я легко могу достать другую, – спокойно произнес он.

– Должно быть, тяжело остаться без любимой книжки.

– Это всего лишь бумага.

– Я попрошу короля подарить тебе другую книгу со священными писаниями, – пообещала она.

– Это ерунда, не стоит беспокоиться.

– Тебе пришлось сжечь столько слов...

– Истинные слова не горят.

– А ты не так уж глуп, хотя шляпа у тебя дурацкая.

– Матушка Ветровск, я понимаю, когда меня пытаются достать.

– Молодец.

Они молча продолжили путь. Мокрый снег пополам с градом барабанил по остроконечной шляпе матушки и широкополой шляпе Овса.

– Зря ты пытаешься заставить меня поверить в этого твоего Ома, – сказала наконец матушка.

– Ом запрещает мне это, госпожа Ветровск. Я ведь даже не пытался вручить вам религиозную брошюру.

– Нет, но ты пытался заставить меня подумать: «О, какой приятный молодой человек, его бог, должно быть, очень хороший, раз такие приятные молодые люди помогают таким старым женщинам, как я».

– Неправда.

– Да ну? А и ладно, все равно у тебя ничего не вышло. Можно верить в людей, но только не в богов. И вот еще что, господин Овес...

– Что? – вздохнув, спросил он.

Она резко повернулась к нему, словно бы ощутила прилив сил.

– Тебе самому будет лучше, если я не буду верить в твоего бога, – сказала она, постучав по его груди острым пальцем. – Этот Ом... его кто-нибудь видел?

– Считается, что три тысячи человек были свидетелями его

проявления у Великого Храма, когда он заключил Договор с пророком Брутой и спас последнего от мучительной смерти на железной черепахе...

– Готова поклясться, потом эти три тысячи долго спорили, что же они видели на самом деле. Я права?

– Да, конечно, существует много версий...

– Поняла, поняла. В этом все люди. Вот если бы я увидела его тогда, действительно увидела бы, меня охватил бы всепоглощающий жар. Если бы я узнала, что действительно существует бог, которому не наплевать на людей, который следит за ними, как отец, и заботится о них, как мать... О нет, ты бы не услышал от меня таких слов, как: «У каждой проблемы есть две стороны» или «Мы должны с уважением относиться к убеждениям других людей». Если бы во мне горело пламя, подобное всепоглощающему мечу, ты бы от меня доброты не дождался. Я бы не стала ждать, когда все разрешится само собой. Это если бы пламя действительно *горело*. Вот ты говоришь, вы больше не приносите людей в жертву, больше не сжигаете их на кострах, но именно в этом заключается истинная вера. Приносить в жертву пламени собственную жизнь каждый божий день, превозносить его истинность, трудиться во имя его, выпитывать его... Это и называется религией. А все остальное лишь... *доброе* отношение. И способ поддерживать хорошие отношения с соседями.

Немного помолчав и успокоившись, матушка добавила тихим голосом:

– Как бы то ни было, если бы я действительно верила, то поступала бы именно так. Я не думаю, что сейчас считается *модным* так поступать, потому что, мне кажется, увидев зло, ты начнешь заламывать руки и причитать: «Ой-ей-ей, надо же сначала все обсудить!» Вот мое мнение, господин Овес, хотя, быть может, оно и ломаного гроша не стоит. Пусть все идет своим чередом, и ты найдешь свое счастье. Не гоняйся за верой, потому что тебе никогда ее не поймать, – промолвила она, но обращалась как будто не к нему, а к самой себе. – Впрочем, возможно, ты сумеешь жить согласно своей вере.

У нее стучали зубы от холода, ветер хлопал мокрым платьем по ее ногам.

– У тебя есть при себе еще одна книга со священными писаниями? – спросила матушка.

– Нет, – ответил еще не оправившийся от потрясения Овес.

«Боже мой, – подумал он, – если она когда-нибудь обретет веру, что спустится с этих гор и прокатится по равнинам?! Боже мой... я ведь только что сказал „Боже мой“...»

– Или псалтырь?

– Нет.

– Тонкий молитвенник? Походный вариант?

– Нет, матушка Ветровоск.

– Проклятие. – Матушка Ветровоск медленно начала падать, складываясь, как пустое платье.

Он бросился вперед и успел подхватить ее, прежде чем она рухнула в грязь. Тонкие бледные пальцы обхватили его запястье так сильно, что он даже вскрикнул. А потом матушка обмякла в его руках.

Что-то заставило Овса поднять взгляд.

Совсем рядом он увидел всадника в капюшоне и на белой лошади. Всадника окружало едва заметное синее сияние.

– Убирайся! – закричал Овес. – Убирайся немедленно... иначе...

Он опустил тело матушки на более или менее сухую кочку, зачерпнул горсть грязи и швырнул ее в темноту. Потом бросился вперед, отчаянно нанося удары по силуэту, который вдруг превратился в тени и клочки тумана.

Затем Овес метнулся назад, закинул матушку Ветровоск на плечо и побежал вниз по склону.

Клочки тумана за его спиной снова сложились в фигуру на белой лошади.

Смерть покачал головой.

– Я ДАЖЕ СКАЗАТЬ НИЧЕГО НЕ УСПЕЛ.

Волны черного тепла захлестнули Агнессу. Потом появилась яма и последовало падение в жаркую, душную темноту.

Она ощутила *желание*. Оно несло ее вперед, будто течение.

«Хорошо, – сонно подумала она. – По крайней мере, сброшу лишний вес...»

«Ага, – согласилась Пердита. – А как насчет пары фунтов глазной туши, которые тебе придется отныне таскать на своем лице?»

Голод охватывал ее существо, заставлял быстрее двигаться вперед.

И был свет за ее спиной, лучи которого проходили мимо. Она почувствовала, что падение постепенно замедляется, словно она летела сквозь невидимые перья, но вдруг мир перевернулся, и она снова стала взлетать, понеслась быстрее, чем стрела, к расширяющемуся кругу холодного белого...

Вряд ли это были слова. Звуки тут отсутствовали как класс, только тихо что-то шуршало. Но то были тени слов, следы, которые слова оставляют, после того как их произносят, и она почувствовала, как ее

собственный голос пытается заполнить пространство, которое внезапно начинало обретать форму. «Я... этого... не... допущу...»

Свет взорвался.

Кто-то собирался вбить кол прямо ей в сердце.

– Стдт? – пробормотала Агнесса, откидывая руку с колом в сторону.

Попыталась еще что-то произнести – не получилось. Наконец ей удалось выплюнуть изо рта лимон.

– А ну, прекрати! – крикнула она на этот раз со всей убедительностью, на которую только была способна. – Что ты делаешь, черт тебя возьми? Я что, *похожа* на вампира?

Мужчина с колом и киянкой замялся, а потом постучал пальцем себе по шее.

Агнесса подняла руку к горлу и нащупала два припухших рубца.

– Он промахнулся! – сказала она, еще раз отводя в сторону кол. – Кто снял с меня чулки? И это запах кипящего уксуса? А что делают маковые семена в моем лифчике? Ну, если чулки снимала не женщина, вас всех ждут *серьезные* неприятности, уж я обещаю!

Толпившиеся вокруг стола люди растерянно переглянулись, немного подрастеряв свою уверенность, – настолько яростно она сопротивлялась. Агнесса почувствовала, как что-то коснулось ее уха, и подняла взгляд. Над ней висели звезды, кресты, кольца и еще какие-то предметы более сложной формы, в которых она узнала религиозные символы. Она никогда не испытывала тяги к вере, но знала, как выглядят многие религиозные атрибуты.

– А все это, – она обвела вокруг себя рукой, – абсолютная безвкусица.

– Она не похожа на вампиров, – признал мужчина. – Совсем не похожа. И она дралась с ними.

– Мы видели, как один из них укусил ее! – выкрикнула какая-то женщина.

– Он промахнулся, было слишком темно... – возразила Агнесса, осознавая, что на самом деле клыки Влада попали прямо в цель.

Голод постепенно усиливался. Он не был похож на те темные желания, что владели ею в темноте, и тем не менее чувство голода было сильным и настойчивым. Рано или поздно ей придется поддаться.

– Я сейчас убить готова за чашку чая, – сказала она.

Это решило исход дела. Как правило, чай не тот напиток, что предпочитают вампиры.

– И можно, я вытряхну из лифчика эти зернышки? – продолжила Агнесса, поправляя платье. – А то я чувствую себя какой-то маковой

плетенкой.

Люди немного отошли, она опустила ноги со стола и сразу увидела лежавшего на полу вампира. «Другого вампира», – чуть было не подумала она.

Мужчина был одет в длинный сюртук и цветастую жилетку, правда, сейчас его одежда была заляпана кровью и грязью. Из груди его торчал кол. С более точным определением личности возникли некоторые проблемы, поскольку было непонятно, куда девалась его голова.

– Как вижу, по крайней мере одному из них не удалось улизнуть, – промолвила Агнесса, с трудом подавляя тошноту.

– Даже двум, – поправил мужчина с киянкой. – Еще одного мы сожгли. Но они убили городского голову и господина Влака.

– Хочешь сказать, остальным удалось сбежать? – спросила Агнесса.

– Да. Они все еще сильны, правда, летать почти не могут.

Агнесса показала на обезглавленного вампира.

– Это... Влад? – спросила она.

– Это который из них?

– Тот, что... укусил меня... Пытался укусить.

– Щас проверим. Эй, Петр, покажи-ка ей башку.

Молодой мужчина послушно направился к камину, надел перчатку, снял с большой кастрюли крышку и достал оттуда за волосы чью-то голову.

– Это не Влад, – констатировала Агнесса, проглотив комок в горле.

«Точно, – подтвердила Пердита. – Влад был выше ростом».

– Они направляются в свой замок, – сказал Петр. – Пешком! Ты б видела, как они пытались взлететь! Точно испуганные куры!

– В замок... – повторила Агнесса.

– И они должны успеть до первых петухов, – с довольным видом произнес Петр. – Но срезать по лесу им не удастся. Вервольфы.

– Что? Я думала, что вампиры и вервольфы неплохо ладят...

– Возможно, так может показаться на первый взгляд, – хмыкнул Петр. – А на самом деле они глаз друг с друга не спускают, ждут, кто первым мигнет. – Он окинул взглядом комнату. – Мы-то ничего не имеем против вервольфов. Большую часть времени они нас не трогают. Мы не слишком-то быстро бегаем, им с нами неинтересно.

Он осмотрел Агнессу с головы до ног.

– Что ты с ними сотворила? В смысле, с вампирами?

– Я? Ничего... Не знаю... – смутилась Агнесса.

– Они даже не смогли покусать нас.

– И постоянно ругались между собой, – добавил мужчина с киянкой.

– На тебе остроконечная шляпа, – заметил Петр. – Ты навела на них ведьмовские чары?

– Я... я не знаю. Правда не знаю.

Ее природная честность столкнулась с основными ведьмовскими принципами. Одним из наиболее важных аспектов ведьмовства было лукавство, и было бы крайне глупо не поставить себе в заслугу эти необъяснимые, но весьма благоприятные события.

– Или... это все-таки я?

– Мы хотим отправиться за ними в погоню, – сказал Петр.

– Но они, наверное, уже далеко?

– А мы срежем. По лесу.

На плече Джейсона Ягга зияла большая рана, и струйки дождя окрашивались в алый цвет. Он прижимал к ране тряпку.

– Неделю или две придется ковать левой, – поморщившись, сказал он.

– У них отличная зона обстрела, – буркнул Шон, прятаясь за пивной бочкой, которая совсем недавно использовалась для «обмывания» новорожденной принцессы. – Это ведь замок. Лобовой атакой его не возьмешь.

Вздохнув, он прикрыл ладонью оплывающую свечу, чтобы ее не задул ветер. Тем не менее они предприняли именно что лобовую атаку. Никто не погиб только потому, что защитники цитадели были абсолютно и беспробудно пьяны. Правда, парочке осаждавших придется какое-то время хромать. Затем ланкрцы предприняли так называемую «задовую» атаку (Шон искренне гордился тем, что изобрел новый военный термин), но бойницы были расположены даже над кухонными окнами. Затем одному ланкрцу удалось вскарабкаться по стене, и он предпринял «крышевую» атаку, но все двери, ведущие на крышу, оказались крепко запертыми изнутри. Так он и остался торчать как дурак на крыше замка.

Сейчас Шон попытался найти какую-нибудь полезную информацию в древних военных дневниках генерала Тактикуса. Этот генерал настолько успешно и разумно вел свои военные кампании, что впоследствии его имя было присвоено целому разделу военной науки. Шон даже нашел раздел, озаглавленный «Что делать, если одна армия занимает хорошо укрепленную и недосыгаемую позицию, а другая – наоборот», но первое же предложение гласило: «Постараться оказаться на месте первой», и Шон потерял к дневникам всякий интерес.

Остальные члены ланкрского ополчения прятались за камнями и перевернутыми телегами, ожидая, когда он поведет их в атаку.

Что-то почтительно звякнуло. Это Большой Биф-Джим, служивший по совместительству укрытием для еще двоих солдат, отдал честь своему главнокомандующему.

– Я полагаю, – произнес он, – что если мы разведем большой огонь перед дверями, то сможем выкурить их оттуда.

– Хорошая мысль, – одобрил Джейсон.

– Но это же королевская дверь, – возразил Шон. – Я и так получил от его величества нагоняй за то, что не вычистил на этой неделе выгребную яму...

– Он может послать маме счет.

– Это подстрекательские разговоры, Джейсон! Я мог бы тебя дебом... дебимо... Мама была бы тобой очень недовольна!

– Кстати, а где король? – спросил Даррен. – Бездельничает, наверное, пока наша мамочка решает за него все проблемы, а мы тем временем находимся под вражеским огнем.

– Ты же знаешь, у него слабые легкие, – сказал Шон. – Он и так ведет себя очень мужественно, учитывая...

Его перебил жуткий, пронесшийся по двору замка вопль. Это был хриплый вопль, в нем звучали первобытные нотки – какому-то дикому зверю причинили боль, и сейчас он намеревался поскорее передать эту боль другому. Ополченцы испуганно переглянулись.

В ворота ворвался Веренс. Шон узнал его только по вышивке на ночной рубашке и пушистым шлепанцам. Король держал над головой огромный меч и бежал прямо к дверям цитадели, а крик волочился где-то сзади.

Меч воткнулся в дерево. Шон услышал, как задрожала толстая дверь.

– Он сошел с ума! – закричал Даррен. – Нужно поймать бедолагу, пока его не подстрелили!

Они вдвоем кинулись к судорожно пыхтящему королю, который стоял на двери параллельно земле и пытался вытащить меч.

– Послушайте, ваше вели... Аргх!

– А, жри полной рожей люлей!

Даррен попятился назад, закрывая лицо руками.

Крошечные фигурки заполнили двор замка. Это походило на нашествие каких-то мелких вредителей.

– Гиббонсы!

– Кирдыкс!

– Нак-мак-Фигли!

Раздался еще один крик. Это Джейсон, пытавшийся умерить излишний

монарший пыл, узнал, что прикосновение к царственной особе, возможно, и лечит некие болезни скальпа, но прикосновение скальпа царственной особы способно привести к тому, что нос приобретает весьма забавную плоскую форму.

Вокруг в землю втыкались стрелы.

Шон схватил Большого Биф-Джима за лапу.

– Их же перестреляют, как куропаток! Тут даже пьяный попадет! – крикнул он сквозь жуткий шум. – Иди за мной!

– А чо делать-то?

– Чистить сортир!

Троль вслед за Шоном обогнул замок и оказался там, где во всем своем зловонном великолепии возвышалась на фоне ночного неба известная на все королевство Звонница. Эта башня была проклятием всей жизни Шона. В нее опорожнялись все замковые уборные, а в обязанности Шона входили чистка башни и перенос содержимого в вырытые в парке ямы. Благодаря инновациям Веренса в компостной области содержимое этих ям очень быстро превращалось собственно в Ланкр^[13]. Последнее время замок был битком набит всяким народом, а поэтому Шоновы еженедельные упражнения с лопатой и тачкой уже не были такими спокойными и уединенными, как прежде. Конечно, он сам позволил работе... накопиться, не выполняя ее несколько последних недель, но он что, должен всем на свете заниматься?

Махнув рукой, Шон приказал Большому Биф-Джиму подойти к двери в основании Звонницы. Троллей, к счастью, практически не беспокоили запахи органического происхождения, зато те же тролли с легкостью отличали по запаху одну породу известняка от другой.

– Откроешь дверь по моему сигналу, – велел Шон, отрывая от рубахи полосу ткани и обматывая ее вокруг стрелы. Он пошарил в карманах в поисках спичек. – А когда откроешь дверь, – продолжил он, поджигая ткань, – беги отсюда очень быстро, понял? Приготовился... Открывай!

Большой Биф-Джим дернул за ручку. Когда дверь распахнулась, раздался едва слышный свист.

– Беги! – закричал Шон, натянул тетиву и выпустил стрелу в открытую дверь.

Горящая стрела исчезла в зловонной темноте. После паузы в несколько ударов сердца башня взорвалась.

Это произошло очень медленно. Зелено-синий огонь вспыхивал на этажах, лениво поднимаясь все выше и выше, выбивая камни из стен, отчего башня красиво искрилась. Потом, как лепестки, раскрылись

стропила крыши, и под облака взлетело бледное пламя. А потом время, звук и движение вернулись, и раздался «бум».

Буквально через несколько секунд двери замка распахнулись и на улицу посыпались солдаты. Первый же из них мгновенно схлопотал промеж глаз от баллистически настроенного короля.

Шон как раз собирался вернуться в бой, когда кто-то тяжело упал ему на плечи и повалил на землю.

– Так-так, один из наших игрушечных солдатиков, – прошипел капрал Швиц, обнажая меч.

Он уже занес над головой клинок, когда Шон вдруг перевернулся на спину и нанес ему удар своим Ланкрским Армейским Ножом Для Мирного Времени. Возможно, у Шона было время выбрать между Устройством Для Препарирования Парадоксов, Приспособлением Для Отделения Мельчайших Зерен Надежды и Штопороподобной Штуковиной Для Исследования Реальности Бытия, но так уж случилось, что под руку ему попался Инструмент Для Скорейшего Завершения Споров, который и обеспечил ему полную и безоговорочную победу.

На землю пролился очень короткий и очень теплый ливень.

Ну... в некотором роде ливень.

Зато определенно теплый.

Агнессе никогда не приходилось видеть такой толпы. Толпа, как она знала по своему ограниченному опыту, должна быть шумной. А эта была тихой. На улицу вышли почти все жители города; многие, к удивлению Агнессы, привели с собой детей.

Пердита тоже была удивлена.

«Они собираются убивать вампиров, – сказала она. – И дети будут смотреть на это».

«Отлично, – подумала Агнесса. – Так и должно быть».

«Но потом детей будут мучить кошмары!» – ужаснулась Пердита.

«Нет, – подумала Агнесса. – Наоборот, кошмары навсегда уйдут. Порой требуется знать наверняка, что чудовище убито. И помнить об этом, чтобы рассказывать внукам».

– Они пытались превратить людей в вещи, – громко сказала она.

– Прошу прощения, госпожа? – переспросил Петр.

– Да так... мысли вслух.

Но откуда эти мысли берутся? Даже Пердита недоумевала. Особенно когда она предложила горожанам послать гонцов в другие города и рассказать о том, что произошло нынешней ночью. Как правило, она не

отличалась столь изощренным коварством.

Но Агнесса помнила выражение ужаса на лице городского головы, которое сменилось сосредоточенной непроницаемостью, когда он пытался задушить графа своей золотой цепью. Вампир убил его одним ударом, едва не разорвав пополам.

Она коснулась пальцами ранок на шее. Вампиры никогда не промахиваются, но Влад определенно промахнулся, потому что она так и не превратилась в вампира. Она даже не испытывала ни малейшего желания съесть бифштекс с кровью. Когда на нее никто не смотрел, Агнесса экспериментировала над собой – проверяла, не появилась ли у нее способность к левитированию. В результате выяснилось, что она, как и прежде, весьма привлекательна для тяготения. Сосать кровь – нет, никогда, даже если это будет входить в сверхэффективную диетическую программу, а вот летать ей понравилось.

«Ты изменилась», – сказала Пердита.

– В чем?

– Что-что, госпожа?

«Стала более резкой... раздражительной... злой».

– Может, пришло время стать такой.

– Что-что, госпожа?

– Да нет, ничего. Кстати, у вас тут лишнего серпа не найдется?

Вампиры перемещались быстро, но беспорядочно, они скорее не летели, а тренировались для участия в чемпионате мира по прыжкам в длину.

– Мы сожжем этот *неблагодарный* город дотла, – простонала графиня, тяжело опускаясь на землю.

– Именно что дотла, – подтвердила Лакримоза. – Но только *после*. Вот к чему приводит доброта, отец. Надеюсь, ты наконец все понял.

– И это после того, как ты полностью оплатил строительство колокольни, – сказала графиня.

Граф провел рукой по горлу, на котором еще виднелись алые метки от звеньев золотой цепи. Он никогда не поверил бы, что простой человек может быть таким сильным.

– Да, возможно, это правильный план действий, – согласился он. – Впрочем, стоит позаботиться, чтобы об этом узнали все.

– Думаешь, *такие* новости сами собой не распространятся? – поинтересовалась опустившаяся на землю рядом с графом Лакримоза.

– Скоро рассвет, Лакки, – с трудом сдерживаясь, сказал граф. – Именно

благодаря моему обучению ты воспримешь его всего-навсего как легкое неудобство, а не как причину обратиться в горстку пепла. Задумайся об этом.

– Это сделала старуха Ветровоск, да? – спросила Лакримоза, начисто игнорируя призыв оценить отцовскую мудрость. – Она перенеслась куда-то и теперь нападает на нас. Вряд ли она вселилась в ту мелкую девчонку. Кстати, Влад, надеюсь, ее не было в той толстухе? Там хватило бы места. Эй, ты меня слышишь?

– Что? – рассеянно спросил Влад.

Они уже миновали поворот дороги, и вдалеке замаячил замок.

– Я видела, как ты пытался укусить ее. Герой-любовник наконец-то сдался! Как романтично. Но людям удалось оттащить ее от тебя. Хотя им придется подыскать кол подлиннее, чтобы добраться до ее жизненно важных органов.

– Вряд ли, скорее всего, эта ведьма перенеслась в какое-то другое место, – сказал граф. – Она вселилась в кого-то, кто тогда находился в зале...

– Наверное, в одну из ведьм, – пожала плечами графиня.

– Гм-м...

– Или в этого глупого священнослужителя, – сказала Лакримоза.

– Очень возможно, – кивнул граф. – Но я так не думаю.

– Неужели... в Игоря? – изумилась дочь.

– Эту гипотезу я даже не рассматриваю, – фыркнул граф.

– А я по-прежнему считаю, что это была толстая Агнесса.

– Не такая уж она и толстая, – угрюмо заметил Влад.

– В конце концов, она все равно надоела бы тебе. И только путалась бы под ногами, как и все другие, – сказала Лакримоза. – Традиционно на память оставляют локон волос, а не весь череп.

– Она не похожа на других.

– Только потому, что ты не можешь читать ее мысли? Неужели тебе и дальше было бы с ней интересно?

– По крайней мере, я хоть кого-то укусил, – напомнил Влад. – А с тобой что случилось?

– Да, Лакки, ты вела себя очень странно, – подтвердил граф, когда они допрыгали до подъемного моста.

– Я сразу поняла бы, если бы она спряталась во мне! – огрызнулась Лакримоза.

– А вот в этом я не уверен, – откликнулся граф. – Ей главное – отыскать слабое место...

– Отец, она самая обычная ведьма. А мы ведем себя так, словно она обладает какой-то чудовищной силой...

– Может, это все-таки была Агнесса? – сказал граф и бросил на сына взгляд лишь немногим более долгий, чем это было необходимо.

– Мы уже рядом с замком, – попыталась примирить их графиня. – Пораньше ляжем спать, потом будем чувствовать себя намного лучше.

– Наши лучшие гробы увезли в Ланкр, – обиженно буркнула Лакримоза. – *Кое-кто* был так уверен в себе...

– Не смей разговаривать со мной таким тоном, барышня! – одернул ее граф.

– Мне уже двести лет, – огрызнулась Лакримоза. – Как хочу, так и говорю.

– Но не с родным отцом!

– Мам, хоть один раз попробуй вести себя так, словно у тебя есть пара собственных мозговых клеток!

– Отец *не виноват*, что все сорвалось!

– Далеко не все, моя дорогая! Это не более чем временная неудача!

– Она перестанет быть временной, когда мясо из Воронау расскажет обо всем своим дружкам! Влад, хватит хандрить, хоть ты меня поддержи...

– Ну, узнают они, и что? Да, кто-то поднимет восстание, но в итоге оставшиеся в живых поймут, что были не правы, – сказал граф. – А мы тем временем разберемся с ведьмами. И с этой королевской дочкой.

– Но мы, полагаю, должны обойтись с ними достаточно вежливо?

– О, не думаю, что стоит заходить настолько далеко, – усмехнулся граф. – Возможно, мы оставим их в живых...

Что-то упало рядом с ним на мост. Он нагнулся, чтобы поднять странный предмет, но тут же с громким воплем отбросил его в сторону.

– Но чеснок... не должен обжигать... – пробормотал он.

– Это ефть вода из Фквинца, прямо из Ифточник Фвященной Черепахи, – раздался голос над их головами. – Фам епифкоп офвящайт ее в год Форели. – Послышалось какое-то бульканье, словно кто-то пил воду. – Это бывайт год офобенно удачный для благофловения, – продолжил Игорь. – Вы, конечно, мочь мне не доверяйт. Трепещийт, кровофофы!

Вампиры бросились врассыпную, увидев, как с зубчатой стены, кувыркаясь, полетела бутылка.

Она разбилась о мост, и большая часть содержимого попала на одного из вампиров-прислужников, который мгновенно вспыхнул, словно его облили горящим маслом.

– Криптофер, перестань, – укоризненно произнес граф, глядя на

крутящуюся волчком и вопящую фигуру. – К чему это представление? Ты же знаешь, все зависит от твоего сознания. Позитивное мышление – вот что главное...

– Он уже чернеет, – заметила графиня. – Может, ты что-нибудь предпримешь?

– Ладно. Влад, будь любезен, сбрось его с моста.

Несчастный Кристофер с воплями полетел в пропасть.

– Все это очень странно... – пробормотал граф, разглядывая свои обожженные пальцы. – Видимо... он не был одним из нас.

Из пропасти донесся громкий «плюх» – это тело Кристофера наконец достигло воды.

Остальные вампиры попытались укрыться под аркой, когда очередная бутылка разбилась совсем рядом с графом. Капля воды попала ему на ногу, и он с интересом принялся рассматривать появившийся дымок.

– Вероятно, тут какая-то ошибка, – констатировал он.

– Ты знаешь, я никогда не сую нос не в свое дело, – сказала графиня. – Но сейчас, дорогой, настоятельно рекомендую тебе придумать новый план. И предпочтительно осуществимый.

– Уже придумал, – откликнулся граф, постучав костяшками пальцев по гигантским дубовым воротам. – Предлагаю всем отойти в сторонку...

На крепостной стене Игорь толкнул нянюшку в бок. Та опустила графин с водой из Священного Фонтана Семирукого Сека и посмотрела туда, куда Игорь указывал большим пальцем^[14].

Тучи кружились по спирали, вокруг них вспыхивал синий огонь.

– Грядет буря! – выкрикнул Игорь. – Макушка фтрашно чефайт! Бежайт! Бежайт!

Они как раз успели добраться до башни, когда единственный разряд молнии разнес на куски ворота и раздробил камни на том самом месте, где они только что стояли.

– Это было... лихо, – прокомментировала растянувшаяся на каменном полу нянюшка.

– Они мочь управляют погодой, – сказал Игорь.

– Проклятье! – воскликнула нянюшка. – А ведь и точно! Это известно всякому, кто хоть немного разбирается в вампирах.

– Но ф внутренняя дверь такой фокуф не ходийт. За мной!

– Чем это воняет? – спросила нянюшка, принявшись. – Игорь, у тебя башмаки горят!

– Шайф! Подумайт только, вфего шефт мефяцев назад эти нога бывайт фовфем как новый, – пожаловался Игорь сквозь шипение воды,

которой нянюшка поливала дымящиеся башмаки. – Это ефть провода виноват, притягивайт блуждающий ток.

– А ноги ты где взял? На кого-то тоже свалился бык? – спросила нянюшка, когда они побежали вниз по лестнице.

– Дерево, – укоризненным тоном произнес Игорь. – Михаил Фвениц бывайт лефорубом. Бедняга. Практичешки ничего не офтавийт пофле фебя, но его родители говорийт, я мочь взайт его ноги на память.

– Неожиданно любезно с их стороны.

– А я давайт им запафную руку, которая один человек флучайно рубийт фебе топором нефколько лет назад. А когда у фтарый гофподин Фвениц фовфем прощайт печень, я давайт ему печень, которая мне давайт гофподин Кочак за то, что я давайт гофпожа Кочак новый глаз.

– По-моему, люди в здешних краях не столько умирают, сколько расходятся на запчасти.

– Мы называйт это великий круговорот людей в природе.

– И в чем заключается твой новый план? – спросила Лакримоза, осторожно перешагивая через обломки ворот.

– Мы убьем всех до единого. Согласен, план далеко не оригинален, но проверен и испытан временем, – сказал граф.

Все приняли план с одобрением, только Лакримоза выглядела недовольной.

– Что, всех? Одновременно?

– О, можешь кого-нибудь оставить для себя, если хочешь.

Графиня схватила его за руку.

– Милый, это так напоминает мне наш медовый месяц! – воскликнула она. – Помнишь чудесные ночи в Гржскнвийе?

– Да, тогда мы словно обрели мир заново, – торжественно произнес граф.

– Это было так романтично... Мы познакомились с такими милыми людьми. Ты еще вспоминаешь господина и госпожу Харкер?

– О да, с большой теплотой. Их хватило почти на неделю. А теперь слушайте все. Священные символы не могут причинить нам вреда. Святая вода – это просто вода. Да, я все понимаю, но Кристофер просто не смог сосредоточиться. Чеснок – всего лишь растение семейства луковых. Лук причиняет нам вред? Мы боимся шалота? Нет. Мы просто немного устали. Зловредия, позови остальных членов клана. Мы позволим себе немного отдохнуть от благоразумия. А завтра утром настанет время нового мирового порядка, я этого не потерплю...

Он потер лоб. Граф гордился своим умом, холил его и лелеял. Но сейчас он чувствовал себя незащищенным, как будто кто-то постоянно выглядывал у него из-за спины. Он не был уверен в правильности своих мыслей. Но ведь не могла же она проникнуть в его голову? Он обладал многовековым опытом. Неужели какая-то деревенская ведьма смогла так легко пробиться сквозь его защиту? Этого не могло быть...

У него пересохло в горле. По крайней мере, он сохранил способность отвечать зову своей природы. Но этот зов как-то странно тревожил, беспокоил.

– У нас есть... чай? – спросил он.

– А что такое чай? – в ответ спросила графиня.

– По-моему, он... растет на кустах, – сказал граф.

– Но как тогда его кусать?

– Его следует опустить... в кипящую воду, – пояснил граф и потряс головой, пытаясь избавиться от демонического наваждения.

– Живьем? – мгновенно повеселела Лакримоза.

– ...и сладкое печенье... – пробормотал граф.

– Дорогой, я думаю, ты должен постараться взять себя в руки, – сказала графиня.

– А этот... чай? – спросила Лакримоза. – Он... коричневый?

– Да, – прошептал граф.

– Я спрашиваю потому, что, когда мы были в Воронау и я попыталась укусить одного из горожан, у меня перед глазами вдруг возникла чашка с каким-то мерзким коричневым напитком.

Граф еще раз попытался взять себя в руки.

– Не понимаю, что со мной происходит. Поэтому давайте придерживаться того, что знаем точно. Будем следовать зову крови...

Вторым погибшим в битве за вампирский замок стал Варго – худощавый юноша, который на самом деле превратился в вампира лишь потому, что думал, будто бы его ждут встречи с множеством привлекательных девушек. А еще ему сказали, что ему очень идет черное. Но потом он обнаружил, что все интересы вампиров в основном вращаются вокруг очередного приема пищи. Раньше он не считал горло самой привлекательной частью девичьего тела.

А сейчас Варго хотел только одного – спать. Поэтому, когда вампиры бросились в замок, он незаметно ускользнул в сторонку и направился в свой подвал, где его ждал любимый удобный гроб. Конечно, он был голоден, потому что в Воронау его угостили лишь ударом ноги в грудь, но у

Варго было достаточно развито чувство самосохранения – он решил предоставить охоту другим, а сам собирался появиться в разгар пира.

Гроб стоял в центре темного подвала, крышка была небрежно брошена рядом. Он никогда не заправлял постель, даже когда был человеком.

Варго забрался в гроб, несколько раз повернулся, поудобнее устраиваясь на подушке, потом закрыл и запер крышку.

Два следующих события происходили практически одновременно. Одно происходило сравнительно медленно и заключалось в том, что Варго начал осознавать, что в его гробу никогда не было подушки. Вторым событием был Грибо. Он вдруг пришел к выводу, что взбешен, как адский кот, и больше не намерен терпеть такое обращение. Сначала его трясли на какой-то штуковине с колесами, потом на него села нянюшка, и это его особенно разозлило, ведь своим дремучим звериным инстинктом он понимал, что, поцарапав нянюшку, совершил величайшую глупость в жизни, поскольку никто больше не испытывал желания его кормить.

Затем эта встреча с собакой, которая попыталась его облизать. Он поцарапал и покусал ее, но это не возымело должного эффекта. Собака начала вести себя еще более дружелюбно.

Наконец он нашел удобное место для отдыха и свернулся в клубок, а теперь кто-то пытается использовать его как *подушку*...

Шума почти не было. Гроб несколько раз качнулся, потом пару раз перекувырнулся.

Грибо спрятал когти и снова заснул.

– ...Гори, гори пламенем ясным...

Шлеп, чавк, шлеп.

– ...И я в своей... Хвала Ому...

Чавк, шлеп.

Овес спел почти все гимны, которые знал, – даже очень старые, которые давно не пел, но тем не менее помнил, потому что слова в них были хорошими. Он пел их громко и вызывающе, дабы разогнать сомнения и ночную тьму. Также пение помогало ему не обращать внимания на тяжесть матушки Ветровоск. За последнюю милю матушка страшно потяжелела, в особенности после того, как он пару раз, поскользнувшись, упал. Всякий раз матушка падала сверху.

Один башмак Овса остался в трясине. Его шляпа плавала в какой-то луже. Колючки разорвали его плащ в клочья...

Он снова поскользнулся и опять упал. Матушка свалилась с его плеча на поросшую осокой кочку.

Видел бы его сейчас брат Мельхио...

Ухтыястреб пролетел мимо и сел на ветку сухого дерева всего в нескольких ярдах. Овес ненавидел эту тварь. Она походила на какого-нибудь демона. Летала абсолютно уверенно, хотя ничегошеньки не могла видеть из-за колпачка. А стоило ему только подумать о ней, как птица тут же поворачивала голову и тарасилась на него невидящими глазами. Овес снял второй, по сути дела уже ненужный, башмак (когда-то он так блестел, а сейчас его кожа покорябалась и покрылась трещинами) и неумело метнул его в птицу.

– Убирайся, нечестивая тварь!

Птица даже крылом не взмахнула. Башмак пролетел мимо.

Потом Овес попытался подняться на ноги, но вдруг ощутил запах горелой кожи.

Две струйки дыма струились с обеих сторон из-под колпачка.

Рука Овса машинально потянулась к шее, чтобы привычным движением сжать черепаховый медальон, но его там не было. А ведь за этот медальон он заплатил в Цитадели целых пять оболов! Но теперь уже поздно было жалеть о том, что он пожадничал и повесил медальон на цепочку, которая стоила всего одну десятую оболы. Наверное, медальон сейчас мокнет в какой-нибудь грязной луже или утонул в вонючей трясине...

Кожа колпачка быстро сгорела, и вырвавшийся наружу свет был настолько ярким, что Овес едва мог рассмотреть силуэт птицы. Этот свет превратил мрачный пейзаж в линии и тени, окаймил золотом каждую травяную кочку, каждое дерево – и погас настолько неожиданно, что в глазах Овса еще долго плавали фиолетовые круги.

Когда его дыхание и самообладание наконец восстановились, птица уже летела над пустошью.

Овес вскинул бесчувственное тело матушки Ветровоск на плечо и побежал за птицей.

Тропинка вела дальше и дальше вниз по склону. Грязь и листья папоротника скользили под ногами. Ручьи текли вниз из каждой ямки, по каждой канавке. Иногда ему казалось, что он не идет, а только лишь контролирует скольжение вниз, отталкиваясь от камней, плюхаясь в лужи, зарываясь в кучи листьев.

И тут он увидел освещенный вспышками молнии замок. С трудом сохраняя вертикальное положение на каменистом склоне, Овес продрался сквозь колючий кустарник и упал на дорогу, в который раз ощутив всей спиной тяжесть матушки Ветровоск.

Матушка шевельнулась.

– ...Немного отдохнуть от благоразумия... Убить их всех... Я этого не потерплю... – пробормотала она.

Ветер сдул с ветки капли дождя на ее лицо, и она открыла глаза. В первое мгновение Овсу показалось, что у нее красные зрачки, но тут же он почувствовал на себе взгляд ее ледяных синих глаз.

– Значит, уже прибыли? – спросила матушка.

– Да.

– А что случилось с твоей священной шляпой?

– Потерял, – резко ответил Овес.

Матушка осмотрела его повнимательнее.

– И твой волшебный амулет пропал, – заметила она. – С черепахой и маленьким человечком на ее спине.

– Это не волшебный амулет, госпожа Ветровоск! Понятно? Волшебный амулет – это символ примитивного и механистического идолопоклонства, в то время как Черепаха Ома – это... это... совсем другое. Понимаешь?

– Теперь – да. Спасибо, что объяснил, – сказала матушка. – Помоги мне встать, а?

Овес с трудом владел собой. Он тащил эту старую су... склочницу столько миль, продрог до костей, а она ведет себя так, словно сделала ему громадное одолжение.

– А волшебное слово? – прорычал он.

– О, не думаю, что такой религиозный человек, как ты, должен забивать себе голову всякими *волшебными* словами, – фыркнула матушка. – Священные слова куда лучше. Например: делай, что говорят, иначе я тебя искореню. Всегда действуют.

Он помог ей подняться на ноги, все еще кипя от непереваренного гнева, и даже поддержал, когда она покачнулась.

Со стороны замка донесся крик, который тут же смолк.

– Не женский, – заметила матушка. – Полагаю, девочки уже начали. Надо бы им помочь...

Ее поднятая рука тряслась. Ухтыястреб слетел с дерева и устроился у матушки на запястье.

– А теперь помоги мне добраться до ворот.

– Не стоит благодарности, всегда рад услужить, – пробормотал Овес и посмотрел на птицу, которая тут же повернула к нему закрытую колпачком голову.

– Это ведь... второй феникс, верно? – спросил он.

– Да, – сказала матушка, глядя на замок. – Просто феникс. Ни одно существо не способно выжить в одиночку. Каждой твари по паре.

– Но он похож на маленького ястреба.

– Потому что родился среди ястребов. Если бы он вылупился из яйца в курятнике, то был бы похож на цыпленка. Таков порядок. И он останется ястребом, пока ему не понадобится превратиться в феникса. Очень застенчивые птицы. Если выразиться совсем правильно, он, *возможно*, когда-нибудь станет фениксом...

– Слишком много скорлупок...

– Да, господин Овес. А когда феникс откладывает два яйца? Когда ему это необходимо. Ходжесааргх был прав. Феникс по своей природе – птица. Сначала птица, а уж потом миф.

Замковые ворота болтались на петлях, железная окантовка превратилась в скрученные полосы металла, дерево еще дымилось – но кто-то все же попытался прикрыть ворота. Высеченная в камне летучая мышь над останками арки говорила гостям все, что следовало знать об этом замке.

Колпачок сидевшего на запястье матушки ухтыястреба затрещал и принялся дымиться. Из-под кожи появились язычки пламени.

– Он знает, что они натворили, – пояснила матушка. – Вылупился с этими знаниями. Фениксы делятся знаниями друг с другом и не выносят зла.

Птица повернула голову в сторону Овса и впилась в него раскаленным добела взглядом. Священнослужитель, инстинктивно попятившись, попытался закрыть глаза рукой.

– Постучи, – велела матушка, кивнув на огромное железное кольцо, что висело на одной из расщепленных створок.

– Что? Ты хочешь, чтобы я *постучался*? В дверь *вампирского* замка?

– Мы же не собираемся проникнуть туда тайком. Кстати, вы, омниане, хорошо умеете стучать в двери.

– Да, разумеется, – сказал Овес, – но обычно только для того, чтобы разделить молитву или заинтересовать людей нашими брошюрами. – Он несколько раз поднял и опустил кольцо. Глухие удары разнеслись по долине. – А не для того, чтобы мне вырвали горло!

– Представь, что ты забрел на улицу, где живут особенно несговорчивые люди, – посоветовала матушка. – Постучи еще... Может, они прячутся за диваном?

– Ха!

– А вот ты, господин Овес, – хороший человек? – поинтересовалась

матушка, когда эхо ударов стихло. – Без своей священной книжки, священного амулета и священной шляпы?

– Э... Я пытаюсь быть таким... – неуверенно произнес он.

– Что ж... Сейчас мы это и узнаем, – сказала матушка. – Нас ждет огонь, господин Овес, мы почти рядом. И сейчас мы оба все узнаем.

Нянюшка бежала вверх по лестнице. За ней по пятам гнались два вампира. Вампиры передвигались неуклюже, поскольку еще не привыкли к тому, что не могут летать, но мешало им не только это.

– Чая! – кричал один. – Я хочу... чая!

Нянюшка распахнула дверь на крепостную стену. Вампиры выскочили следом и споткнулись о выставленную ногу появившегося из тени Игоря.

Он поднял две заостренные ножи от стола.

– Как нафчейт кол, ребята?! – возбужденно закричал он. – Фледовайт говорить, что вы *любийт* мои пауки!

Переводя дух, нянюшка прислонилась к стене.

– Матушка где-то рядом, – задыхаясь, произнесла она. – Сама не знаю, откуда мне это известно. Но только матушка умеет вот так вот дурить головы. Чаю им, видите ли, хочется...

Грохот дверного молотка гулко разнесся по двору замка. Одновременно открылась на другом конце стены дверь, и из нее появились с полдюжины вампиров.

– Они ведут себя страшно тупо, верно? – сказала нянюшка. – Дай-ка еще пару кольшков.

– Колы кончайтфя, нянюшка.

– Хорошо, тогда передай мне бутылку со святой водой... Быстрее!

– Ни одной не офтавайтфя, нянюшка.

– У нас что, совсем *ничего* нет?

– Ефть апельфин, нянюшка.

– Апельсин?

– Лимоны заканчивайтфя.

– И что будет, если я воткну в вампирскую пасть апельсин? – спросила нянюшка, пожирая глазами приближающихся тварей.

Игорь почесал затылок.

– Ну, думайт, этот вампир будейт потом меньше болеть.

Стук в ворота снова разнесся по замку. Несколько вампиров крадучись пересекли двор.

Нянюшка заметила, как за искореженной створкой мелькнул какой-то свет, и внутри ее сразу сработал некий рефлекс. Когда вампиры

приблизилась к воротам, она схватила Игоря за шиворот и прижала к каменным плитам.

Арка взорвалась, камни и доски разлетелись во все стороны от непрерывно расширявшегося, ослепительного огненного шара. Вампиры едва успели отчаянно завопить, как пламя поглотило их и унесло.

Когда свет стал менее ярким, нянюшка осторожно выглянула во двор.

Над разбитой аркой парила птица размерами с дом и с крыльями шире замка.

Всемогущий Овес поднялся на карачки. Жаркое пламя бушевало вокруг, и грохот стоял невероятный. Его кожа уже должна была обуглиться, но, вопреки здравому смыслу, пламя для него было не более смертоносным, чем горячий пустынный ветер. В воздухе пахло камфарой и специями.

Он поднял глаза. Языки пламени окутывали матушку Ветровоск, но выглядели странно прозрачными, *не совсем* реальными. По ее платью пробегали зеленоватые и золотистые искорки. Огонь обнимал матушку, терзал ее одежду.

Ведьма посмотрела на Овса сверху вниз.

– Сейчас ты находишься в крыльях феникса, господин Овес, – крикнула она сквозь шум. – И не горишь.

– Но как...

– Ты ведь ученый! Самцы любят покрасоваться, верно?

– Самцы? Так это самец феникса?

– Да!

Птица взлетела. Вернее, взлетело огромное пламя в форме птицы, внутри которого, похожий на голову кометы, был едва заметен силуэт настоящего феникса. «Но какой из этих двоих настоящий?..» – хмыкнул он про себя.

Птица взлетела на башню. Быстро смолкший крик сообщил о том, что кто-то из вампиров был недостаточно проворен.

– А он сам себя не сожжет? – слабым голосом спросил Овес.

– Вряд ли, – ответила матушка, перешагивая через обломки ворот. – Иначе какой смысл?

– Значит, это волшебный огонь...

– Говорят, от тебя одного зависит, сгоришь ты в нем или нет, – пояснила матушка. – Я часто наблюдала за фениксами, когда была еще девочкой. А узнала об их существовании от своей бабки. В особо морозные ночи можно было видеть, как они, зеленоватые и золотистые, танцуют в небе над Пупом...

– Ты, наверное, имеешь в виду центральное сияние, – постаравшись придать себе ученый вид, сказал Овес. – Но на самом деле причиной его возникновения являются магические частицы, ударяющие по...

– Я не знаю причин его возникновения, – перебила матушка, – но в небе танцевали фениксы. – Она протянула ему руку. – Давай обопрись на меня.

– Ты боишься, что я вот-вот упаду? – спросил Овес, не спуская глаз с горящей птицы.

– Именно.

Когда она оперлась на его руку, птица откинула голову и громко закричала на небо.

– А я считал ее аллегорическим существом, – сказал священнослужитель.

– Что ж... Аллегии тоже хотят жить, – усмехнулась матушка Ветровоск.

Вампиры не относятся к коллективным существам. Такие черты, как сотрудничество и взаимовыручка, противоречат самой их природе. Любой другой вампир – это соперник, претендующий на твою пищу. На самом деле идеальной для вампира является ситуация, когда все остальные вампиры уничтожены и практически никто не верит в твое существование. Вампиры склонны помогать друг другу ровно настолько же, насколько к этому склонны акулы.

Упыри абсолютно такие же. Разница лишь в терминологии.

Остатки клана спешили по коридору к заманчиво приоткрытой двери.

Ведро с коктейлем вод, освященных Рыцарем Оффлера, первосвященником Ио и человеком настолько святым, что он не стригся и не мылся целых семьдесят лет, упало на первых двух вампиров, имевших неосторожность войти в дверь.

Самого графа и членов его семьи не было в числе беглецов. Семейство Сорокула тихонько свернуло и улизнуло в боковую башню. А зачем еще нужны подчиненные, как не затем, чтобы первыми входить во всякие подозрительные двери?

– Нет, пап, ну как ты мог... – начала было Лакримоза и, к своему немалому удивлению, тут же получила от отца увесистую затрещину.

– Нам всем надо соблюдать спокойствие, – сказал граф. – Для паники нет причин.

– Ты ударил меня!

– И получил от этого большое удовольствие, – признал граф. – Только

внимательность и осторожность могут нас спасти. Именно благодаря им мы выживем.

– Ничего не получается! – закричала Лакримоза. – Я – вампир! Я должна жаждать крови! А я мечтаю о чашке чая с тремя кусочками какого-то сахара, хотя даже понятия не имею, что это такое! Неужели ты не понимаешь – эта старуха что-то с нами сотворила?!

– Это невозможно, – возразил граф. – Для человека она весьма проницательна, но вряд ли она могла проникнуть в твою голову или мою...

– Но ты даже разговариваешь, как она! – закричала Лакримоза.

– Не теряй присутствия духа, дорогая, – сказал граф. – Помни: то, что не убивает, делает нас сильнее.

– А то, что убивает, делает нас *мертвыми!* – огрызнулась Лакримоза. – Ты же видел, что случилось с другими! Ты и сам обжег себе пальцы!

– На краткий миг утратил сосредоточенность, – кивнул граф. – Старая ведьма не представляет угрозы. Она – вампир. И *подчиняется* нам. Очень скоро она посмотрит на мир другими глазами...

– Ты совсем рехнулся? Кристофер погиб!

– Он позволил себе испугаться.

Все члены семьи уставились на графа. Влад и Лакримоза переглянулись.

– Я в высшей степени уверен в себе, – сообщил граф. Его улыбающееся, раздражающе спокойное лицо было похоже на посмертную маску. – Мой разум подобен скале. Нервы мои крепки. Вампира, владеющего собой, невозможно победить. Разве не этому я вас учил? Гм, а это что такое?

Его рука резким движением выхватила из кармана некую картонку.

– Отец, опять ты за сво... – Лакримоза застыла, а потом резко закрыла лицо ладонью. – Убери! Убери! Это же Агатский Хлонг Судьбы!

– Вот именно, и представляет он собой три прямые линии, которые обвиты еще двумя...

– И я бы никогда о нем ничего не знала, если б ты не приставал ко мне со всякими глупостями, старый дурак! – закричала девушка, попятившись от отца.

Граф повернулся к сыну.

– И ты тоже так... – начал он.

Влад отскочил, прикрывая глаза руками.

– Мне *больно!* – закричал он.

– Ну и ну, вы двое, видимо, давно не практиковались, – удивился граф и стал переворачивать карточку, чтобы самому посмотреть на нее.

Он мгновенно зажмурился и отвернулся.

– Что ты с нами *сделал*? – закричала Лакримоза. – Ты постоянно тыкал в нас этими дурацкими картинками! Они были раскиданы по всему дому! У каждой религии – свой символ. Ты же сам учил нас, тупой козел! Линии, крестики, круги... – Она бросила взгляд на каменную стену за спиной изумленного брата и вздрогнула. – Куда ни глянь, везде увидишь что-нибудь святое. Ты научил нас разбираться в *образах*! – прорычала она, оскалившись на отца.

– Скоро рассвет, – взволнованно произнесла графиня. – Нам будет больно?

– Нет! Конечно, нет! – воскликнул граф Сорокула, когда все посмотрели на струившийся из высокого окна бледный свет. – Это всего-навсего приобретенная психохроматическая привычка! Предрассудок! Все это происходит только в ваших головах!

– А что еще происходит в наших головах, отец? – холодно осведомился Влад.

Граф двинулся по кругу, не спуская глаз с Лакримозы. Девушка рычала, сжимая и разжимая пальцы.

– Я спросил...

– В наших головах содержится только то, что мы сами туда вложили! – взревел граф. – Я видел разум этой старой ведьмы! Он *слаб*. Она способна лишь на дешевые трюки. И она не могла проникнуть в нас! Нам что, нечего больше обсудить?

Он оскалился на Лакримозу.

Графиня принялась отчаянно обмахиваться.

– По-моему, мы все *немного* перевозбудились, – сказала она. – Думаю, нам надо успокоиться и выпить по чашечке... по чашечке... чая... чашечке...

– Мы – вампиры! – закричала Лакримоза.

– Тогда давайте поступать, как вампиры! – заорал в ответ граф.

Агнесса открыла глаза, нанесла удар ногами, и мужчина с колом и молотком сразу же потерял всякий интерес к вампирам – вместе с сознанием.

– Вшз... – На этот раз Агнесса достала изо рта фигу. – Вбейте в свои тупые головы, я – не вампир. А это – не лимон. Это – фи́га. И не спускайте глаз с этого типа с колом. У него явно нездоровый интерес. Думаю, это какой-то психологический комплекс...

– Я бы не позволил ему довести дело до конца, – пробормотал рядом с

ней Петр. – Но ты вела себя очень странно, госпожа, а потом и вовсе лишилась сознания. Вот мы и решили, что надо бы проверить, кто именно очнется...

Он выпрямился. Жители Воронау стояли среди деревьев. Мрачные лица освещало мерцающее пламя факелов.

– Все в порядке, она по-прежнему не одна из них, – объявил Петр.

Люди сразу подуспокоились.

«А ты действительно изменилась», – сказала Пердита.

– А ты – нет? – огрызнулась Агнесса.

Она чувствовала себя так, словно болталась на ниточке, которую дергали невидимые руки.

«Нет. Если ты не забыла, я та, которая наблюдает».

– Что? – переспросил Петр.

– Я действительно надеюсь, что это скоро пройдет, – сказала Агнесса. – У меня ноги заплетаются! И двигаюсь я как-то странно! Все мое тело стало другим!

– Э... Ну что, идем к замку? – предложил Петр.

– Она уже там, – промолвила Агнесса. – Не знаю как, но...

Замолчав, она оглядела обеспокоенные лица людей и вдруг осознала, что думает сейчас именно так, как думала бы матушка Ветровоск.

– Да, – медленно сказала она. – Полагаю... То есть нужно идти туда немедленно. Люди должны сами убивать своих вампиров.

Нянюшка торопливо спускалась по лестнице.

– Я же говорила тебе: там, внизу, матушка Ветровоск. Говорила же! Я знала, она просто выжидает подходящий момент! Ха! Хотела бы я посмотреть на того кровососа, который смог бы одержать над ней верх!

– А вот я не хотел бы! – с жаром произнес Игорь.

Нянюшка перешагнула через вампира, который в темноте не заметил хитрую ловушку из проволоки, тяжелого груза и кола, и открыла дверь во двор замка.

– Эй, Эсме, приветик!

Матушка Ветровоск сразу оттолкнула Овса и самостоятельно шагнула нянюшке навстречу.

– С девочкой все в порядке? – спросила она.

– Маграт и Эсм... малышка Эсме заперлись в склепе. Там очень крепкая дверь.

– И их охраняют Охвофток, – добавил Игорь. – Нафтающий фторожевой пэф.

Матушка, удивленно подняв брови, осмотрела Игоря с головы до ног.
– Не уверена, что знакома с... *этими господами*, – промолвила она.
– О, это Игорь, – представила нянюшка. – Весьма *разночеловечный* человек.

– Именно так мне и показалось, – кивнула матушка.

Нянюшка смерила испепеляющим взглядом всемогучего Овса.

– А его ты зачем притащила?

– Не смогла отвязаться, – пожалала плечами матушка.

– Лично я всегда прячусь за диваном, – посоветовала нянюшка.

Овес отвернулся.

Откуда-то с крепостной стены донесся крик. Феникс обнаружил очередного вампира.

– Все кончено, осталось только подмести пыль, – сказала нянюшка. – Кстати, не слишком-то они были умными...

– Граф все еще здесь, – констатировала матушка.

– Лично я за то, чтобы спалить этот замок дотла и вернуться домой, – сказала нянюшка. – Вряд ли граф в ближайшее время решит навестить Ланкр...

– Толпа идейт, – сообщил Игорь.

– А я ничего не слышу, – удивилась нянюшка.

– Я имеют хороший уши, – пояснил Игорь.

– Да, понимаю, не у каждого есть возможность выбрать.

Послышался топот множества ног по мосту, и волна людей перекатилась через обломки ворот.

– Кажется, это Агнесса? – удивилась нянюшка.

В обычной ситуации она ни с кем не перепутала бы Агнессу, но сейчас было что-то в ее походке, в каждом шаге, как будто ее башмаки вдруг поссорились с самой землей. А руки, как решительно она ими размахивала...

– Я этого не потерплю! – закричала Агнесса, подходя к матушке. – У меня путаются мысли. Это ведь все твоих рук дело, да? Ну, или не рук...

Матушка коснулась пальцами ран на ее шее.

– Понятно, – сказала она. – Один из них укусил тебя, да?

– Да! И ты почему-то стала разговаривать со мной!

– Не я. Думаю, это говорило то, что проникло в твою кровь, – объяснила матушка. – И кто эти люди? Почему этот мужчина пытается поджечь стену? Он что, не знает, что камни не горят?

– О, это Клод, он иногда бывает слишком уж уперт. Кстати, если он возьмет в руку кол, сразу предупредите меня, хорошо? И все они из

Воронау. Это маленький городок неподалеку отсюда... Сорокулы обращались с ними как с... *домашними животными*. Как пытались обращаться с нами там, в Ланкре! Они превратили Воронау в какую-то ферму!

– Прежде чем уходить, надо разобраться с графом, – сказала матушка. – Иначе он обязательно вернется – тайком или...

– Э... Прошу прощения, – вмешался Овес, который, казалось, размышлял о чем-то своем. – По-моему, кто-то упомянул, что королева заперта в склепе?

– Безопаснее места даже не придумать, – кивнула нянюшка. – Там огромная толстая дверь, и она запирается изнутри...

– Но ведь дома тоже безопасны от вампиров? – спросил Овес. – Как бы...

Матушка резко повернулась к нему.

– Что ты имеешь в виду?

Овес машинально отступил на шаг.

– Ага, я поняла, – сказала нянюшка. – Все в порядке, мы не настолько глупы. Она откроет дверь только нам...

– Я имел в виду: разве дверь остановит вампиров?

– Это ведь дверь.

– Ну и что, что дверь... Они же умеют принимать иные обличья. Допустим, превращаться в туман... – Под испытующими взглядами ведьм Овес поежился. – По-моему, умеют. И по-моему, это известно всякому, кто хоть немного разбирается в вампирах...

Матушка повернулась к Игорю.

– Ты что-нибудь знаешь об этом?

Игорь несколько раз открыл и закрыл рот.

– Фтарый граф никогда ничего подобного не делает, – наконец сказал он.

– Да, – сказала нянюшка. – Но он играл *честно*.

Из глубин замка донесся вой, который вдруг резко стих.

– Это ефть Охвофток! – закричал Игорь, срываясь с места.

– Охвофток? – переспросила Агнесса, наморщив лоб.

Нянюшка схватила ее за руку и потащила вслед за Игорем.

Матушка зашаталась. У нее начали закатываться глаза.

Взглянув на нее, Овес мгновенно принял решение. Он театрально схватился за голову и брякнулся на пыльный пол.

Матушка часто-часто заморгала и, взглянув на него сверху вниз, покачала головой.

– Ха! Уже сломался, да? – прохрипела она.

Трясущиеся пальцы потянулись к Овсу. Он сжал их в ладони и осторожно поднялся, стараясь случайно не дернуть матушку за руку.

– Ты не могла бы мне помочь? – взмолился он.

Матушка с благодарностью навалилась на него.

– Ну конечно, – сказала она. – А теперь давай поищем кухню.

– Что? Зачем нам кухня?

– После такой тяжелой ночи чашка чаю будет в самый раз, – сказала матушка.

Раздался второй удар, и засовы яростно загремели. Маграт плотнее прижалась спиной к двери, а лежавший рядом Охвосток угрожающе зарычал. Возможно, виной всему была избыточная хирургия, но рычал он одновременно в нескольких тональностях.

Потом снова воцарилась тишина – еще более ужасающая, чем удары в дверь.

Какой-то едва слышный звук заставил Маграт опустить глаза. Из замочной скважины струился зеленоватый дымок.

Он был густым и выглядел каким-то маслянистым...

Метнувшись в другой конец комнаты, Маграт схватила банку, в которой хранились лимоны, оставшиеся от загадочного и столь высоко ценимого Игорем старого графа. Она сорвала с банки крышку и подставила ее под замочную скважину. Когда дым доверху заполнил банку, она бросила туда несколько зубчиков чеснока и плотно закрыла крышку.

Банка запрыгала по полу.

Маграт задумчиво посмотрела на колодец. Заглянув в него, она услышала далеко внизу шум воды. Хотя чему тут удивляться? В горах было много подземных рек.

Она занесла банку над отверстием и разжала руки. Потом быстренько захлопнула крышку колодца.

В углу заворочалась маленькая Эсме. Маграт мигом подскочила к ней и принялась яростно трясти погремушкой.

– Смотри-смотри, какой красивый кролик... – пробормотала она, после чего бросилась обратно к двери.

По ту сторону слышался какой-то шепоток. А потом голос нянюшки Ягг произнес:

– Все в порядке, дорогуша, они у нас в руках. Можешь открывать дверь. Ну же!

Маграт закатила глаза.

– Нянюшка, это действительно ты?
– Конечно, дорогая.
– Слава богам! А теперь расскажи мне тот анекдот про старуху, священнослужителя и носорога, и я открою тебе дверь.
Повисла пауза, потом опять раздалась шепотки.
– Дорогая, у нас совсем нет времени, – наконец произнес нянюшкин голос.
– Ха-ха, неплохая попытка, – усмехнулась Маграт. – Я сбросила одного из вас в реку! Кто это был?
Снова тишина, а потом...
– Мы думали, графиня сумеет убедить тебя прислушаться к голосу разума, – ответил граф.
– К сожалению, из банки ее не слышно, – сказала Маграт. – Кстати, если хотите, можете повторить попытку, банок у меня хватает.
– Мы надеялись, ты будешь вести себя разумно, – ответил граф. – Однако же...
Дверь вздрогнула, и запоры выскочили из стены.
Маграт схватила девочку и, вскинув руку, попятилась.
– Только подойдите! Видите вот это? Проколю насквозь!
– Это плюшевый медвежонок, – фыркнул граф. – Даже если ты его как следует наточишь, боюсь, у тебя все равно ничего не получится.

Дверь была такой твердой, что древесина больше напоминала камень с некой волокнистой структурой. Кто-то давным-давно всерьез задался задачей рассчитать максимальную силу, которую может развить самая решительная толпа, и сконструировал дверь именно с учетом такой силы.

Дверь была открыта.

– Но я лично слышала, как она задвигала засовы! – закричала нянюшка.

Перед дверью валялась разноцветная куча шерсти. Игорь опустился рядом с ней на колени и поднял безжизненную лапу.

– Они убивают Охвофток! Ублюдки!

– Они схватили Маграт и девочку! – рявкнула нянюшка.

– Он бывайт мой единфтверный друг!

Нянюшка вытянула руку и, несмотря на свои небольшие размеры, легко подняла Игоря за воротник.

– У тебя появится очень *серьезный* враг, и очень *скоро*, приятель, если ты не поможешь нам немедленно! Ну все, все... – Свободной рукой она достала из панталон огромный скомканный носовой платок. –

Высморкайся как следует!

Раздался звук, словно кто-то вдруг включил противотуманную сирену.

– Куда они могли их увести? – спросила нянюшка, когда сирена наконец отключилась. – Замок буквально кишит жаждущими мести селянами!

– Он вфегда виляйт хвофт, тыкайт меня холодный ноф, – всхлипывая, произнес он.

– Игорь, куда?!

Игорь показал своим пальцем (ну, не совсем своим, но одним из тех, что принадлежали ему в настоящее время) на дальнюю дверь.

– Она уходит подвал, – сказал он. – Оттуда они выходят через железные ворота долина. Вы никогда их не ловийт!

– Но дверь по-прежнему заперта! – воскликнула Агнесса.

– Тогда они ефть еще в замок, но это ефть очень, очень глупо...

Его перебил оглушительный звук органа, от которого задрожал пол.

– Среди жителей Воронау, случаем, не было музыкантов? – спросила нянюшка, отпуская Игоря.

– Откуда мне знать? – пожала плечами Агнесса. Раздались еще два аккорда, и с потолка посыпалась пыль. – Они хотели вбить кол мне в сердце, а потом сварить мою голову в уксусе! Во всяком случае, никаких мелодий они при этом не насвистывали!

Орган снова взревел, как будто призывая всех к себе.

– Но почему они не сбежали? – удивилась нянюшка. – Они ведь могли бы зарыться куда-нибудь в землю и... О...

– Матушка не побежала бы, – сказала Агнесса.

– Верно, матушка Ветровоск всегда любила решающие сражения, – промолвила нянюшка, загадочно улыбаясь. – А они думают, как матушка. Каким-то образом она заставила их так думать...

– И матушка тоже так думает? – спросила Агнесса.

– Будем надеяться, до сих пор не разучилась, – откликнулась нянюшка. – Пошли.

Лакримоза нажала на регистр с надписью «Ужасное Лицо В Окне» и услышала аккорд, напоминающий раскаты грома и слегка механический крик.

– К счастью, папа, мы пошли не в тебя и не в твою сумасшедшую семейку, – сказала она. – Хотя, если эту штуковину соединить с камерой пыток, может получиться очень даже ничего. Вопли станут гораздо натуральнее.

– Почему мы ведем себя так нелепо? – спросил Влад. – Женщина и девочка у нас в руках. Почему мы до сих пор здесь? На свете много других замков.

– Это будет выглядеть позорным бегством, – пояснил граф.

– Зато мы выживем, – ответил Влад, потирая лоб.

– Мы никогда не отступаем, – сказал граф. – О нет, прошу вас, ближе не подходите...

Последние слова были адресованы остановившейся в замешательстве толпе. В отсутствие центрального мозга толпы вообще останавливаются очень быстро, и в данном случае замешательство было вызвано присутствием Маграт и младенца.

У Влада на лбу красовался синяк. Деревянный утенок на колесиках – серьезное оружие, особенно если посильнее бросить.

– Вот и молодцы, – одобрил граф, прижимая к себе малышку Эсме.

Маграт, извиваясь, пыталась вырваться из другой его руки, но он сжимал ее запястье, словно клещами.

– Вот видите? Абсолютное повиновение. Как в шахматах. Стоит убрать ферзя, и победа у тебя в кармане. А потеря нескольких пешек не имеет значения.

– Ты не больно-то высокого мнения о нашей маме, – заметил Влад.

– Поверь, я к ней очень привязан, – возразил граф. – И она обязательно найдет способ вернуться, а небольшое приключение только пойдет ей на пользу. Какой-нибудь рыбак в конце концов найдет банку, и вы даже глазом моргнуть не успеете, как мама снова будет с нами – такая сытая, такая здоровая... А, бесценная госпожа Ягг...

– Даже не пытайся подлизываться! – рявкнула нянюшка, пробиваясь сквозь ошеломленную толпу. – Я по горло сыта твоим подлизывательным подлизыванием, господин Подлиза! Освободи обеих девочек, а не то...

– О, как быстро мы добрались до «а не то», – вздохнул граф. – Но я скажу тебе вот что: вы все немедленно покинете замок, а там посмотрим. Возможно, мы отпустим королеву. Но маленькую принцессу... Она так очаровательна, верно? Она может остаться нашей гостьей. Она несколько оживит этот замок...

– Она вернется с нами в Ланкр! Сволочь! – закричала Маграт.

И в который раз попыталась вырвать руку из стальных клешней графа, чтобы влепить ему пощечину. Но его пальцы еще сильнее сжали ее запястье, и Агнесса заметила, как Маграт побелела.

– Королеве не подобает использовать такие слова, – промолвил граф. – Я все еще очень силен, даже для вампира. Но, пожалуй, ты права. Мы все

вернемся в Ланкр. Будем жить большой дружной семьей в вашем замке. Наш замок... несколько поистрепался. О госпожа Ягг, только не вини во всем происшедшем себя. За тебя это сделают другие...

Он вдруг замолчал. Едва слышный звук становился все громче и громче. Он был ритмичным и звонким.

Толпа расступилась. Вперед вышла матушка Ветровоск, что-то помешивая ложечкой в чашке.

– Молока так и не нашла, – сообщила она. – Хотя я не удивлена. Отрезала кусочек лимона, но это не то, совсем не то...

Она положила ложечку на блюдце – звонкий «дзынь» прокатился по залу – и улыбнулась графу.

– Я не опоздала?

Друг за другом с грохотом отодвигались засовы.

– ...Это заходит флишком далеко, – бормотал Игорь. – Фтарый мафтер никогда не...

Дверь громко закрипела, поворачиваясь на петлях, ржавчина на которых вращивалась долгими годами. Из темноты пахнуло прохладным сухим воздухом.

Игорь, повозившись со спичками, зажег факел.

– ...Я понимаю, отдых ефть отдых, но это ведь позор...

Он пробежал длинными темными коридорами, некоторые из них были выложены камнем, а некоторые – пробиты в скале, и очень скоро оказался в зале – совершенно пустом, за исключением стоявшего по центру каменного саркофага, на котором крупными буквами было высечено: «СОРОКУЛА».

Вставив факел в светильник, Игорь снял куртку и с большим трудом сдвинул тяжелую крышку в сторону.

– Извиняйт, мафтер, – прохрипел он, когда крышка с грохотом упала на пол.

Внутри саркофага заискрился при свете факела прах.

– ...Приходит фюда, вфе портийт...

Игорь поднял тулуп, достал из кармана толстый матерчатый сверток, развернул его на камне, и свет отразился от набора скальпелей, игл и ножниц.

– ...Теперь угрожайт маленькому ребенку... Вы, мафтер, так никогда не пофтупайт... Только ф любящий приключения девушка фтарше фемнадцати, которые так замечательно выглядят в ночных рубашках...

Он выбрал скальпель и осторожно коснулся лезвия мизинцем левой руки.

Проступила капелька крови, она становилась все больше, пока не упала на прах. Из саркофага появился дымок.

– Это вам за Охвофток, – с мрачной ухмылкой произнес Игорь.

Когда он подошел к двери, из гроба уже валил белый туман.

– Я – пожилая женщина, – сказала матушка, обводя толпу мрачным взглядом. – Неужели никто не предложит мне присесть?

Мгновенно откуда-то притащили скамью. Матушка села и впиалась взглядом в графа.

– Итак, о чем вы тут говорили?

– Эсмеральда, – улыбнулся граф, – наконец-то ты к нам присоединилась. Зову крови невозможно сопротивляться, ведь верно?

– Надеюсь, – сухо откликнулась матушка.

– Мы уйдем отсюда вместе, госпожа Ветровоск.

– Ты отсюда никуда не уйдешь, – сказала матушка и снова принялась помешивать чай.

Вампиры не сводили глаз с ложечки.

– У тебя нет выбора, ты обязана мне повиноваться и сама прекрасно это знаешь, – сказал граф.

– О, выбор есть всегда, – возразила матушка.

За отцовской спиной Влад и Лакримоза наклонились друг к другу и принялись о чем-то перешептываться. Граф поднял взгляд.

– Ты не можешь сопротивляться, – промолвил он. – Даже ты на такое не способна.

– Ну, не стану утверждать, будто бы мне это ничего не стоило... – пожала плечами матушка и опять взялась за ложечку.

Шепот стал громче.

– У нас королева и девочка, – прорычал граф. – Насколько мне известно, вы высоко их цените.

Матушка поднесла чашку к губам.

– Ну, убей их, – сказала она. – Не больно-то тебе это поможет.

– Эсме! – одновременно выкрикнули нянюшка и Маграт.

Матушка поставила чашку обратно на блюдце. До Агнессы донесся тяжелый вздох Влада. Она и сама чувствовала *желание...*

«Я догадалась, что она сделала», – сказала Пердита. «Я тоже», – подумала Агнесса.

– Он блефует, – сказала матушка.

– Стало быть, ты нисколечко не будешь возражать, если твоя королева станет вампиром? – осведомилась Лакримоза.

– У нас была одна такая в Ланкре, – небрежно бросила матушка. – Бедняжку укусил кто-то из вас. Перебивалась бифштексами с кровью и прочей гадостью. И, насколько я знаю, никогда никого не кусала. Другула Пронзевшая – слышали о такой?

– *Пронзевшая?*

– Как я сказала, кровь она не употребляла. Но против доброго кровопролития ничуть не возражала. Просто запретила себе пить кровь, хотя той еще гадиной была. Кстати, вы тоже не обязаны пить кровь.

– Ты *ничего* не знаешь об *истинных* вампирах!

– О, я о них знаю, и куда больше, чем ты думаешь. Взять, к примеру, Гиту Ягг.

Нянюшка удивленно заморгала.

Матушка Ветровоск было подняла чашку, но тут же снова ее опустила.

– Гита любит выпить. Утверждает, что пьет только *лучшее* бренди... – Нянюшка согласно закивала. – Но таково лишь ее *желание*, а в действительности она вполне и пивом обойдется, как и все нормальные люди. – Нянюшка пожала плечами, а матушка продолжила: – Однако вы не удовольствуетесь кровяной колбасой, ведь в действительности вам нужна власть над людьми. Я знаю всех вас так, как знаю саму себя. И знаю наверняка, вы не допустите, чтобы с головы этой девочки даже единственный волосок упал. Ну, если б, конечно, у нее уже были волосы... – Матушка принялась рассеянно помешивать ложечкой в чашке. – Просто не сможете.

Она подняла чашку и провела ею по краю блюдца. Губы Лакрिमозы алчно приоткрылись.

– Я нахожусь здесь только потому, что хочу понять, чего именно вы заслуживаете – справедливости или милосердия. Это вопрос выбора.

– Ты действительно думаешь, мы не сможем причинить вред какому-то мясу? – спросила Лакримова, решительно шагнув вперед. – Смотри же!

Она опустила руку к девочке и как ужаленная отдернула ее.

– Не сможете, – сказала матушка.

– Я чуть не сломала себе пальцы!

– Какая досада, – хмыкнула матушка.

– Ты вложила что-то в эту девочку... что-то ведьмовское... – пробормотал граф.

– И кому в голову могла прийти такая нелепая мысль? – фыркнула матушка, а стоявшая за ее спиной нянюшка потупилась. – Итак, вот мое предложение. Ты возвращаешь нам Маграт и принцессу, а мы отрубаем вам головы.

– И это ты называешь справедливостью? – осведомился граф.

– Нет, это я называю *милосердием*, – ответила матушка и поставила чашку на блюдце.

– *Во имя всего святого, женщина, ты будешь наконец пить этот проклятый чай или нет?* – взревел граф.

Матушка сделала глоток и поморщилась.

– О чем я только думала? Пока болтала с вами, чай остыл, – сказала она и медленно вылила чай на пол.

Лакримоза застонала.

– Думаю, это скоро пройдет, – продолжала матушка все тем же спокойным голосом. – Но пока вы не сможете причинить вред девочке, вы не сможете причинить вред Маграт, от одной мысли о крови вас будет тошнить, а убежать вы не сможете, потому что никогда не отказывались от схватки...

– Пройдет что? – спросил Влад.

– Стены вашего разума очень прочны, – сонно заметила матушка. – Мне никогда сквозь них не пробиться.

Граф улыбнулся.

Матушка тоже улыбнулась.

– И поэтому я не стала этого делать.

Туман клубился в склепе, обволакивая пол, стены и потолок. Струился вверх по ступеням, по длинному туннелю, туманные волны накатывались друг на друга, словно вели непримиримую битву за существование.

Куда-то бежавшая неосторожная крыса слишком поздно заметила приближение опасности. Туман поглотил ее, раздался короткий писк, а когда туман рассеялся, на полу остались только крошечные белые косточки.

Словно из ниоткуда, возникли такие же маленькие косточки, но уже собранные в скелет. В одной лапке скелет держал миниатюрную косу, а на плечи его был наброшен плащ с капюшоном. Стуча костяными лапками по каменным плитам, существо подошло к убитой крысе.

– Писк? – жалобно произнес дух крысы.

– ПИСК, – ответил Смерть Крыс.

Ну а зачем еще что-то знать?

– Ты все пытался понять, куда я спрятала свою сущность, – сказала матушка. – А я никуда и не уходила. Я просто поместила ее в нечто живое, а вы это нечто взяли. Вы сами пригласили меня, я – в каждой мышце ваших тел, я – в ваших головах. Я была в *крови*, граф. В крови. И это не я превратилась в вампира. Это вы превратились в матушку Ветровоск. Все

вы. Ведь вы всегда прислушивались к зову крови.

Граф смотрел на нее, широко открыв рот от изумления.

Ложечка со звоном упала на пол, потревожив едва заметный белый туман. Он стекал со стен, постепенно сужая круг, в центре которого стояли вампиры.

Сквозь толпу пробился Игорь и встал рядом с нянюшкой.

– Вфе ефть зер гут, – сообщил он. – Я не мочь позволяйт, чтобы это продолжайтфя, такой позор, такой фтыд...

Туман поднялся кипящей башней, а затем возникло такое ощущение, словно последовательность событий вдруг нарушилась, словно время как-то расщепилось... и в следующий момент за спинами Влада и Лакримозы выросла чья-то фигура. Ростом незнакомец был лишь чуть выше среднего мужчины, а фрак, в который он был одет, давным-давно вышел из моды. Его тронутые сединой волосы были аккуратно зачесаны назад, за уши, поэтому создавалось впечатление, что голову конструировали с учетом принципов аэродинамики.

Пальцы с ухоженными ногтями крепко сжали плечи молодых вампиров. Лакримоза было повернулась, собираясь впиться в наглеца ногтями, но тот оскалился, словно тигр, и она сразу съежилась от страха.

А потом лицо его приобрело почти человеческое выражение, и незнакомец улыбнулся. Как будто был искренне рад всех видеть.

– Доброе утро, – поздоровался он.

– Еще один поганый вампир? – осведомилась нянюшка.

– Не ефть обычный вампир, – пояснил Игорь, радостно прыгая с ноги на ногу. – Это ефть мой фтарый мафтер! Крафный Глаз возвращайтфя!

Матушка поднялась и, не обращая внимания на державшую молодых вампиров фигуру (и Влад, и Лакримоза как-то присмирели), подошла к графу.

– Я знаю все, на что ты способен и на что не способен, – сказала она. – Потому что ты впустил меня в себя. Это значит, ты не можешь того же, чего и я. И думаешь ты сейчас так же, как я, только разница в том, что я занималась этим куда дольше, а значит, у меня лучше получается.

– Ты – мясо! – прорычал граф. – Умное мясо!

– И ты сам меня пригласил, – повторила матушка. – Я ведь не из тех, кто заявляется без приглашения.

Девочка на руках у графа вдруг расплакалась. Он резко выпрямился.

– Ты в самом деле так уверена, что я не смогу причинить вреда этому ребенку?

– Я бы этого не смогла, значит, не сможешь и ты.

Лицо графа исказилось. Он сражался со своими чувствами и одновременно с Маграт, которая пыталась лягнуть его в лодыжку.

– А ведь все могло быть так хорошо... – пробормотал он, и впервые его голос утратил уверенность.

– Хорошо для тебя! – закричала Агнесса.

– Мы – вампиры, и мы не можем бороться с тем, что мы есть.

– Только животные не способны бороться со своей природой, – сказала матушка. – Так ты отдашь мне ребенка?

– А если я... – начал граф, но вдруг гордо вскинул голову. – Нет! Я не должен торговаться! И я буду сражаться с тобой твоими же методами! Вряд ли кто посмеет остановить меня, если я сейчас уйду. Посмотри на себя... Посмотри на меня. А теперь... на него. – Он кивнул на фигуру, державшую будто окаменевших Влада и Лакримозу. – Ты *этого* хочешь?

– Извини... куда я должна посмотреть? – уточнила матушка. – О... «фтарый мафтер» Игоря? Старый граф Сорокула, насколько понимаю?

Старый граф изящно поклонился.

– К вашим услугам, мадам.

– Сомневаюсь, – фыркнула матушка.

– А чо, он был вполне нормальным! – донесся из толпы голос Петра. – Появлялся раз в несколько лет, и никаких проблем не было, главное – про чеснок не забывать. И он вовсе не пытался нам *понравиться*.

Старый граф улыбнулся ему.

– Твое лицо мне знакомо. Один из семейства Рави, если не ошибаюсь?

– Не ошибаешься, господин. Меня зовут Петр, я Гансов сынок.

– Верно, такие же черты лица. Передавай привет бабушке.

– Она скончалась десять лет назад, господин.

– Неужели? Какая жалость. Как быстро в могиле летит время. – Старый граф вздохнул. – В ночной рубашке она выглядела просто сногшибательно.

– Нормальный был граф!.. – раздался еще чей-то голос из толпы. – Иногда покусывал нас, но мы привыкли.

– Знакомый голос, – сказал вампир. – Ты из Вейzenов?

– Да, господин.

– А Арно Вейзен кем тебе приходится?

– Прадедушкой, господин.

– Славный был парень. Семьдесят пять лет назад сразил меня одним ударом. Попал колом точно в сердце с двадцати шагов. Ты можешь им гордиться.

Лицо мужчины просияло от гордости за предка.

– Тот кол до сих пор висит у нас над камином, ваше сиятельство.
– Приятно слышать. Жаль, старые традиции постепенно уходят...
– Этого не может быть! – вдруг заорал граф Сорокула. – Неужели вы предпочитаете его? Он ведь *чудовище!*

– Зато он никогда не пытался их контролировать! – в ответ заорала Агнесса. – И не подписывал с ними никаких *соглашений!*

Граф Сорокула вместе с заложницами медленно пятился к двери.

– Нет, – сказал он. – Так, как вы хотите, не будет. Если кто думает, что я не смогу причинить вреда этим очаровательным заложницам, пусть попробует остановить меня. Неужели кто-то действительно верит этой старухе?

Нянюшка Ягг открыла было рот, но, заметив взгляд матушки, тут же захлопнула его. Толпа расступилась перед графом, и он подтащил Маграт к двери.

И наткнулся на фигуру всемогучего Овса.

– Сын мой, не думал ли ты впустить в свою жизнь Ома? – спросил священнослужитель. Его голос дрожал. Лицо блестело от пота.

– О... опять *ты*, – нахмурился граф. – Мой мальчик, если я уж с ней справляюсь, то с тобой вообще никаких проблем не возникнет.

Овес держал перед собой топор так, словно тот был сделан из какого-то драгоценного и очень хрупкого металла.

– Изыди, сила нечестивая... – начал он.

– Ну и ну... – покачал головой граф, отводя топор в сторону. – Ты так ничему и не научился, глупец? Маленький глупец со своей маленькой глупой верой в маленького глупого божка...

– Эта вера... позволяет мне видеть вещи в истинном свете, – с трудом произнес Овес.

– Правда? И ты решил, что сможешь помешать мне? Топор – даже не священный символ!

– О! – Лицо Овса удрученно вытянулось. Он опустил топор, и плечи его обвисли.

Но потом вскинул голову, широко улыбнулся и произнес:

– Тогда... мы сделаем его таковым!

И топор с шелестящим звуком скользнул по дуге, оставляя в воздухе золотистый след.

После чего упал на каменные плиты. В мертвой тишине его падение прозвучало как удар колокола. Овес выхватил девочку из безвольных рук вампира и передал ее Маграт, которая молча прижала дочку к груди.

Первым звуком, нарушившим тишину, было шуршание платья

матушки, которая встала со скамьи и направилась к упавшему топору. Подойдя, она толкнула его ногой.

– Если у меня и есть недостаток, – тон ее подразумевал, что такая возможность действительно существует, но лишь теоретически, – то заключается он в том, что я не знаю, когда нужно поворачиваться и бежать. Кроме того, я часто блефую, хотя карта у меня хуже некуда.

Ее голос разносился по залу. Все слушали затаив дыхание.

Она кивнула графу, который очень медленно поднял руки к алой зияющей ране на шее.

– Топор был *острым*, – сообщила матушка. – Кто сказал, что в мире нет милосердия? Главное – не кивай. Кто-нибудь проводит тебя, уложит в прохладный удобный гроб, лет пятьдесят мигом пролетят, и, возможно, ты проснешься достаточно умным, чтобы не делать больше всяких глупостей.

Толпа постепенно оживала. Раздались чьи-то, пока неуверенные голоса. Матушка покачала головой.

– Они хотят, чтобы ты стал более мертвым, – пояснила она графу, который смотрел прямо перед собой застывшим взглядом и пытался остановить кровь, которая все сильнее текла между его пальцев. – Есть всякие способы. Мы можем сжечь тебя, а пепел развеять над морем...

Толпа одобрительно вздохнула.

– ...Или дождаться урагана и пустить по ветру...

Послышались робкие аплодисменты.

– ...Или заплатить какому-нибудь моряку, чтобы тот увез тебя на Край и там скинул в море.

На сей раз матушка удостоилась одобрительного свиста.

– Конечно, когда-нибудь ты вернешься. Но болтаться в пространстве несколько миллионов лет... лично мне это кажется очень скучным. – Она вскинула руку, успокаивая толпу. – Пятьдесят лет, чтобы все обдумать, – это мне куда больше нравится. Людям нужны вампиры. Они помогают не забывать, зачем нам были даны колья и чеснок.

Она щелкнула пальцами, обращаясь к толпе.

– Кто-нибудь, двое, проводите его в склеп. И выказывайте покойному уважение...

– Но это такая малость! – выходя из толпы, воскликнул Петр. – После всего того, что он...

– Вот когда он вернется, тогда и разберетесь, – отрезала матушка. – И вбейте в головы своих детишек одну простую истину: людоеду нельзя доверять, пусть даже он пользуется ножом и вилкой! И еще помните: вампиры приходят только туда, куда их приглашают!

Толпа отступила. Матушка немного успокоилась.

– А сейчас это мой выбор. Я тут решаю. – Она наклонилась к искаженному ужасом лицу графа. – Ты пытался лишиться меня разума, – сказала она чуть тише. – А он для меня – все. Подумай об этом. Попробуй *понять*. – Она отступила. – Уведите его!

Она повернулась к высокому вампиру.

– Итак... ты – старый мастер, верно?

– Алисон Ветровоск? – с удивлением спросил он. – У меня хорошая память на шеи.

Матушка на мгновение застыла.

– Что? Нет! Откуда тебе известно это имя?

– Она проезжала по здешним местам лет сто назад. У нас была краткая встреча, а потом она отрубилась мне голову и вбила в сердце кол. – Граф вздохнул. – Очень энергичная женщина. Ты ее родственница, насколько понимаю. Увы, я потерял счет поколениям.

– Внучка, – слабым голосом произнесла матушка.

– Игорь говорит, вокруг замка летает феникс...

– Думаю, он скоро улетит.

Граф кивнул.

– Мне всегда нравились эти птицы, – сказал он с некоторой тоской. – Когда я был молодым, их было так много. Они делали ночь... красивой. Тогда все было намного проще... – Он помолчал и чуть громче добавил: – Но сейчас мы живем в *современном мире*.

– Да, именно так они говорят, – пробормотала матушка.

– Но я бы, мадам, не больно-то обращал на их слова внимание. Лет через пятьдесят они уже не будут столь современными. – Он потряс молодых вампиров, как кукол. – Приношу извинения за поведение моего племянника. Оно противоречит традициям вампиров. Наверное, люди из Воронау захотят их убить? Это меньшее, что я могу сделать.

– Но они ведь твои родственники! – воскликнула нянюшка Ягг, когда толпа радостно рванулась вперед.

– Да, но мы, вампиры, никогда не изображали из себя счастливых семей.

Влад умоляюще посмотрел на Агнессу и протянул к ней руки.

– Ты же не позволишь им убить меня, правда? Не дай им поступить так со мной! Мы могли бы... у нас могла бы... Ты ведь не допустишь этого?!

Толпа остановилась. Его слова звучали как мольба. Сотня пар глаз уставилась на Агнессу.

Она взяла его за руку. «Думаю, мы сможем его перевоспитать», – сказала Пердита. Но Агнесса думала о Воронау, об очередях, о детях, которые играли, ожидая неизбежного, о том, что ночью зло может быть по-звериному жестоким, а днем – серым, как дождь...

– Влад, – произнесла она ласково, глядя ему прямо в глаза, – я бы с удовольствием подержала им пальто.

– Похвально, девочка, похвально, – сказала матушка, подходя сзади, – но этого не случится. Забирай их, граф. Научи чтить традиции. Научи быть глупыми.

Граф кивнул и улыбнулся во весь свой клыкастый рот.

– Обязательно. Иногда, чтобы жить дальше, нужно умереть, а потом восстать из могилы обновленным. Я научу их.

– Ха! Ты не живешь, граф. Живет феникс. А ты просто притворяешься живым, хотя на самом деле мертв. Теперь убирайтесь, все!

Снова возник раскол во времени, а потом стая сорок взлетела с того самого места, где стояли вампиры, и, громко треща, скрылась в темноте под крышей.

– Да их здесь сотни! – воскликнула Агнесса.

– Ну, вампиры умеют менять облик, – сказала нянюшка. – И это известно всякому, кто хоть немного разбирается в вампирах.

– Интересно, а триста сорок – это к чему?

– Триста сорок – это к тому, что пора накрывать мебель чехлами, – хмыкнула нянюшка. – А мне пора крепко выпить.

Толпа, поняв, что представление закончилось, начала рассасываться.

– Почему она не позволила их уничтожить? – прошипел Петр рядом с Агнессиным ухом. – Смерть для них – слишком легкий выход!

– Ага, – согласилась Агнесса. – Именно поэтому она и не позволила им умереть.

Овес не шевелился. Он по-прежнему смотрел прямо перед собой, руки у него тряслись. Агнесса подвела его к скамье и осторожно усадила.

– Я убил его, да? – прошептал он.

– В некотором роде, – кивнула Агнесса. – С этими вампирами никогда точно не знаешь.

– У меня не было выхода! Все стало каким-то... воздух вдруг стал золотым, и был только этот момент, чтобы что-нибудь совершить...

– Вряд ли кто-то будет выражать недовольство, – сказала Агнесса.

«Согласись, а он весьма милый, – прошептала Пердита. – Если б он еще выдавил этот свой прыщ...»

Маграт села по другую сторону от Овса и принялась укачивать дочку.

Пару раз она глубоко вздохнула.

– Ты поступил очень храбро, – сообщила она.

– Нет, – не согласился Овес. – Я думал, матушка Ветровоск вмешается и...

– А она и вмешалась, – поежилась Маграт. – Еще как вмешалась...

Матушка Ветровоск сидела на другом конце скамьи и поглаживала переносицу.

– А сейчас я хочу поехать домой, – сказала она. – Забраться в постель и спать целую неделю. – Она зевнула. – И чая хочется.

– Но у тебя ведь был чай! – воскликнула Агнесса. – Мы чуть слюной не захлебнулись, глядя на тебя!

– Откуда здесь взяться чаю? Я просто заварила какую-то грязь. Но я знаю, что нянюшка всегда таскает с собой пакетик чая. Где-нибудь в своих закромах. – Она снова зевнула. – Маграт, завари-ка чайку.

Агнесса открыла было рот, но Маграт жестом приказала ей молчать и передала ей девочку.

– Конечно, матушка, – сказала она, мягко толкая Агнессу обратно на скамейку. – Только узнаю у Игоря, где тут хранится чайник.

Всемогущий Овес вышел на крепостную стену. Солнце было уже высоко, свежий ветерок шелестел над лесами Убервальда. На деревьях рядом с замком трещали сороки.

Матушка, облокотившись о стену, смотрела на рассеивающийся туман.

– Похоже, день будет ясным, – весело произнес Овес.

К своему немалому удивлению, он действительно ощущал некую радость. Воздух был прозрачным, навевал мысли о будущем, которое таит в себе неограниченные возможности. Он хорошо помнил момент, когда взмахнул топором, когда *оба Овса* взмахнули топором. Возможно, еще не все потеряно...

– Ближе к вечеру со стороны Пупа придет гроза, – сообщила матушка.

– Ну, по крайней мере, будущему урожаю это только на пользу.

Что-то сверкнуло в небе. При солнечном свете было трудно различить крылья феникса, они казались бледными вспышками желтизны, и виднелся лишь силуэт маленького ястреба в центре, парящего над замком.

– Как может прийти кому-то в голову убить такое существо? – спросил Овес.

– О, некоторые убивают просто ради развлечения.

– Это настоящая птица или она существует только...

– Она просто существует, – резко перебила его матушка. – Не

перебарщивай с аллегориями, ими и подавиться недолго.

– Знаешь, я сейчас чувствую себя так, будто на меня снизошла благодать.

– Правда? А я каждое утро чувствую то же самое. Как увижу рассвет, так и чувствую, – хмыкнула матушка. – Доживешь до моих лет, поймешь. – Она вздохнула, а потом заговорила, словно бы сама с собой: – Стало быть, она не переходила на другую сторону, что бы люди ни говорили. Хотя с этим старым вампиром нужно держать ухо востро. Но она не переходила на другую сторону. Ты же слышал его слова? Именно так он и сказал. Хотя никто его не заставлял.

– Э... да.

– Тогда она была старше меня. Бабушка Алисон была хорошей ведьмой. Палец в рот не клади. Со странностями, конечно, но у кого их нет?

– У всех, кого я знаю, странностей с избытком.

– Ага. – Матушка выпрямилась. – Ну, ладно...

– Э...

– Да?

Овес смотрел на подвесной мост и ведущую к замку дорогу.

– Там какой-то человек в заляпанной грязью ночной рубашке. Он размахивает мечом, – сообщил Овес. – Его сопровождают жители Ланкра и какие-то синие человечки...

Он еще раз посмотрел вниз.

– Надеюсь, что это грязь...

– Должно быть, это король, – догадалась матушка. – Судя по воплям, Большая Агги напоила его своим варевом. Он как раз вовремя.

– Э... но ведь все уже закончилось?

– Ну, он ведь король. А короли всегда прибывают вовремя, на то они и короли. Ты ведь не станешь убеждать его в обратном? Кроме того, он все равно ничего не понимает, поскольку отведал пойла Большой Агги. Думаю, нам лучше спуститься.

– По-моему, я должен сказать тебе спасибо, – промолвил Овес, когда они подошли к винтовой лестнице.

– За то, что я помогла тебе там, в горах?

– Мир стал... другим. – Взгляд Овса скользнул по затянутой дымкой долине, по лесам и лиловым горам. – Теперь я буквально во всем вижу что-то святое.

И тут он впервые увидел искреннюю улыбку матушки Ветровоск. Обычно уголки ее рта лишь чуточку поднимались вверх, когда что-то

неприятное должно было произойти с тем, кто этого заслуживал, но на сей раз, похоже, ей было действительно приятно услышать его слова.

– Ну, значит, начало положено? – сказала она.

Карету Сорокул поставили на оставшиеся колеса и притащили в замок. А теперь она ехала обратно в Ланкр с Джейсоном Яггом на козлах. Ямы он старался объезжать – от толчков сразу начинали ныть раны. А кроме того, в карете находилась королевская чета, и в данный момент он чувствовал себя крайне преданным подданным.

Джейсон был очень крупным, очень сильным мужчиной и старался не прибегать к насилию – зачастую в этом просто не было необходимости. Иногда его вызывали в трактир, чтобы остановить серьезную стычку, так он, как правило, поднимал драчунов за воротники и разводил в стороны, чтобы они успокоились. Если это не помогало, он пару раз сталкивал их лбами – как можно более ласково.

Агрессивность никогда не производила на него впечатления, но вчера, во время битвы за Ланкрский замок, он увидел своего короля в новом свете – ему пришлось поднять Веренса над головой да так и держать, чтобы он прекратил безжалостно рубить врагов, друзей, мебель, стены и собственные ноги. Бой оказался исключительно коротким. Наемникам самим не терпелось сдаться в плен – особенно после химической атаки Шона. Сложнее всего было держать Веренса подальше от наемников, чтобы те успели сдаться.

В общем, Джейсон был потрясен.

Тем временем король Веренс лежал в карете, устроив голову на коленях у жены, и тихонько постанывал, когда она вытирала его лоб платком...

А на почтительном расстоянии от кареты ехала повозка с ведьмами. Впрочем, в ней было больше храпа, чем ведьм.

Храп матушки Ветровоск обладал первобытной индивидуальностью. Поскольку взрастал и воспитывался он в полной свободе. Некому было пресечь его взревы пинком, толчком в поясницу или подушкой, используемой вместо дубинки. Этот храп имел возможность в течение многих лет оттачивать в одинокой спальне такие замысловатые звуки, как «кнарк», «граах» и «гнок-гнок-гнок», не отвлекаясь на всякие щипки, тычки и периодически попытки человекоубийства, которые, как правило, отбивают желание храпеть.

Сейчас матушка лежала на соломе на дне повозки и с удовольствием храпела.

– Непонятно, и как только оси выдерживают, а? – заметила сидевшая на козлах нянюшка. – Как будто она пилит телегу пополам.

– Меня немного беспокоит господин Овес, – сказала Агнесса. – Он просто сидит и тупо улыбается.

– Головой он не ударялся? – осведомилась нянюшка.

– Кажется, нет.

– Тогда оставь его в покое. Не жжет никого – и то ладно. Ага, а вот и наш старый друг...

Сосредоточенно прикусив язык, Игорь наносил последние штрихи на новую табличку. «Пачему вам не пофещайт наш фювенирная лавка?» – было написано на ней. Заслышав звук приближающейся повозки, он выпрямился и кивнул.

– Пока фтарый мафтер лежайт мертвым, его голова приходийт много новых идей, – сообщил он, почувствовав, что требуется некоторое объяснение. – Фегодня я начинайт фтроить парк развлечения, хотя понятия не имеют, что это ефть такое.

– Ну, в основном люди там качаются, веселятся. Им это очень нравится, – объяснила нянюшка.

Игорь мгновенно повеселел.

– О, тогда найн проблема. Я имеют много веревка, а петля лучше меня никто не делает!

– Нет, все не совсем так... – начала было Агнесса, но нянюшка мгновенно перебила ее.

– Полагаю, тут все зависит от того, кто в этом парке будет развлекаться, – сказала она. – Ладно, Игорь, еще увидимся. Поступай так, как поступала бы я. Хотя, честно говоря, от меня всякого можно ожидать...

– И навести за нас могилку Охвостка, – попросила Агнесса. – Мы будем по нему скучать. Но, может, мы сумеем найти тебе нового щенка?..

– Большой данке, но найн. Охвофтка никто не заменяйт.

Он махал им рукой, пока они не скрылись за поворотом.

Подняв глаза, Агнесса вдруг увидела трех сорок, сидящих на ветке над дорогой.

– Три – кто-то умрет... – вспомнила она.

В воздухе просвистел камень. Раздался возмущенный сорочий треск, и на дорогу посыпались перья.

– Ну вот, теперь их две. Ух, повеселимся! – самодовольно изрекла нянюшка.

– Нянюшка, но это жульничество!

– А ведьмы всегда жульничают, – пожала плечами нянюшка Ягг и

оглянулась на спящую фигуру. – Это известно всякому, кто хоть немного разбирается в ведьмах.

Они возвращались домой в Ланкр.

Снова капал дождь. Вода просочилась в шатер и даже проникла в фисгармонию, которая при нажатии на любую клавишу теперь издавала только похожие на жабью отрыжку звуки. От песенников почему-то откровенно воняло кошатиной.

Всемогучий Овес махнул на них рукой и занялся своей походной кроватью, в процессе сборки которой ободрал два пальца и прищемил еще один. Разложенная наконец койка выглядела так, словно была предназначена не для человека, а для какого-нибудь гигантского банана.

Овес понимал, что таким образом пытается отвлечься от мыслей. В целом он был даже доволен этим. Ему было приятно выполнять простую работу и слышать только собственное дыхание. А может, есть способ...

С улицы сквозь легкий шепот вечернего ветерка донесся какой-то стук. Били чем-то деревянным по чему-то пустому.

Он осторожно выглянул из шатра.

Люди, стараясь не шуметь, выходили на поле. В руках некоторых он увидел доски. Кое-кто катил бочки. Овес, открыв рот от изумления, смотрел, как быстренько сооружаются грубые скамейки и на них рассаживаются люди.

У некоторых мужчин были забинтованы носы.

Потом раздался грохот колес, и Овес увидел, как из ворот замка выезжает королевская карета. Тут он очнулся, скрылся в шатре и отчаянно принялся рыться в мешке в поисках чистой рубахи. Шляпу он так и не нашел, балахон был заляпан грязью, кожа на башмаках потрескалась, пряжки потускнели от кислого воздуха болот, но чистая рубаха определено...

Кто-то попытался постучать по влажному брезенту и, выждав буквально полсекунды, вошел в шатер.

– Ты тут одет? – спросила нянюшка Ягг, осматривая его с головы до ног. – Знаешь, мы ведь тебя ждем. Пора, так сказать, стричь заблудших овец, – добавила она тоном, который явственно говорил о том, что лично она происходящее очень и очень не одобряет.

Овес повернулся к ней лицом.

– Госпожа Ягг, я знаю, я тебе не слишком нравлюсь...

– А с чего бы ты мне нравился? – перебила нянюшка. – Эсме тащила тебя на себе через все горы. Заботилась о тебе, ухаживала...

Решительный ответ уже готов был вырваться из горла, но тут Овес заметил понимающий нянюшкин взгляд и предпочел откашляться.

– Э... да, – кивнул он. – Да. Это была чудовищная глупость с моей стороны. Госпожа Ягг, а там много людей собралось?

– О, человек сто – сто пятьдесят.

«Это все она, – подумал Овес, вспомнив расставленные в доме нянюшки портреты. – Она способна влиять на огромное количество людей. Но, готов поспорить, кто-то сначала повлиял на нее».

– И что я, по их мнению, должен сделать?

– На твоём плакате написано «Вичерняя Песня», – напомнила нянюшка. – Хотя лично я бы предпочла, чтобы там было написано «Вечернее пиво».

Он вышел из шатра и увидел освещенные вечерним солнцем лица ланкрцев, почувствовал их взгляды. Тут собрался почти весь Ланкр. Король и королева сидели в первом ряду. Веренс царственно кивнул Овсу, подавая сигнал, что пора уже начинать. Что бы это ни было.

Нянюшка Ягг весьма недвусмысленно демонстрировала, что никаких специальных омнианских молитв она не потерпит, поэтому Овес выбрал общую молитву благодарения. Она адресовалась любому богу, который сейчас его слышит, а также всем тем богам, кто не слышит и не собирается этого делать.

Потом Овес вынес из шатра испорченную фисгармонию, попытался извлечь из нее пару аккордов, но нянюшка мгновенно оттеснила его в сторону, засучила рукава и принялась извлекать из влажных мехов ноты, о существовании которых Овес даже не подозревал.

Пение не было слишком воодушевленным, пока Овес не отшвырнул в сторону песенник и не научил собравшихся некоторым песенкам, которые пела ему бабушка. Они были полны огня и грома, смерти и справедливости, но мелодии были настолько простыми, что их легко можно было насвистывать, а названия говорили сами за себя: «Ом растопчет неверных», «Вознеси меня на небо» и «И зажги огонь добродетели». Песни были приняты благосклонно. Жители Ланкра не очень интересовались религией, зато теперь они знали, как она должна звучать.

Овес пел во все горло, тыкал длинной палочкой в написанные на брезенте слова и внимательно разглядывал лица своих, да, пусть будет так – своих первых в жизни прихожан. Тут было много женщин и тщательно отмытых мужчин, но одного лица все же не хватало. И его отсутствие доминировало над всем происходящим.

Однако на середине очередного куплета он вдруг бросил взгляд и

увидел высоко в небе орла. Похожая на точку птица кружила в вышине и, быть может, охотилась на каких-нибудь заблудших овец.

А потом все кончилось, и люди тихо разошлись – с таким видом, словно выполнили некую работу, не слишком неприятную, но тем не менее работу, которую нужно было сделать. На блюде для пожертвований Овес обнаружил два пенса, несколько морковок, крупную луковицу, небольшую буханку хлеба, фунт баранины, кувшин с молоком и маринованную свиную рульку.

– У нас на самом деле не денежное хозяйство, – объяснил подошедший к нему король Веренс. Лоб его был забинтован.

– Все в порядке, ваше величество, у меня сегодня будет роскошный ужин, – откликнулся Овес безумно восторженным голосом, которым люди, как правило, разговаривают с монархами.

– Кстати, ты не откажешься отужинать с нами? – спросила Маграт.

– Я... э... намеревался отправиться в путь на рассвете, ваше величество. А вечером хотел собрать вещи и сжечь походную койку.

– В путь? Но я думал, ты останешься у нас. Я даже провел опрос общественности, – признался король. – И ответственно заявляю: мнение общественности по данному вопросу целиком и полностью совпадает с моим.

Овес посмотрел на Маграт, выражение лица которой явно говорило о том, что матушка не возражает.

– Ваше величество, полагаю, я еще загляну в ваши места, – ответил он. – Но... честно говоря, я хотел отправиться в Убервальд.

– Дьявольское место, господин Овес.

– Я думал об этом весь день, ваше величество, и принял решение.

– О. – На лице Веренса мелькнуло смущение, но он быстро справился с собой – короли умеют брать себя в руки. – Что ж, думаю, ты лучше разбираешься в собственных мыслях. – Вдруг он слегка покачнулся – это Маграт пихнула его под ребра локотком. – Ах да, мы слышали, что ты потерял свой священный амулет, поэтому мы, то есть королева и госпожа Нитт, попросили Шона сделать на нашем монетном дворе вот это...

Овес развернул черный бархат и увидел золотую цепь, на которой висел маленький золотой топор с двумя лезвиями.

Он потрясенно уставился на подарок.

– У Шона неважно получают черепахи, – пояснила Маграт, пытаясь заполнить паузу.

– Я буду хранить это как величайшее сокровище, – откликнулся наконец Овес.

– Конечно, мы понимаем, этот символ не такой уж священный... – развел руками король.

Овес покачал головой.

– Кто знает, ваше величество? Святость – там, где мы ее находим.

За спиной короля стояли по стойке смирно Джейсон и Даррен Ягги. У обоих носы были заклеены пластырем. Они торопливо отскочили в стороны, давая дорогу королю, который, казалось, даже не заметил их.

Нянюшка Ягг ударила по клавишам фисгармонии, символизируя отбытие королевской четы и ее свиты.

– Если на рассвете заглянешь в кузницу Джейсончика, он попробует подлатать эту твою фисгармонию, – пробормотала она.

В нянюшкином эквиваленте это значило, что всемогущий Овес только что удостоился трех дружных «ура» и признательности всего населения Ланкра. И священнослужитель это оценил.

– Удивительно, сколько людей сегодня здесь собралось, – сказал он. – Не сомневаюсь, все они пришли сюда спонтанно.

– Не испытывай судьбу, юноша, – буркнула, вставая из-за фисгармонии, нянюшка Ягг.

– Было очень приятно с тобой познакомиться, госпожа Ягг.

Нянюшка уже сделала несколько шагов, но Ягги всегда оставляют за собой последнее слово.

– Не могу сказать, что я отношусь к тебе хорошо, – слегка напряженно промолвила она. – Но если ты постучишь в дверь кого-нибудь из Яггов в этих краях... то всегда найдешь там горячую пищу. Кроме того, ты такой тощий. Даже на карандаше мясника и то больше мяса.

– Спасибо.

– Но на пудинг даже не рассчитывай.

– Не буду.

– Ну, тогда... – Нянюшка пожала плечами. – Удачи тебе в Убервальде.

– Уверен, Ом будет сопровождать меня, – сказал Овес.

Интересно, подумал он, насколько можно разозлить нянюшку, если разговаривать с ней абсолютно спокойно? И пользовалась ли этим когда-нибудь матушка Ветровоск?

– Надеюсь, – хмыкнула нянюшка. – Не хотелось бы, чтобы он остался ошиваться тут.

Когда нянюшка отбыла, Овес развел костер из кошмарной кровати и расставил вокруг него на просушку песенники и молитвенники.

– Привет...

В темноте ведьма выглядит весьма своеобразно. Ты видишь, как к тебе

приближается висящее в воздухе лицо. Но потом контрастность несколько пришла в себя, часть темноты отделилась от целого и превратилась в Агнессу.

– О, добрый вечер, – кивнул Овес. – Спасибо, что заглянула. Никогда прежде мне не доводилось слышать, чтобы люди пели сами с собой хором.

Агнесса смущенно откашлялась.

– Ты действительно собираешься отправиться в Убервальд?

– Ну, у меня ведь нет причин больше здесь задерживаться.

Левая рука Агнессы несколько раз дернулась. Агнесса крепко обхватила ее правой рукой.

– Наверное... – едва слышно произнесла она. – Нет! Заткнись! Сейчас не время!

– Прошу прощения?

– Это я себе, – с несчастным видом произнесла Агнесса. – Послушай, все *знают*, что ты помог матушке. Просто делают вид, что не знают.

– Да, конечно.

– И тебе все равно?

Овес пожал плечами. Агнесса снова откашлялась.

– Я думала, ты еще останешься здесь на какое-то время.

– Но зачем? Я здесь никому не нужен.

– Вряд ли вампиры и все прочие обрадуются твоим гимнам и псалмам, – едва слышно произнесла Агнесса.

– Ну, может, я еще как-то пригожусь, – пожал плечами Овес. – Сориентируюсь на месте.

Несколько секунд Агнесса стояла в замешательстве.

– Я хочу подарить тебе вот это, – наконец сказала она и протянула ему небольшой мешочек.

Овес достал оттуда маленькую баночку.

Внутри, заливая поле чистым холодным светом, горело перо феникса.

– Это от... – начала было Агнесса.

– Я знаю, от кого это, – перебил Овес. – От госпожи Ветровоск, верно? Я ее здесь не видел.

– Э... Она сегодня отдыхает.

– Поблаговари ее от моего имени, хорошо?

– Она просила передать, что ты можешь брать это во всякие темные места.

Овес рассмеялся.

– Э... да. Э... я могу прийти утром и проводить тебя... – неуверенно произнесла Агнесса.

- Будет очень мило с твоей стороны.
- Ну, тогда... до... ну, ты понимаешь...
- Да.

Агнесса, казалось, боролась с каким-то внутренним сопротивлением.

- А еще я принесла... хотела передать тебе... ну, может...

- Да?

Правая рука Агнессы быстро нырнула в карман и достала небольшой пакетик из промасленной бумаги.

– Это припарка, – выпалила она. – Очень хороший рецепт, в книге говорится, что она всегда помогает. Если ее нагреть и приложить к больному месту, с прыщами она творит просто чудеса.

Овес бережно взял в руки пакетик.

- Возможно, это самый приятный подарок в моей жизни, – сказал он.

- Э... я рада. Это... э... от нас обеих... До свидания.

И Агнесса удалилась в сумерки. Овес смотрел ей вслед, а потом что-то на небе привлекло его взгляд.

Парящий орел поднялся над тенью гор и вылетел в освещенную заходящим солнцем часть неба. А потом, сверкнув золотом, он снова скрылся в темноте.

С такой высоты орел мог видеть на много миль вокруг.

Над Убервальдом разразилась обещанная буря. Небо было испещрено росчерками молний.

Некоторые молнии били совсем рядом с самой высокой башней замка Тольконеприближайтескнему. Игорь стоял на резиновом коврике и раздвигал телескопическую мачту с шариками, которые уже начали светиться. На голову Игорь надел резиновую шапочку, чтобы пластина случайно не заржавела.

Нижней частью гудевшая от напряжения мачта упиралась в какой-то завернутый в одеяло сверток.

Наконец мачта была установлена. Игорь вздохнул. Теперь оставалось только ждать.

– ЛЕЖАТЬ, МАЛЫШ! ПЕРЕСТАНЬ, Я СКАЗАЛ... ОТПУСТИ! ОТПУСТИ СИЮ МИНУТУ! ХОРОШО, СЛУШАЙ... ПРИНЕСИ! ПРИНЕСИ! ВОТ МОЛОДЕЦ...

Смерть проводил взглядом упрыгавшего прочь Охвостка.

Он несколько не привык к такому. Дело было даже не в том, что люди редко когда испытывают радость при виде него, хотя последние мгновения

жизни частенько бывают сложными и весьма мучительными, поэтому многие с облегчением встречают невозмутимую фигуру в черном. Но с подобным энтузиазмом он ни разу не сталкивался – и с таким количеством разлетающихся во все стороны слюней тоже. Это несколько смущало. Возникло ощущение, что он что-то делает не так.

– А НУ, ИДИ СЮДА, УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПЕСИК. БРОСЬ... ПОЖАЛУЙСТА, ОТПУСТИ. ТЫ НЕ СЛЫШИШЬ, Я ВЕЛЕЛ ОТПУСТИТЬ? ОТПУСТИ СИЮ МИНУТУ!

Охвосток опять умчался. Ему было весело, и он не собирался заканчивать игру.

Из-под балахона донесся легкий звон. Смерть вытер руки о мягкую ткань, избавляясь от собачьих слюней, и достал из-под плаща жизнеизмеритель, в котором весь песок перетек в нижнюю колбу. Но само стекло было бесформенным, скрученным, покрытым рубцами, и прямо у Смерти на глазах оно вдруг начало наполняться синим светом.

Смерть щелкнул пальцами. Как правило, он никогда не шел на уступки, но, похоже, сейчас это был единственный способ вернуть косу.

Молния ударила в мачту.

В воздухе завоняло паленой шерстью.

Игорь немного подождал, после чего обошел сверток, оставляя за собой след расплавленной резины. Опустившись на колени, он аккуратно развернул одеяло.

Охвосток зевнул. Огромный язык облизал руку Игоря.

Игорь облегченно улыбнулся, и тут же из недр замка донеслись звуки могучего органа, исполнявшего «Токкату Для Девушек В Ночных Рубашках, Подпоясанных Терниями».

Орел наконец опустился в горную чашу, в которой раскинулся Ланкр.

Косые лучи солнца освещали озеро и огромную треугольную волну, состоящую из треугольных волн поменьше и направляющуюся от берега к ничего не подозревающему островку.

По горам эхом разносились крики:

– Ну чо, выдракс!

– Тащи, тащи, тудым-сюдым!

– Воля-халява!

– Нак-мак-Фигли!

Орел пролетел над озером совсем низко, потом бесшумно взмыл над тенистыми лесами, обогнул деревья и вдруг сел на ветку дерева рядом со

стоящим на поляне домиком.

Матушка Ветровоск проснулась.

Ее тело не шевелилось, но взгляд прыгал с одного предмета на другой, а нос в полумраке выглядел более крючковатым, чем был на самом деле. Потом матушка немного успокоилась, ее плечи расслабились, и она перестала напоминать нахохлившуюся на ветке птицу.

Прошло еще некоторое время, она встала, потянулась и подошла к двери.

Вроде бы ночи потеплели. Она чувствовала, как в земле начинает расправляться трава. Год миновал грань, начал свой путь от тьмы к свету... Конечно, тьма придет снова, но так устроен мир, так положено. Однако сейчас все только начиналось.

Закрыв наконец дверь, матушка развела огонь, достала коробку свечей из комода, зажгла все до единой и расставила в блюдцах по комнате.

На столе скопившаяся за два дня лужица вдруг покрылась рябью и как-то странно вздыбилась в центре. Оторвавшаяся от нее капля устремилась вверх и попала точно в мокрое пятно на потолке.

Матушка завела часы и качнула маятник. Выйдя из комнаты, она быстро вернулась с куском картонки и привязанной к нему потрепанной веревочкой. Устроившись в кресле-качалке, она достала из очага головешку.

Матушка выводила буквы, часы тикали. Еще одна капля, покинув стол, устремилась к потолку.

Потом матушка Ветровоск повесила картонку на грудь и с улыбкой откинулась на спинку кресла. Кресло еще некоторое время раскачивалось – совсем не в такт падавшим вверх со стола каплям и тиканью часов, – а потом остановилось.

На картонке было написано:

ВСЕ ИСХО

Я НИ УМИРЛА

Свет потускнел. Время «могу» закончилось, и наступило раннее «не могу».

Буквально через несколько минут на соседнем дереве проснулась сова. Взмахнув крыльями и сорвавшись с ветки, она полетела над лесом.

notes

Примечания

1

В том смысле, что есть заразные и смертельно опасные болезни, а есть болезни почти даже невредные – просто некоторое время вы ходите полусогнувшись и шарахаетесь от немытых фруктов.

Зачастую чтобы всего-навсего вежливо попросить ее: «Пожалуйста, не делай то-то и то-то».

Несмотря на категорический отказ иметь что-либо общее с демократией («зачем-еще-нужен-король-а-если-он-где-ошибется-так-мы-его-сразу-поправим!»), слуги из жителей Ланкра получались неважные. Да, они могли готовить еду, копать землю, стирать белье, дворцевать, лакировать, но состояние прислуживания было абсолютно чуждо менталитету среднего ланкрца. Тем не менее король Веренс с пониманием относился к данной проблеме и не сказал ни слова, когда Шон пригласил гостей в обеденный зал криком: «Знатный харч! Навались, пока не остыло!»

За исключением почтовых переводов, к которым прилагались записки примерно одинакового содержания: «Дорогие мам и пап, в Анк-Морпорке у меня неплохие дела, за эту неделю я заработал(а) целных семь долларов...»

В свободное от всех прочих занятий время матушка Ветровоск увлекалась так называемым Заимствованием, то есть она перемещала свой разум в голову какого-нибудь существа и некоторое время путешествовала там. Согласно мнениям знатоков, за последние несколько веков матушка считалась наиболее искусной в данном виде ведьмовства в Овцепикских горах – она была способна проникнуть даже в разум существа, фактически *не обладавшего* разумом.

На практике же это означало, что в Ланкре жестокость к животным, которая считается одной из отличительных черт всякой сельской идиллии, практиковалась куда реже, чем где-либо еще. Ведь крыса, в которую ты сегодня бросил кирпич, вполне могла оказаться ведьмой, к которой ты завтра обратишься за лекарством от зубной боли.

А еще это означало, что человек, навестивший матушку без приглашения, вполне мог обнаружить на полу хижины ее холодное и безжизненное тело. Табличка предназначалась именно для того, чтобы предотвратить неизбежную панику и всяческие треволнения.

Для короля Веренса был очевиден тот факт, что армия королевства Ланкр будет малочисленной и ничтожной, даже если он соберет под ружье все взрослое население, поэтому он искал другие способы занять достойное положение на военной карте Плоского мира. Именно Шону пришла в голову идея о ланкрском армейском ноже, совмещавшем полезные в боевых условиях инструменты и приспособления. Научно-исследовательские работы продолжались уже несколько месяцев. Столь незначительные успехи объяснялись во многом тем, что в осуществлении этого единственного оборонного проекта деятельное участие принимал сам король, и Шон до трех раз в день получал записки с предложениями по усовершенствованию конструкции. Как правило, королевские предложения звучали примерно так: «устройство (достаточно маленькое) для поиска потерянных вещей» или «затейливое приспособление в виде крючка для различных целей». Некоторые заявки Шон дипломатично внедрял в жизнь, но большинство записок просто-напросто «терял» (насколько это позволяла наглость). В противном случае ему пришлось бы создать единственный в мире карманный нож на колесах.

Лейтмотив Гильдии Цирюльников-Костоправов.

На крайне редких картах Овцепикских гор первая буква Убервальда изображается весьма странно, то есть как «Ъ», но жители Ланкра никогда не обращали внимания даже на знаки ударения, не говоря уж о каких-то двух лишних точках над буквой, которые обязательно скатятся и где-нибудь потеряются.

Жители Ланкра придерживались очень твердых убеждений: всякий религиозный обряд должен вестись на каком-нибудь древнем и, соответственно, непонятном языке, иначе и не обряд это вовсе.

Отличаясь весьма оригинальным подходом к подбору имени, в данном вопросе жители Ланкра чаще руководствуются принципом «звучит – не звучит». Некоторые ланкрские имена лишь выглядят вполне подходящими и логичными, на самом деле это чистое совпадение. К примеру, по улицам королевства вполне могла ходить Хламидия Ткач, если бы ее мать вдруг не решила, что имя Салли произносить куда проще.

Король Веренс давно мечтал о том, чтобы кто-нибудь сочинил государственный гимн Ланкра, возможно восхваляющий растущие тут прекрасные деревья, и даже назначил небольшую награду. Однако нянюшка Ягг обвинила его в напрасном разбазаривании государственных финансов, поскольку у всех государственных гимнов только один куплет, вернее, у всех гимнов один и тот же второй куплет, состоящий из таких слов, как «нур... хнур... мур... нур-нур, хнур... нур... нур-хнур», которые поются до тех пор, пока кто-нибудь не вспомнит последнюю строку первого куплета, которую и орут все до единого во всю мощь своих глоток.

Ланкрское сленговое выражение. В обществе, которое в своем развитии уже миновало стадию выгребных ям и засыпных сортиров, было бы использовано иное выражение. К примеру, «дергаешь мою цепочку».

Историки зачастую недооценивают роль нижней части кишечника в национальном развитии стран.

На правой руке Игоря было целых два больших пальца. Как он сам выразался: если штука такая полезная, почему не пришить две?